

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 6105 128 546 061

714

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Aug. 12. 1904
No. 12 m. 4

ТРАНСКОЕ

ЖУРНАЛЪ

T. VII. 20
3345 XIV. m II

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ ; чшобы по напечатаніи предсшавлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Окшября 5 го дня 1833 года.

Ценсоръ Алексій Болдыревъ.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STACK
JUN 15 1967

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

О ПРЕДМЕТАХЪ И НАСТОЯЩЕМЪ СОСТОЯНІИ
ЭКОНОМІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ.

(В. П. Андросова.)

Изучая исторію гражданскихъ обществъ, мы замѣчаемъ нѣ многообразныя измѣненія, кои съ теченіемъ времени совершаются въ вещественномъ ихъ бытѣ, политическомъ устройствѣ и умственномъ состояніи. Народъ во всякое данное время состоитъ изъ единицъ; но мысль, идея, проникающая весь составъ сей массы, дающая ему движеніе, жизнь, измѣняется непрерывно. Поколѣнія, слѣдуя одно за другимъ, дѣлаясь участниками жизни общественной, находясь общошпельства, непосредственно образующіяся, кошорыя, мало помалу, произраждають понятія, мысли, для предшествовавшихъ поколѣній не-

Телеск. Ч. XVI.

существовавшихъ. Идемъ сѣмъ, приобретши зрѣлую ясность и догматическую важность, разлившись до ошдаленныхъ предѣловъ народнаго смысла, спановившя въ свою очередь факторами послѣдующихъ событій, силою, раждающею внутреннее соотношеніе спихій общесва. Эту непрерывающуюся измѣняемость, эпошу неказбжный, неудержимый ходъ въ жизни полишической народа, называющъ въ наше время довольно выразишельно, хощя и не совершенно точно, *развитіемъ гражданственности*. Черша, или спепенъ, до кошорой доспигли въ наше время различныя гражданскія общесва, внимашельно разсмошрѣнная, ошкрыла шакія свѣдѣнія, и ѳ шакихъ полишическихъ предмешахъ, кошорыя до эпохи образования сей спепени, или, шолько-чшо зачавшіяся, не могли бышь замѣчены, или, и бѣльшая часпъ, вовсе не были извѣспны. Полишическія событія, возникшія изъ движеній сего развишія, указали въ наше время, между прочимъ, и на шо, какое важное учаспіе въ судьбѣ народовъ производить мѣра шѣхъ средствъ, кошорыми они въ сосшояніи располагають для удовлешворенія разнообразныхъ часпныхъ и обще-

существенныхъ потребностей, и какое окончательное, рѣшительное вліяніе имѣетъ она на благо и бѣдствія народныя. По свойству сихъ событій, не трудно было замѣтить, что мѣра и количество сихъ средствъ составляютъ прямую и относительную силу государства; а потому, это естественно должно было навести умъ на изслѣдованіе источниковъ сихъ средствъ; на причины, ускоряющія или задерживающія образованіе оныхъ; на тѣ законы, по коимъ сіи средства распределяются между членами общества, и наконецъ на тѣ мѣры, какія можно принимать, при различныхъ положеніяхъ общества, чтобы управлять движеніями сихъ средствъ, усиливать ихъ, умножать, возраждать.

Совокупность свѣдѣній, относящихся къ сему предмету, образовала въ наше время науку, названную *Экономіею Политическою*.

Необъяснимое множество предметовъ, входящихъ въ кругъ сихъ свѣдѣній, не довольно еще въ сущности изслѣдованныхъ; мощное вліяніе на нихъ политическихъ событій, измѣняющихъ часто понятія объ оныхъ; самое разнообразное состояніе сихъ предметовъ по различнымъ степенямъ граж-

даншвенности ихъ обществъ, въ копорыхъ они были наблюдаемы и, наконецъ, недоспапочная еще сумма факповъ для того, чпобы соспавишь изъ нихъ опвлеченіе, могущее служишь неизмѣннымъ правиломъ въ наукѣ, суть причины, по коимъ Экономія Политическая до сихъ поръ не обрабопана еще въ общепринятой, спрогой формѣ науки. Конечно, никто уже въ наше время не сомнѣвается въ дѣйствительной самоспопашельности содержания сей науки; но оно не утверждено еще общимъ признаніемъ ученыхъ въ его предѣлахъ; въ размѣщеніи опдѣленій нѣтъ еще послѣдовательнаго, обще-наблюдаемаго хода; и въ большей части самыхъ основныхъ положеній, изъ копорыхъ должны бышь выведены окончательныя заключенія, сущеспвующишь только опдѣльныя мнѣнія, болѣе или менѣе уважаемыя по признаваемой знаменитости ученыхъ, коимъ сіи мнѣнія принадлежатъ, но не возведенныя еще на степенъ догматической неоспоримости а).

а) Nous n'avons encore que des systèmes d'économie politique, ou des écrits plus ou moins précieux sur cette science. (DES SYSTÈMES D'ÉCONOMIE POLITIQUE... par M. С. N. GAILLIE, sec. ed. Paris. T. I.

Экономія Политическая, будучи, какъ мы уже сказали, въ насшощемъ своемъ сошощаніи указашелемъ дѣйствительной спешени развишія гражданспвенности, образована ходомъ эшаго же самаго развишія. Новый Европейскій политическій міръ, возникшій изъ обрушившихся разнородныхъ формъ среднихъ вѣковъ, имѣя въ основаніи гражданской жизни своей совершенно другія спихійныя начала, нежели какія имѣ-

préface xj.).. Cinq écrivains (Смитъ, Бухананъ, Мальтусъ, Рикардо и Сэй) sont entièrement divisés sur tous les points sur lesquels M. Say prétend qu'ils sont d'accord (ib. x.). Dans une science telle que l'économie politique, il ne faut pas s'attendre à trouver un assentiment universel à toutes ses propositions importantes; et cependant, pour les apprécier à leur juste valeur, et pour qu'elles puissent servir de règle de conduite, il serait fort à désirer, et même presque nécessaire qu'une majorité considérable des personnes, qui, par l'étude qu'elles ont faite de ces matières, sont regardées par le public comme devant être les juges les plus compétens, pût s'accorder sur la justesse de ces propositions fondamentales (PRINCIPES D'ÉCONOMIE POLITIQUE, CONSIDÉRÉS SOUS LE RAPPORT DE LEUR APPLICATION PRATIQUE, PAR M. T. R. MALTHUS... traduits de l'anglais par M. T. S. CONSTANCIO. Paris. 1820. T. 1. introd. viij, ix.). Сэй, при вшоромъ изданіи своихъ *Начальныхъ Основаній Политической Экономіи* (Русской переводъ, предис. II и III) говорившъ, что „въ оное вошши нѣкошорыя правила, кои ушвердились уже послѣ (??) .перваго изданія.“

да жизнь древнихъ обществъ, необходимо долженъ былъ и въ измѣненіяхъ своихъ принимашь совершенно другія формы, нежели Республики Греція или Римъ а). И по-тому, искашь коренныхъ основаній нашей науки въ писателяхъ древнихъ, жившихъ подь вліяніемъ совершенно другихъ идей, значило бы, отрицая существованіе предмета, претовашь свидѣній объ ономъ. Сколько можно заключить по оставшимся свидѣніямъ объ общественномъ бытѣ древнихъ народовъ, отношенія у нихъ между сославными частями гражданственности совершенно имѣли другое значеніе, нежели въ настоящее время; а потому и сред-

а) *Essai sur l'histoire de l'économie politique des peuples modernes jusqu'au commencement de l'année 1817. Paris, 1818. 2 vol. in 8°.* Книга замѣчательная, хотя и нельзя согласиться со всеми заключеніями автора. Le traité, говорившъ оны въ введеніи, qu'on présente au public s'occupe des idées qui ont fait naître l'état actuel de l'économie générale et qui le modifient chez les différentes nations. Авторъ принимаетъ при рода управленія (régime), образовавшаго полимическое сословіе новыхъ народовъ, въ какомъ они теперь находятся. Régime chinois, древнѣйшее, Азіатское; régime, происшедшее оны вліянія идей Христианства въ Европѣ и Магомеданской религіи въ Азій и Восточной Африкѣ; и régime germanique, древнее, коренное Европейское.

ства идеальныя и вещеспвенныя , необходимаа принадлежность и указатель жизни народной, располагались хоти по шгьмъ же побужденіямъ , какъ и въ наше время , но по другимъ соображеніямъ , подъ управленіемъ другаго порядка вещей , и слѣдспвенно правила или опвлеченія , извлеченныя изъ древнихъ фактовъ , не могутъ войти въ число положеній науки современной , по крайней мѣрѣ безъ значительныхъ оговорокъ и ограниченій а). Припомъ

-
- а) De l'économie politique et rurale des Egyptiens et des Cartaginois ; par L. Рейнье. Paris. 1825. 1 vol. in 8°. Егѡ же : De l'économie politique et rurale des Perses et des Pheniciens. Lausanne. 1819. 1 vol. in 8°. De l'économie politique et rurale des Arabes et de Juifs. Genève. 1820. 1 vol. in 8°. De l'économie politique et rurale des Celtes, des Germains et des autres peuples de l'Europe. Genève. 1818. 1 vol. Сочиненіями сими Рейнье оказала существенную услугу исторіи Полит. Экономіи. Ученость и долговременное пребываніе автора въ Испаніи , Италіи и Египтѣ , доставила ему возможность собрать и повѣрнть множеспво свѣдѣній , относящихся къ его предмету. Рейнье особенно того мнѣнія , что земледѣліе находишся въ самомъ пгьсномъ соотношеніи съ управленіемъ и государспвеннымъ посшановленіями. Превосходное сочиненіе Бека : Économie politique des Athéniens, ouvrage traduit de l'allemand de M. AUG. ВАСКИ , de l'Academie de Berlin, par A. LALIGUAT, Paris. 1829. 2 vol. еще очевидно показываетъ , какъ древнія формы граждан-

мнѣніе общедѣльное, безъ соотношенія съ началами и заключеніями, въ системѣ, важности особенной имѣть не можетъ. Шпоркъ, указывая на мнѣнія древнихъ о нѣкоторыхъ предметахъ Экономіи Политической, сходныхъ съ ученіемъ науки въ настоящее время, какъ по: мнѣнія Аристотеля (Пол. кн. I) о монетѣ, Ксенофонта изъ Киропедіи и Платона изъ Республики о раздѣленіи работъ, справедливо замѣчаетъ всю неудовлетворительность общедѣльныхъ сихъ мнѣній а).

Новое политическое устройство Европейскихъ обществъ возникло тамъ же,

существенно существенно различествовали опыты новыхъ. Такъ, напримеръ, въ случаѣ исполненія народныхъ сокровищъ, прибѣгали къ морскимъ разбоямъ, и шутъ уже не щадили ни враговъ, ни друзей; или, произвольно, принуждали богатыхъ гражданъ жертвовать всѣмъ ихъ состояніемъ. Liv. IV.

- а) Cours d'économie politique, ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Ouvrage qui a servi à l'instruction de LEURS ALTESSES IMPERIALES, les GRANDS-DUCS NICOLAS ET MICHEL par HENRI STOLCI. S. P. Bourg 1815... 6 vol. in 8°..... Telle qu'elle se trouve indiquée dans les passages que je viens de citer, elle n'a fait aucun impression; des siècles se sont écoulés sans qu'on y ait donné la moindre attention, quoiqu'elle se trouvât contenue dans des ouvrages que les Anciens et les Modernes n'ont cessé de lire et de méditer. T. VI. p. 10.

гдѣ исчезли послѣдніе слѣды древняго, но давленнаго превозмогшими началами общечивеннаго бытїа Азіатскихъ пришельцевъ. Образовываясь мало помалу, вырывалось постепенно изъ подъ гнѣву злоупотребленій католицизма, оно раскрывало одинъ вопросъ за другимъ; раздражало внимательность; давало пищу изслѣдованію; связывало рѣшеніе сихъ вопросовъ съ судьбою людей и, такимъ образомъ, вызывая на поверхность умы избраннѣйшіе, соспавило необъятную сумму понятій, изъ коихъ очевидныя, оказавшіяся соотвѣтствующими неизмѣннымъ прѣбваніямъ природы челоука, соспавили уже понятія основныя, правила въ наукѣ.

Ходъ, нами очерченный, не могъ бытъ скоръ. Кромѣ естественныхъ причинъ, его задерживали еще причины, имѣющія свои начала въ своекорыстїи челоука. Нужно было время, содѣйствіе безчисленныхъ событий и установившійся уже порядокъ вещей, чтобы вызвать къ жизни многія понятія, до ешаго времени даже непредчувствованныя общимъ народнымъ смысломъ. Мнѣнія, такъ спокойно и опкровенно изложенныя Адамомъ Смитомъ, о различныхъ секпахъ вѣроисповѣданія, могли ли суще-

символизируются въ вѣкъ вѣрованія въ Папскія индульгенціи, или бытъ сказаны при прескѣ инквизиціонныхъ коспровъ въ Испаніи? Хотя онѣ высказаны не въ духъ кощунствующаго легкомыслія нѣкопшорыхъ Французскихъ писателей прошедшаго столѣтія, но съ числшмъ, безукоризненнымъ желаніемъ общеспвенной пользы. Основанія, которыми Экономисты нашего времени повѣряютъ доходы и расходы общеспвенные и ихъ назначеніе, которыми признается нужда и время налагать какія-либо новыя подати на народъ, вести войну или оканчивать ее, могли ли входить въ систему управления Лудовика XI, или бытъ руководствомъ какого-нибудь Азіатскаго Властелина? Идеи суть выраженіе времени, и какъ не лзя жить внѣ своего времени, такъ и въ идеяхъ не лзя опередить свой вѣкъ, особенно въ наукахъ, основывающихся на опытноспи.

А потому первыя понятія Экономіи Политической, образовавшіяся въ государствахъ коммерческихъ, преимущественно въ Испаніи и Англіи, необходимо должны были относиться все къ торговлѣ. Дѣйствительно, первые писатели о семъ предметѣ, увлеченные видимостію событий, при-

писали причину народного богатства металламъ, получаемымъ при вывозѣ произведеній почвы и промышленности. Въ иностранной торговлѣ, въ которой болѣе иностранцамъ продается, нежели сколько отъ нихъ получается, они видѣли исключительный источникъ народного благосостоянія. Предполагали, что излишекъ опущка привоза доставляетъ государству наличную монету. Система сія, безъ подробныхъ изслѣдованій, была принята всеми первыми писателями объ Экономіи Политической въ Испаніи, Англіи, Испаніи и Франціи въ XVI, XVII и до половины XVIII столѣтія а). Опровергаемая силь-

а) Въ Англіи: RALEIGH — Опытъ о Торговлѣ, въ 1595 году; EDUARD MISSELDEN — Кругъ Торговли, въ 1623 году; ROBERTS — Коммерческое Богатство, въ 1641 г.; THOMAS MUN — Сокровища Англіи для Иностранной Торговли, въ 1664 г.; FORTREU — Выгоды и Улучшенія Англіи, въ 1664 г.; DAUENANT, въ сочиненіи своемъ относительно Торговли и Доходовъ Англіи, р. 16, 1696 г.; MARTIN — въ соч. Главный Инспекторъ Таможень или Англійскій Купецъ, въ 1713 г. — Въ Голландіи: Recueil de piéces concernant l'économie politique du Royaume des Pays-Bas, par GILBERT CHARLES VAN NOBENDORP. La Haye. 1820. 1 vol. in 8°. Авторъ, много участвовавшій при политическомъ возстановленіи Голландіи, соединилъ въ семь Recueil различные забытыя сочиненія своихъ соотечественниковъ о Политической Экономіи. — Въ Испаніи:

НО ПИСАТЕЛЯМИ ПОСЛѢДУЮЩИМИ, ОНА, ОДНАКОЖЕ, ДОЛГО ЕЩЕ ПРЕОБЛАДАЛА, И ДАЖЕ ПЕ-

Bibliothèque espagnole économique-politique, par DON JEAN SEMPRE GUARINOS, ancien procureur du Roi à la cour royale d'appel à Grenade. Madrid 1821. 4 vol. in 8°. Авторъ помѣстилъ въ сей книгѣ сочиненія многихъ Испанскихъ писателей, писавшихъ объ Экономіи политической въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. — Во Франціи духъ сей системы можно видѣть изъ учрежденій, изданныхъ при Ришелье и Колбертъ. — Сочиненія Италіанскихъ писателей того времени собраны и издалъ СУТОВИ подъ названіемъ: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte antica. 1803. Mayland. 7 vol. in 8°. По предположенію издашеля, собраніе должно состоять изъ 48 частей. Въ изданныхъ 7 томахъ помѣщены: 1. Breve trattato delle cause che possono far abbondare li regni d'oro e d'argento, dove non sono miniere con applicazione al regno di Napoli. Соч. АНТОНИО СЕВВА изъ Калабріи. Пониженіе вексельнаго курса съ многими торговыми мѣстами, авторъ предлагаетъ какъ единственное средство помочь народной бѣдности. По времени (1613), въ сочиненіи семь весьма много исполненныхъ началъ народнаго благосостоянія. 2. Discorsi e relazioni sulle monete del regno di Napoli. Соч. ГІАН ДОКАТО ТУВЛО, Неаполитанскаго Банкира и Директора монетнаго производства. 3. Lezione delle monete, соч. купца ВЕННАРДО ДАВАНЗАТИ (1606), разсужденіе, содержащее богатѣйшія ученныя изслѣдованія. 4. Notizia di Cambi, его же. Въ сочиненіи семь съ необыкновенною ясностію изложено ученіе о вексельномъ курсѣ. 5. Altitinoforo per far ragione e concordanza d'oro e d'argento, che servirà in universale, tanto per provvedere agli infiniti abusi del tosare e guastare monete, quante per regolare ogni sorti di paga-

перь соспавляетъ предразсудокъ въ умахъ какъ чашныхъ людей, такъ и цвалыхъ наредовъ и правительствъ: шорговля почтинаешся главнымъ средствомъ народнаго обогащенiя; а подъ шорговлею всь понижаютъ мѣну съ иносранными государствами.

Двйствiе, приписываемое сими начаами деньгамъ, ещешвенно заспавило пер-

menti e ridurre anco tutto il monde ad una sola moneta. Соч. Графа GASPARO SCARUFFI. 6. Breve istruzione. 7. Prospero e Digressione. Соч. ВЕРНАДИИО PRATISCOLL. 8. La recessa in consulta di Stato, trattato mercantile, ove simostrano con ragioni ed essempli antichi e moderni, e si spiegano le vere ragioni dell'emmentarsi giornalmente di valuta le monete; ei danni si del principe, come de sudditi che ne succedono, co'modi di preservarne gli Stati. Соч. GERMINIANO MONTANARI (род. 1633 — ум. 1687) изъ Модены. 9. Breve trattato del valore delle monete in tutti gli Stati. Его же. 10. Trattato di tributi. Соч. CARL ANTONIO BROGGIA. Разсужденiе, написанное съ обширными познанiями о предметъ. 11. Trattato delle monete considerate ne'rapporti di legitima riduzione di circolazione e de deposito. Его же. 12. Osservazioni sopra il prezzo legale delle monete e le difficultà di presinarlo e di sostenerlo, съ принадлежащими къ нему Documenti. Сочиненiе сие заключаетъ различныя разсужденiя комисси, соспавленной по желанiю Императора, Короля Сардинскаго и Великаго Герцога Тосканскаго, чшобы сколько возможно сблизить въ dospoinствѣ монеты, обрашавшыся въ ихъ владѣнiяхъ. Комиссиа существовала въ 1750 году. Osservazioni соч. Ромго НЕВИ, Президента сей комисси, Флорентинца.

выхъ писателей наблюдашь ихъ въ движеніи, дѣленіи, въ ихъ обращеніи, особенно въ помъ вліяніи, которое они могутъ имѣть на частныя и общественыя отношенія. Италіянскіе писатели XVI и XVII столѣтій, оказали существенную услугу наукъ по сему предмету.

Въ то же время образовалось въ Англіи мнѣніе, что богатство состоитъ въ уменьшеніи проценсовъ на капиталы а), и какъ мнѣніе сіе ни кажется мало-основательнымъ, но въ Англіи правительство, почти около двухъ столѣтій, вѣрно слѣдовало оному, направляя по немъ свои виды, предпріятія и хозяйственныя распоряженія. Банкъ, касса погашенія долговъ, торговыя общества, кредитъ: все было разчисляемо на основаніи выгодъ, доставляемыхъ убавленіемъ проценсовъ.

Между тѣмъ, Дюто (Dutot) б) во Франціи и нѣкоторые Италіянскіе писатели в) очевидно доказали, что деньги при мнѣ дѣйствующъ только цѣнною мѣшалловъ

а) THOMAS CULPERE (1641), JOSIAS CHILD (1678), SAMUEL LAMB-FOR (1657), PATERSON (1694), BARNARD (1714).

б) *Réflexions politiques sur les finances.*

в) MONTANARI, BROGGIA, GALIANI, NERI, CARLI, GENOVESI, BECCARIA, BANDINI, VASCO CORNIANI.

въ нихъ заключающихся и при извѣстной спешени совмѣстничества; и что, упустивши изъ виду при соображеніи эпошъ коренной законъ денежнаго обращенія, какъ частныхъ лица, такъ и государства всегда подвергающа важнымъ поперямъ.

Подобныя изслѣдованія дали другое направление наукъ; онѣ доказали, что золото и серебро, считавшіяся до того времени истиннымъ богатствомъ, не что болѣе, какъ средства, орудіе, помощію коихъ производится передача а). Мнѣнія сіи открыли путь къ новымъ изслѣдованіямъ о свойствѣ богатствъ б). Видя въ шор-

а) La moneta non è ricchezza ma imagine sua ed istrumento di raggiarla. GALLIANI, della moneta.

б) So nach giebt es nur Eine gemeinschaftliche Quelle von Reichthum, die Erde; es giebt nur Eine Arbeit, die Reichthum erzeugt, die Arbeit am Landbau oder die Landwirthschaft; es giebt nur eine Anwendung des Reichthumes; die den verzehrten Reichthum aufs neue hervorbringt, den Vorschuss auf den Landbau, (oder die Kosten, die man anwendet, das Land ferner zu bauen). In allem Uebrigen erblicken wir weiter nichts mehr, als Consumption, Vertheilung, Ausgabe, Umlauf, und Veränderung der Form ohne Vermehrung an Gütern, weil allein der Mensch arbeitet, und seine Arbeit nicht weiter fruchtbringend ist, als nach Maassgabe des Grundes und Bodens, woran er seine Arbeit verrichtet. Des Herrn LE-TROSNE, Lehrbegriff der Staats-Ordnung, oder Entwicklung des von D. FRANZ QUESNAY erfundenen Physiokratischen Regierungs-

говлѣ только мѣну, но не производивша предметовъ; разобравши различные роды промышленности, преобразующей только предметы уже существующіе, но также не производящей, Ученые, естественно, обратились къ природѣ, къ этой силѣ вѣчно живущей, непрерывно дѣятельной, безконечно производящей. Присвоивши понятію: *производитъ* смыслъ чисто физическій, они необходимо должны были принять производимость земли исключительнымъ источникомъ произведеній, которыми человекъ можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ и желаніямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ искусства и работы, посредствомъ коихъ сія произведенія получаютъ свою дѣятельность, исключительно производимыми. Оказалось, что по сему спорогому, одно-стороннему положенію, всѣ другія занятія ума и работы отчислялись къ занятіямъ не производительнымъ; и что одинъ только излишекъ въ произведеніяхъ пропаву того, что употреблено на приобретение оныхъ, есть истинное приращеніе имущественнаго бо-

гашсшва ; и что имъ шолько можно уси-
лить сумму работъ ; оплачивая потреб-
ныя по сему издержки , производя улуч-
шенія и увеличивая какъ частное такъ и
общественное богатство а).

а) Quelle est la source de tant de misère et de pauvreté ? La voici : quantité d'hommes et de femmes s'occupent à des choses qui ne tiennent en rien aux commodités de la vie ; une infinité d'autres passent leur existence dans un état d'oisiveté. Voilà des individus qui consomment évidemment les objets de première nécessité que des gens plus laborieux ou plus utilement occupés auront recueillis à la sueur de leur front. Je vais développer mon idée. Par exemple, c'est du sein des eaux et de la terre que nous tirons , à force de travail, les premiers élémens de nos richesses. J'ai de la terre, je recueille du blé : si je nourris avec mon blé une famille qui ne fasse rien, mon blé sera mangé, et je ne serai pas ; à la fin de l'année, plus riche que je ne l'étais au commencement ; mais si, tandis que je nourris mes enfans, j'occupe les uns à filer, les autres à fendre du bois ; ceux-ci à charpenter, ceux-là à cuire des briques ; la valeur de mon blé me restera, et au bout de l'année nous serons tous mieux vêtus et mieux logés. Mais au lieu d'employer l'homme que je nourris à faire des briques, supposons que je l'occupe, pour mon plaisir, à jouer du violon, le pain qu'il mangera sera perdu, et il ne me restera rien de son travail pour augmenter en quoi que ce soit ou les richesses ou l'aisance de ma famille ; conséquemment mon joueur de violon m'appauvrira, à moins que ma famille ne travaille davantage, ou ne mange moins pour me

Понятія и мнѣнія, испекающія изъ сихъ началъ, образовали особенную систему въ наукѣ, названную *физиократическою*, въ противоположность предшествовавшей, *меркантильной*. Физиократія, представляя уму понятія ясныя, основанныя на вычисленіяхъ и, слѣдственно, доступныя умамъ самымъ посредственнымъ, высоко оцѣняя все по участвію, какое классъ вездѣ многочислѣннѣйшій, но вездѣ и бѣднѣйшій, земледѣльцы, имѣющъ въ сосавленіи и образованіи общественнаго богатства, произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ, и во многомъ дѣйствовала на измѣненіе политическихъ отношеній сосавныхъ частей государственной организаціи. Но возникшая и раскрытая въ государствѣ обширномъ, почти земледѣльческомъ, система сія естественна должна была встрѣпиться противорѣчія въ Испаніи и Англіи, гдѣ, по мѣстнымъ и политическимъ причинамъ, идеи меркантильныя сдѣлались почти аксіомами. Это объясняетъ: отъ чего, при всей своей извѣстности, она не нашла по-

dédommager de la perte qu'il m'aura occasionnée.
Corresp. inédite et secrète du D. B. FRANKLIN. Paris.
M. DCCCXVII. I. 152.

слѣдовашелей въ государствѣхъ, спользующихъ тогда выше Франціи относительно политическихъ знаній. Ученіе Кенеза а), Дюпона - де - Немуръ б), Тюрго в) и Трона г), опозвалось слабо въ Италіи д) и нѣсколько замѣннѣе, по сходству, можетъ быть, причинѣ, въ Германіи е). Духъ меркантильнаго ученія превозмогъ: оно получило въ это время систематическое образованіе. Спьюарсъ въ Англіи ж)

-
- а) *Tableau économique avec son explication*. Versailles, 1758.
- б) *La Physiocratie*. Yverdun. 1768. 6 vol.
- в) *Récherches sur la nature et l'origine des richesses nationales*. Paris. 1774.
- г) *De l'ordre social*. Paris. 1777.
- д) *Discorso economico dell' archid. Bandini. . . Paolletti, dell' Ancona*.
- е) *Die wichtigste Angelegenheit für das ganze Publicum, oder die natürliche Ordnung in der Politik*, von J. A. SCHLETWEIN. Karlsruhe. 1776. 2th. — *Grundfeste der Staaten, oder die politische Oeconomie*. Giessen. 1779. и превосходный переводъ, со многими важными дополненіями и объясненіями, *L'ordre social Вихмана: Des Herrn Le-Trosne, Lehrbegriff der Staats-Ordnung, oder Entwicklung des vom D. FRANZ QUESNAY erfundenen Physiokratischen Regierungs und Staats-Wirthschafts-Systems*. Leipzig. 1780. — Къ этой же системѣ можно отнести и сочиненіе Шмальца: *Staats-wirthschaftslehre*. 3 Th. Berlin. 1813.
- ж) *Inquiry into the principles of political economy*. 3 T. London. 1767.

и Дженовези въ Испаліи а) раскрыл оное во всей подробности.

Эта односторонность и исключительность пошерялись поспешенно въ ученіи Адама Смита. Съ изданіемъ его *Исследо-
цій Свойства и Причинъ Богатства Народовъ* б), наука получила совершенно другое направленіе в). Разсмащривая торговлю

а) Lezioni di commercio ossia d'economie civile, 2 Par. Bassano. 1769.

б) An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations, by АДАМ СМІТЪ, LL. D. and F. R. S of London and Edinburgh: one of the commissioners of his Majesty's customs in Scotland; and formerly Professor of moral Philosophy in the University of Glasgow. The fourth edition, London. MDCCLXXXVI.

в) Lorsque Adam Smith écrivoit son ouvrage, le système agricole étoit prépondérant dans les livres les plus récents, et le système mercantile prédominoit dans l'opinion des peuples et des cabinets des souverains. Choisir entre ces doctrines, ou en introduire une nouvelle, ne lui étoit peut-être pas facile et n'eût pas assuré le succès de son ouvrage. Dans l'état où se trouvoit la science, le doute lui étoit permis, et on lui doit la justice de convenir que, s'il se déclara en faveur du système agricole, il ne négligea aucune des considérations qui pouvoient recommander le système commercial, et le faire en quelque sorte triompher de sa propre décision. Il renversa d'une main l'autel qu'il avoit élevé de l'autre, et se contenta de réfuter des erreurs funestes à la science.

только как *мѣну*, а производимость природы как *средства* составленія произведеній, Смидтъ обратился къ тому: что эти средства направляешь къ произведенію того или другаго предмета, и что можешь цѣнашь оборотъ торговли? и принялъ основаніемъ, что *работа* или *трудъ* есть необходимое начальное условіе для того, чтобы какой нибудь предметъ получилъ для насъ значеніе цѣнности а). Въ этомъ, и всегда только въ этомъ смыслѣ, онъ приписываетъ работѣ производительную силу (*the product power*). Основаніе сие, строго разобранное въ его составныхъ понятіяхъ, указало глубокомыслию автору безчисленные заключенія. Преслѣдуя условія, чѣмъ еще производящая сила, можетъ быть распространена, увеличена и усовершенствована, Авторъ необходимо долженъ былъ основаніишься на *дѣленіи* ра-

ce, sans oser proclamer des vérités qui, en eussent assuré les progrès et les succès. — Des sys. d'écon. pol. et cet. par M. Ch. Gaultier, T. 1. p. 172.

- a) The annual labour of every nation is the fund which originally supplies it with all the necessaries and conveniencies of life which it annually consumes, and which consist always either in the immediate produce of that labour, or in what is purchased with that produce from other nations. p. 1.

бошы , на понятіяхъ современныхъ соспо-
 янію ремесль и искусствъ въ его время и
 въ его опечесствъ. Понятія сіи должны были
 сами собою представившся при первомъ глу-
 бокомъ взглядѣ его на механизмъ промышлен-
 носпи. И пошому важнѣйшее совершен-
 швованіе производящей силы работы Смигъ
 полагаешъ въ раздѣленіи оной (the division
 of labour).

Увеличеніе количества и качества
 цѣнныхъ предметовъ , симъ способомъ про-
 изводимое , измѣнило прежнія понятія объ
 образованіи цѣнности (value), произве-
 ло новыя о сущности и употребленіи
 капиталовъ , объ обширности мѣны , о на-
 сшоящемъ назначеніи денегъ , и возврапи-
 ло умшвеннымъ способностямъ право на
 производимоспъ , оспориваемое физиокра-
 тіею. По основаніямъ сей системы , по-
 спавляющей во главу угла свободное дви-
 женіе всѣхъ родовъ промышленности , она
 справедливо можешъ бытъ названа *инду-*
стриальною. Ученіе сіе проникло всюду ,
 хошя , по причинамъ разнообразнымъ , и
 мало еще допускаешся въ приложеніи пра-
 вительствами. Гарнѣ , переведшій со-

чиненіе Смита на Французскій языкъ а), и новѣйшіе издатели его въ Англіи, Давидъ Бухананъ и Мак-Кюллохъ, во многомъ пояснили и распространили сіе ученіе б). Конечно нельзя согласишься съ

а) *Recherches sur la nature et les causes de la richesse des Nations*, par Adam Smith, traduites par feu M. le Marquis GARNIER. Seconde édition, avec des notes et observations nouvelles. Paris. 1822. 6 vol. in 8°.

б) Бухананъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ новѣйшихъ Англійскихъ писателей объ Экономіи политической, считая бесполезнымъ повпорять въ систематическомъ сочиненіи слишкомъ уже извѣстныя положенія науки, издалъ Смитовы inquiry съ своими комментаріями и дополненіями, которыя составили цѣлую особую книгу, названную авторомъ: *Виды относительно Экономіи Политической*. Последнее изданіе шверенія Смита, сдѣланное Мак-Кюллохомъ, въ Лондонѣ, въ 1827 году, обогащено превосходными замѣчаніями издатели и біографіей автора. Между Нѣмецкими комментаріями ученія Смита первое мѣсто занимаетъ Краусъ: *Staatswirthschaft, nach der Wfrs Lode herausgeg.* von D. AUERSWALD. 5 T. Königsberg. Благодаря посвященному Министру, сочиненіе Смита переведено и на Русской языкъ: *Изслѣдованіе Свойства и Причинъ Богатства Народовъ. Твореніе Адама Смита. Перев. съ Англійскаго Николая Политковскаго. СПб. 1802. 6 част. in 8°*. Книга, дѣлающаяся уже рѣдкою. Изъ посвященія можно видѣть, что переводъ сдѣланъ по распоряженію Гр. Ал. Ив. Васильева. Переводъ во многихъ мѣстахъ не довольно вѣренъ и вразумителенъ; также нѣтъ нѣкоторыхъ

знаменитымъ Пишпомъ, чшобъ Адамъ Смитъ рѣшилъ уже всѣ вопросы Экономіи Политической а); но не лзя также и не признавъ его истиннымъ основателемъ науки.

Ученіе Смита, переданное Франціи, возбудило въ ней общее вниманіе. Институтъ, въ 1801 году, желая подвергнуть почтѣйшему изслѣдованію положеніе физіократовъ, чшо земля есть исключительный и единственный источникъ всякаго богатства, и пошому она одна должна нести и пласить налога, предложилъ рѣшить: „дѣйствительно ли въ государствѣ земледѣльческомъ всякій налогъ падаетъ на

дополненій, помѣщенныхъ въ послѣдующихъ изданіяхъ подлинника; перцины, употребленные переводчикомъ, теперь болшею частію оставлены: совсѣмъ штъ книга сія есть драгоценностьъ въ нашей Литтературѣ.

- а) Пишпъ въ рѣчи своей въ Парламентѣ, 1792 года, Февраля 17: „Un de nos plus célèbres auteurs qui malheureusement n'existent plus, nous donne dans son ouvrage sur la Richesse des Nations la solution de toutes les questions qui fait naître le système d'économie politique.“ Discours prononcés au Parlement d'Angleterre par S. C. Fox, et Pitt, trad. de l'angl. et publiés par MM. N. de J. et de Jussieu. Paris. 1819. T. III. p. 250.

владельцовъ земли а)?" Канаръ, рѣшая вопросъ, необходимо долженъ былъ, какъ онъ выражается, коснуться самыхъ основаній науки, и составилъ такимъ образомъ цѣлую книгу объ *Основаніяхъ Политической Экономіи* б). Сочиненіе сіе, въ наше время почти забытое, при появленіи снискало обширную извѣстность. Не смотря на строгій, сжатый и математически-последовательный способъ изложенія, Авторъ въ коренныхъ основаніяхъ разделяетъ духъ ученія Смита, коша и говоритъ, что разсмащривалъ источникъ богатства съ новой точки зрѣнія в). Также работа принимается условіемъ всякаго произведенія; земля, кошорой не коснулась еще работа, не имевшъ, по его выраженію, ни какой цѣнности, такъ какъ и самобытныя ея произведенія, или, почтѣе, землю онъ при-

а) S'il est vrai que dans un pays agricole toute espèce de l'impôt retombe sur les propriétaires fonciers ?

б) Principes d'économie politique, ouvrage couronné par l'Institut National, dans sa séance du 15 nivose an IX (5 janv. 1801) par N. F. CANARD, ancien Professeur de Mathématiques à l'École Centrale de Moulin. Paris. An. X (1801). in 8°.

в) ...le nouveau point de vue sous lequel j'ai considéré la source de la Richesse. Av.p. p. 2.

маешъ за одно изъ орудій, копорымъ работа располагаетсяъ наравнѣ со всеми другими, произведенными промышленностію человека а). Ходъ, распространение, усовершенствование и состояніе Политической Экономіи во Франціи, съ 1803 года сливающся съ именемъ Сей. Посвятивъ оной всю свою жизнь б), онъ съ обширнѣйшими видами умѣлъ соединить плѣнительное, увлекающее изложение, самымъ опвлеченнымъ понятиямъ данъ почти осязаемую ясность и, аналогическими положеніями изъ другихъ наукъ, расширилъ предѣлы общенной. *Трактатомъ своимъ объ Экономіи Политической, изданнымъ въ первый разъ въ 1803 году в),*

- а) La terre qui n'a subi aucun travail, n'a pu dans le principe avoir aucune valeur, et son *produit spontané* n'en a pu avoir aucune également. p. 6. C'est ainsi que l'activité des uns et la foiblesse des autres ont accumulé dans un certain nombre de mains la plus grande partie du *travail exigible*, qu'on appelle *richesse*. p. 4. Авторъ различаетъ *travail naturel* et *travail appris*. p. 10. La terre est instrument dont le travail se sert, et dans ce cas elle doit-être considérée comme tous les autres instrumens créés par l'industrie humaine. 172.
- б) Quarante années se sont écoulées que j'étudie l'économie politique; et quelles années! Это сказалъ Сей еще въ 1825 году. Cours complet d'écon. politique. p. 114.
- в) *Traité d'économie politique, ou simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent,*

онъ далъ наукъ систематическій видъ. Остатанавливаясь на шомъ положеніи Смита, что только работа производитъ цѣнность (*valeur*), онъ разлагаетъ это понятіе точно такъ, какъ въ Физикѣ разсматривается тело, предметъ совершенно физическій; изслѣдуетъ, какъ по естественному ходу вещей сославляющіяся цѣнности; какъ онѣ распределяющіяся, и какъ потребляющіяся. Въ изъясненіи сихъ прехъ феноменовъ, Сей много измѣняетъ мнѣнія Смита. Вникнувъ въ прямое значеніе слова *творить*, онъ замѣчаетъ, что, собственно говоря, мы не можемъ ни шворить, ни уничтожать: мы только преобразуемъ вещь, доставляемъ имъ годность или способность удовлетворять нашимъ нуждамъ и потребностямъ, производимъ только полезность (*utilité*). Сими замѣчаніями онъ почти обозначилъ истинную сущность богатства. Смитъ, по его мнѣнію, слишкомъ уже много приписываетъ дѣйствія раздѣленію работы, и пошому, давши себѣ отчетъ въ

et se consomment les richesses. Сочиненіе сіе переведено почти на всѣ Европейскіе языки. Во Франціи оно было напечатано пять разъ. Последнее изданіе 1826 года, 2 t. Paris. Полагаютъ, что книги сей вышло болѣе 12,000 экземпляровъ.

этомъ вліяніи, которое онъ почитаетъ однакожъ весьма значительнымъ, Сей указываетъ истинные онаго предѣлы. Сильнѣйшее участіе въ произведеніи онъ мѣнѣ приписываетъ раздѣленію работы, сколько употребленію машинъ; и при этомъ замѣчаетъ, что употребленіе машинъ не что болѣе, какъ искусное только направленіе силъ природы. Слѣдъ проснѣмъ; но глубокимъ наблюденіемъ, онъ проложилъ истинную теорію этой мощной основы произведеній. Основанія сіи Сей раскрылъ до очевидности въ другомъ огромномъ, прѣвосходномъ своемъ сочиненіи: *Полномъ Курсѣ Политической Экономіи* а). Тушъ

а) Cours complet d'économie politique pratique; ouvrage destiné à mettre sous les yeux des hommes d'état, des propriétaires fonciers et des capitalistes, des savants, des agriculteurs, des manufacturiers, des négocians et en général de tous les citoyens, l'économie des sociétés; par S. B. SAY... Paris: 1828 in 8°. — L'économie politique n'est pas autre chose que l'économie de la société. Les sociétés politiques que nous nommons des nations, sont des corps vivans, de même que le corps humain. Elles ne subsistent, elles ne vivent que par le jeu des parties dont elles se composent, comme le corps de l'individu ne subsiste que par l'action de ses organes. L'étude que l'on a faite de la nature et des fonctions du corps humain, a créé un ensemble de notions, une science à laquelle

онъ даетъ объемъ наукъ новый, обширнѣйшій. Воспользовавшись глубокою мыслью Спвоарша, что гражданское общество не есть какое нибудь механическое, случайное или искусственное произведение, но живое органическое тѣло, имѣющее свою природу (*nature des choses*), онъ извлекаетъ изъ сей мысли чрезвычайно обширныя примѣненія, въ слѣдствіе коихъ полагаетъ, что Экономія Политическая поже имѣетъ предметомъ своимъ занятій относительно

on a donné le nom de *physiologie*. L'étude que l'on a faite de la nature et des fonctions des différentes parties du corps social, a créé de même un ensemble de notions, une science, à la quelle on a donné le nom d'économie politique. *CONSIDÉRATIONS GÉNÉRALES*, p. 1, 2. C'est la connaissance de ces lois naturelles et constantes sans lesquelles les sociétés humaines ne sauraient subsister, qui constituent cette *nouvelle science* que l'on a désignée par le nom d'économie politique (*). C'est une science parce qu'elle ne se compose pas de systèmes inventés, de plans d'organisation arbitrairement conçus, d'hypothèses dénuées de preuves; mais de la connaissance de ce qui est, de la connaissance de faits dont la réalité peut être établie. p. 5.

(*) Мысли сии раскрыты и другими Французскими писателями. *Recherches sur le mécanisme sociale de la France*, par M. МАЗЕТ. Montpellier 1822. Его же, *Théorie du mouvement social*. Paris. 1823.

изъясненій жизни гражданскихъ обществъ , что Физиологія относительно строенія чело-
вѣка ; а пошому первое свое опредѣленіе
въ *Traité* находить нешочнымъ , не доста-
шочнымъ и несоошвѣшшвеннымъ содера-
нію шого сочиненія а). Наука должна обняшь
всю систему, весь сосшавъ гражданшвенно-
шши, особенно шсь шого времени, какъ доказа-
но, что обладающе собшвенностями неве-
щешвенными, какъ шо: таланны личные и
приобрѣшенны способности сосшавляютъ
неошдѣлимую часть богашшвъ общешвен-
ныхъ ; и что служба въ самыхъ даже вы-
сокихъ должностяхъ имѣеть сходшво съ
работами самими прощонародными ; съ

-
- a) L'objet de l'économie politique semble avoir été restreint jusqu'ici à la connaissance des lois qui président à la formation, à la distribution et à la consommation des richesses. C'est ainsi que moi-même je l'ai considéré dans mon *Traité d'Économie Politique*, publié pour la première fois en 1803. Cependant on put voir dans cette ouvrage même, que cette science tient à tout dans la société. p. 7. On ne trouvera donc point ici (въ Курцѣ) des principes différens de ceux que je professés dans mes précédens ouvrages ; on y trouvera ces principes plus développés, éclaircis par une multitude d'applications ; portés, j'espère, jusqu'à l'évidence la plus irresistible et conduits jusqu'à leurs dernières conséquences. p. 114.

шого времени, какъ ясно установленны отношенія каждаго отдѣльно къ цѣлому обществу и общества къ его членамъ, умоурили, что Экономія Политическая, имѣвшая, по видимому, предметомъ однѣ имущества вещественныя, обнимаетъ вполнѣ всю сферу гражданственности“ а). Справедливостъ однакожь пребудетъ замѣнить, что признаніе личныхъ способностей и должностныхъ услугъ чашію богатства указано еще Смитомъ: онъ весьма опредѣлительно говоритъ, что „при насоящихъ успѣхахъ общества, философія или умоузнаніе спановится, подобно всякому другому упражненію, главнѣйшимъ, или единственнымъ промысломъ и занятіемъ особеннаго класса граж-

a) Depuis qu'il a été prouvé que les propriétés immatérielles, telles que les talens et les facultés personnelles acquises, forment une partie intégrante des richesses sociales, et que les services rendus dans les plus hautes fonctions ont leur analogie avec les travaux les plus humbles; depuis que les rapports de l'individu avec le corps social et du corps social avec les individus, et leurs intérêts réciproques, ont été clairement établis, l'économie politique, qui sembloit n'avoir pour objet que les biens matériels, s'est trouvée embrasser le système social tout entier, m. 7.

данъ“ а). Составивъ обширнѣйшее понятіе о содержаніи науки, Сей хошѣлъ бы замѣнить и самое названіе другимъ, болѣе сущности предмета соотвѣствующимъ: **Économie Sociale** б). „Мы хошимъ познать, говорить онъ в), живое гражданствен-ное шѣло; мы хошимъ знать природу и управленіе различныхъ органовъ, оное составляющихъ.“ Содержаніе, симъ опредѣленіемъ науки очерченное, необъяс-но г). „Она одна можетъ указать намъ ис-

-
- а) In the progress of society, philosophy or speculation becomes, like every other employment, the principal or sole trade and occupation of a particular class of citizen. An Inq. T. I. p. 16.
- б) Cours com. d'E. P. p. 2.
- в) Nous voulons connaître le corps social vivant, nous voulons savoir quelles sont la nature et les fonctions des différens organes dont il se compose. p. 8.
- г) L'économie politique peut seule faire connaître les vrais rapports qui lient les hommes en société; si elle décrédite les mauvaises institutions, elle prête une nouvelle force aux bonnes lois, à une bonne jurisprudence. Elle asséoit les droits de la propriété sur ses vrais fondemens; elle y rattache celle des talens, celle des clientelles, celle des inventions nouvelles. Elle fait connaître les principes du droit dans les questions que font naître l'intérêt des capitaux, le revenu des terres, les manufactures et le commerce. Elle montre dans quels cas les marchés son légitimes, c'est à dire, dans

инимые отношенія, соединяющія людей въ общества; сообщаетъ новую силу законамъ благимъ и справедливому судоправленію; утверждаетъ права собственности на истинныхъ основахъ, связывая съ ними права племени, покровительство и охраненіе новыхъ изобретеній. Она раскрываетъ начала права изъ вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи прибыли съ капиталовъ, доходовъ съ земель, выгодъ отъ мануфактуръ и барышей отъ торговли; указываетъ въ какихъ случаяхъ торгъ можетъ быть законнымъ, то есть: въ какихъ случаяхъ можетъ быть на торгу действительная цѣна, по которой совершается успука, или когда истинной цѣны нѣтъ. Она показываетъ, какъ важны искусства къ закону, ограждающіе занятія оными а). Она касается даже важности тѣхъ отношеній, которые установились между выс-

quels cas les conditions des marchés sont le prix d'une concession réelle, ou ne sont le prix de rien. Elle détermine l'importance des arts, et les lois que leur exercice réclame. p. 63.

- a) L'économie politique va jusqu'à apprécier l'importance des rapports qui existent entre les premiers d'un état et le corps social, entre la nation et les nations étrangères. 114.

шими членами общества и цѣлымъ обществомъ, между народомъ и народами иноземными.“ Желая сдѣлать науку возможно народною, Сей въ 1815 году издалъ: *Сокращенное Ученіе Экономіи политической*, совершенно переработанное во второе изданіи, въ 1821 году а). Мысль основную, что общество есть организмъ, есть естественное, природное состояніе чловѣка, а не какое-то условное, какъ нѣкоторые политики прошедшаго столѣтія предполагали; что чловѣкъ рожденъ для общества, и что настоящее, естественное состояніе его есть то, въ которомъ онъ раскрываетъ вполне все свои умственные способности, важнѣйшую часть его природы, Сей развилъ въ глубокомысленномъ, чрезвычайно ошвлеченномъ, сочиненіи *о Сущности Политической экономіи*, помѣщенномъ въ *Прогрессивной Энциклопедіи*

-
- а) *Catéchisme d'Économie Politique*, ou instruction familière qui montre de quelle façon les richesses ont produites, distribuées et consommées dans la société. Sec. ed. entièrement refondue et augmentée des notes. Paris. 1821 1 vol. in 8°. Сочиненіе сіе со втораго изданія переведено довольно хорошо и на Русскій языкъ.

дѣи а). Ганиль, хотя въ основныхъ положеніяхъ о торговлѣ и опспушаетъ эту теорію индустриальной, но опшно-идельно загляда на предметъ науки, вводи-маго правила: извлекаетъ основанія оной изъ фактовъ жизни гражданской, заслужи-ваетъ почешное мѣсто возлѣ Ся. Его *Теорія Экономіи Политической* и особенно *Системъ* оной суть явленія важныя въ об-дасци науки б). Эту же мысли служили основаніемъ другому, чрезвычайно важно-му, необыкновенно опвлеченному сочи-нію, писанному почти въ позже время *Графомъ Гоперивомъ* в). Соспарѣвшись на службѣ государственной, онъ, по его признанію, понималъ всю важность науки

а) Encyclopédie progressive ou collection de traités sur l'histoire, l'état actuel et les progres de connaissances humaines. Paris 1827.

б) Théorie de l'économie politique, fondée sur les faits résultants des statistiques de la France et de l'Angleterre; sur l'expérience de tous les peuples célèbres par leurs richesses et sur les lumières de la raison; par M. Св. ГАНИЛЬ. Paris 2 vol. in 8°. О системахъ Политической Экономіи Ганиля, я уже упомянулъ выше, с. 6.

в) Éléments d'économie politique, suivis de quelques vues sur l'application des principes de cette science aux règles administratives. Paris. 1817 in 8°. 1 vol.

сей для челоуѣка государственнаго и, по собщественнымъ ощущеніямъ потребности, хотѣлъ не только сочинить книгу, сколько, какъ онъ говоритъ, „сдѣлавъ опытъ проложитъ дорогу къ образованію, современемъ и съ поспешенными успѣхами, практической системы наблюдений, утвержденной на всей обширной совокупности соединенныхъ средствъ, неослабно въ дѣйствіяхъ наблюдаемой управленіемъ мощнымъ и просвѣщеннымъ“ а). Такъ понимая, онъ Экономію Политическую исключительно дѣлаетъ занятиемъ людей высшеслѣственныхъ: для всѣхъ другихъ наука сія, по его мнѣнію, чисто умозрительная б). По симъ же причинамъ и успѣхи

а) J'ai cherché à faire... un traité élémentaire, dans lequel je me suis sur-tout attaché à faire ressortir les rapports qui lient les diverses parties de l'administration publique aux divisions correspondantes de la théorie. C'est moins un livre, il faut le dire, qu'une tentative pour arriver un jour, et par des progrès successifs, à un système pratique d'observations, établi sur un grand ensemble de moyens combinés et persévéramment mis en oeuvre par une direction puissante et éclairée. p. xix.

б) L'économie politique est la science des administrations. Pour les hommes privés, elle est purement spéculative; pour elles seules, elle est pratique. Il suffit de voir ce qu'elle cherche, ce qu'elle étudie, ce qu'elle a en vue. p. xij.

науки исключительно зависяще отъ правительствъ, если она должна существовать на дѣлѣ, а не по одному только имени, въ какомъ видѣ, по его мнѣнію, она теперь находится а). Содержаніемъ книги Голперикъ, вмѣстѣ съ Сеемъ, признаетъ систему всѣхъ общественныхъ отношеній б). На основаніи своихъ началъ, онъ раздѣляетъ свои *Études* на двѣ части: въ первой излагаетъ теорію работы, денегъ (чрезвычайно остроумно), налоговъ (заключая оныя въ систему собственности), систему торговли; во второй: отношенія Экономіи Политической къ общественному управленію, и указываетъ средства связать оныя взаимными пользами успѣховъ одной и усовершенствованіемъ другаго в). Другіе, Фран-

а) Les administrations seules peuvent seconder utilement le zèle des propagateurs des principes de l'économie politique, et faire faire à cette science des progrès qu'elle ne fera jamais, tant qu'elle ne sera pas réelement et de fait ce qu'elle n'est aujourd'hui que de nom. p. xv.

б) Qu'on la suive à son début et dans le cours de ses travaux, on verra qu'elle embrasse dans son objet le système entier de tous les rapports sociaux. p. xij.

в) La première comprend deux sections: dans l'une je traiterai de la théorie du travail, de celle de l'argent, de celle de l'impôt dans le système de la

русскіе присащели излагали по же самое учение съ бѣльшими или мѣньшими подробностями, въ шомъ или другомъ порядкѣ, съ бѣльшими или мѣньшими услугами для науки. Сюда принадлежалъ : Дюпанъ, сдѣлавшій весьма хорошее сокращеніе ученія Смиша, въ коемъ онъ со всею точностію слѣдовалъ порядку Англійскаго ученаго; сокращеніе сіе содержитъ впрочемъ только результаты Смишовой книги, самыя же поникія умозаключенія, копорыя придають симъ выводамъ силу аксіомъ, авторомъ опущены; замѣчательно также и то, что не смотря на всю исключительность, съ какою Дюпанъ пользовался при составленіи своей книги твореніемъ Смиша, онъ не почелъ за нужное упомянуть о немъ а);

propriété ; dans la seconde section, je traiterai de ces mêmes théories dans le système du commerce. Dans la seconde partie du Traité, j'exposerai les rapports de l'économie politique avec l'administration publique, et j'indiquerai quelques moyens pour rendre ces rapports réciproquement avantageux aux progrès de l'une et au perfectionnement de l'autre. lb,

- a) Analyse raisonnée des principes fondamentaux de l'économie politique. Par S DUTENS, Ingenieur des Pont-et-Chaussées, et Membre de plusieurs Sociétés savantes. Paris. An XII (1804). in 8°.

Графъ Дессю Траассъ а), отдѣлившій для Экономіи Политической цѣлую, непервостепенную часть своей Идеологии; Каррьеръ-Низа, сынъ б), часною впрочемъ перемѣшивающій съ основаніями новаго ученія; и нѣкія школы Кеня, уже опровергнутыя; и многіе другіе, обработывавшіе отдѣльными частями науки, о коихъ я упомяну при разборѣ этихъ частей.

(До слѣдующей книжки.)

—*—*—*—

II.

ОБОРОТЕНЬ.

СУЕВѢРІЕ ВЕРРІЙЦЕВЪ.

(Ж. БИБЛІОФИЛА.)

Оборошни перешли къ намъ отъ Халдеевъ и народовъ пастушескихъ, которые безпрестанно должны были охранять свои стада отъ волковъ. Спрахъ, распространяемый сими кровожадными животными, бродившими по ночамъ вокругъ клѣ-

а) *Traité d'économie politique par M. le Comte Destut-Trassay, pair de France, membre de l'Institut de France, et de la société philosophique de Philadelphie, Paris, 1820. 1 vol. in 8°.*

б) *Principes d'économie politique par A. de Carrière-Nizas fils. Paris, 1824. 1 vol. in 12°.*

вошь, благопріиспівовалъ злодѣямъ, кои, нарицаясь въ свирѣпыхъ волковъ, грабили или удовольствовали своему ищению. Отсюда проискаешъ суевѣріе вошь въ кожь и народовъ, извѣстное подъ разными названіями или сопровождаемое разными обшюпшельствами, болѣе или менѣе осправными. Лукіанъ, Плиній, Виргилій, дуковные соборы и медики среднихъ вѣковъ ошмывали сихъ оборонней, проклинали, ошлучали ошъ церкви и лѣчили а). И доселѣ сіи площадные люди, кои какъ бѣшеные рыщутъ ночью, имѣя ошличпшельныя черпшы волчьей наптуры или въ образованіи головы, волосъ, рукъ и даже хвоста б) считающаюся дѣйствительнo существующими во многихъ частяхъ Франціи; Беррійцы же сохранили преданіе сіе во всей силѣ, потому что въ особеннoспи занимающаюся овцеводствомъ, кошорое соспавляетъ главное богатство сей невѣжеспвенной провинціи.

а) *Lycantrophie* дѣйствительнo есть болѣзнь, въ кошорой больной воображаетъ себя волкомъ. *Прим. Переводг.*

б) И въ Россіи есть повѣрье, что сія послѣдняя принадлежнoспь бываетъ особенно у женщинъ, кошорыя въ такомъ случаѣ слышатъ вѣдами. *Прим. Переводг.*

Назадъ пому нѣсколько лѣтъ, въ деревнѣ Ріанъ, бывшей во времена Юлія Цезаря большимъ городомъ Галліи, въ разстояніи пяти миль отъ Буржи, жило семейство оборотней; это были бѣдные ремесленники, копорымъ часто отказывали въ работѣ и хлѣбѣ, ибо невыгодное мнѣніе объ нихъ такъ давно укоренилось, что отецъ передавалъ его сыну. Семейство Симона Горда, которое безъ сомнѣнія было обязано сею дурною славой проказамъ одного изъ своихъ предковъ, не имѣло ни одного доброжелателя между соседними мѣщанами; ему приписывали всѣ несчастія, коихъ единственною причиною былъ случай.

Пожаръ ли испребишь ферму, разрушился ли житница подъ тяжестью хлѣба, развѣешь ли буря скирды въ полѣ, съядяшь ли черви муку, гибнешь ли скошина отъ эпидеміи, спрадаешь ли ребенокъ помилельною болѣзнію, родить ли женщина до срока, во всемъ громогласно обвиняють семейство Симона Горда, на него косятся, показываютъ пальцами и предають всеобщему омерзѣнію.

И какіе ужасы рассказывали-бывало по вечерамъ, сидя за пряжею конопля или ощи-пывая гусей, равно какъ и днемъ, выгоня на

паспну короуъ, или по воскресеньямъ, между
оубадей и дочерней! Разсказывали и слушали,
дрожа оупъ страха! Колдовство, трабежъ,
убиство, нечеспие, кровавыя, цинисшвен,
ныя сцены, коихъ героями быди члены
семейства, Симона Горда, самъ ошечъ,
иди мапъ, или сеспыры; даже грудные млат
денцы, по словамъ ихъ, играли важную роль
въ сихъ ужасахъ: шакъ боялись ошаго
Найнова ошродья!

Ои Кладбище и водчій крестъ счищались
идеашромъ ихъ ночныхъ злодѣяній; они со
бирались шуда при свѣтѣ луны, для шого,
какъ говорили, чшобы глодашь кости мер
шведовъ, и высасываць кровь изъ живыхъ,
осмѣливающихся проникнуть въ сіе пу
стынное мѣсто. Правда, чшо волки въ же
сшюкія зимы, сбѣгая съ Сансерскихъ горъ
и проникнувъ чрезъ проломъ сщѣпы на клад
бище, дѣйствительнo. вырывали изъ могилъ
пруцы; правда шакже, чшо волчій крестъ,
означавшій средину пуши оупъ Ріана до Э,
былъ обгаренъ кровью оупъ паденія пьянаго
нищаго, кошорый разбилъ себѣ голову о ка
мень; но сіи случаи ошносили къ злодѣйскимъ
умысламъ семейства Горда и оборонней.

Однако сіи добрые люди не имѣли воз
можности своимъ поведеніемъ доказать всю

мелвѣснѣ снхъ чудовищнѣхъ ' предразсудковъ: они знали, какимъ клеветамъ подвергались, но будучи не въ состояніи ихъ уничтожить, сносили все безропотно, и сами избегали ихъ, ибо ихъ не принимали; днемъ, они не ходили по деревнѣ и съ охотою брали шаковую работу, которая занимала ихъ дома или въ мѣстахъ безлюдныхъ; они не показывались ни на рынкахъ, ни на праздникахъ, не ходили на богомолье къ Святой Солянѣ; ни на торгъ, ни на жашву; Священникъ выгналъ бы ихъ изъ церкви, а пьяница изъ кабака.

Они жили въ маденькой хижинѣ, опроенной изъ мѣла и грязи, покрытой соломой, уже до половины разнесенной вѣтромъ, закрытой гнилою дверью, въ щели коей оводно проникала немного да. Такъ какъ сіе бѣдное жилище было ошдѣльно ошъ другихъ и при входѣ въ деревню, шю жипели удалялись ошъ него съ ужасомъ, когда болошныя испаренія смѣшались съ сумракомъ и поздній часъ изъяснялъ дьявольскій смѣсь спаринной пославицы: *межъ собаки и волка*. Въ ошощъ часъ огненные эмви начинали лешать вокругъ жилища Горда, кошорый между шѣмъ на-

пріархально ужиналъ съ своимъ семействомъ, и помолясь Богу ложился спать.

Между тѣмъ гореснь, бѣдоснь и дужа ржавой конопли посвятили болянь и смернь въ гѣдра сей опроверженной семьи, которая не надеялась ни на оспраданіе, ни на помощь. Симонъ Гордъ онецъ былъ первою жершвою; и пѣло его еще не ошмыло, какъ жена ошдала душу Богу; сіа несчастная чеша кончила живанъ безъ исповади и безъ лѣкаръ. Симонъ Гордъ, старшій ихъ сынъ, вырылъ имъ могилу и обернувъ кусокомъ венхаго сукна опушилъ ихъ въ землю, бросивъ горснь песку. Мужикъ, кошорый видѣлъ сей благочестивый долгъ, совершавшійся подъ кровомъ мрака, перекрестился и бросилъ ей бѣжанъ со всѣхъ ногъ, думая, что былъ свидѣтелемъ бѣсовскаго шабана. На другой день сосѣдніе канпоны радовались сей двойной смерши, кошорую почитали наказаніемъ небеснымъ, даже хонгали звониль въ колокола и пѣли благодарственные молебны.

Симонъ Гордъ, сѣлавшійся главою семейства, кошорое оспывалъ эпеперь двѣ малолѣтними его сесипры, старуха сесипра его ошца и братъ его маперы, въ продолженіе одной недѣли проводилъ всѣхъ ихъ на кладбище и положивъ въ землю послѣд-

наго, думалъ, что самъ легчесть податъ ихъ уснувъ мирнымъ сномъ. Глубокою печаль свою изъяслялъ онъ не слезами и не рыданіями, а безмолвнымъ, убійственнѣйшимъ размышленіемъ на могилѣ своихъ родныхъ о будущемъ: блѣдный и суровый, при днѣ сряду выходилъ онъ изъ опеческаго жилища плакати на могилъ, при днѣ сряду не принималъ никакой пищи.

Зима прекратила полевые работы: и Симонъ щедро предлагалъ свои услуги соседнимъ владѣльцамъ, молотили хлѣбъ, рубили дрова, возили шажестки. Никто не принималъ ихъ, боясь навлечь на себя зло, неразлучное съ именемъ Горда. Его выгоняли съ грубосцію и угрозами, спускали на него собакъ, лишали милосердія, копорую дають нищимъ, обременяли ругательствами и презрѣніемъ.

Ишакъ онъ долженъ былъ умереть отъ голода или избавить себя отъ мучительной смерти самоубійствомъ. Къ последнему средству прибѣгнулъ бы онъ, какъ къ единственному утѣшенію, еслибы не удерживали его на землѣ мысль о любви. Да! эпопѣ ончанный бѣднякъ, ненавидѣвшій человѣческій родъ и радовавшійся его взаимной къ себѣ ненависти, эпопѣ па-

ра, неизменный уже надежды на Бога, равнодушнаго свидѣлемъ его будущаго чело-
вѣкъ безъ всякихъ общественныхъ связей,
вознаграждающихъ за превращеніи жва-
ли; безъ великой поддержки, кромѣ совѣсти,
безъ всякаго ободренія, кромѣ горестнаго
вспоминанія о своемъ опцѣ, кипящій бѣшен-
ствомъ и гнѣвомъ, рѣшился жить, опъ по-
го что былъ влюбленъ! Вопъ почему мед-
лил онъ поднять на себя руку.

и. Симонъ Гордъ былъ бы красивѣйшимъ
молодцомъ въ своемъ околоткѣ; еслибы при-
вычка къ оскорбленіямъ, которыхъ перенѣлъ
онъ безпрестанно, и всегдашнія лишенія
не истребили румянца его щекъ и не уг-
лубили его глаза; онъ обыкновенно заму-
рилъ брови и бросалъ косвенные взгляды.
Но не смотря на сію робость и печаль, ом-
рачавшую его лице, должно было удивлять-
ся величественной дикости его увѣчанной
волнистыми кудрями головы, востыпаншейся
на красиво сложенномъ, здоровомъ его плъ-
тѣ, рисовавшемся подъ рубищами; въ по-
ходкѣ его замѣтны были важность и гор-
дость; движенія отличались такою-то
особенною прелестію, свойственною де-
ревенскимъ жителямъ; и звукъ его припя-
наго голоса соотвѣтствовалъ необыкновен-

ной чистотѣ языка его. Словомъ, различіе между имъ и людьми его сословія было такъ велико, что ревность, кажется, была главнѣйшею причиною всегдашней на него злобы; однѣ женщины жалѣли его и осмѣливались судить снисходительнѣе. Солянжъ, жена Клода Лорри, памошняго мясника, его замѣтила. Однажды она ѣхала мимо него верхомъ; и слепши кумушекъ не ослабили выгоднаго впечатлѣнія, которое произвелъ на нее прекрасный оборотень. Съ тѣхъ поръ она спала даже нарочно сворачивая съ дороги, чтобы встрѣпить его и отвѣчать на взаимное привѣщаніе; ибо Симонъ Гордъ, замѣпивъ къ себѣ ея расположеніе, нашелъ въ свою очередь, что Солянжъ очень недурна. Благодарность въ немъ возрастала непримѣтно: и въ то время, какъ домашнія пошери одна за другой внезапно его поразили, онъ открылся ей въ своей любви.

Было девять часовъ вечера; всѣ жители Ріана собрались по домамъ на посидѣлки; одинъ Симонъ, недвижимый, молчаливо подпершись руками, устрѣмилъ мрачные взоры на двѣ головешки, курившіяся въ пепелъ его очага; онъ не прислушивался къ свисту свѣрнаго вѣтра, попрыскавшаго кровлю и врывающагося въ двери; не вздраги-

валъ ни при крикахъ журавлей, спускавшихся въ болоша, ни при карканьи вѣрона, сидящаго на шрубѣ; онъ думалъ только о душахъ своихъ родителей и желалъ скорѣе съ ними соединиться, ибо холодъ проникалъ его до костей и голодъ почилъ всю внутренность. Иногда воспоминаніе о любви на минуту ушляло его мученія и мимолетная улыбка проясняла его взоры.

— Боже! прекраши мои страданія! ропсалъ онъ въ отчаяніи. Ахъ! какъ желалъ бы я бытъ дѣйствительно оборотнемъ, какимъ они меня считаютъ! Я заплакалъ бы имъ за всю бѣдствія, которыя они мнѣ причинили. . . . Нѣтъ, я не цѣнилъ бы ихъ мясомъ, не проливалъ бы ихъ крови, но преслѣдовалъ, мучилъ бы ихъ, кои погубили моего отца, мать, сестеръ и все мое семейство! Для чего не могу я превратиться въ волка, если отцы мои имѣли эту возможность? По крайней мѣрѣ, я жралъ бы падаль и не умеръ бы съ голоду!.. Во всемъ свѣтѣ одна Солянка меня любитъ! И для меня довольно. . .

Симонъ погружался болѣе и болѣе въ сіи мрачныя и печальныя размысленія. Горящія головки, проливая блестящій блескъ, не могли разсѣять ночнаго мра-

ка; Симонъ боялся темноты. Проникну-
тый прешпомъ, съ сильнымъ біеніемъ
аршерій, вспалъ онъ, чшобы поправить
огонь, и бросилъ на очагъ нѣсколько вяза-
нокъ травы и соломы, которыя оживи-
ли угасавшій свѣтъ. Онъ не имѣлъ болѣе
дровъ и рванъ подъ печкой въ грудѣ облом-
ковъ, приготовленныхъ машерью его для
печенья хлѣба, между изломанными башма-
ками, рукоятками, старыми сѣклыми и
расколопыми досками, напелъ кожаный
мшкъ, котораго прежде ншогда не ви-
далъ. Онъ схватилъ его, какъ будто въ
немъ заключалось какое-нибудь сокровище,
и сорвалъ крышку, заправшуюся посред-
ствомъ пружины.

Ящикъ эпопъ, не опкрывавшійся съ
давняго времени, заключалъ въ себя полный
нарядъ оборонна: баранью шкуру съ пер-
чашками на подобіе лапъ, хвощъ и ма-
ску, въ видѣ рыла, съ желтыми лошадиными
зубами.

Симонъ опскочилъ, испуганный своею
находкою, какъ ни удобно было ему воспользо-
ваться; наконецъ онъ спалъ вынимапъ, одно
за другимъ, эши-спраннымъ одѣліи, служив-
шіи, какъ видно, много разъ, но повредившіи
онъ долговременнаго забвеніи и эмсшъ на-

чалъ смутно вспоминая , какъ , сидя еще малюшкою на колѣнахъ своего дѣда , слышалъ отъ него чудные рассказы , при которыхъ мать его плакала , а онъ слушая смѣлся. Въ головѣ его забродили разные мысли и намѣренія ; онъ молча продолжалъ разсматривать преступное наследство ; и воображеніе его поспешенно увлекалось самыми нелѣпыми мечтами.

Голодь и опчашаніе раздражали его : онъ видѣлъ предметы сквозь кровавую призму ; чувствовалъ , что зубы его готовы кусать , и вмѣстѣ имѣлъ непреодолимое желаніе опривильсья на добычу : онъ началъ выть , какъ будто всю жизнь свою былъ волкомъ , и одѣлся въ украшенія своего новаго званія. Еслибы сей спрашный и безобразный косякомъ былъ дѣйствительно очарованъ , то и тогда не произвелъ бы онъ въ немъ болѣе перемѣны. Лихорадка произвела въ мозгъ его родъ сумасшествия.

Едва сдѣлался онъ оборотнемъ по планью , какъ бросился изъ дому въ бывшее инеемъ поле , завылъ спрашно и , подобно пѣни , бѣгалъ по лугамъ , пашнямъ , равнинамъ и болошамъ. Но въ эпоху часть и время года ни одинъ запоздалый пѣшекодъ не попадался Симону , кошорому свѣжій воздухъ и

движеніе возвратили здравый разсудок : онъ вылъ еще опъ голода.

Вдругъ дребезжаніе приближающейся повозки возбудило его вниманіе; сначала неръшишельно, потомъ со вниманіемъ началъ онъ прислушиваться, откуда происходилъ шумъ: въ одно и то же время онъ боролся съ двумя противными внушеніями, копорми принуждали его бѣжать и оспашься. Повозка приближалась. Ночь была шакъ свѣшла, что онъ могъ разсмошрѣшь церковь стараго замка въ Э и эпошь помѣщичій городокъ, наружностію похожій на деревню, лежацій на высотѣ среди развалившихся укрѣпленій. Онъ оспановился близъ каменоломней, гдѣ первые дома охраняли историческое владычество *Столба Чардвезъ*, мѣсна, про которое нѣкогда шла дурная слава, но гдѣ шеперь живутъ одни нищіе.

Эпошь шумъ происходилъ опъ крышой повозки мясника Нлода Лорри, копорый два раза въ недѣлю ошвозилъ говядину въ деревню Сем - Солянжъ и ошправлялся ночью, чтобы на другой день поспѣшь назадъ къ шоргу. Симонъ зналъ эпо, какъ всѣ; и ошсущствіе мясника ешеспшенно напомнило ему, что жена его ошавалась дома

одна. Съ минушу колебался онъ , идши ли ему къ ней или оспановишь мужа. Голодъ побѣдилъ любовь и однообразный свиспъ , копорымъ мясникъ понуждалъ свою лошадь , засшавиль его поспѣшишь ; онъ завыль жалобно и схвашилъ лошадь подъ уздцы.

— Клодъ Лорри! заговориль онъ полспѣымъ голосомъ: я голоденъ; дай мнѣ два фунша говядины, если хочешь оспанься живѣ.

— Свяшая Солянжъ , помилуй меня! вскричалъ испуганный мясникъ: пы ли эшо Симонъ Гордъ , Ріанскій оборощень ?

— Я! ошвѣчалъ Симонъ, копорому захопѣлось подшупишь надъ добродушнымъ легковѣриемъ Клода. Лучше хочу ѣспъ сырую говядину , чѣмъ швое мясо ; давай же и не забудь оспавляшь мнѣ долю всякой разъ , какъ поѣдешь въ Пуарью и въ Сен-Солянжъ. Запрещаю шебѣ ласкапсья къ жѣнѣ въ продолженіе десятии дней.

Чшобъ показашь всѣ принадлежноспи оборощня легковѣрному мяснику , Симонъ спшалъ у колеса и положиль лапу на край повозки , дѣлая видъ рыломъ , будшо обнюхиваетъ. Клодъ Лорри, копорый вѣрилъ въ оборощней , какъ въ Бога , лишь только увидѣлъ сію спрашную лапу , началъ при-

зываетъ всѣхъ свѣпыхъ и взявъ самый лучший кусокъ говядины, бросилъ на земь. Симонъ не успѣлъ поднять, какъ мясникъ шакъ быспро ударилъ по лошади, что она поскакала во всю прышь, не дожидаясь цошпоренія ударовъ.

Симонъ Гордъ сполько былъ доволенъ своимъ обѣдомъ, кошорый споллъ ему шакъ дешево, что далъ себѣ слово возобновишь апу легкую и забавную шушку; ибо, не бывъ прищелемъ мужа, въ жену коего былъ влюбленъ, онъ находилъ прищное удовольствіе пугать Клода Лорри. Последній никому не рассказывалъ о сей ужасной встрѣчѣ, кошорая повпорядилась цошомъ съ разными обшояпельщвами, и съ покорностію плашилъ всякой разъ дань, пребуемую оборощнемъ, не разбирая вѣса и качествъ говядины: даже не дожидался просьбы, чтообы сполько не видѣшь на краю повозки апой космашой, ашой безобразной лапы, кошорая прощягивалась, по видимому, для шого чтобъ его задушишь, лапы, въ кошорой скрывалась просто рука. Онъ сдѣлался печаленъ и безпокоенъ, ѣздилъ неохотно, не цѣловалъ жены, не понуждалъ лошади свиспомъ, возвращался мрачнѣе, безпокойнѣе. Соляникъ всѣми сред-

опшвами спаралась вышпытать причину такой непрерывной меланхолии; но тщетно. Боясь, что онъ ревнуетъ, ибо имѣлъ на то причину, она просила, пребыла, умоляла, до тѣхъ поръ какъ мужъ избавился отъ удручавшей его пягосши, рассказавъ ей исторію оборотня.

— Симонъ Гордъ такой же волкъ, какъ ты и я, любезный муженёкъ! сказала Солянжъ, обидѣвшись, что подозрѣваютъ ея любезнаго: это сказки или обманъ; я думаю, ты видѣлъ во снѣ это колдовство; ибо Симонъ спѣишь болѣе, чѣмъ о немъ думаютъ!

— Жена, не спорь! отвѣчалъ мясникъ, убѣжденный въ своей справедливости: семейство Гордъ всё оборотни: это всѣмъ извѣстно; и какъ наказаніе Божіе постигло спариковъ смертію, то Симонъ Гордъ наследовалъ послѣ нихъ волчью лапу.

— Говорю тебѣ, что Симонъ такъ честенъ и такъ хорошъ, что не можешь оборачиваться волкомъ; и я не повѣрю этому, пока сама не увижу.

— Хорошо! ты его увидишь, если согласишься со мной ѣхать; это онъ, точно онъ! Кроме того, что онъ называлъ себя по имени, я узналъ его голосъ; непре-

спавно чудипся мнѣ эша гнусная лапа, копорую кладепь онѣ на повозку, османавливая лошада. . . . Жена, шумѣ еспѣ кодовство! . . .

Солянжъ раздѣляла суетвѣріе Клода, выключая сего обстоятельства, копорое касалось чести чловѣка, ею любимого. Женское любопытство придало ей рѣшительности, не для того чпобы ѣхать съ мужемъ, а чпобы оправдать своего любовника: она боялась только найши виновнымъ сего послѣдняго, когда съла въ повозку, наполненную сырой говядиной.

Симонѣ въ почности наблюдалъ мѣсто свиданія: его вой, въ копоромъ опзывалось что-то чловѣческое, поколебалъ сомнѣніе Солянжи. Клодъ Лорри, болѣе дрожа чѣмъ она, опыскивалъ долю волка. Сей послѣдній спалъ на заднія лапы и пропинулъ переднія, чпобы взять порцію, оспановивъ повозку у *Столба Чародеевъ*.

— Клодъ, я умираю со страха, сказала Солянжъ, прижимаясь къ мяснику. Опустипи возжи и спегай скошину: не по будешъ худо.

— Ты не одинъ кумъ! вскричалъ Симонъ, опасаясь хипросци; если ты причинишь мнѣ какое-нибудь зло, я шебѣ не прощу вовѣки!

— Не дѣлай намъ зла, другъ Симоны! шы знаешь, чюо и не вѣшаю съ побой говядины? Я ничего прошивъ шебя не умышляю. Со мною жена, кошорая вдесть закупаць шеляпъ въ Феларъ.

— Солянжъ съ побой? Га, она шочно! Никогда не бывала она шакъ мила и хороша. Слѣзай-ка голубушка!

— Заклинаю васъ, господинъ волкъ, не пугайше мою бѣдную жену, она умрешъ со спраха. Позвольше намъ вѣхашъ; возвращашься не близко; а завпра шорговый день.

— Жену швою, жену мнѣ надобно! Если шы ее не опдашь, съѣмъ васъ обоихъ.

Плодъ Лорри напрасно просьбами и жалобами спарался умилоспивишь обороня; онъ ошвергнулъ всякіе переговоры и ошвѣчалъ шолько спрашными угрозами, ошъ кошорыхъ заспывала кровь въ жилахъ супруговъ. Солянжъ, о кошорой единспвенно шло дѣло, не шевелилась и не ошкрывала рша, до шакой спешени спрахъ, а можешъ бышь и удивленіе, ее поразили! Она успремила глаза на волка, кошорый шакже смошрѣлъ на нее сквозь маску; не оказала никакого сошрошивленія, когда почувспвовала,

что ее сильно выпалили изъ повозки и какъ бы невидимою силою бросили на груду камней, гдѣ она лишилась чувствъ, не принося ни одной жалобы.

Мясникъ не менѣе былъ удивленъ такою развязкою и повалился на говядину, словно пораженный жестокимъ ударомъ, который его ослѣпилъ: ему вообразилось, что волкъ выкололъ ему глаза своимъ хвостомъ, и когда онъ опомнился, то увидѣлъ, что повозка его, прясаясь, кашилась по дорогѣ въ Пуарью. Тщешно прислушивался онъ, не донесущся ли до него по вѣспру вой волка или вопли жены его; лошадь скакала, словно очарованная, и будио волшебныя шпоры кололи ей бока.

Однако Нлодъ Лорри кончилаъ свое путешеспивіе, продалъ говядину и возвратился въ Э, намѣреваясь заказать *de profundis* за упокой своей жены, которую оплакивалъ цѣлую ночь. Но каково было удивленіе его, когда онъ нашелъ его въ постелѣ немнога блѣдною, немнога успалою, но безъ всякой царапинки; еще болѣе онъ удивлялся, узнавъ оиъ нее, что волкъ не причинилъ ей никакого вреда, а удовольствовался только тѣмъ, что сводилъ ее погулять въ Марвскій лѣсъ: это-дескашь пречестный оборотень!

Клодъ Лорри сдѣлалъ на шо самую кислую мину.

Эшо ночное гулянье жены раздражило его прошивъ волка: и хоша сырахъ не позволилъ ему приняться прямо за Симона Горда, однако онъ обдумывалъ вѣрное мщеніе. Между пѣмъ Симонъ выдумалъ новую шушку, запрешивъ мужу спать съ женою подѣ опасеніемъ внезапной смерти. Клодъ Лорри покорила эшой сстрогой эпишиміи, но пошелъ рассказашъ свое несчастіе приходскому дьячку, человѣку опышному въ подобныхъ вещахъ и одаренному Соломоновскою мудросшію; беременныя женщины, влюбленныя и невѣсны совѣщывались съ нимъ, какъ съ оракулемъ.

— Не возможно убишь оборотня, сказалъ ему эшопъ мудрецъ; кожу его можно пробить шолько пулей, но осприе желѣзнаго орудія къ шому не годишся; совѣшую тебѣ, нанесши ему легкую рану или опрубишь лапу, дабы увѣришся, что эшопъ волкъ дѣйствительно Симонъ Гордъ; шогда шолько ты подвергнешся опасносши, если ударишь его шакъ, что кровь не поидеть; а если надръжешь кожу, то онъ сейчасъ убѣжишь.

Въ шопъ же вечеръ, Клодъ Лорри, рѣшившись узнать, какой оборотень гулялъ

съ его женою, спрятавъ въ свою повозку остро выплоченный ножъ и рѣшительно притоповилъ узнать, одно ли и по же существо оборотень и Симонъ Гордъ. Онъ слышавъ вѣрилъ совѣщанью дьячка. Волкъ явился по обыкновенію и спросилъ о здоровьи Солянки, что заставило мужа непременно исполнить свое намѣреніе.

— На, волкъ! сказалъ Клодь, нагибаясь будто за говядиной: я сегодня даю тебѣ двойную порцію; давай лапу и вспомни о моихъ милостяхъ.

— И конечно вспомню, кумъ, отвѣчалъ волкъ; но не смѣй праздновать дикой свадьбой.

Симонъ Гордъ, ни мало не опасаясь мясника, кошораго говядину и жену присвоилъ себѣ, положилъ лапу на край повозки; но Клодь Лорри, вмѣстѣ съ собою чѣшбы дасть ему четверть говядины или шеляшины, выдернулъ свой ножъ и однимъ махомъ отрубилъ эту лапу, какъ бы нарочно для того положенную. Оборотень заревѣлъ отъ боли и скрылся въ шемношъ.

Возвратившись на другой день, мясникъ съ торжественною улыбкою развернулъ окровавленную салфетку на поселян

своей жены, которая проснулась въ страхѣ, и показала ей опрубленную руку, еще покрытую волчьей шкурой. Соляникъ вскрикнула, заплакала и спала наскоро одѣваясь, между тѣмъ какъ мужъ съ звѣрскою радостію размашивалъ руку и унималъ еще капающую кровь.

— Дьячекъ говорилъ правду, сказалъ онъ: я знаю теперь оборотня и не боюсь его колдовства.

Уже давно былъ день, а Симонъ Гордъ лежалъ еще въ постели, которая, какъ и цѣль въ комнату, была запятнана кровью; лица его блѣдно-желтаго цвѣта выражало физическую и нравственную боль; на покраснѣвшихъ глазахъ видны были слѣды слезъ; съ видимымъ безпокойствомъ прислушивался онъ къ шуму на улицѣ; шаги быстро приближались; дверь съ шумомъ распахнулась. Женица въ слезахъ бросается на постель Симона, прижимаетъ его къ сердцу, испускаетъ жалобные вопли и ругательства, хватается руку, обернутую въ кровавыя перевязки, которые не могли скрыть недосыпка кисти. При семъ ужасномъ зрѣлищѣ, она проклинаетъ палача и смѣшиваетъ свои сненія съ жалобами жертвы.

Сии изъясненія любви и опчаянія были внезапно прерваны. Кто-то постучался у дверей. Соляникъ съвѣдѣвъ посмотрѣвъ въ окно, кто осмѣливается проникнуть въ берлогу оборотня. Она подымаетъ глаза и руки въ опчаяніи, какъ бы надѣясь полько на помощь неба : между тѣмъ спучался сильнѣе.

— Эпо мужъ мой! сказала она дрожащимъ голосомъ. Куда уйши? Спрячь меня... Нѣтъ, здѣсь, возлѣ себя... Ужремъ вмѣстѣ! Если Клодъ принесъ свой ножъ, чшобы себя зарѣзатьъ, я закрою себя своимъ тѣломъ.

Соляникъ забила въ постель, прижавшись къ Симону, который не имѣлъ силы подняться и глазами искалъ оборотнщельнаго оружія. Тѣнь зеленаго шерстянаго занавѣса едва обозначала формы другаго тѣла, скрывавшагося подъ одеяломъ, и ошѣсенное дыханіе слышалось въ неровныхъ промежуткахъ.

— Здорово, Симонъ-Гордъ! сказалъ вошедшій Клодъ, который держалъ завязанную салфетку и положилъ ее на сундукъ. Я пришелъ предложить тебѣ работу въ виноградникъ; вѣдь всѣ знаютъ, чшо ты не безрукой. къ.

— Я боленъ, ошвѣчалъ Симонъ Гордъ, скрывая гнѣвъ, выразавшійся въ его покраснѣвшихъ глазахъ; я не въ силахъ рабшашъ.

— Боленъ, кумъ? не лѣнью ли? гдѣ у тебя болишь? дай-ка пощупашъ пульсъ!

Симонъ Гордъ покраснѣлъ и колебался съ минушу, опказашъ ли ему въ сей просьбѣ, которую очень хорошо понялъ; но чшобъ не отккрыть Соланжи, подалъ ему лѣвую руку съ запекшеюся кровью.

— Не эшу, Симонъ, не эшу... другую, правую... Ну чшо же, развѣ нѣтъ у тебя ее! Не отдашь ли?

Симонъ, котораго лице до шого красное, покрылось смершною блѣдноспію, не ошвѣчалъ ни чего и не показывалъ вида, чшо хочешъ удовлетворишь такъ жестоко придуманному желанію. Клодъ улыбался, скрежешалъ зубами и ушѣшался замѣшашельспвомъ несчастнаго. Уже хопѣлъ онъ силою увѣришься, уже развязывалъ салѣшку, повшоряя злобныя насмѣшки; какъ вдругъ одна рука пошянулась изъ постели и Симонъ не думалъ ее удерживашъ.

— Для чего ты прошягивашешъ эшу руку? сказалъ Клодъ, увѣренный, чшо увидишь

ужасное доказательство, кошораго требовалъ. Не для того ли, чтобъ я ее опрубилъ? Скорый же, господишь волкъ, шеперь моя очередь слушаться: я хочу видѣть свою правую руку!

— Вошь она! прервалъ задушаемый голосъ, кошорый принадлежалъ не сверхъестественному существу.

И изумленный, окаменѣлый Нлодъ Лорри видѣть другую руку цѣлую и здоровую; она пропятивалась къ нему, осыпая его проклятіями. Онъ что-то бормочетъ, оискакиваетъ, проситъ прощенія, падаетъ на колѣни и какъ безумный выбѣгаетъ изъ дьявольскаго дома; онъ не взялъ съ собою опрубленной руки, сдѣланшейся для него безопвязнымъ привидѣніемъ, кошораго не могъ опогнать никакія пособія дьяча, дававшего ему совѣты и уптвенія.

— Ахъ эта рука! Кому она принадлежитъ, эта рука! говорилъ онъ, спеная: не дьяволу ли самому, или дѣйствительно обо рошню? То однакожь вѣрно, что Симонъ-Гордъ невиненъ, я видѣлъ у него объ руки! Опчегожь другая была у него въ крови? Тутъ должно быть колдовство!

На другой день, первый поразившій его предметъ въ мясной лавкѣ была опру-

блестящая рука, которую оставилъ онъ на-
канунѣ у Симона; она была уже безъ кос-
матой обертки и лежала въ товадинѣ. Онъ
не смѣлъ прикоснуться къ этой рукѣ, по-
читая ее заколдованною; но, видясь изба-
вившись отъ ней навсегда, бродилъ ее въ
молодежь, и не менѣе испугался, увидѣвъ ее
опять у себя въ лавкѣ; онъ похоронилъ
ее въ саду; но все безъ успѣха; багровая,
возвращалась она выражаясь лавку и пре-
слѣдовала его удрызками, которые непре-
сланно увеличивались жалобами его жены.

Наконецъ, думая какъ-нибудь избе-
гнуть преслѣдованія сей ужасной руки, онъ
наивно опнесъ ее на Валентинское кладби-
ще, попробовавъ, не удастся ли избавить-
ся отъ ней, похоронивъ ее въ святой зем-
лѣ; но упрямъ нашелъ ее опять въ голубяш-
нѣ. Пришедши въ отчаянiе отъ сихъ без-
молвныхъ упрековъ, ощущавшихъ у него
спокойствiе, и горя неперенѣиёмъ загадить
сладу прослушка, въ кошоромъ, казалось, са-
мо небо его упрекало, онъ оставилъ Э, не
вросшаясь съ женою, и ушопился въ рѣкѣ.
Зеленое, распухнувшее плѣво его выплаци-
ли изъ воды и изъ окостенѣвшихъ рукъ
его вырвали по кускамъ опрубленную руку,
которую кусалъ онъ въ судорогахъ самоу-

рашуры, они конечно не существовали. Явленіе сіе не доспапочно объясняется тѣмъ, что сношенія Каспиалланцевъ съ Арабами были долговременнѣе и тѣснѣе: ибо, хотя Португальцы гораздо прежде Испанцевъ очистили страну свою отъ сихъ завоевателей, но сношенія ихъ съ ними въ Африкѣ и на Востоцкѣ были весьма часты; не смотря на то, они умѣли обогатить свой лексиконъ, не повредивъ благозвучію своего произношенія.

Въ Португаліи, какъ и вездѣ, поэзія предупредила прозу. Первые извѣстные Португальскія поэмы содержатся въ *Canção de Resende*, богатомъ собраніи, состоящемъ большею частію изъ швореній поэзовъ, жившихъ въ царствованіе Альфонса I и его сына; сверхъ того здѣсь заключающся и болѣе древнія стихотворенія Короля Дона Педро, знаменитаго по его несчастной любви къ Инесъ де Кашпро. На счетъ сей книги есть весьма спранный анекдотъ. Клятва при первомъ шрактаніи Короля Пегу съ Европейцами была произнесена надъ нею, вмѣсто Библии или Молишвенника. Молишвенникъ, находящійся на посольскомъ кораблѣ, былъ очень сѣпъ и измаранъ; а у Посланника имѣл-

ся экземпляръ Сансьонейро, незадолго предъ тѣмъ напечатанный; и какъ сей экземпляръ былъ хорошо переплещенъ и красиваго формата, но Посланникъ приказалъ Капеллану вынести его со всею религіозною торжественностію, дабы язычники не возымѣли худаго мнѣнія о благоговѣніи христіанъ къ ихъ священной книгѣ. Главный Каулянь или Каганъ прочелъ громко одно мѣсто изъ священной Пегуанской книги: но же сдѣлалъ и Посланникъ Іоанъ Корреа. По особенной странности случая, раскрывъ Сансьонейро, онъ попалъ на заимствованное изъ Соломона мѣсто: *суета суета* и проч. Случай сей произвелъ на умы самое религіозное впечатлѣніе: и Іоанъ Корреа, по возвращеніи своемъ въ Лиссабонъ, объявилъ, что присягалъ съ такимъ же почто благоговѣніемъ, какъ предъ самымъ Евангеліемъ, и потому считашъ свою клятву неменѣе священнойю. Эта книга есть одна изъ самыхъ рѣдкихъ Португальскихъ книгъ. Многія мѣста въ ней тщательнѣе вымараны инквизиціонерами; но по счастью шипографскія чернила лучше сохранились, чѣмъ инквизиціонныя, и нечестивымъ глазамъ нерѣдко удаются возвращашъ лишперашуръ то, что похищено было у ней такимъ образомъ.

Нѣкоторыя изъ сихъ мѣстъ не имѣютъ ничего предосудительнаго, кромѣ современной грубости; другія же содержатъ въ себѣ образцы нѣкотораго рода *мирской поэзіи*, отличающейся большею оригинальностью и заслуживающею болѣе вниманія, но копорой видимое нечесіе и кщунство происходило не отъ недосыпка въ набожности. Въ семъ собраніи нѣтъ ничего повѣствовательнаго: все, только сатирическіе снѣхи, рижованные коммѣнціи, любовныя или вѣгетивскія поэмы и ш. п.

Народныя Португальскіе романы заперялись. Около половины XVII вѣка: Бришо видѣлъ многочисленное собраніе ихъ, принадлежавшее Маркизу Маріальвъ; но несчастію оно попало въ добрыя руки, и изъ него осыпалось теперь нѣсколько неполныхъ опрыжковъ. Именіа богата поемами сего рода, изъ коихъ большая часть относится къ войнахъ жкъ съ Маврами, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Но въ сіе время Португальцы такъ уже давно были освобождены отъ ига чинителей Магомеша, что народъ занимался преданіями о ихъ завоеваніяхъ не болѣе, какъ Англичане занимающія теперь побѣдами Пикивовъ или Франгузы подвигами Франковъ. Націо-

нальнне поѣшы прославляли бы съ большаю охотою героевъ, отличившихся не задолго предъ нѣмъ прошивъ Испанцевъ: но шакого рода поѣвъ была плодомъ запрещеннымъ для народа, находившагося подъ игомъ Испаніи.

Духовенство также враждовало прошивъ всякой народной и свѣтской поѣви; сверхъ того языкъ Поршугальскій, подобно Италіанскому, слишкомъ изобилуетъ приемами; а общій удѣлъ языковъ, изобилующихъ приемами, есть и изобиліе приемачей. Импровизаторъ замѣняетъ пѣвца балладъ; и въ семъ несчастномъ замѣнѣ болѣе теряется, чѣмъ выигрывается.

Испанцы сознаются, что древнѣшая форма ихъ поѣви пришла къ нимъ изъ Галиціи и Поршугалліи. Нынѣ въ обихъ Королевствахъ сіа форма Италіанскаго происхожденія. Эту перемѣну въ ихъ лирическіе произвелъ Венеціанецъ Наваджеро. Во время посольства своего въ Испанію, убѣдилъ онъ Боскана предпочесть національнымъ формамъ Италіанскія: и съ того времени окшава сдѣлалась у Испанцевъ мѣтромъ героическимъ,

иройнаго приема мещромъ нравоповѣстнымъ или сатирическимъ, и сонеты размножились также, какъ въ Итадіи. Въ Португаліи примѣру Боскана слѣдовалъ Франциско - де - Саа - де - Миранда, родившійся въ 1495 году, въ самый день возшествія на престола Короля Эммануэля. О семъ поэтѣ рассказываютъ много занимательныхъ анекдотовъ. Однимъ мѣстомъ въ его флоргахъ оскорбилась дама знатнаго происхождения и имѣвшая большой вѣсъ; онъ опрелекся оправданъ себя удовлетворительнымъ объясненіемъ подозрительнаго мѣсна, хотя долженъ былъ опказаться опъ всѣхъ милостей двора, пока дама сія на него гнѣвалась; почему ухалъ спокойно въ родительское помѣстье, гдѣ опалъ свананъся къ Доннѣ Бриоланхѣ де Азеведо, коей никогда не видалъ и кошора не опличалась ни молодостью ни красотою. Браться невѣсты, бывшіе посредниками при сватовствѣ, не хотѣли ничего заключать прежде, чѣмъ онъ увидится съ нею. Саа - де - Миранда оригинальнымъ образомъ явился къ Доннѣ Бриоланхѣ: „Сударыня, сказалъ онъ, подавая ей свою ипроснь, накажице меня за шо, что я при-

хоту къ вамъ шакъ поздно! (*Castigayme, senhora, con esse bordam, porque vim tam tarde*)^с. Но онъ сдѣлалъ выборъ весьма удачный: эпо была опланиная жена, мать и госпожа. Больше пятидесяти лѣтъ послѣ ея смерти, добродѣтели ея находились у всѣхъ въ памяти. Саа-де-Миранда, потерявъ ее, былъ безупреченъ. Онъ пережилъ жену свою только прѣмя годами, непрерывно находясь въ состояніи задумчивости, близкой къ расстройству ума; ибо съ самой кончины ея не чесалъ себѣ бороды, не спригъ ногшей, не опбѣчалъ ни на одно письмо, не ходилъ никуда кромѣ церкви, и за заключеніемъ одного сонета на ея смерть не сочинялъ никакихъ стиховъ.

Въ нѣкоторомъ отношеніи Саа-де-Миранда можетъ быть почишаемъ преобразователемъ языка Португальскаго. Онъ много содѣйствовалъ къ его *облатинизированію*, введеніемъ въ Грамматику правильной превосходной степеней и другихъ новоспей, доказывающихъ, что языкъ до него не имѣлъ еще правильного образованія. Мораль поэмъ его шакъ чиста, что на нихъ ссылались въ проповѣдяхъ. Недоспакомъ его состоить въ нѣкоторой холодности. Онъ нравился, но не пленялъ; забавлялъ читателя, но не прорагалъ

и хотя въ немъ нѣтъ принужденности, но чувствительна какая-то тяжесть, происходящая отъ излишней исправности и заботливости объ опдѣлкѣ. Въ одномъ изъ сонетовъ своихъ говоритъ онъ самъ, что безпрестанно облизываетъ свои стихи, какъ медвѣдица своихъ медвѣжатъ.

Os meus se nunca acabo de os lambar ,
Como ussa aos filhos mal proporcionados.

Манускриптъ поэмъ его наполненъ поправками, изъ коихъ многія посланы съ вопросительнымъ знакомъ, шакъ что не лзя разпознашь, копорую изъ нихъ самъ онъ предпочиталъ другимъ. Когда внука его выходила за мужъ за Д. Фернандо Кораса Сошомайора, Галиційскаго хидальго, то манускриптъ сей былъ весьма дорого оцѣненъ и принятъ Сошомайоромъ въ число приданого: самое лучшее доказательство любви Соломаги къ литератору, и уваженія, въ какомъ находился тогда поэтъ!

За Саа-де-Мирандой слѣдовалъ Антонио Феррейра, копорый подражалъ ему въ сонетѣ, элегii, Горацианскихъ посланiяхъ, и шакже сочинялъ эпиграммы, оды и эпиграммы. Онъ простираетъ свои виды еще далѣе. Первая правильная трагедiя новы-

щихъ времянь была Софонисба Триссина; за нею послѣдовала Феррейрова Инеса - де Каспро. Говоряшь также, что Феррейра первый подражалъ Триссинову *verso scioltata*. Нѣкоторыя изъ хоровъ его написаны Сафическимъ размѣромъ. Онъ превзошелъ своего учителя; слѣгъ его болѣе числѣ, цвѣтушѣ, цавенѣ, пришенѣ. Изъ всѣхъ поэзовъ наиболѣе любилъ онъ Горація: отсюда видно уже направленіе его характера; но онъ былъ Горацій поучительный. Онъ старался доставлять пользу прямыми наставленіями; и изъ всѣхъ Португальскихъ поэзовъ у него наименѣе того, что называется *конгетти*.

Если сѣи писатели, коихъ можно почитать опцами Португальской поэзіи, не могутъ быть сравнены съ Даншомъ и Чоусеромъ; то не должно забывать, что Даншъ не имѣетъ еще по сю пору соперника въ Италіи и что Англія, кромѣ Шекспира и Мильтона, также не производила поэта выше Чоусера. Въ Саа-де-Мирандѣ и Феррейрѣ не малымъ уже достоинствомъ должно считать то, что они писали на опечесшвенномъ языкѣ въ такое время, когда языкъ Латинскій былъ употреблемъ всѣми учеными и литераторами. Педро де Андраде Каминья

былъ другомъ Саа - де - Миранды и Феррейры; но его сочиненія опшываются ржавчиной прежнихъ временъ, кромъ нѣкоторыхъ мѣспъ, кои онъ вычисиль, вѣроятно, по сношеніямъ съ своими друзьями.

Діего Бернадесъ, современникъ сихъ писателей, замѣчашелъ болѣе высокими талантомъ. Донъ Франциско Манюэль, называетъ его пошомъ обшовой земли, у кошораго все печеть медомъ и млекомъ. Франциско Манюэль говорилъ эшо въ сатирическомъ смыслѣ: но, и въ буквальномъ, должно сознашь, что слогъ Бернадеса легокъ и пріятенъ. Бернадесъ сопутствовалъ Королю Себасціану въ гибельной Африканской экспедиціи. Передъ отъездомъ, написалъ онъ сонешъ, предвозвѣщавшій ршительную побѣду, въ коемъ сказано было, что, когда подобный государь идетъ съ крешомъ на знаменахъ, Африка неминуемо должна бышь покорена. На слѣдующей за симъ несчастнымъ предреченіемъ страницъ, начинающіяся элегіи, писанныя пошомъ, во время его невольничества въ Барбарин, гдѣ Бернадесъ, оплакивая безуміе Дона Себасціана, вмѣспъ съ собшвенными несчастіями, вопрошаетъ беспрешанно самъ себя, какой

опивъшъ долженъ дашъ онъ въ шолікомъ множествѣ невинно пролишой крови.

Къ спыду всѣхъ сихъ повшовъ , должно замѣшпшь , что , сочиняя другъ другу посланія , выхваляя каждаго рпемача своего прихода , они не упоминають никогда о Камоэнсъ. Будучи сами изъ дворянъ и имѣя досташокъ , они сберегали похвалы свои шолько для подобныхъ себѣ дворянъ и богачей. Камоэнсъ по еспешивеннымъ дарованіямъ былъ несравненно выше ихъ , но находился въ крайней бѣдности; они же , созная внушренно превосходство его , показывали , будшо пренебрегають шѣмъ , коему вшайнѣ завидовали. Они не хотѣли унижать себя , воздавая хвалу генію человека , подавленного бѣдностью; шѣмъ болѣе что шпошъ человекъ самъ не удосшовивалъ ихъ своего вниманія. Здѣсь говоримъ мы о Камоэнсъ шолько мимоходомъ ; онъ спѣишь особаго разсужденія.

Героическая поэзія въ сіе время была больше въ модѣ у самихъ повшовъ , чѣмъ у чпщашелей. Герои Поршугальскіе не имѣють причины жаловашся , какъ герои предшешвовавшіе Агамемнону. Ихъ подвпги , едва совершенные , уже воспѣвались не шолько въ сонешахъ и одахъ , но и въ повмахъ споль

же длинныхъ, какъ Иліада. Поэты Португальскіе перепѣли всѣ славныя воспоминанія опечеспвленной исторіи: основателя ихъ монархіи Графа Генриха и перваго Короля Альфонса Генриквеза; освобожденіе свое опъ ига Наспильскаго полишикою Хома (Іоанна) I, рыцарскою храбросью Нунальвареса Перейры и папріюшизмомъ народа; побѣды ихъ въ Африкѣ и разбише Себастіана; опкрыше Индіи; завоеваніе Гои и Малакки, обь осады Діу и приключенія перваго колониспа Баги. Дабы никакое опщеспвенное произшесствіе не имѣло недоспашка въ памяшпной поэмѣ, сочинена была эпопея, по случаю бракосочетанія Кашерины Португальской съ Карломъ II Англійскимъ и обращенія сего послѣдняго въ католическую вѣру; въ новѣйшія жѣ времена написана другая эпопея на возобновленіе Лиссабона послѣ землетрясенія. Изъ баснословныхъ временъ Португальцы взяли Улисса въ свой національные герои; а изъ древней исторіи Вириаша, коего памяшь дѣйспвишпльно должна бышь имѣ любезна. Нѣкопорыя изъ сихъ поэмъ сущь рабскія подражанія Тассу; другія же, оригинальныя, писаны по несчастію авшорами безпаланными. Въ сихъ длинныхъ сочиненіяхъ встрѣчающся мѣ-

спа високой красоты, но гораздо чаще совершенныя нелѣпости. Нѣтъ ни одного, которое бы не могло составить предмета для забавнаго анализа и которое вмѣстѣ не представляло бы опривковъ, способныхъ сохранить авторя отъ забвенія.

Осмисленные спансы суть обыкновенная мѣра всѣхъ сихъ поэмъ. Нѣкоторые критики утверждали, что мѣра сія неудобна для нововсновавательной поэзіи, не думая о томъ, что это зависяетъ отъ генія поэтовъ. Херонимо Коршереаль употреблялъ *verso solto*. Никакой поэтъ не набиралъ эпическихъ съ большимъ изобиліемъ и суесловіемъ; какъ онъ въ своемъ *NAUFRAGIO DE SEPULVADA* и *SEGUNDO SERCO DI DIU*. Франциско де Пина е де Мелло употреблялъ нѣкотораго рода подражаніе Францискому александринскому стиху, съ примѣсью иногда стиховъ бѣлыхъ. Это замѣчается въ его *CONQUISTA DE GOA* и въ такъ названной имъ эпи-полипической поэмѣ *TRIUMFO-DA-RELIGIAM*.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

IV

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ МУЗЫКИ ВЪ ИТАЛІИ.

(ПИСЬМО ЗИТОВАСТА.)

Ты удивленъ , любезный другъ , моимъ молчаніемъ объ Италіанской музыкѣ и упрекаешь меня , что я забылъ въ своихъ письмахъ искусство , долженствующее составлять главную прелесть очаровательной страны , гдѣ я теперь путешескую!.. Забышь ее!... Могу ли я забыть музыку?.. Мою жизнь , мою кровь , мой воздухъ , копорымъ я дышу?... О! я слишкомъ много объ ней думалъ во время моихъ повздокъ , предпріятыихъ именно по любви къ искусству , и могъ бы гораздо лучше наслаждаться всеми пріятностями сего очаровательнаго сада Европы , если бы не помнилъ великихъ музыкальныхъ потрясеній , опъ коихъ еще билось мое сердце и съ копорыми мнѣ должно было разспашься по ту сторону горъ , что я зналъ уже прежде. Не смѣши обвинять меня въ предубѣжденіи : увѣряю себя , что въ семъ отношеніи я невиненъ. Богу извѣстно , съ какимъ жаромъ хватался я за обманчивую надежду встрѣишь что - нибудь

достоинное удивленія, какъ скоро сія надежда мнѣ предспавлялась.

Во Флоренціи хвалились мнѣ оперою Беллини: *i Montecchi ed i Capelli*. По словамъ každого, это было что-то совершенно въ новомъ родѣ, исполненная свежести и выразишельности композиція, копорой формы не имѣли ничего общаго съ формами Россіи; Беллини былъ *геній самостоятельный*, далекій, очень далекій отъ толпы подражателей славнаго Пезариоша!.. И вошь я побѣжалъ въ Пергольскій шеатръ, чтобы услышать сію до шакой степени превознесенную паршипуру. — Уме я предспавлялъ себя съ восхищеніемъ испинную оперу Ромео, достойную генія Шекспира. — Воже мой! Какой прекрасный предметъ! говорилъ я самъ съ собою, зранѣе шрепеща отъ удовольствія; какъ здѣсь все нарисовано для музыки!... Во первыхъ, блистательный балъ въ домѣ Капулеа, гдѣ посреди вихрящагося роя красавиць, юный Моншегю въ первый разъ примѣчаетъ *sweetest Juliet*, коей вѣрность должна была спомощь ему жизни; попомѣвши яроспныя сшибки на Веронской улицѣ, гдѣ киплящій Тибальдъ первенствуетъ, какъ геній гнѣва и мести; эша невырази-

мая ночная сцена на балконѣ Джульетты, гдѣ оба любовника тихо лепечуть гимнъ любви нѣжной, сладостной и чистой, какъ лучъ того ночнаго свѣтила, которое смотритъ на нихъ съ дружественною улыбкою; ослѣпя шушки безпечнаго Меркуціо; простодушная болтливость спарой кормилицы; важный характеръ пуспынника, щепетиво спарающагося хотя нѣсколько успокоить сіи порывы любви и ненависти, коихъ неистовство опоздалось даже до его скромной кельи... попомъ ужасная капаспрофа, упоеніе счастья въ схваткѣ съ безуміемъ опчаянія, сладострасшные вздохи, перемѣнившіеся въ смертное хрипѣніе, и наконецъ шоржественная клятва двухъ враждебныхъ фамилій, слишкомъ поздно заклиняющихся на прупахъ своихъ несчастныхъ дѣшей погасить ненависть, которая заставила пролить столько крови и слезъ!.. И мои шекли также при одномъ воспоминаніи сей глубоко прогашельной драмы!

Я вошелъ и увидѣлъ передъ сценою родъ длинной и шѣсной кишки, набишой музыкантами. Такое разположеніе гармонической массы было слишкомъ не удобно для произведенія эффекта. Это не предвѣщало ничего хорошаго; но шакъ какъ уже начи-

нали, но я не имѣлъ времени предаваться своимъ опасеніямъ. Веберъ сказалъ гдѣ-то : „прежде чѣмъ поднимушь занавѣсъ, оркестръ производишь *нѣкоторый шумъ*, и это въ Италіи называютъ увертюрою.“ Въ самомъ дѣлѣ, оркестръ, хромая, по напраую, по на лѣвую ногу, добрался кое-какъ до конца самой ничтожной пикани общихъ мѣсцѣ, перемѣшанныхъ съ *crescendo*, коихъ не шerpятъ даже Варварійскіе органы и котopья для музыкальнаго уха поже, что щеплая вода для запекшагося опѣ жажды горла Гайландскаго охошника. Между тѣмъ разговоры не умолкали и на оркестръ никто не обращалъ вниманія. Италійскіе аршисты не придаюшь никакой важности сему *нѣкоторому шуму*, котopый называютъ увертюрою; публика, говорятъ они, никогда его не слушаешь. Дилеттанты жѣ съ своей стороны увѣряюшь, что не будушь никогда слушашь эшихъ симфоній, пошому что онѣ не достойны ихъ вниманія. Но я съ своей стороны швердо увѣрился, что если бы композиторы сочиняли наслоящую инструменщальную музыку, то публика не больше бы оказывала къ ней вниманіе, и еслибы *dilettanti* въ свою очередь сдѣлались внимательные,

maestri не лучшебъ спали исполняшь свое дѣло. Будемъ продолжашъ. Опера начала раскрываться; хоры показались мнѣ изрядными и голоса довольно звучными; шупъ было около двѣнадцати мальчиковъ, коихъ *contralti* производили превосходное дѣйствіе. Персонажи явились одинъ за другимъ и почти всѣ дѣла фальшиво, кромѣ двухъ женщинъ, изъ коихъ одна, высокая и крѣпкая, играла роль Джульешшы, а другая, худощавая и низенькая, роль Ромео.

Вошъ уже въ препій или чепверпый разъ, послѣ Зингарелли и Ваккаи, нововодитель Беллини опять написалъ роль Ромео для женщины!.. Но, ради Бога, не ужели рѣшено уже на всегда, что любовникъ Джульешшы непременно долженъ являться на сцену лишеннымъ принадлежностей своего пола?.. Неужели можешъ быть ребенкомъ пошъ, кшо въ при удара пронзилъ сердце *яростваго Тибальда*, героя *фехтовальнаго искусства*, и послѣ того, разбивъ горделивою рукою входъ къ гробницѣ своей любезной, просперъ мершвымъ на спупеняхъ монумента вызвавшего его Грача Пари?... А его опчаяніе въ минупу изгнанія, его мрачное, ужасное спокойствіе при извѣспіи о смерти

Джюльетты, его судорожный бредъ послѣ принятія яду — неужели всѣ сіи волканическія спроси могутъ прозябать въ душахъ кашраповъ? ...

Можетъ быть не думаютъ ли, что музыкальный эффектъ двухъ женскихъ голосовъ чрезвычайно силенъ? ... Въ такомъ случаѣ къ чему тенора, басы, баритоны? Такъ заставляйте играть всѣ роли чрезъ *soprani* или *contralti*! ... Даже Моисей и Отелло менѣе покажутся нелѣпы съ такимъ свирѣлымъ голосомъ, чѣмъ эпопѣя Ромео. Но дѣлать нечего! надобно было рѣшиться слушать; можетъ быть, думалъ я, расположеніе піесы вознаградишь меня.

Но какая досада!!! Въ *libretto* нѣтъ ни бала у Напулеши, ни Меркуціо, ни болшавой кормилицы, ни важнаго и спокойнаго оппелъника, ни сцены на балконѣ, ни высокаго монолога Джюльетты, когда она принимаетъ опъ пусшынника спклянку, ни дуо въ кельѣ между изгнаннымъ Ромео и безупѣшнымъ пусшынникомъ ... нѣтъ Шекспира, словомъ, нѣтъ ничего... швореніе самое недоспапочное, искаженное, обезображенное, изуродованное! — А въ музыкѣ, гдѣ двойные хоры фамилій Моншегю и Напулецовъ? Гдѣ страстные порывы двухъ

любовниковъ , взрывы оркестра , живописные рисунки инструментовъ , новыя пронзающія душу мелодіи , смѣлыя группы аккордовъ оцѣпляющихъ картину , неожиданныя модуляціи ; гдѣ музыкальная драма и драматическая музыка , кошорыябъ должны были родиться ошь такой поэзіи ? . . Рѣшительно ничего подобнаго и не бывало въ помѣ , чшо я слышалъ въ Пергольскомъ театрѣ . О ! еслибы я имѣлъ несчасіе написать подобное произведеніе , шо каждую ночь , посреди ужасныхъ видѣній , являлась бы мнѣ раздраженная пѣнь Шекспира , грозящая месшію за оскверненіе своего высокаго шворенія !

Однакожь я долженъ присовокушшь , чшо между симъ богашспвомъ нищепы нашель я испинно прекрасную мысль , кошорою былъ живо шронушь . Въ концѣ одного дѣйствія , оба любовника , разлученные насильно своими раздраженными родителами , вырываются изъ удерживающихъ ихъ рукъ , и , бросаясь въ объашія одинъ другаго , восклицають : „мы увидимся на небесахъ !“ Музыканшъ положилъ на слова , выражавшія сію мысль , фразу , исполненную живаго , страшнаго и порывистаго движенія ; а не общее мѣсто , кошорое поешся въ одинъ голосъ

двумя персонажами. Эпи два голоса, сливаясь вмѣстѣ, какъ символъ совершеннаго единенія, сообщаютъ мелодіи необыкновенно возбуждающую силу; и я не знаю, отъ рамя ли, въ кои вспавлена сія фраза, и отъ способа ея выраженія, или отъ спранный внезапности неожиданно соединяющихъ въ ней голосовъ или наконецъ отъ самой ихъ мелодіи, только, признаюсь, что я былъ сильно потрясенъ и съ восторгомъ апплодировалъ. Вотъ куда иногда можешь забраться хорошая мысль! Такъ какъ я рѣшился выпить чашу до дна, то попробовалъ выслушать еще *Весталку Паччини*. Хотя то, что я зналъ объ ней, уже предсказывало мнѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ героическимъ, высокимъ идеаломъ Спигини, кромѣ названія; но я все никакъ не ожидалъ того, что услышалъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ шажкаго вниманія, я долженъ былъ воскликнуть подобно Гамлету: „эпо польнѣ!“ и не будучи болѣе въ состояніи глотать ее, вышелъ изъ театра въ половинѣ втораго дѣйствія, топнувъ шакъ сильно ногою въ полъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней чувствовалъ боль въ большомъ пальцѣ. — Вѣдная Италия!.. Вѣдная Италия!.. Но, по крайней

мѣръ, скажешь ты, хотя въ церквахъ-шо, музыкальное великолѣпіе должно быть досдойно пѣхъ обрядовъ, съ коими соединяешься? Бѣдная Ишалія! . . . Нѣтъ, мой другъ, ничего не бывало: и эшо шакже мечта! Въ послѣдствіи ты узнаешь, какую музыку сочиняюшь въ Римѣ, въ столицѣ Христіанскаго міра; шеперь выслушай шо, чшо я слышалъ своими собственными ушами, въ продолженіе моего пребыванія во Флоренціи.

Эшо было вскорѣ послѣ возмущенія въ Моденѣ и Болоніи; оба сына Лудовика Бонапарша принимали въ немъ участіе; ихъ мать, Королева Горпензія, бѣжала съ однимъ изъ нихъ, а другой, юный Наполеонъ, испустилъ духъ въ объятіяхъ опца. Всѣ прославляли его погребальную службу: церковь была вся обшца чернымъ; и величественная картина священниковъ, кашафалковъ, факеловъ, располагала не столько къ важнымъ и печальнымъ мыслямъ, сколько къ воспоминаніямъ, возбуждаемымъ въ душѣ именемъ и родствомъ шого, кого опцѣвали. Игралъ органъ или, лучше скажешь, органистъ (проси мнѣ сіе *concelto*)! Эшо несчастное подобіе челоуѣка, эшонъ оранг-ушангъ развернулъ ресшрѣ

маленькаго дудочекъ и рѣзвился пальцами въ верху клавишъ, насвистывая небольшія веселенкія арійки, какъ дѣлають крапивнички, когда, сидя на садовомъ штыбѣ, забавляють сами себя при блѣдныхъ лучахъ зимняго солнца. О Бешковенъ! . . . Гдѣ ша великая душа, пошъ глубокой гомерической умъ, копорый написалъ *sinfonia eroïca*, *la marcia funebre sulla morte d'un eroë*, и сполько другихъ дивныхъ музыкальныхъ созданий, кои изщортали слезы и сокрушали сердце!.. Наполеонъ Бонапартъ!.. какъ назывался и онъ!... Это былъ египтяеникъ!... почти его внукъ!.. умершій въ двадцать лѣтъ! . . . Его мать съ послѣнимъ дѣпищемъ бѣжала въ Англію! . . . Франція для ней возбранена навсегда. . . Франція, гдѣ она видѣла сполько славныхъ для себя дней. . .

Моё умъ, углубляясь въ минувшее, предспаяла ее веселую юною креолкою, танцуюю на палубѣ корабля, несшаго ее въ дѣвній свѣтъ изъ новаго, простого дочерью Госпожи Богарне, попомъ усыновленію дочерью повелителя Европы, Королевы Голландскою — и наконецъ изгнанною, забвенною, осиротѣвшею, опчаянно машерью, царицею безъ владѣній и припанища. . . Великій Боже! я не

Бешховенъ : но мнѣ кажется , еслибъ я былъ на мѣстѣ безсмысленнаго наемника, кошорый въ сей печальной церемоніи видѣлъ конечно одну шолько заказную работу, шо подѣ моими руками колоссальный инструментъ произвелъ бы что-нибудь другое, чѣмъ *небольшія асселенки і арійки* . . .

Въ Генуѣ, когда я туда пріѣхалъ, давали *Агнессу Паэра*, оперу тѣ родѣ *Чмарозовскихъ*, съ округленными и, можешъ бышь, слишкомъ уже округленными формами, но, не смотря на шо, изобилующую счапливыми и выразишельными мелодіями. Впечатлѣніе холодной скуки, кошорымъ сія опера меня опягчила, происходило вѣроятно ошъ чрезвычайно дурнаго исполненія, ослаблявшаго ея красоты. Сначала я замѣнилъ, что инструментировка благодарнаго и скромнаго Паэра допкой степени была задавлена какимъ-шо узовомъ, что за громомъ сего проклятаго инструмента совершенно терялся оркестръ, кошорый былъ написанъ не шакъ, чтобъ ошашься безъ эффекта. Это, безъ умнѣнія, сдѣлано было въ подражаніе повальной привычкѣ извѣснаго рода люде, кои будучи неспособны что-либо дѣлать, по-

чищаютъ себя предназначенными все *передѣлывать* или поправлять, и кошорые своимъ орлинымъ взглядомъ пошчасъ примѣчаютъ, чего не доспаетъ въ какомъ-нибудь произведеніи. Гна Ферлошши пѣла роль Агнессы (но очень осперегалась играть ее). Ничего не можеть бышь пошлѣе, нелѣпѣе и несноснѣе ея игры; на гореспное безуміе своего опца она опѣвчала съ непоколебимымъ хладнокровіемъ и совершенною безчувспенностію. Смошря на нее, какъ она едва упошрѣбляла ивкошорые жесты и пѣла безъ всякой выразишельности, вѣрояшно изъ опасенія упомишься, можно было подумашъ, что она не болѣе разу дѣлала репетицію своей роли. Игрою своей она напомнила мнѣ забавную кришику Бонардени въ *Les Frères Féroces*: „Альшаморъ кришишь вамъ ужаснымъ голосомъ: „бѣги скорѣе собрашь моихъ вассаловъ!“ а вы идеше шочно шакъ, какъ будшобъ онъ вамъ сказалъ: „другъ мой, шы идешъ прогуливашься въ эшу шпорону; если вспрѣпишься шамъ съ моими вассалами, шо скажи имъ, что я ихъ спрашиваю.“ — Оркешпръ показался мнѣ гораздо лучше Флореншинскаго; эшо маленькая и очень невинная шруппа; но скрышки играють правильно, а душовые ин-

спрументы довольно вѣрно соблюдаютъ шактъ. Испашн о скрыпкѣ: ты знаешь, что Паганини Генуезецъ. Въ то время, какъ я скучалъ въ его родномъ городѣ, онъ приводилъ въ воспоргъ весь Парижъ. Проклиная злую судьбу, лишившую меня счастья его слышать, я спарался по крайней мѣрѣ получить отъ его соотечественниковъ какія нибудь опносящіяся до него свиденія; но Генуезцы, какъ и всѣ жишели шорговыхъ городовъ, равнодушны къ изыщнымъ искуссшвамъ. Они съ совершеннымъ хладнокровіемъ говорили мнѣ о необыкновенномъ человекѣ, кошораго Германія, Франція и Англія принимаютъ съ воспоргами изумленія. Я спрашивалъ о домѣ его опца: и мнѣ не могли показатъ его. Также искалъ я въ Генуѣ храма, пирамиды, или, по крайней мѣрѣ, колоссальнаго монумента, воздвигнутаго въ память Колумба; но нигдѣ даже бюспъ великаго человека, опкрывшаго новый міръ, ни разу не поразилъ моихъ взоровъ, въ то время какъ я блуждалъ по улицамъ неблагодарнаго города, кошорый видѣлъ его рожденіе и кошораго онъ соспавилъ славу.

(окончаніе слѣдуетъ.)

V.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОКИ.

ГОФФМАНЪ.

Гоффманъ родился въ Кенигсбергѣ, 24 Января 1776, а умеръ въ Берлинѣ, 25 Июня 1822 года.

И семь-то пространствомъ сорока осьми лѣтъ измѣряется жизнь его, споль богатая событиями; и еще болѣе ощущеніями живыми и глубокими! Для лучшаго уразумѣнія, я раздѣлю ее на три эпохи, въ коихъ выражающся три главныя измѣненія, какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ быту Гоффмана: его юность, печальную и мечтательную, исполненную художническихъ мыслей и внутреннихъ поспрясеній; его зрѣлый возрастъ, когда онъ, брошенный въ свѣтъ, долженъ былъ терѣться въ свѣтъ; и его послѣдніе годы, отзывающіеся сарказмомъ и проническою сашпирой противъ людей, среди коихъ онъ жилъ и создавалъ свои фаншаспическія карпины.

Его дѣтство и юность проходятъ въ Кенигсбергѣ. Здѣсь первыя существа, съ коими онъ встрѣтился, начавъ наблюдать, казалось, вызывали его къ шѣмъ насмѣшливымъ изображеніямъ, въ коихъ позже сдѣлаелся онъ шакъ искусецъ. Старый дядя, неповоротливый, чванный, мѣлочный, ограниченный и чопорный, служилъ шипомъ многимъ его саширамъ; бабушка, пришедшая почти въ состояніе дѣтства, и мать, все больная: вошъ чшо въ первыя лѣта жизни представля-

логъ Гофману! Была у него шешка веселая и ошпроумная, но характеръ дяди зашмѣвалъ ее. Впрочемъ онъ жилъ врозь съ опцемъ и одинъ въ дошъ, шерзаемый съ одной спороны пошлыми, надушными и сисшемашическими идеями своего дяди, съ другой, каршиною физическихъ спрада- ній, безпрешанно предспавлявшихся его взорамъ.

Одиннадцати лѣтъ онъ находить себѣ друга Гиппеля а), нѣжнаго, вѣрнаго Гиппеля, когю жизнь съ сихъ поръ неразлучно переплешешся съ его жизнью и кошорый будешъ повѣреннымъ всѣхъ его мыслей.

Рано въ немъ развиваешся воображеніе и художническій геній, геній живописи, поэзи и музыки, все имѣешъ. Онъ хошѣлъ бы заняшся изученіемъ искусства, а ему велѣшъ занимашся правовѣденіемъ. Разница большая; но въ шо же время говорѣшъ ему, что симъ шолько средствомъ можешъ онъ снискашъ себѣ пропитаніе... Гофманъ хватаешся за сіе средство.

И вопъ предъ нимъ двѣ дороги... Онъ колеблешся, по кошорой иди... Учишся правовѣденію... но скоро бросаешъ книги, играешъ на скрипкѣ, хватаешся за кисть, пишешъ романъ Гиппель шогда уже съ нимъ и никшо, кромѣ Гиппеля, не проникаешъ во глубину души его. Уже подозрительный, боязливый, онъ имѣешъ нужду

а) Разумѣешся, это не шощъ знаменитый сошменный писатель, кошорый умеръ въ 1796 году, а его племянникъ.

въ избѣжномъ и испытанномъ существѣ, кошорому бы мѣ, открывъ все свое сердце, предъ кошорымъ мои бы предавался свободно всѣмъ художническимъ торывамъ. Они шѣсно другъ съ другомъ связаны; у боихъ характеры нѣкошорымъ образомъ совпадаюъ другъ съ другомъ. Гоф-фманъ владмчеспивуешъ одъ Гиппелемъ своимъ энтузіазмомъ, мыслию редпримчивою и смѣлою: сей послѣдній беретъ верхъ надъ Гоф-фманомъ своимъ холоднымъ умомъ, рямошою сужденія, шѣмъ спокойшвіемъ, кошорѣ шакъ выхваляютъ Сен-Симонисшы. Одинъ воздмаетъ, другой его удерживаетъ: шощъ кипитъ, сей умѣряешъ его. Испинно превосходное сочиненіе!

Иногда, въ извѣстные ли недѣли, у нихъ назначаются болѣе шочные часы для свиданія, часы, когда они, съ радостшо освобождаясь отъ всякой обязанности, отъ всякаго шрумаго занашія, забираются въ комнату и, за бушьакой Рейнскаго, говорашъ объ искусствѣ, повзін, любви, обо всемъ, что говорашъ въ двадцашъ лѣтъ, юношами шакъ организованными.

Послѣ Гоф-фманъ часшо съ горечшо вспоминалъ о сихъ часахъ сладкаго забышя и упоенія.

Доселѣ жизни его проходила еще безъ бурь, хошя и не съ полнымъ наслажденіемъ. Но ему гошовишя жестокая скорбь: Гиппель, призываемый къ исполненію обязанности, для коихъ предназначалъ себя, оставляетъ Кенигсбергъ и покидаешъ здѣсь Гоф-фмана. Увы! пожалѣйте о немъ: онъ очень несчастливъ. Еслибъ вы знали, какъ онъ плачетъ, какъ шерзаетъ, какъ мучишя его сердце сею

разлукою! Еслибъ вы знали, какъ онъ пишеть къ нему письма, письма пламенные, искренныя выраженія грусти, его раздирающей выраженія дружбы, почти романической. У него былъ только онъ одинъ, онъ и могъ имѣть по-мо его одного; онъ не знакомился ни съ однимъ Кюнигсбергскимъ юношей, не позволяеть ниодному изъ нихъ съ собою знакомиться. Возвратите ему Гиппеля. Онъ для него все: его братъ, его повѣреный, другой онъ. . .

Вопъ что къ нему пишеть онъ однажды:

„Если я говорю тебѣ, что ты занимаешь меня болѣе, что ты къ сердцу моему ближе, нежели что-либо въ свѣтѣ, что я готовъ жершвовашъ всѣмъ, дабы слѣдовать за тобою, дабы наслаждашся блаженствомъ, сообщаемымъ дру- жбою: о! повѣрь мнѣ, я говорю тебѣ свя- шую, глубокую, благородную истину: мы рождены другъ для друга. Пусть судьба насъ радучаетъ, сердца наши неразлучны. Можеть бышь, наконецъ найдемъ мы желаемую при- спань. Можеть бышь, соединясь вмѣстѣ, впол- нѣ насладися тою радостію, о коей сполько мечшали, кошорую такъ призывали. Огненное чувство мое къ тебѣ никогда не оспынетъ: и я горжусь тѣмъ, что могу шого же опъ тебѣ надѣяшся.“

Въ самомъ дѣлѣ, онъ желалъ всячески соеди- ниться съ своимъ Гиппелемъ: но одно препятствіе его удерживаетъ. Онъ любитъ и любимъ. Онъ повер- гается въ объятія женщины, кошорая, постигнувъ художническую его спрасъ, оковываетъ его и удерживаетъ близъ себя. И вопъ онъ колеблется ме-

жду чувствомъ дружбы; которая для него составляла необходимую потребность, любовью, коей влеченіямъ не можешь противиться, и идеями искусства, которая также его не покидаютъ. Ты можешь легко понять, какъ раздражительная душа его, перзаемая всеми шрема могучими спрасами, добыча столь сильныхъ противоборствовавшихъ, мучилась и выходила изъ сей битвы изумленною и изможденною. Пытаясь изменить судьбу свою, вырвался насильственно изъ сферы, гдѣ жизнь его сдѣлалась жертвою столь лютыхъ спрадавацій, онъ удаляется изъ ней, оставляя въ ней часть себя самого. Да, бѣдный Гофманъ, дыши другимъ воздухомъ, бѣги въ другой городъ, въ другое общество; но сердце живое обливаешь кровью, спрѣла проникла далеко, аршисту и любовнику нанесена слишкомъ глубокая рана, и можешь ли ты излѣчишь ее?

Онъ ѣдетъ въ Глогау къ одному изъ своихъ дѣдей, продолжая начатый курсъ правовѣденія. Но что дѣлалъ въ Глогау ему, привезенному съ собой столько воспоминаній, онъ копировалъ онъ не хотѣлъ опираться; ему, убѣгающему сына; ему, разлученному съ своими единственными друзьями, ему, наконецъ, съ обращеніемъ двадцатилѣтняго юности, увлекаемаго всеми возможными фантазіями, жаждою любви, познаній, дружбы; ему, лишенному соспрадавельнаго голоса призыва, лишенному дружелюбной руки, которая бы могла прохлаждать пылающее его чело? За что, правда, какія жъ у него и мечпы, съ какою жадностью перебѣгаешь онъ отъ предмета къ предмету! Сегодня предается спрасиво музыкъ...

но она его упоминаешь, изнуряешь . . . и онъ пишеть къ Гиппелю :

„Я уже не люблю музыки. Справедливо ска-
заль объ ней Жан - Поль , что она для нашего
сердца шже , что языкъ льва для кожи , кошо-
рый прежде ее щекочеть , а пошомъ вымываетъ
изъ ней кровь. Музыка расслабляетъ меня ,
какъ ребенка ; она вскрываетъ все прежнія мои
раны.“

Пошомъ бросаешься къ живописи , желаешь
въ ней усовершенствоваться , овладеть ею , и въ
сверь сего искусства и дружбы Гиппеля , создашь
для себя новый мръ блаженства.

Но , по долгомъ размысленіи , выводишь за-
ключеніе :

„Бываютъ мгновенія , когда я опчашаюсь най-
ни счастіе , когда чувствую себя принужденнымъ
идти на переکورъ всему , что имѣеть видъ счастія.“

Видный юноша , у котораго гнѣтъ споры ! Не-
счастливая душа , кошою предшавляется множе-
ство путей ; но изъ коихъ она не знаетъ , кошоый
выбрать , ибо уже оставила большую дорогу , гдѣ
моглибъ ей вшрашиться пушководители !

Изъ Глогау идетъ онъ въ Познань. Вступается
въ должность , въ государственную службу ; это все
хорошо. Здѣсь онъ начинаетъ смотрѣть на свѣтъ
уже другими глазами ; напуганный имъ прежде ,
онъ приучается теперь на него смотрѣть , но уже
для того , чтообъ надъ нимъ смѣяться. Онъ не-
рѣдко покидаетъ свою юношескую грусть . И о
чемъ ему грустить ? Онъ забавляется надъ обще-

цвомъ , съ кошорымъ не могъ еще сойтись ! Ему оспашенся шолько брацься за карандашъ или пишанъ фаншазии въ родѣ Кальо. Разъ прѣѣжаешь онъ въ Познань на великолѣпный маскерадъ, наряженный Ишпаліянскимъ мѣнлою образковъ, и раздаешь каждому изъ присушествовавшихъ въ обществѣ каррикашуръ, носящія явный оппечашокъ мѣшносши. Чшо за праздникъ для всѣхъ ! Сосѣдъ узнаешъ сосѣда, завистишица узнаешъ свою соперничу, молодая дѣвушка любуется на гримасы своего любовника. Раздаюшся крики и рукоплесканія въ честь Ишпаліянскаго купца. Но вошъ маленькая неосшорожносшь : предметами каррикашуръ были не гѣкошорыя особы Познанска, а все общество, все, чшо ни было извѣснаго въ городѣ, всѣ присушествоующіе на балѣ. Добрыя люди, кониъ пріятно было любовашься мисшификаціей своихъ пріятелей, замѣчаютъ, чшо злой насмѣшникъ не пощадилъ и ихъ : между шѣмъ какъ они въ одномъ углу залы любуются грубой каррикашурой своихъ знакомыхъ, въ другомъ смѣются надъ ихъ изображеніемъ. Судите, какая буря должна была собраться надъ головою бѣднаго Гофмана, и еще въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ ! По вѣрнымъ извѣстіямъ, въ шуже самую ночь, какъ раздана была сія превосходная коллекція, одно изъ значительныхъ лицъ Познанскихъ, надовольное, по видному, своею долею, посылаетъ всшашу въ Берлинъ, призывая на главу бѣднаго художника всѣ громы карающаго нравшесльства ; и разумѣетъ само собою, чшо сей доносъ не слѣзкомъ былъ полезенъ для Гофмана на его полиціескомъ поприщѣ.

Между пѣвъ въ Познанѣ, не знаю какъ, онъ женился. Въ письмахъ онъ не говоритъ ничего объ этой женитьбѣ и много, если разъ или два, упоминаетъ о женѣ. Впрочемъ знавшіе ее утверждаютъ, что это была добрая и любезная женщина, сославившая счастье Гофмана.

Въ 1802 году онъ вызванъ былъ въ Плоцкъ въ Совѣтники; 1804 года, въ томъ же званіи, переезжаетъ въ Варшаву.

Здѣсь жизнь его принимаетъ направленіе, дошолъ ей чуждое. Онъ находитъ любезное общество вѣнскихъ людей, занимающихся искусствами; большой городъ; огромные способы для любимыхъ своихъ занятій; людей съ большою извѣстностію, съ которыми входитъ въ сношенія, каковы Фоссъ, Вернеръ и наконецъ другъ его Гиппигъ, жившій въ Варшавѣ въ качествѣ Референдарія, котораго для Гофмана одѣлался вторымъ Гиппелемъ.

Увидѣвшись, они поочасъ полюбились и полюбили другъ друга. Жили они бокъ о бокъ: ихъ окна равно возвышались надъ землей; и вечеромъ, когда бывало склынешь народъ и Варшавскія улицы сдѣлаются пусты, Гофманъ дастъ знакъ, окна опустятся, и два друга, въ халатахъ и молчакахъ, выспаваясь изъ нихъ, нередко проговорятъ до самаго утра.

Гофманъ, нашедши друга, возвращаетъ снова свою дѣятельность: онъ учреждаетъ концерны, сочиняетъ, самъ исполняетъ и нередко бываетъ главою оркестра. Въ Варшавѣ есть обществу по его мыслямъ; онъ составляетъ себѣ кругъ знакомства, въ которомъ его любятъ, гдѣ ему приятно; нанимаетъ хорошую квартиру

и окружаешь себя предметами искусства, кощорые ему наиболее нравятся: можно было думать, что онъ навсегда укоренился въ Варшавѣ: такъ ему здѣсь хорошо! Но приходитъ Французы, берутъ Варшаву, ниспровергаютъ Прусское правительствво, ошкданнвающся Гипцигу и Гофману, всѣмъ Совѣщникамъ и Референдаріамъ, и, безъ церемоніи, восшановляють прежній Польскій порядокъ.

Друзья Гофмана указываютъ; онъ одинъ упорствуетъ и не хочешь оставишь Варшавскаго элиэума. Но вошь спановицца жестко болѣть; комедекъ его нустивецъ; онъ одинъ — и не находишь уже своего прежняго обраа жизни. Надо ѣхать и ему. Онъ ишетъ къ Гипцигу, кошорый зоветъ его въ Берлинъ: и Гофманъ, бѣдный, беамѣслный, даже не зная, когда същецъ себя какую-ни будь должность, занимаешь кое-какъ 200 шалеровъ и приѣжаешь въ Берлинъ.

Здѣсь начинается новый образъ его жизни, кошорый продолжился нѣсколько лѣтъ: жизни, освобожденной ошь всѣхъ важныхъ обязанности и суровыхъ занятій, конми прежде былъ онъ связанъ; жизни художической, корощко сказашъ, шакой, какой онъ давно желалъ и шребовалъ. Онъ приѣжаешь въ Берлинъ, шребуешь мѣсна, и не находишь; берешся за ремесло поршрешисша, двепъ уроки музыки, чншпоицсанія. Но, уми! онъ не извѣстенъ! У него ошпадось всего шеспъ золотыхъ фридериковъ — и шѣ украдены. Куда идши? на что рѣшишся? Къ счастью пришло ему въ голову, что онъ можешь опредѣлишся при шешпрѣ дирекшоромъ музыки. Идетъ совѣшоващся

къ Гипцигу, Гипцигъ рекомендуетъ его Графу Содену, и Гофманъ определенъ директоромъ музыки въ Бамбергскомъ театръ. О, какая для него радость, когда онъ, послѣ нѣсколькихъ дней ужаснаго безпокойства, получаешь сѣ добрыя вѣсти, поспѣшно собираешься въ дорогу, занимаешь у шого, у другаго, и на каждой верстѣ, по пути къ своему любезному Бамбергу, спростишь воздушные замки. Видный Гофманъ, считавшій себя совершенно погибшимъ, теперь оживаетъ подъ благоприятной звѣздой музыкальнаго счастья! Но прѣхавъ въ Бамбергъ, онъ находитъ театръ въ величайшемъ замѣшательствѣ: директоръ уѣхалъ; касса пуста; актеры, въ отчаяннѣ, рѣшаются образовашь комитетъ управленія изъ себя самихъ и дають въ директоры Гофману конфетчика, водочнаго масшера и купца торгующаго шелкомъ. Представленія идутъ кое-какъ. Гофманъ, прѣхавшій въ директоры музыки, сочиняетъ сценки. Разъ сдѣлалъ онъ прологъ, въ комъ вславила похвалу въ честь Принцессы Нефшательской! Она была въ театръ — и прислала ему 30 каролитовъ. . . Какое счастье! —

Занимая такія образцы двѣ должности, музыканта и поэта, онъ пишетъ къ Рохлицу, который въ Лейпцигѣ издаетъ музыкальный журналъ, и предлагаетъ ему себя въ со-трудники. Рохлицъ соглашается. Гофманъ посылаетъ къ нему разсужденія и криштики на выходящя музыкальныя сочиненія: ихъ хватають наперерывъ; и на нихъ-шо Гофманъ основываетъ свою извѣстность въ Германіи.

Это конечно лучше, чѣмъ заживо сжоронить себя въ кипахъ государственныхъ актовъ и смешать архивную пыль; но все это такъ мало доставляетъ выгоды! И въ это время, какъ Гофманъ продавалъ себя первому встрѣчному, рвался, такъ сказавъ, во всѣ чешыре стороны искусства, въ Бамбергскій театръ приглашаетъ новый директоръ, Гольбейнъ, человѣкъ смѣлый, ловкій, и привозитъ съ собою нѣсколько хорошихъ актеровъ; онъ беретъ кормило театральнаго управления рукою швердою и возвращаетъ театру прежній его блескъ, котораго, со дня на день, болѣе и болѣе зашмѣвался.

Гольбейнъ знавалъ прежде Гофмана и умѣлъ его цѣнить; онъ предлагаетъ ему заняться искусствомъ машиниста; и добрый Гофманъ принимается за дѣло съ такою ревностію, что чрезъ нѣсколько времени занимаетъ многія мѣста вдругъ: директора музыки, машиниста, архипектора и декоратора Бамбергскаго театра. Все идетъ такъ, что чудо; слава о успѣхахъ новой группы разносится всюду; зрители спекаются, касса полна; словомъ, это періодъ радости и счастья! Гофманъ нашелъ свое мѣсто, Гофманъ веселъ. Прогулки, ужины, общесства смѣляются другъ друга въ удивительномъ порядкѣ: прощайше хлопоты, мучительныя заботы; жизнь снова развѣчена, слова прекрасна и очаровательна: художническое упоеніе овладѣваетъ Гофманомъ и переноситъ его въ благоуханную атмосферу. Къ довершенію его счастья, достаются ему по наследству отъ умершаго стараго дяди въ Кенигсбергѣ 500 тале-

ровъ. Онъ уплачивается часнь своихъ долговъ, живешъ въ довольствѣ, Не правда ли, что онъ очень счастливъ?

Но счастье на землѣ крашкременно! По-какому-шо капризу, Гольбейнъ оставляетъ Бамбергскій шеашръ: все послѣ него колеблется, разширивается и наконецъ приходитъ въ упадокъ.

Гофманъ, кошорый никогда не ожидалъ, что-бы съ нимъ случилось подобное несчастье, и кошорый жилъ весело со дня на день, пришелъ въ зашруднишельное положеніе. Онъ повергается въ бѣдностъ, крайнюю бѣдностъ; продаешъ послѣдній свой рединготъ, и разъ пишешъ въ своемъ альбомѣ: „*получено изъ Лейпцига 35 талеровъ: радость!*“ Признаюсь, я совершенно вѣрю этой *радости*. За шѣмъ получаешъ онъ еще небольшой клочекъ наслѣдства изъ Кенигсберга; но это уже послѣдній, скоро и его не останешъ; тогда Гофману придется пожалѣть о золотыхъ денькахъ, проведенныхъ съ Гольбейномъ!..

Однакожь, ушопая, онъ цѣпляется за доску. Рохлицъ ищешъ ему мѣсто директора музыки въ Дрезденѣ; мѣсто дано; Гофманъ ошашъ признанаешъ, что-бы доѣхать до Дрездена; ѣдешъ, проѣзжаетъ чрезъ линіи козаковъ и калмыковъ; чего ему бояшьса? Не возмушъ они у него ни пульмена, ни его музыкальныхъ сочиненій, ни оперы *Ундины*, надъ кошорой онъ тогда шрудился... а кошелекъ его очень легокъ, ибо по приѣздѣ въ Дрезденъ уже въ немъ ничего не останешся. Между шѣмъ Секундо-директору шеашра угодно переѣхашъ въ Лейпцигъ; и Гоф-

фманъ долженъ съ нимъ соединиться. Блудный Гофманъ! онъ бы охотно пошелъ цыцкомъ, да жена!..

Размышляя и мечтая о средствахъ, какъ совершить путь изъ Дрездена въ Лейпцигъ, не имѣя къ услугамъ своимъ ни Пегаса, ни Гиппогрифа, онъ встрѣчаетъ случайно Гиппеля, своего друга, своего брата, свое провидѣнiе. Гиппель спѣшилъ къ нему на помощь съ опроверженными обѣщанiями, какъ бывало прежде Кенигсбергскимъ студентомъ. Возвратились дни прежней ошкороуности и дружбы; Гофманъ ободрился; все позабышо: онъ нашель своего друга.

Но Гиппелю надо ѣхать на Государственныи Канцлеромъ, съ конемъ онъ нуждается; и Гофманъ, не удерживаемый ничѣмъ въ Дрезденѣ, отпрауывается въ путь къ Секунду.

На полдорогѣ карета падаеть; одинъ изъ путешественниковъ убитъ, нѣсколько ранены. Жена Гофмана распросперша на землю, вся въ коншузiяхъ; ее перевозятъ въ Мейссенъ, лечатъ; оспаунавляюща за нѣмъ на нѣсколько дней; наконецъ прѣзжаютъ въ Лейпцигъ.

Тутъ Секундо объявляетъ имъ, что онъ получилъ снова дозволенiе играть на Королевскомъ Дрезденскомъ театрѣ: надо было только возвращающа въ Дрезденъ. Гофманъ, не имѣя другихъ средствъ, заспешиваетъ чемоданъ, садаетъ на шельгу жену, у кошорой вся голова еще въ плащиряхъ; актеры и актрисы плешуща кое-какъ. — Ну, амщикъ, пошоль! —

Въ Дрезденѣ Наполеонъ (ибо мы уже въ 1813 году); и Саксонія сдѣлалась театромъ сей замѣчательной войны, долженствовала скоро кончиться такою ужасною кашаспироюю.

Дрезденъ окруженъ союзными войсками; и ежеднневно, що поближе, што подалше, замыкающиса силы. Во время сихъ военныхъ эволюцій, безпорядковъ войны, и всѣхъ безпокойствъ, неразлучныхъ съ подобными событіями, театръ идетъ кое-какъ. Одинъ день играютъ на земѣ Тальма съ Французами, другой — Италіяны, прешій — шруппа Секундо.

По влзшій Дрездена, войска опшгунають къ Лейпцигу; шунъ Гофманъ ссорился съ Секундо и опшказываешся опъ своего мѣста, продолжаетъ писать въ музыкальномъ журналѣ, шрудился надъ своею *Ундиной*, начинаетъ нѣсколько сказокъ, опндаешъ книгопродавцу Баумгершверу сочищеница, парщованннц и раскрашенннц самннц ннц каррикатшурн. Умм! какъ это все мадо! Опъ впадаешъ снова въ женщейскія заботы, въ положеніе близкое къ нищестъ. . . . Сверхъ много заемогаешъ. . . . И воощъ снова поверженъ въ сферу безпокойной и скудной жнзнн, съ которою столько времени боролся!

Но въ сію эпоху въ характеръ его уже стала замѣтно что-шо необыкновенное, сардоничешкое и снгранное, сходное со многими ннц лицъ, опшсываемыхъ въ его романахъ. Когда онъ предавался своему энтузіазму, пламенная мысль порабощала его вполне, увлекала въ міръ новый и дѣлала чуждымъ для всего, что вокругъ ни происходило.

Онъ Докшора Вагнера, часно посѣщавшаго его въ Лейпцигъ, слышалъ я происшествіе, которое можетъ дать вамъ нѣкоторое понятіе о многомъ, какъ онъ предавалъ своимъ занятиямъ. Разъ Докшоръ Вагнеръ встрѣчается жемъ Гофемана, которая приглашаетъ его къ себѣ на вечеря. „Мужъ мой, говоритъ она, теперь очень занятъ писаньемъ: окончилъ дѣла свои, онъ очень будетъ радъ васъ видѣть.“ Идутъ. Проходя въ комнаты, Гжа Гофеманъ слышитъ, что кто-то играетъ на фортепьяно съ необыкновенною живостью и рѣдкимъ талантомъ. Отворяетъ дверь и видитъ женщину, которая, предавшись музыкальному вдохновенію, не слышитъ, какъ они вошли, и продолжаетъ ласкать пальцами по клавишамъ, съ силою и быстротою, заставлявшими угадывать, что происходило въ душѣ ея. Любопытные приближаются на цпочкахъ къ фортепьяно и подъ широкими полями жаконовой шляпы узнаютъ лице Гофемана. Но ихъ хохоту и восклицаніямъ, вырвавшимся отъ удивленія, Гофеманъ замѣчаетъ, что онъ не одинъ, осматриваетъ себя съ ногъ до головы и удивляется самъ своему наряду. Ходя по комнатамъ и размышляя объ оперѣ, увидѣвъ онъ платье своей жены и видѣвъ его по раздѣльности: между нѣмъ вдохновеніе вспыхнуло . . . онъ сѣлъ играть . . .

Въ 1814 году, когда Гофеманъ начиналъ чувствовать себя очень несчастливымъ, еще разъ прѣзжаетъ другъ его Гиппель и совѣтуетъ ему войти въ службу. Гофеманъ соглашается. Гиппель принимается хлопотать, достигаетъ ему мѣсто . . . и друга его зовутъ въ Берлинъ, гдѣ

онъ находишь и Гипцига. Оба они, чрезъ полгода, сдѣланы оидище Совѣтниками.

Здѣсь начинается для Гофмана совершенно новая жизнь, жизнь исполненная успѣховъ, споль много ожидаемыхъ, осыпаемая ласковыми привѣтливостями и славою. Романы его спали расходишься по всей Германіи и вошли въ большую моду. Его Ундина, предсказанная въ первый разъ въ Берлинѣ, приобрѣла ему славу музыканта, равную славу поэта. Тогда спалъ онъ на высокую спеню прочной извѣстности; свѣтъ уже началъ показывать его, но за то онъ переспалъ говннсья за сплпомъ. Пройдя сквозь рабское, обуреваемое спрациями бытіе юности и алтѣйливую, хлопотливую жизнь художника, спеперь онъ вошелъ въ свои права, спеперь онъ спалъ самъ онъ и владичесивуетъ надъ міромъ. Онъ много наспрадала онъ свѣта, спеперь имъ пренебрегаешь, гнушаешь; сперва обвинилъ его въ жеспокосни, спеперь ругаешь за гдуоси; весь міръ кажется ему шакъ малъ и смѣховъ; онъ спохришь на него и хочептъ. Его приглашають во весь общесива вышшаго шона: но онъ приноситъ съ собою въ нихъ духъ сарказма, замѣившаго чувствившельность, кошорой шакъ долго не умѣли въ немъ помятъ, и пламень души, кошорый нерѣдко долженъ былъ пожиратъ самъ себя. Онъ громко кричитъ, когда играешь музыка; языкъ его бросаешь оспрыя спрады колкой насмѣшки; иногда онъ прихонитъ совершенно мрачный и задумчивый, погруженный въ спрацины свои карцины и фантастическую поэму. Оспавыше его удалишься изъ круга, кошорый не годится для него и для

кошораго онъ не годился. Оставивше его: у него теперь другой мiръ. Его мысль, сколько разъ шiсьнималъ, терзаемая и попираемая людьми, наконецъ успокоилась сама въ себѣ и можешь, по его произволу, принимаешь формы мрачныхъ драмъ или граціозныхъ романовъ, кои шворнишь и возвращаешь съ какою-шо сладкою небрежностью: она создала себѣ другое небо, другую планету, кои населяешь и устрояешь по своей фантазiи; создала другое общество, другую жизнь...

Оставивше его. Въ юношескія лѣта онъ писалъ Письма къ Гиппелю; какъ художникъ, издалъ Разговоры Директора Театра; теперь онъ напишетъ вамъ біографію Коша Мура и Принцессу Брамбиллу. Посмотрите, съ какимъ удовольствіемъ выходишь онъ изъ гостиной, гдѣ былъ по обязанности. Вотъ онъ вышелъ и дышетъ свободнѣе: ему шакъ легко; онъ снова въ мiръ воображенiя, порывы коего, можешь быть сей часъ только, долженъ былъ насильно обуздывать. Онъ чувствуетъ, какъ оно рвется, распускаешь свои крылья и направляешь полетъ въ мiръ иной... безумное! И онъ бѣжитъ въ погребокъ и кричитъ: вина, вина Гофману! Не шо; чтобы онъ мучился жаждой или искалъ грубаго наслажденiя въ опьянiи; но вино ему нравится, ивишь, совсемъ нить! ему сладостна новая пенлоша, разливаемая въ немъ виномъ... Нары Іоганнисбергскаго бросающа ему въ мозгъ: воображеніе чувствуетъ себя осбданнымъ и пускаешо во весь опоръ. И тогда - шю возникаешь длинная цѣдь спранныхъ существъ, порожденных его блуждающей мыслию; всѣ ешекаюцца на его зору,

развивающа, распушь и спановатся въ рядъ предъ его взорами. Это романъ, имъ соспавляемый, лица, одному ему знакомыя, коихъ характеры и физиономію онъ одинъ въ силахъ изобразить вамъ: это его собственная драма, совершаемая между небомъ и землею, словомъ, его собственнымъ міръ! Вошь что дашь ему вино, вошь чего онъ ищеть въ винѣ! Тогда напрягающа и приводяща въ дѣятельность всѣ его способности; живописецъ приношишь свои яркія и рѣкія краски, поешъ свои живыя ощущенія, музыкантъ свою гармонию. И вошь развивающа весь міръ искусства: пейзажи, нарисованныя съ изумительною вѣрностью, оживляюща сценами любви, исполненными самой свѣжей поэзіи, мыслей, выливающимися прямо изъ сердца; гармоническія голоса раздаются въ воздухѣ. Это земля совершенно нова, по кошорой ходишь съ какимъ-то спраннымъ чувствомъ удивленія и наслажденія; встрѣчаешъ лица, кошорыхъ, конечно, никогда не видывалъ, но кошорыя узнаешъ немедленно; это концерты, въ кошоромъ есишь какое-то волшебство, какая-то магія; расказы, кошорый или заспавишь васъ расхохотаться до слезъ, или возбудишь въ васъ живѣйшую грусть: но и это и другое ощущение смѣшано съ чѣмъ-то спраннымъ; и послѣ смѣха и послѣ слезъ ошашетоя чино-то неопредѣленное: такъ наслушавшись рева падающаго водопада, долго еще слышишь раздающійся въ ухахъ глухой шумъ его! Все описываемое имъ, Гофманъ самъ и видишь, и слышишь, и все это дашь ему вино. А вы хотише, чшобы онъ велъ жизнь пошопанную и презвую, не ходилъ въ погребомъ, пилъ за обѣдомъ по предписа-

нью медика; вы хошите, чшобы онъ, послѣ сихъ справствованій воображенія, послѣ сихъ фантастическихъ наслажденій, послѣ столь восхищительныхъ и своенравныхъ созданій, бросилъ свои воздушные замки, разломалъ самъ свои арабески, разогналъ своихъ домовыхъ, опустился снова на землю — онъ, Гофманъ — онъ, внимавшій звуку Кремонской Скрыпки и голосу Анны въ Дон-Жуанъ; онъ, проникнувшій въ секреты Запускалаго Дома и постигшій нѣжную таинственную любовь Маюрашсша; онъ жившій съ Сальвадоромъ - Розою, съ Бочаромъ Маршиномъ, съ Двицею Складери и Песочнымъ Человѣкомъ — онъ, Гофманъ — вы хошите, чшобы онъ не пилъ? — О! нѣтъ! это не возможно!...

Разъ приходилъ къ нему одинъ изъ его приятелей и заспаешъ его страдающимъ сильной простудой. Являешся медикъ, беспокоинся о его здоромѣ, умоляетъ не выходить, а всего болѣе, не пить. Гофманъ ошвѣчаетъ на все съ подобострастїемъ покорнаго ребенка. Но одна медикъ за дверь, онъ долой халатъ, шуфли и мѣховой колпакъ, одѣвается и хочешъ идти.

— Да знаешъ ли ты, какой себѣ сдѣлаешъ вредъ? говоритъ ему другъ.

— Пустяки, ошвѣчаетъ Гофманъ. У нашего погребщика, добраго приятеля Люшера, есть въ запасъ ошличное Рюдесгеймское, какого ты никогда не пивалъ. Идемъ!

Предписывая молчаніе на всѣ возраженія, Гофманъ идетъ и уводитъ съ собой друга въ любимый свой погребокъ.

Люберъ пренизко кланяется и идетъ доставать бутылки съ спарыиъ виномъ.

— Ну, Люберъ, говоришь Гофманъ, прикасаясь къ безцѣнному кристаллу, надѣюсь ты не сдѣлалъ здѣсь реформація?

— Боже избави! ошвѣчаешь чешный погребщикъ.

И Гофманъ пьетъ, забываетъ свою болѣзнь, удушаетъ свой кашель и даетъ волю воображенію. Онъ выходитъ ошпуда съ сверкающимъ взоромъ, съ гордой осанкой, съ улыбкой на устахъ. Никогда не былъ онъ такъ оспроуменъ!

Иногда вырвавшись изъ гостинной, гдѣ его ожидали, изъ общества, гдѣ принимали его съ ошверзшими объятіями, въ корошкомъ исподнемъ плашьѣ и въ шелковыхъ чулкахъ, онъ лешитъ въ свой любимый погребокъ. Тамъ сходились съ нимъ Контесса, Король, Гвнцигъ. Приходили шуда и иноспранцы, завлеченные его славою, любопытшшвуя видѣть его въ семъ спранномъ убѣжищѣ, въ семъ необычайномъ храмѣ его поэшическихъ вдохновеній.

Тутъ-шо Гофманъ, чуждый заботѣ, окруженный шабачнымъ дымомъ, согрѣшый ашмосферою погребка и вкушаемой имъ влагою, Гофманъ, свободный, веселый, предавался всей игривосши своего нрава, вдавался во всѣ своелія ума. Оспрошмы сыплюшся непрерывно; разговоръ кипитъ и сверкаетъ. Горе лицамъ, съ пошлою или неблагопріятною физиономіею попадающимъ ему на глаза въ эпошъ вечеръ! Онъ перекра-

иваетъ въ воображеніи ихъ одежду, выпягиваетъ лица, и чтобы передать друзьямъ своимъ, хватаясь за карандашъ, за перо, выражается словами, шлододвиженіями. Иногда вдругъ какая-то мысль зарождается въ его душѣ, охлаждаетъ улыбку на устахъ, набрасываетъ покрывало задумчивости на чело, заспавливаетъ углубившись въ себя самого и мечтаетъ. И сколько прекраснаго въ сей меланхоліи! Это меланхолія души каждой и пошестской, рано раскрывшейся для впечатлѣній важныхъ, глубокихъ, и не прежде выходящей въ сію бездечность, въ сію привычку насмѣхаться, какъ уставши выказывать, въ продолженіе долгаго времени, чувства самыя истинныя, самыя спрасныя!

Гофманъ провела въ Берлинѣ семь лѣтъ, исполненныхъ спокойствія, художническихъ наслажденій, самодовольствія, которыми онъ долженъ былъ умѣть цѣнить, ибо долго дождался ихъ. Вещь антигопродавцы просятъ у него, какъ милости, позволенія выдать его сочиненія. Берлинъ узналъ, какими въ немъ владеетъ сокровищемъ; Германія признаетъ своего романиста. Ко всѣмъ самымъ наслажденіямъ прибавилъ еще удовольствія шиха, спокойныя, въ обществѣ прехъ или чешырехъ друзей, среди коихъ ему такъ хорошо! За то Гофманъ и обратился къ жизни; полюбилъ жизнь, коей бремя хотѣлъ сложить съ себя некогда; наслаждался ею во всей полнотѣ и не пресытился, утверждая постоянно, что всѣ другія блага ничтожны въ сравненіи съ жизнью.

Но увы! ему должно было испытывать еще жестокія спраданія, влчаться безъ силъ и безъ

средствъ къ исцѣленію, въ ужасномъ состояніи, между жизнью и смертію!

Вы знаете, какъ онъ кончилъ жизнь: вы знаете, что, чрезъ нѣсколько минутъ по окончаніи прижиганія спинныхъ позвонковъ горячимъ желѣзомъ, спустилъ онъ съ себѣ прищеплены, генералъ, что къ нему приложено и теперь клеймо, дабы на этомъ свѣтѣ не показывался контрабанднымъ цоваромъ.

Тогда еще надѣялся онъ жить, диктовалъ новыя повѣсти своему писцу и составлялъ планы оперы, контрабан превзошлабъ и Ундины.

Наконецъ, когда пришелъ послѣдній его часъ, когда онъ не могъ уже льститься себѣ надеждою выздоровленія, то, наклонясь къ женѣ своей, сказала: надо подумать и о Богѣ!

Здѣсь останавлиюсь я, сожалѣя, что не могу къ сему бѣглому очерку приложить Гофманова портрета, имъ самимъ рисованнаго и, какъ говорятъ, чрезвычайно похожаго. Физиономія его, съ перваго взгляда, прорабаетъ и интересуетъ какимъ-то особеннымъ образомъ; въ его сжатыхъ губахъ, лицѣ обрисованномъ чертами рѣзкими въ формѣ чепыреугольника, широкимъ лбомъ, закрытомъ въ беспорядкѣ лежащими волосами, есть какое-то неизъяснимое выраженіе кротости и унынія, коимъ овладѣваешь невольно. Но особенно его вперенный, огненный взоръ привлекаетъ и очаровываетъ такъ, что не лѣзя смотрѣть на него безъ какого-то страшнаго

волненія, и между тѣмъ являешь къ нему невольна, словно по какому-то магнетическому явленію.

Сожалѣю — повторю еще разъ — что не могу, вмѣсто сей статьи, приложить его портретъ, который объ истинномъ характерѣ Гофмана заснаванъ бы размыслишь болѣе; чѣмъ цѣлыя страницы мною испытанныя а).

Кс. Марья:

— * * * * *

VI.

ЛЪТОНИСИ

ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

— СКАЗАНІЯ КНЯЗЯ КУРБСКАГО. ЧАСТЬ I. ИСТОРІЯ ЮАННА ГРОЗНАГО. ЧАСТЬ II. ПЕРКИНСКА' СЕ ЮАННОВОМЪ И ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ.

На долгое время Курбскій обреченъ былъ забвенію. Недавно еще со страхомъ было произнесимо его имя. Выговорить слово о печатаніи счѣталось преспуленіемъ у нѣкоторыхъ нашихъ живыхъ аиакронизмовъ. И вотъ Курбскій напечатанъ! И

а) Мы намерены исполнить сіе желаніе, приложивъ къ одной изъ слѣдующихъ книжекъ *Телескопа* портретъ Гофмана, дабы тѣмъ оказать двойную услугу нашимъ читателямъ. Изд.

журналисты поржесивно повѣщаютъ объ изданіи! И историкъ съ радостію принимаетъ его въ число своихъ матеріаловъ! И крики хладнокровно судить объ его приспращеніи и безприспращеніи! И наследователь ссылается до вѣрчиво на его свидѣльства! И дубанка спокойно читаетъ его сказаніе! — Трудъ Г. Угрялова принятъ съ благоволеніемъ Государемъ Императоромъ; вотъ самое драгоценное, самое сильное одобреніе для всѣхъ, которые желаютъ идти по слѣдамъ его! Пора, давно пора обнародовать матеріалы нашей средней исторіи, которые доселѣ гниютъ въ архивахъ и библіотекахъ! Все прошедшее, по крайней мѣрѣ до кончины Петра Великаго, принадлежитъ исторіи, и мы пошердемъ самые важные документы, если будемъ беречь ихъ слишкомъ усердно.

Курбскій—однѣ изъ примѣчательныхъ характеровъ въ нашей исторіи; безъ сомнѣнія онъ былъ выше своихъ современниковъ; бѣгство его въ Польшу, и письмо, немедленно присланное къ Іоанну, письмо, въ коемъ онъ, нешерпѣливый, сѣвшихъ изливши свою душу, упрекнулъ мучителя, и оправдаль свое преслудное дѣйствіе — ясно доказываютъ это. „И да не мни мене молчаща ни о семъ; до скончанія моего буду не преспанно вопіати со слезами на шля пребезначальной Троицѣ, въ нея же вѣрую.“... „И о семъ даже до сихъ писаніе сіе, слезами измоченное, въ гробъ съ собою повелю вложити, грядуще съ побою на судъ Бога моего, Иисуса Христа.“... Это голосъ души пылкой, чувствительной, сильной. Онъ любилъ опещество, и сѣпывалъ на Іоанна больше всего за то,

что шло и принуждалъ его расписаться съ нами. Ослабленный несплю, онъ ходилъ съ Целламанъ воевашъ насъ, но, разувѣшолъ, видѣть здѣсь въ виду только одного Иоанна, и смѣрять на цѣль, а не на средство. Замѣче его на смирности мѣлкомъ Лашинскимъ, переводы, сочиненія, заблужденіе о православіи, помаловающе въ немъ дѣшеельность умшвенную, необдуманность въ его словесахъ. Что объ его личности характерѣ. Для исторіи онъ драгоценнѣе особенно, какъ свидѣтель объ Иоаннѣ Грозномъ. Правда, онъ лично былъ оскорбленъ Иоанномъ, и ненавидѣлъ его: онъ души: онъ принадлежалъ къ одной парціи, къ которой былъ присвращенъ; писалъ много по слуху онъ шакыхъ людей, кои не могли быша хладнокровными въ своихъ разсужденіяхъ, хотѣли оправданы собою свое преступленіе въ глазахъ современниковъ; вѣдоваательно сказанія его должны быти подвергнуты строгой критикѣ: (о чемъ давно уже говорилъ Ф. Арцыбискупъ, непримѣтельно оная забавный надписелемъ), но при всемъ томъ онъ, заключающа много свидѣній о любопытной эпохѣ въ нашей исторіи, драгоценнѣе для историка. Иногда одно слово, выражающее нечаянно у очевидца, безъ всякаго умысла, представляетъ свѣтъ на цѣлой характеръ, на цѣлое дѣяніе. Не говорю уже о важнѣшихъ шакъ подробностяхъ, (осадѣ Казани, войнѣ Ливонской и проч.), которыя предлагалъ, онъ не имѣлъ причины быти присвращеннымъ.

Въ сужденіи о Курбскомъ, какъ авторѣ, мы не согласны съ надписелемъ. „Курбскій посланіе шайну историческаго искусства“ — сказано въ пре

дислеиі; это уже сляцковъ! Красоты въ цѣломъ и въ частнѣ — шакже не видашь. — „Курбскій имѣлъ цѣль опредѣлительную (что Іоаннъ блестящими успахомъ первыхъ лѣтъ своего царствованія обязана доверженности къ мужамъ разумнымъ, а послѣ и проч.) и усстремлялъ къ ней свои мысли. На сей мысли основано сочиненіе Курбскаго: она связываетъ всѣ событія и сообщаетъ одному по единству, безъ коого нѣтъ великаго.“ — Навѣтъ, къ сочиненію Курбскаго се шобѣтъ не прилично это положеііе. Напрощивъ въ этой цѣли, въ этой мысли, да не вижу достоинства писателя, а шолько призраштіе Историка. „Какъ послушенъ ему языкъ Русскій, какъ величественно его изображеніе до блеска въ какъ величельны его горькіе укоризны! Слыша можно сказать, радкій языкъ нашихъ писателей умѣлъ выдѣлать шакъ удачно сильнымъ, величественнымъ словомъ нашимъ.“ — Умѣнье выдѣлать вышкомъ является вездѣ: у Курбскаго не было и не могло бытъ никакаго ученаго искусства, въ собственномъ смыслѣ этого слова; было шолько желаніе поощрять, кспатни и недовѣданія, сдѣлать прирасами и разпроспраненіями, желаніе, кошеромъ повредило сочиненію, а не принесло пользы; ошугуда-шо его напыщенность, ошѣтъ часто несосная. Еслибъ, безъ этого умѣнья, у него встрѣчались чаще бы шакія проснма мысли: „у кого окаменѣнное сердце бѣ было, и шощѣ бы, вдохнуть, прослезился!“ сочиненіе его получило бы гораада большую цѣну въ лишерашурномъ опшавеніи. Но Колумбъ любилъ Америку больше Европы, и мы ошопно извиняемъ въ нащанѣ его вриспращеніе къ своему автору.

Главное въ подобномъ изданіи есть дѣрное напечатаніе шекспира. И въ этомъ отношеніи должно отдашь полную справедливость дѣшательности, съ кою Издашель сличилъ находившіеся у него списки и вышавилъ варіанцы. Трудъ у насъ новый, въ коемъ онъ имѣлъ предшественниками только Калайдовича и Сироева, неблагодарный еще въ глазахъ публики, но нѣтъ болѣе почтенный! Самъ Шлецеръ поблагодарилъ бы Издашеля за его точность, исправность, ясность; переписавъ, раздѣливъ слово, разсѣвавъ знаки — кажется все это очень легко, но какъ часно должно бываешь просидѣшь нѣсколько часовъ надъ однимъ словомъ! Редаценція пожалѣеть только, за чѣмъ Издашель приложилъ содержаніе главъ въ споль великолѣпномъ видѣ! Его можно бы напечатать въ газетномъ объявленіи для ознакомленія публики съ книгою, но ошнюдь не должно бы подавашь повода къ заблужденію читателя шакую смѣсью шаривы съ новизною. Даже изъ газетнаго объявленія нное спрога должно бы выключить: напримѣръ очень шпранно подъ заглавіемъ: *опричмина* прочиташъ только нѣсколько словъ Курбскаго, сказанныхъ мимоходомъ.

Въ примѣчаніяхъ сдѣланы нужныя поправки и справки съ ближайшими источниками.

Во второй часни помѣщены драгоценныя письма Іоанна, изъ коихъ всего дѣрже можно познакомишь съ его характеромъ; мы надѣемся объ нихъ говоришь въ особой шпашѣ. Тамъ мимоходомъ сдѣлаемъ мы замѣчанія и на нѣкоторыя мысли издашеля о Грозномъ, разсѣяныя по разнымъ мѣстамъ изданія.

За чѣмъ также предисловіе о пользѣ Исторіи, различіи Историковъ древнихъ и новыхъ, о важности записокъ, съ словами Дессеа предъ членами Конвенциами, и. п. Неужели предъ всякимъ подобнымъ изданіемъ должно повторять одиѣ и шѣже общія мѣста?

Къ обѣимъ частямъ приложены указатели, планъ осады Казанской, снимокъ съ почерка главной рукописи, гербъ Курбскаго, поршрешъ Іоанновъ (напрасно — ибо можешь ли быть сходство?)

Словомъ сказать, не опущено ничего къ облегченію и удовольствованію читателя; изданіе богатое и изящное.

Историческая Русская Литература получила прекраснымъ подаркомъ отъ Г. Успенцова.

Да подвизаетесь онъ болѣе и болѣе на доспойномъ поприщѣ, на которое такъ рѣдко еще являються у насъ новые таланты! М. П.

—*—*—*—*—*—

VII.

С М Ъ С Ъ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНІЕ ЖИВОТНЫХЪ.

Всемогущая Десница, наполнившая жизнь поверхность земнаго шара, какъ бы желая показать ей неисчислимое обиліе, сообщила всѣмъ животнымъ, назначеннымъ для населенія земли, безконечное разнообразіе формъ, опредѣливъ каждому изъ нихъ разнообразныя свойства. Первоначальные элементы, сближаясь и распредѣля-

ль между собою, представляють различные сочетанія. Отсюда сіи тысячи породъ, тысячи семействъ животныхъ, столь разнообразныхъ, начиная отъ инфузорія до исполнителскаго масшодопити. Классификація и изученіе нравовъ сихъ бесчисленныхъ существъ составляетъ важнѣйшій предметъ естественныхъ наукъ. Въ одномъ заведеніи Зоологическаго Общества въ Лондонѣ, одинъ изъ членовъ читалъ о семъ предметѣ любопытную записку, исполненную достопримѣчательныхъ наблюдений, коихъ краткое обозрѣніе здѣсь предлагаемъ.

Млекопитающія, по причинѣ ихъ усройства, силы и степени пользы или сопряженности съ человекомъ, были особеннымъ предметомъ разысканій, предложенныхъ симъ наблюдателемъ. Онъ нашелъ, что изъ тысячи породъ, составляющихъ сіе семейство, 90 принадлежатъ Европѣ, 112 Африкѣ, 30 Мадагаскару и Иль-де-Франсу, 80 Южной Азій и Цейлону, отъ 50 до 60 островамъ Индійскаго Архипелага, отъ 40 до 50 Сѣверной Азій, около 100 Сѣверной Америкѣ, 190 Южной Америкѣ, и отъ 30 до 40 Австраліи. Изъ породъ кишечнообразныхъ, принадлежащихъ также къ семейству млекопитающихъ, 30 живутъ въ сѣверныхъ моряхъ, 14 въ южныхъ, 28 въ среднихъ широтахъ между ними. Сверхъ того онъ нашелъ 60 породъ чисто водныхъ, 20 амфибій; нашелъ также, что 100 породъ, при помощи своихъ хрящеватыхъ крыльевъ, могутъ держаться на воздухѣ, хотя не имѣютъ способа подниматься высоко, 200 живутъ по деревьямъ, а 60 во внутренности земли. Сіе изученіе, хотя

кажется при первомъ взглядѣ весьма безполезнымъ, могло бы однакожь, еслибъ продолжашъ его послѣдство, разлить большой свѣтъ на исторію земнаго шара. Оно, можетъ быть, объяснило бъ намъ причины, коими опредѣлены сн различныя расадники безчисленнаго народонаселенія животнохъ. Можеть быть, мы узнали бы тогда, почему въ Австраліи, кромя шрехъ шолько исключеній, повинны найдены однѣ двушпробки; въ слѣдшіе какогд закона извѣсныя породы животнохъ, какъ будто прикованы къ землѣ, на коей родились, между шѣмъ какъ множество другихъ непрерывно путешествующъ; будучи въ сословіи переносимъ нестерпимымъ зной экватора и ужаснымъ холодомъ полюсовъ? (Н. В.)

А В В О Т С Т В О Р Г Ъ ,

ЖИЛИЩЕ ВАЛТЕРА-СКОТТА,

Мы живемъ въ странное время. Всѣ называють себя артистами, одлакожь посмотрише, какъ равнодушно и небрежно поступающъ съ искусствами; посмотрише, какъ мало пекутся о томъ, чшобы спасти ошъ совершеннаго уничтоженія благородныя ошпанки, коихъ совокупность предшавляетъ, шакъ сказашъ, сокращеніе всего, чшю артисты среднихъ вѣковъ и новейшихъ времени создали наиболѣе близкаго къ совершенству. Какъ мало еще собрано подпискою, ошкрытою въ Англии и Европѣ, дабы сохранить неприкосновеннымъ жилище, гдѣ Вальтер-Скоттъ шакъ часто и шакъ благодѣтельно для Липсе-

рашуры бесѣдовалъ съ своимъ гениемъ и кощорое украсилъ всѣми чудесами искусства! Немергаличные кредитеры грозятъ продать по часамъ Абботсфордское помѣстье и любопытными рѣдкостями, въ немъ заключающимися, если не поспѣшаемъ ихъ удовлетворить; никто не оспиваетъ на это, и вскорѣ сокровища, собранныя съ такимъ трудомъ рукою поэта, будутъ всюду разданы. Это новое дѣйствіе вандализма совершится, не возбудивъ ни малѣйшаго ропота; и скоро, бытъ можетъ, путешественникъ, проѣжая Шотландію, услышитъ изъ устъ Шотландскаго паспуща, что на берегахъ Твидъ существовало въ когда жилище того, чьи баллады онъ знаетъ наизусть. Откуда же происходитъ сіе равнодушіе къ гениальному человѣку, который озарилъ такою славю свое ошечество, и особенно Шотландію наподнилъ такими поэтическими воспоминаніями? Нѣтъ оправданія! Источникъ сего дресшущаго равнодушія кроется въ исключительной индивидуальности, характеристически ошлщающей къ намъ. Дабы воздать справедливую дань поэду, въ высшей степени народному для всей Европы, мы посвятимъ здѣсь нѣсколько страницъ ошсанію его жилища, пока оно еще не сокращается подъ молотомъ Вандаловъ.

Проѣхавъ дѣтъ Котраскихъ горъ, ошдѣляющихъ Англію отъ Шотландіи, вы увидите извѣстный, быспрый Твидъ, который, чрезъ Граффсва Пабльское и Роксбургское, впадаетъ наконецъ въ Северное Море. Продолжая ѣхать вдоль по берегу сей рѣки, вы ошкроете не подалеку

ошь Мельроза, замокъ Абботс-фордскій: зданіе спланное, съ башенками по угламъ, исполненное разншльныхъ неправильностей, представляющее любопытную смѣсь всѣхъ родовъ архитектуры; неслыханный лабиринтъ съ тысячую потаенныхъ дверей; воздвигнутый самимъ Вальшер - Скоптомъ на развалинахъ древняго жилища, нѣкогда принадлежавшаго начальнику одного Шотландскаго клана. „Эшо была моя игрушка, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ предисловій; маленькая дѣвочка не съ такимъ раченіемъ и удовольствіемъ наряжаетъ свою куклу. Я зналъ, что мнѣ надо. будешь долго ждешь, пока приведешь въ исполненіе мои обширныя намѣренія; но я былъ шертѣливъ, и сіе долгое ожиданіе, сіи поспешныя украшенія моего дома, имѣли для меня неизъяснимую прелесть.“

Въ замокъ въѣзжаютъ посредствомъ небольшой осмугольной башни, ведущей въ сѣни. Когда вы войдете, шо почтете себя перенесенными внезапно во времена рыцарства; стѣны и потолокъ обшиты дубовыми досками; въ каждомъ углу, на пѣдсгалѣ, рыцарь въ бронѣ, съ опущеннымъ забраломъ, съ копьемъ на головѣ, какъ будто вызывая входящихъ на смершныи поединокъ. Сіи спашуи составлены изъ полнаго собранія древнихъ вооруженій. Одно изъ нихъ спашное съ золошою насѣткою, именно шо, которое брали для Англійскаго герольда, во время коронаванія Георга IV; оно спонитъ 6,000 фуншовъ спертцговъ (150,000 рублей). Посреди комнаши, на широкомъ шолѣ, лежатъ въ кучѣ насупашельныя и оборонительныя орудія, бывшія въ упошре-

бленія у древнихъ Шотландскихъ воиновъ; воля длиннаго *клеймора* увидиши въ *таргетъ*, широкій щитъ, принадлежавшій къ вооруженію горцевъ; далѣ *диркъ*, небольшой кинжалъ, который зашныкали за поясъ съ правой стороны. Вошъ ружье Мак-Грегора и шопоръ одного изъ Скопшовъ. Вдоль по стѣнамъ повѣшены щипы, копы, бердыши, перемѣщанные съ рогами оленей и косями дикихъ звѣрей. Эту комнату Вальшер-Скопшъ называлъ своимъ *арсеналомъ*.

Окна въ сей комнатѣ такъ устроены, что разбиваются богатыи и разнообразныи свѣтъ; ибо снабжены стеклами, на коихъ нарисованы разными красками гербовыи щипы всѣхъ графовъ Скопша, главою коихъ является Лордъ Бюклейчъ. Вокругъ всей стѣны, въ верхней ея части, прилегающей къ пошолку, вырѣзаны изъ дуба фамильныи гербы шотландскаго дворянства, подъ коими находится слѣдующая легенда:

ГЕРБЫ ТѢХЪ, КОИ НѢКОГДА СРАЖАЛИСЬ ЗА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ГРАНИЦЪ ШОТЛАНДСКИХЪ; ТО БЫЛИ МОТУЧИЕ ЛЮДИ; ОНИ СРАЖАЛИСЬ ХРАБРО: БОГЪ ЗАЩИЩАЛЪ ИХЪ.

Замѣчательнѣйшіи изъ всѣхъ Аббощфордскихъ комнатъ безспорно суть: шя, кошую Вальшеръ-Скопшъ посвятилъ для своей библіотеки, и шя, въ кошорой помещался кабинетъ, гдѣ онъ предавался своимъ шрудамъ. Обширность сихъ двухъ

комнатъ, ихъ великолѣпная мебель, шкапы изъ кедроваго дерева, столы покрытые рѣдкими книгáми, прѣкрасныя окна, изъ коихъ открываешь видъ на рѣку, великое множество полезныхъ, красивыхъ или любопытныхъ вещей, въ нихъ заключающихся, дѣлають ихъ достоинными вниманiя посѣщителей.

Большая часть мебели, тамъ находящейся, подарены знаменитому романисту. Вольтъ спуль; украшенный рѣзьбою, позолотой и перламутромъ: онъ принадлежалъ одному Кардиналу и былъ доставленъ изъ Рима Вальшеру-Скопшу однимъ изъ Англiйскихъ посланниковъ при Павъ. Тамъ увидишь вы щросъ Сакша, Великобританскаго Рабле, Эпопу серебряный саркофагъ, спещий на мраморной шумбъ, былъ найденъ подъ ештнами Цирел; онъ подаренъ Лордомъ Байровомъ его другу Вальшеру-Скопшу. Откройше шкафы, и вы будете удивляться кольцамъ, печаткамъ, шабакеркамъ, безчисленному множеству минiашюровъ: все это подарки государей, кои свидѣтельствовали чрезъ шо Вальшеру - Скопшу свою признательность за прiятныя минушы, доставленныя членiемъ его творенiй. Придворный увидишь съ завѣсною прекрасную золотую шабакёрку съ эмалью; на крышкѣ коей помѣщенъ поршрешъ Георга IV, осыпанный алмазами; но Шотландецъ, полный воспоминанiями о преданiяхъ своей родины, конечно предпочтешъ кольцо, называющееся *змышнымъ камнемъ*, драгоценный шалиманъ, коему народное суевѣрiе приписываетъ рѣдкiя качества. Въ Шотландiи шаковыхъ колець

иѣтешся только при; и Вальшер-Скоттъ вѣста на дорожку шѣтъ, которое у него было,

Опишете одну дверь: въ вѣйдете въ кабинетъ; гдѣ трудился Вальшеръ Скоттъ. Здѣсь же гений его начертала сія волшебная вдохновенія; одушевленная дождю жеманно шрупить дрянная Шотландская легенда; здѣсь найдете вы сѣдель; кресла и манускрипты великаго человека, драгоценные предѣлы, возбуждающе воспоминаніе о его многочленныхъ сочиненіяхъ. Вокрытъ сѣй комнаты, на вышнѣ почти дельна шумовъ, (або поклокъ весьма высокъ), прострота узкая галерея, изъ которой; посредствомъ помѣстной двери; можно входить въ спальню. Кабинетъ сѣй украсился мадемай. Библиотечкой; составленной изъ книгъ, дѣлоры чаще были нужны Вальшеру-Скотту; портретныя и картинныя, иѣющыя отношеніе къ Исторіи Шотландіи и нѣкоторыхъ пограничныхъ округовъ, и нѣсколькими весьма хорошо сохранившимися древними мебелами.

Два Французскіе артиста, Гг. Монпелье и Тирпенъ, обогатили не задолго предѣтими издѣліями искусствѣй прекрасной литографіей, изображающей жилище Вальшеръ-Скотта. Подобно литографіи Ньюспида, они раздали на пейзажъ нѣкоторый родъ идеальнаго оштанка, совершенно согласующій съ видомъ страны и характеромъ обитателя. Таково дѣйствительно облачное небо Шотландіи; таковы ея сумрачный горизонтъ, покрытый

густымъ дымомъ каменнаго угля. Ели и липшвенницы обозначаютъ гористую страну, гдѣ лежатъ Абботсфордъ. На первомъ планѣ насухъ, въ своемъ неспромѣ планѣ, съ нѣсколькими оврагами, вокругъ пасущимися, говорятъ намъ, что вы находитесь въ Шотландіи. Передъ главнымъ зданіемъ возвышающа башенка, находящаяся при входе въ замокъ, съ высоты коей открывающа очаровательная перспектива; далѣе; тамъ и сямъ другія подобныя башенки, перемежающія свои сферическія вершины съ высокими, въ облакахъ теряющимися, шпубами. Нѣсколько блѣдныхъ лучей солнца, скользя между деревь, освѣщаютъ сцену и придаютъ ей поистѣ мѣстный характеръ, котораго художники такъ часто пренебрегаютъ. Тамъ именно Абботсфордъ; уныло и молчаливо предвѣщающійъ взорамъ душеспасителя, который ищещно въ немъ ищещно того, чьи пѣсни столько прославили сіе мѣсто! (А. В.)

— ❦ ❦ ❦ ❦ ❦ —

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

О ПРЕДМЕТАХЪ И НАСТОЯЩЕМЪ СОСТОЯНІИ
ЭКОНОМІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ.

(продолженіе)

Въ Германіи Экономія Политическая имѣла другую судьбу, наравнѣ съ судьбою всѣхъ прочихъ наукъ: пущь она окружена большею частію мраками и туманами. Жизнь Германіи, заключенная относително еще многого въ ржавыхъ готическихъ формахъ, мало представляя предметовъ, коими можно было бы пополнить, повѣрить, или пояснить содержаніе науки, не больше допускаетъ и опроверженіи. Ученые Германіи, мало участвуя вообще въ дѣлахъ общественнаго управленія, выросшіе въ школахъ, чуждые практическаго бытія, и посвящая попомъ себя, за неизмѣннѣемъ, монотонъ бытъ, другаго, дѣлать.

нѣйшаго поприща, жизни уединенной, кабинетной, ограниченные въ гражданскихъ отношеніяхъ своимъ званіемъ, болѣе почетнымъ, нежели двловымъ, спѣшенные въ способахъ жизни, удерживающихъ ихъ во всегдашней зависимости, умерщвляющей естественное направленіе ума, по необходимости должны избрать дорогу *спекулятивную*; и если оцѣнишь надлежащимъ образомъ ихъ успѣхи на этомъ поприщѣ, то мы скорѣе пожалѣемъ объ образовавшемся направленіи, нежели упрекнемъ ихъ въ беспаланности, или слабымъ желаніи по-двинуть науку.

Первымъ усиленіемъ Нѣмецкихъ ученыхъ, принявшихъ ученіе Смита, было привесненіе оное въ систему а); и такъ какъ бѣльшая

а) *Staatswirthschaftliche Abhandlungen die Elemente des Nationalreichthums betreffend. Göttingen. 1806.* Подъ симъ названіемъ САРТОРІЙ издалъ, въ 1796 году, для преподаваній на лекціяхъ ученіе Смита. Во второмъ изданіи, напеч. въ 1806 г. есть нѣкоторыя опущенія. Опклоненія сіи отъ ученія Смита САРТОРІЙ изложилъ въ особыхъ разсужденіяхъ, изданныхъ (1 часть) въ 1806 году. Онѣ касающіяся цѣнности вещей, мѣры оной, свободы неограниченной въ употребленіи капитала и личной работы. Сочиненіе сіе переведено и на Русской языкъ подъ названіемъ: *Начальныя Основанія Народнаго Богатства и Государственнаго Хозяйства, слѣдующаго теоріи Адама Смита*, пер. Кондырева. Ка-

часть изъ нихъ работала въ эпоху отноше-
 нии подъ влияніемъ академической жизни,
 но и самая наука, раздробленная, разби-
 ная и разобранная по частямъ, получила
 и форму и объемъ Университетскихъ учеб-
 никовъ. Многие, какъ мы увидимъ, руково-
 димые силами начальниками, опбились отъ испин-
 наго назначенія науки, возбудивъ только
 сожалѣніе о бесполезномъ употребленіи ихъ
 остроумія на безплодные ухищренныя тон-
 коспикъ.

Германскіе ученые изъ знаній, отно-
 сящихся до общей государственной жиз-
 ни, сославляють особый отдѣлъ наукъ,
 Государствознания (*Staatswissenschaften*), и
 распределяють оныя въ слѣдующемъ по-
 рядкѣ а): А. Науки чисто-Философскія: а)
 Естественное, б) Народное, с) Государ-
 ственное Право и d) Ученіе о Народномъ
 Хозяйствѣ (*Volkswirtschaftslehre*); В. Науки
 чисто-Историческія: а) Исторія Системы
 Европейскихъ Государствъ, б) Статистика

заль 1812. Переводъ невразумителенъ, особенно по
 принятой переводчикомъ номенклатурѣ, теперь со-
 вершенно измѣненной.

- а) *Die Staatswissenschaften im Lichte unsrer Zeit* von KARL
 HEINE, LUDW. POLITZ, Leipzig. 1823—1827. 5 Th. in
 8°. — *Handbuch der allgem. Staatswissenschaft nach Scht-
 zer's Grundriß*, von CARL Voss, Leip. 1796. 4. Th.

(*Staatkunde*), с) Положительное Государственное Право, d) Практическое Народное Право, e) Дипломатія, f) Ученіе о государственныхъ дѣлахъ (*Staatspraxis*) (а); и С. Науки Смѣшанныя: а) Полиптика (*Staatskunst*), b) Наука о Государственномъ Хозяйствѣ или Наука о Финансахъ и с) Политія.

Впрочемъ Германскіе ученые не согласились даже еще въ принятіи одного общаго названія для означенія Политической Экономіи. Одни, какъ то: Людеръ б); Сарпторій в); лучший комментаторъ Сми-

- а) Такъ Нѣмецкіе ученые называютъ окончательную Политическую Науку: *Sie bildet den Schlussstein in der Reihe der Staatswissenschaften, weil sie die gründliche theoretische Kenntniss allen übrigen Staatswissenschaften voraussetzt.* Опдѣльнаго, систематическаго сочиненія о наукѣ сей еще нѣтъ; спашы же, болѣе или менѣе обработанныя, относящіяся къ сему предмету, можно назвать *Versuch einer Staatspraxis, von H. A. U. G. EDLER von Vesck. Wien 1778. Staatsgeschäftenlehre von Voss, и 4 я часть его Handb. der Staatswissenschaft. Łz. 1799. — Versuch einer system. Entwicklung der Lehre von den Staatsgeschäften, von BENSEN. Erlangen 1800. 2. Th. — Handb. der deutschen Kanzleipraxis, von J. NIT. BISMORF. Holmstädt. 1793. 1 Th. — Cours de style diplomatique, par MEISEL, Dresd. 1823. 12 p. — Causes célèbres du droit des gens, MARTENS. Lpz. 1827. 2. vol in 8.*
- б) *Ueber Nationalindustrie und Staatswirtschaft, nach Ad. SMITH bearbeitet.* 3 Th. Berlin. 1820.
- в) См. выше стр. 130.

на, Краусъ а), Лопцъ б), Зейшеръ в), Шнемайеръ г) и Веръ д) называютъ ее Государственнымъ Хозяйствомъ (Staatswirthschaft или Staatswirthschaftslehre); другіе же, какъ то: Якобъ е), Граеъ Соденъ ж), Оберндорферъ з) — Народнымъ Хозяйствомъ (National-Ökonomie); а нѣкоторые: Веберъ к), Фульда л), Рау м) и другіе — Политическою Экономіею (Politische-Ökonomie), именемъ, принятымъ Англійскими и Французскими писателями, которое, по общепринятому

а) См. выше, стр. 25.

б) *Handbuch der Staatswirthschaftslehre*. Erlangen. 1822. 3 Th. in 8.

в) *Die Staatswirthschaft*. 3 Th. Wm. 1823.

г) *Ueber das formelle Princip der Staatswirthschaft als Wissenschaft und Lehre*. Heidelberg. 1815.

д) *Die Lehre von der Wirthschaft des Staats*. Spz. 1822.

е) *Grundsätze der National Ökonomie, oder Staatswirthschaftslehre*. Halle. 1805. 3. Aufl. 1825.

ж) *Die National-Ökonomie. Ein philosophischer Versuch über die Quellen des Nationalreichthums und über die Mittel zu dessen Beförderung*. 9. Th. Spz. Karau u. Nürnberg. 1805—1824.

з) *System der National-Ökonomie*. Landsh. 1822.

к) *Lehrbuch der Polit. Ökonomie*, 2 Th. Bresl. 1813.

л) *Grundsätze der ökonomischpolitischen oder Kameral-Wissenschaften*. Tübingen. 1816, in 8.

м) *Lehrbuch d. Polit. Ökonomie*, 2 Th. I — Volkswirthschaftslehre II — Volkswirthschaftspflege. Heidelberg. 1826—1828.

признаванію Нѣмцовъ, лучше выражающъ предметъ, нежели ихъ: *Staatswirthschaft*, *National-Oekonomie* или *Volks-wirthschaft*. Германія не присваиваетъ кому-либо одному изъ своихъ писателей обще-признаваемого первенства. Графъ Соденъ, по всей справедливости можетъ однакожъ занять если не первое, то по крайней мѣрѣ одно изъ отличнѣйшихъ мѣстъ между Нѣмецкими экономистами. Въ огромномъ сочиненіи своемъ: *Народная Экономія* а), онъ излагаетъ

а) Графъ Соденъ, въ Россіи мало извѣстный, принадлежитъ къ числу самыхъ гениальныхъ писателей Нѣмецкаго дворянства. Послѣ занятія въ молодыхъ лѣтахъ пещероу, онъ посвящилъ себя наукамъ политическимъ. До изданія своего классическаго сочиненія о Народной Экономіи, онъ уже сдѣлался извѣстенъ двумя разсужденіями: *Ueber Nürnberg's Finanzen*, возстановленіе коней считалось предметомъ весьма труднымъ, и *Das agrarische Gesetz*. Изъ другихъ его сочиненій особенно извѣстно: *Die Staats-Haushaltung. Eine Skizze zum Behufe öffentlicher Vorlesungen, als Vorbereitung und Einleitung zu der Kunde sämtlicher Zweige der Staats-Haushaltung, oder der sogenannten Kameralwissenschaften*. Erlangen. 1812. По признанію издателя *Conversations-Lexicon*, (Т. X р. 328), dessen (т. е. Народной Экономіи) *Ausarbeitung ihm den Rang in Deutschland sichert, welchen Smith in England, und Say in Frankreich behauptet*. Какъ о дополненіи къ его *National-Oekonomie*, должно еще упомянуть о *Zwey national-ökonomische Abhandlungen*: 1. *Das idealische Getreidemagasin*, 2. *Die National-Hypotheken Bank*. Dargestellt von JULIUS Graf von SODEN, als Anhang zu

науку оныя первыхъ просвѣтыхъ познаний о состояніи и происхожденіи богатствъ до самыхъ опдаленныхъ, взявшихъ вѣтъ уже сферы сей науки, идей о приложеніи законодательства къ различнымъ феноменамъ общественной жизни. Не опдалая Народнаго Хозяйства оныя объема жизни народной, оныя видятъ измѣненіе онаго, его умноженіе, усовершенствованіе въ движеніи и направленіи сей жизни: природа для него только явленіе; идея, измѣняющая сіе явленіе, заключаея въ недрадь духа человѣческаго, и потому крайнюю, высшую цѣль Экономіи оныя прославляетъ въ возможно-высшемъ нравственномъ образованіи и въ возможно-величайшемъ физическомъ довольствіи а); но и другое, по ея мнѣнію, не можетъ быть реализовано ни какою силою извне: оныя произникающъ изъ внутренней, возбужденной дѣятельности каждаго члена общества опдалемо. Въ слѣдствіе сихъ началъ, оныя предполагающъ другія мѣры къ достиженію цѣли общественной, нежели какія

dem 199 und folgenden §§ des ersten und zu dem 438 und folgenden §§ zweiten Bandes der National-Oekonomie. 2te 1813.

- a) Höchstmögliche sittliche Ausbildung und höchstmögliche physische Genüßvollkommenheit.

предлагають современные мыслишеля. Онъ думаетъ, что совершенно - умственное и нравственное образование воли правителя и приведение нации къ единству мнѣній, но есть, провозрожденіе внутренней республики, а именно, нравственное и умственное образование народовъ а) есть надежнѣйшее охраненіе гражданской свободы и народно - государственно - хозяйственного управления.

Труднось понимать глубокиа положенія автора, многія повторы, вкравшіяся при продолжительномъ изданіи многошомнаго сочиненія и употребленіе шенныхъ выраженій и сложныхъ словъ, принимаемыхъ авторомъ въ произвольномъ значеніи, въ чемъ, кажется, онъ поспавлялъ особенную важность б), дѣлають Экономію Содена весьма обременительною для уразумѣнія. Мнѣнія Содена, опносноцельно вліянія народнаго образованія на произведеніе цѣнностей, раздѣляютъ и под-

а) . . . in dem vollkommen intellektuellen und moralisch ausgebildeten Willen des Regenten; а къ этому вешеть, по его мнѣнію, die Republikanisirung der Nationen, die Herstellung der innern Republik, nämlich die sittliche und geistliche Ausbildung der Völk. § 31.

б) Gesamt-Productiv-Urstoff — National-Capital-Stoff-Masse — Gesamt-National-Productstoff, и мн. др. — Urstoff у него вездѣ въысопо рофе Materien.

крѣпляютъ Бонспешенъ а), хотя высказы-
вается ихъ совершенно другимъ обра-
зомъ. Односипельно изложенія, соединя-
ющаго глубокую теорію съ многолѣпнею
опытноспію, особенно замѣчательнъ изъ
Нѣмецкихъ писателей Лопцъ б). Обнимаю

а) *Pensées sur divers objets du bien public; par SIA-
LE VICTOR DE BONSTETTEN. Genève. 1815. 1. vol.
in 8°. Въ сочиненіи семъ Бонспешенъ не излагаютъ
науку методически: онъ разсуждаетъ о нѣкопору-
рыхъ шолько предметахъ, начиная со способоъ
усилишь производящія способноспіи челоъка до
дѣйствительнѣйшихъ средствъ извлекаль возможно-
большую пользу изъ произведеній природы и искусства.
Главнѣйшее его положеніе: De l'union intime des
hommes qui *pensent* avec les hommes qui *font*, il
résulterait qu' une nation serait toujours au ni-
veau de ses lumières. Для раскрытія сей мыс-
ли онъ посвящаетъ цѣлую главу: il faut mettre
l'industrie nationale en contact avec les sciences.
Ашпоръ шребуеть воспитанія народнаго. Le peu-
ple ignorant a son encyclopédie, son *credo* et
ses opinions de toute espèce, aussi bien enraci-
nés que l'homme instruit. Toute la différence con-
siste en ce que très-ignorant croit un peu mieux
aux choses absurdes que le moins ignorant. Il en
arrive que le très-ignorant sera un peu plus aisé
à séduire que celui qui aura appris à combiner quel-
ques idées.*

б) См. выше, стр. 133. Содержаніе: введеніе о наименова-
нн науки, цѣли и оплччн Политической Экономіи
опъ другихъ наукъ политическихъ, соприкосновен-
ныхъ; развитіе понятій о цѣнноспіи, цѣнѣ, доходѣ,
средствахъ, капиталѣ, деньгахъ и богатствѣ;
исторія и липшерашура науки.

науку во всей полнотѣ, онъ не вдается въ опьяченныя, безплодныя понуканія умозрѣнія. Начала, имъ принимаемыя, онъ, подобно Гангилю, старается извлечь изъ фактовъ; въ этомъ отношеніи Лопцъ имѣетъ важное преимущество предъ многими изъ своихъ соотечественниковъ. Въ расположеніи сочиненія онъ держится весьма естественнаго порядка, распредѣляя науку по двумъ существеннымъ отдѣленіямъ: произведеніе и потребление. Въ первомъ онъ излагаетъ, какъ предметъ оцѣнки внешней природы и человеческого духа получаетъ значеніе цѣнности и становится собственностью; во второмъ разсмаприваетъ потребление во всѣхъ видахъ. Самъ авторъ považиваетъ себя въ особенную заслугу то, что онъ точнее показалъ отношеніе человека къ природѣ вещественной а). Людеръ, заключившій много новыхъ мыслей въ парадоксахъ, всегда ученый, всегда скупой на слова и расщепительный на ученыхъ ссылки, въ сочиненіи, составленномъ имъ для общественаго ученія, вышедшемъ въ свѣтъ послѣ уже его смерти, знакомитъ насъ со всеми мнѣніями о разныхъ родахъ

а) Verhältniß zur Guternwelt.

и промышленности. Но это мечпашель при всей своей учености а). Фульда старался показать почти различие Народного Хоайспва отъ Государственнаго. По его опредѣленію, первое по предмету еопь польно пропивоноложность чаопному хоайспву (Privat-ökonomie) и объясняетъ законы, по которымъ пронаходишь приобрьшеніе и пошребленіе въ гражданскомъ обществѣ б); а ипорое: какимъ образомъ правительствво дѣйствуетъ въ опношеніи какъ приобрьшеній частными лицами, шакъ и вешественныхъ средствъ, служащихъ къ удовлетворенію государственныхъ пошребностей и государственныхъ расходовъ в).

а) AUGUST FERDINAND LUDER'S Herzogl. Braunschweig'sk. Rath u. s. w., National-Oekonomie oder Volkswirtschaftslehre. Ein Handbuch zur Beförderung des Selbststudiums dieser Wissenschaft. Nach dem Tode des Vfs, aus dessen hinterlassenen Papieren herausgegeben. Jena. 1820. „Worm besteht der National-Reichthum? Welche Bestimmung ward den Völkern in Hinsicht auf Reichthum, physische Vollkommenheit irdische Glückseligkeit? Welche Mittel führen zu dem hier gesteckten Ziel und wie ist der Gang zu diesem Ziele? Das sind die Aufgaben, welche die Volkswirtschaftslehre zu lösen hat.“ S 14.

б) Die Gesetze worunter der Erwerb und Genuss der Güter in der menschlichen Gesellschaft überhaupt steht, umfasst die National-Oekonomie.

в) Was die Staatsregierung in Rücksicht auf die Erwerb- und Genuss der Einzelnen und auf die materiellen Mittel zur

Но особенно старался въспити науку въ тѣсную раму системы Гейдельбергскій Профессоръ Эшемаіеръ. Онъ раздѣляетъ Экономію Политическую на двѣ части: ученіе о Хозяйствѣ (*wirtschaftliche Theil, oder die Staats-Oekonomie*) и ученіе о Правѣ (*rechtliche Theil, oder das Staats-Oekonomie-Recht*) а), дополняя ихъ прещею, законовѣдственной, или, какъ онъ иначе называетъ, *Politik der Staats-Oekonomie-Gesetzgebung*. Государственную Экономію онъ раздѣляетъ попомъ на а) Народно-Экономію (*die Nation-Oekonomie*) и б) Финансъ - Экономію (*Finanz-Oekonomie*). На-

Befriedigung der Staatsbedürfnisse und zur Bestreitung des Staatsaufwandes mitsspricht, wird zusammengegriffen unter dem Namen der Staats-Oekonomie. — Фульда извѣстень еще другимъ своимъ сочиненіемъ: Ueber Production und Consumtion der materiellen Güter, u. s. w. Eine national-ökonomische Abhandlung von FR. CARL FULDA. Lübenzen. 1820. in 8. I v.

а) I. Staats-Oekonomie :

- a die National-Oekonomie,
- b. die Finanz-Oekonomie,

II. Staats-Oekonomie-Recht :

- a. das National-Oekonomie-Recht :
 - aa. Landwirtschafts-Recht,
 - bb. Manufactur-Recht, Kunst-und-Handwerks-Recht,
 - cc. Handels-Recht, Wechsel-Recht.
- b. das Finanz-Oekonomie-Recht :
 - aa. Recht der Domänen und einzelnen Regalen.

родно-Экономія излагаетъ общіе законы и условія приобрьщенія, умноженія, распределенія и употребленія народныхъ имуществъ, и потомъ въ другомъ отдѣленіи, прикладномъ, шѣ основанія, по копорымъ должны направляться каждая отдѣльная отрасль промышленности, какъ шо: земледѣліе, механика, и торговля. Финанс-Экономія излагаетъ теорію государственныхъ нуждъ, правила о возвышеніи государственныхъ доходовъ и объ управленіи финансами. Это направленіе, дробяшъ предметъ науки, замѣтно и въ авторѣ *Новаго Взгляда на Экономію Политическую* а), сочиненія по

bb. Recht der Gefälle aus der Cameral- und Polizey-Verwaltung, aus der Fiskalgenwalt und Steuerrecht.
 cc. Finanzrechnungs-Recht.

III. Staats-Oekonomie-Gesetzgebung-und-Verwaltung.

- a. das Bevölkerungssystem.
- b. der wirtschaftliche Theil der National- und Finanz-Oekonomie nach allen ihren Zweigen.
- c. der rechtliche Theil derselben,
- d. die Staats-Oekonomie-Administration.
- e. Darstellung und Würdigung der verschiedenen Staats-wirtschaftlichen Systeme (физиократы, меркантильное, индустриальное и Фихшево торговое государство).

а) *Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirtschaft, oder Versuch neuer Ansichten der politischen Oekonomie.* München. 1821. 1 vol. in 8. Сочинение сіе не есть какое-либо полное, систематическое изложение

многимъ отношеніямъ замѣчательнаго. Авторъ онаго необходимо нужнымъ почитаетъ оплочкинъ народное богатство (Nationalreichthum) ошь богатства всеобщаго (Weltreichthum). Первое означаетъ ту только часть, которою народъ обладаетъ въ общемъ всемірномъ богатствѣ, то есть, въ совокупности всѣхъ имуществъ, служащихъ для жизни людей въ гражданскомъ обществѣ. Произведеніе вообще приписываетъ онъ силамъ а), располагая ихъ въ

науки; это собраніе замѣчаній о разныхъ предметахъ Экономіи Политической, которые автору казались не довольно еще объясненными. Изложеніе чрезвычайно ошлеченное, а потому для начинающихъ неудобопонятное.

- а) Nach unserer Meinung sind es im Allgemeinen Kräfte, welche der Production zum Grunde liegen. Diese Kräfte lassen sich am besten auf folgende Art theilen: reine todtte Naturkräfte: Fruchtbarkeit, Crystallisation; organisch-physische: der Menschen und der Thiere Arbeit; geistige: hohes Intelligenzgenie; vermischte: nämlich Verbesserung der physischen Kräfte durch Intelligenz, durch Theilung der Arbeit, Waffnen der Kräfte, Mischung. — Какъ о замѣчательномъ сочиненіи, можно упомянуть еще о книгѣ Эйзелена: Grundzüge der Staatswirthschaft oder der freyen Volkswirthschaft und der sich darauf beziehenden Regierungskunst, von Dr. F. E. G. EISELEN, Privatdocenten an der Universität zu Berlin. 1818. Berlin. Авторъ почитаетъ науку не довольно еще обработанною. Причиною сему онъ полагаетъ то, что человекъ до сихъ поръ разсматриваемъ былъ какъ

иномъ порядкѣ: силы природы: плодосиле, кристаллизаци; силы органическо-физическія: работы чловѣка и животныхъ; силы умственныя: усовершенствованіе силъ физическихъ содѣйствіемъ ума, раздѣленіемъ работы. Разборъ различныхъ степеней работы раздробленъ не менѣе.

О сочиненіяхъ другихъ Нѣмецкихъ писателей, обработывавшихъ отдѣльно какую либо часть въ наукѣ, я буду говорить въ послѣдствіи, при разсужденіи о нѣхъ предметахъ, къ которымъ они по содержанію относятся.

Италія, учившая некогда Европу, предупредившая ее на всѣхъ почти пунктахъ чловѣческой дѣятельности, въ успѣхахъ относительно Экономіи Политической не отстаетъ и въ наше время. Система меркантилизма, возникшая въ Италіи, нашла въ ней и жаркихъ, остроумныхъ апологистовъ, когда ученіе физиократовъ начало въ ней распространяться. Остроумными изслѣдованіями Беккарія, Васко, Нери, Гали-

существо потребляющее, но не какъ существо производящее, и что не были еще основательно разобраны отношенія его къ природѣ.

аня, Менгони, Росси, Валеріани, Боссе-
лини, послѣдователей Дженовези, пояснено
въ наукѣ многое. Мысли ихъ я приведу ниже;
здѣсь же почипаю только нужнымъ указать
на чрезвычайно - важный, огромный, новый
трудъ, свидѣтельствующій объ успѣхѣ По-
литической Экономіи въ Италіи, Мелькіо-
ра Джіоіа. Сочиненіе его а), совершен-
но почти неизвѣстное въ Россіи, естѣ
обширный, ученѣйшій анализъ всѣхъ поч-
ти ученій о разныхъ предметахъ Экономіи
Политической, писателей Англійскихъ и
Французскихъ; Нѣмецкихъ Италіанскій уче-
ный, по видимому, не зналъ. Оно, по
труду необъятному и многолѣтнему и по
объему своему, напоминаетъ намъ «оліан-
ты ученыхъ вѣковъ среднихъ. Джіоіа хо-
телъ разсмотрѣть каждое ученіе и раз-
бираетъ ихъ чрезвычайно тонко и остро-
умно: его твореніе можно назвать син-
кретизмомъ Политической Экономіи. Замѣ-
чаніями своими, онъ по дополняетъ, по

а) Nuovo prospetto delle Scienze Economiche ossia
somma totale delle idee teoriche e pratiche in og-
ni ramo d'amministrazione privata e pubblica, divise
in altrettante classi, unite in sistema ragionato e
generale da MELCHIORE GIOIA, autore delle Travole
Statistiche. Milano. 1815—1817. 6 vol. in 4.

опровергаешь, но исправляешь многія мнѣнія и выводы Смита, Мальгуса, Сел и почти всѣхъ другихъ. Обнимая предметъ во всей полнотѣ, онъ слѣдитъ его до послѣднихъ умозаключеній, и ничего не опускаешь, не объяснявши возможно подробно. *Novo Prospetto* есть одно изъ важнѣйшихъ твореній по части науки, появившихся въ наше время. Для посвятившаго себя изученію Экономіи Политической, оно представляешь важнѣйшее пособіе, особенно цѣпный помъ а), въ копиромъ, въ обширной снать: *Sostanzie Науки*, Джіоіа налагаетъ разнообразныя противорѣчія самимъ себъ: Сел, Менгошши, Верри, Беккарія, Смита, Гарнье, Пальміери, Рейнала, Йонга, Помпео, Нери, Карри, Кондорсе, Галіани, Филанджіери, Спюарша, Ганиля, Деспю-Трасси и Кондильяка. „Многочисленныя противорѣчія сіи, говорятъ онъ, въ кои впали эти великіе мужи, могутъ показатъ трудность науки, а съ тѣмъ вмѣстѣ приобрѣсти снисхожденіе къ занимающимся оною б).“

а) Parte sesta. Stato de la Scienza. p. I—CLVII.

б) Le numerose contraddizioni, in cui caddero degli uomini grandi, possono dimostrare la difficoltà de-

Исторію, основаніе и успѣхи Экономіи Политической въ Испаніи, можно видѣть изъ недавно изданнаго въ Мадридѣ сочиненія Маркиза де Валленваншора: *Основанія Политической Экономіи въ приложеніи наъ въ особенности къ Испаніи* а).

Раймондъ б) показываетъ намъ до какой степени теоретическое ученіе Экономіи Политической достигло въ Америкѣ в). Россія превосходнымъ изложеніемъ полнаго курса Экономіи Политической обязана Шпор-

la scienza, ossia il diritto all'indulgenza pubblica in chi la coltiva.

- а) *Elementos de Economia Politica con applicacion particular a Espana*, 2 ed, Madrid, 1829. in 4°.
- б) *Thoughts on Political Economy*, by DANIEL RAYMOND. Baltimore, 2 p. 1820 in 8°.
- в) Къ числу новыхъ экономистовъ, хорошо изложившихъ науку, можно причислить Мильса: *Elements of the science of Political Economy*. London, 1821, сочиненіе чрезвычайно оплеченное — Дрозд: *Économie politique ou principes de la sciencè des richesses*, Paris, 1829, имѣющее цѣлю, чтобы молодые люди были „en état de lire avec l'intérêt et avec fruit les auteurs que j'aime à nommer les mattres de la science.“ — СКАРЕНКА: *Théorie des richesses sociales*, par Comte Frederic SKARENKA, Professeur des sciences économiques et administratives à l'Université Royale de Varsovie. Paris. 1829. 2 vol.

ху а). Валугьянскій и Хриспьянъ Шле-
церъ много также содѣйствовали ко введенію
науки сей, можно сказать, почти еще но-
вой въ нашемъ Отечествѣ б).

Ученіе Смита, увлекшее большую часть
мыслителей своего вѣка, возбудило во мно-
гихъ и противоположныя мнѣнія. Въ одно вре-
мя съ изданіемъ *Исслѣдованій* Смита, въ
Италіи появилась система Аббапа Орпеза,
замѣчательная парадоксическими, яркими,
самобытными мнѣніями, конечно, бесполез-
ными, но заслуживающими быть упомя-
нутыми въ наукѣ. Авторъ полагаетъ,
что прибыль, какъ для каждаго въ частно-
сти, такъ и для народа вообще, возмож-
на не иначе, какъ только при соразмѣрной
поשרѣ со стороны другихъ, также частно

а) Сочиненіе Шпорха Мак-Кюлохъ спавинтъ à
la tête de tous ceux qui ont paru sur le conti-
nent. Précis. él. d'éc. pol. par BLANQUI. p. 22.
Paris 1826.

б) Первый превосходно изложилъ системы Полиш. Эконо-
ми. См. *Статистическій Журналъ* 1806—1808.
Другой двадцатипятилѣтнимъ преподаваніемъ науки въ
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ образо-
валъ многихъ отличныхъ экономистовъ, занимаю-
щихъ теперь мѣста по всѣмъ отраслямъ государ-
ственной службы.

и вообще; а поному слова: богатство, усиленіе, могущество, у него замѣняются понятія: нищета, грабежа и опустошенія а). Возрастаніе богатства можетъ быть по се-му только кратковременно и случайно: ибо оно сопровождается увеличеніемъ народонаселенія, всегда соущемуемаго нуждами, бѣдностію и нищетою, приводящими все опять къ прежнему уравненію. По сей системѣ, лѣнницы, праздные, бѣдняки суть неизбежное слѣдствіе того, что въ обществѣ много есть другихъ прудолюбивыхъ, много занятыхъ, богатыхъ. Авпоръ идетъ далѣе: онъ самую нерадивость праздныхъ почи-таешь слѣдствіемъ чрезмѣрной алчности прудолюбивыхъ: онъ думаетъ, что если бы послѣдніе были менѣе жадны, менѣе дѣлательны и, слѣдственно, менѣе искусны: то и не получающіе теперь работы не могли бы быть такъ лѣнны и такъ бѣдны: ибо нѣтъ бѣдняка, который бы не захотѣлъ лучше быть обязаннымъ за свое су-

-
- a) Ricchezza, grandezza, potero, sono sinonimi di ruberia, spogliazione, rovina: non può una persona impiegare maggior tempo nella produzione de beni, senza che d'altrettanto sia scemata l'occupazione degli altri: la pegrizia da poveri é conseguenza necessaria dell'attività degli industri. t. 1.

неспособное своему соединению ввиду, не-
жели подаянію другого.

Достоинством антагонистомъ Смита
былъ Лаудердаль а). Онъ старается по-
казать неудовлетворительность опреде-
лѣній, составленныхъ Смитомъ, о цѣвно-
сти, поспавая спещенью оной не коли-
чество работы, какъ полагаетъ Смитъ, но
число изъваемыхъ на произведеніе
требованій: въ слѣдствіе чего цѣнность
сія, завися совершенно отъ причинъ внѣш-
нихъ, никакихъ соотношеній съ сущностью
произведеній не имѣющихъ, ни комъ об-
разомъ и не можетъ быть цѣвносно вну-
треннею, неизмѣнною, однообразною. Осо-
бенно цѣлю его сочиненія было согласить
основныя положенія всѣхъ системъ. Въ то
же время явилось во Франціи другое сочи-
неніе, Феррье б), замѣчательное особен-
но исключительностію предмета и ошкро-
веннымъ изложеніемъ мнѣній, противополо-

а) An inquiry into the nature and origin of Pu-
blic Wealth and into the means and causes of its
increase, by the Earl of LAUDERDALE. Lond. 1805.

б) Du gouvernement considéré dans ses rapports
avec le commerce, ou de l'administration commercia-
le opposée à l'économie politique par F. L. A.
FERRIER, 2 ed. Paris. 1826. 1 vol. in 8 v.

домныхъ принятымъ въ Экономіи Политической. Авторъ нападаетъ на теоретическое направленіе, данное наукѣ. По его мнѣнію, главнѣйшая погрѣшность сего направленія состоитъ въ томъ, что общіе законы не могутъ быти съ пользою прилагаемы къ особенностямъ каждаго общества а): ибо каждый народъ имѣетъ свои особыя выгоды; наука же хочетъ, чинобъ всѣ народы составляли одинъ. Правительства не начинаютъ теорію: теорія для нихъ составляется изъ опытовъ, и не болѣе допускается во всякомъ случаѣ, сколько оправдывается тѣми же опытами. И поному Феррье разбираетъ управленіе коммерческое (*administration commerciale*), основанное на фактахъ, по его выраженію, и чуждающееся всякой исключительной теоріи б). Феррье раздѣляетъ свое сочиненіе на четыре отдѣленія. Въ первомъ онъ разсматриваетъ сущность

-
- a) *Science (Политическая Экономія) récemment découverte, et qui riche en théorie qu'elle vante, quoiqu'elle change perpetuellement, pauvre en faits, qu'elle dédaigne, range toutes les nations sous la même loi*
- б) *Elle vit de faits et repousse toute théorie absolue parce que le malheur des théories est d'être inflexibles.*

народнаго богатства; во вторыхъ — вліаніе денегъ на произведеніе; въ третьей — принудио и вынужденому торговлю, и дѣйствіе ихъ на народное богатство; въ четвертой — коммерческую систему Франціи, а именно: предметъ и сущность законовъ, на которыхъ основывался благосостояніе Французской промышленности. Само собою разумѣется, что оцѣненіе сіе имѣло важность современную. Самое сочиненіе много переложено для званика послѣ прочтенія книги Дю-Буа-Алме а), который, вооружившись грозными математическими выкладками, облачалъ многія ошибки Феррье, неправильность его выводовъ изъ фактовъ, ложно замѣчательныя, и даже несправедливыя.

Между тѣмъ событія колоссальныя, быстро измѣнивъ вышнія отношенія народовъ, разрушительно опозвались и въ самыхъ тайныхъ основахъ общественнаго устройства. Изникли новыя идеи, новые виды,

а) Examen de quelques questions d'économie politique et notamment de l'ouvrage de M. Ferrier, intitulé: du Gouvernement considéré dans ses rapports avec le Commerce; par M. du Bois-Ayme etc Paris. 1823. 1 vol. in 8.

новымъ потребностямъ. . . Догматизмъ политическій утратилъ свою неприкосновенность: его мѣсто царственно занялъ просвѣщенный општесть, удовлетворяемый только законною причиною и общемою пользою послѣдствій. Иамънемія, неудержимо имъ производимыя на поприщѣ куда вывалили его требованія вѣка, сокрушивъ многія одряхлѣвшія формы, опразились и во всѣхъ отрасляхъ системы человѣческихъ знаній, къ коимъ онъ болѣе или менѣе, прямо или посредственно примыкали. Экономія Политическая, по предмету своему, должна была, наравнѣ со всеми прочими политическими науками, вытерпѣть прежде всѣхъ напискъ прілива новыхъ идей а). Началъ открываться, что производить не значить еще обогащать государство; что можно усилить производящую силу до безконечности, загромоздивъ рынки произведеніями, и въ то же время видѣть повсюдную бѣд-

а) Les vingt ou trente ans qui viennent de s'étou-
 ler, ont présenté une telle suite d'événemens les
 plus extraordinaires qu'on n'a pas encore eu le tems
 de les arranger et d'examiner, pour voir jusqu'à quel
 point ils confirment ou invalident les principes re-
 çus de la science à laquelle ils ont rapport. MAL-
 THUS, trad. de Констанціот. Intrt. IX.

нѣспѣ , нищету ужасающую ; что по мѣрѣ накопленія богатствъ или средствъ мѣны въ рукахъ одного, въ той же соразмѣрности скудѣють средства другаго: и поному главнѣйшій вопросъ науки измѣнился а) : начали тщательнѣе изслѣдывать , какъ произведенія , сумма работъ , распределяются между членами общества? по какимъ законамъ? и что симъ законамъ дало силу обязательную? Подобные вопросы конечно не иначе могли бытъ вынуждены, какъ только силою событій. Угрожающая бѣдность работающаго класса въ Англіи , при всемъ богатствѣ сего государства , служило первою поемою для рѣшенія. Пробудивъ вниманіе, предметъ сей сославилъ почти исключительное занятіе ученыхъ. Хотя Рикардо , споль много оказавшій услугъ Экономіи Политической, въ превосходномъ сочиненіи своемъ : *о началахъ Политической Экономіи и о нало-*

-
- a) Tutte le operazioni di pubblica economia debbon tendere ad accrescere l'annua riproduzione al maggior grado possibile col minore possibile travaglio. *Quest'è il canone fondamentale dell'economia pubblica.* VERRI. t. 1. p. 45. — Ogni operazioni economica si riduce a procurare maggior quantità de travaglio e d'azioni tra i membri d'una nazione. BECCARIA. II. p. 172.

gatz а), объясненіе законовъ, по которымъ распределяется приращеніе, посвященныя уже главнѣйшею проблемою въ наукѣ, но, принадлежа по сущности политическои къ Виггамъ, онъ только въ оивлененныхъ выраженіяхъ касался цekoплавныхъ предметовъ: онъ все еще разделяетъ мнѣнія Сем, что экономистъ долженъ только заботиться о произведеніи богатства. По его мнѣнію, произведеніе, доставляя новыя средства жизни, вызываетъ эиимъ потребление, и что не должно поному бояться множествва произведеній, ибо какъ бы ни было огромно количество произведеній человеческой промышленности, нужды и желанія человека всегда будутъ гошевы потребностямъ богатства б); замѣтная же въ наше

а) Des principes de l'économie politique, et de l'impôt, par M. DAVID RICARDO; traduit de l'anglais par F. S. CONSTANTIN, etc., avec des notes explicatives et critiques, par. M. JEAN-BAPTISTE SAY, etc. Paris. 1819. 2 v.

б) Le plus grand nombre des objets que l'on désire posséder, étant le fruit de l'industrie, on peut les multiplier, non seulement dans un pays, mais dans plusieurs, à un degré auquel il est presque impossible d'assigner des bornes, toutes les fois qu'on voudra y employer l'industrie nécessaire pour les créer. Ch. 1. p. 5.

время остановка въ торговлѣ и промыслахъ происходитъ отъ порочнаго общественнаго устройства, спѣсительныхъ мѣръ, прѣдлагающихъ свободному движению произведеній и обременительности налоговъ. Мальтусъ въ Англии а) и Сисмонди б) на шведской землѣ разсуждаютъ сей вопросъ иначе. Они вовсе допускаютъ неограниченность нуждъ и желаній человека, но съ этимъ вмѣстѣ утверждаютъ, что нужды сіи и желанія удовлетворяются въ шой только мѣрѣ, въ какой онѣ могутъ располагать средствами жизни: ибо не довольно имѣть однихъ нуждъ, надобны еще и средства для ихъ удовлетворенія, и что поному вѣрный признакъ народнаго благосостоянія заключается не въ возрастающемъ количествѣ произведеній и,

а) *Principles of political economy, considered with a view to their practical application, by the Rev. T. R. Malthus, M. A. F. R. S. professor of history and political economy in the East-India College., Hertfordshire. Lond. 1820, 2 vol. 8°.*

б) *Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population; par S. C. L. Sismondi de Sismondi etc. etc. 2e ed. Paris. 2 vol. in-8°. Сочиненіе, превосходное во многихъ отношеніяхъ.*

слѣдственно, богатствъ, но въ возрастающемъ преобладаніи на работу и съ этимъ вмѣстѣ въ возрастающей мѣрѣ за оную, и что поному всякое произведеніе, копорому не предшествовало преобладаніе, можетъ только произвести затрудненіе въ мѣнѣ, какъ предметъ совершенно излишній а). Сисмонди пошелъ далѣе и раскрываетъ слѣдствія подобнаго состоянія вещей во всей подробности. Въ его книгѣ вопросъ сей переходитъ изъ опвлеченныхъ положеній въ живой, частный, ощудьный предметъ изслѣдованія. Носнувшись поверхностно сужденій о *произведеніи, торговлѣ, деньгахъ, капиталѣхъ* и пр. и. и., онъ останавливается на томъ, чтобы показать злоупотребленіе развитія силъ работы и изобразить совершенное лишеніе всѣхъ средствъ въ самомъ многочисленномъ клас-

а) Эту мысль мы впрочемъ находимъ и у Смитта. „Обширность раздѣленія (работы), говоритъ онъ, должна зависеть отъ обширности этой силы, или, другими словами, отъ обширности торгова.“ *Extent of this division must always be limited by the extent of that power, or, in other words, by the extent of the market. Ch. III. That the division of labour is limited by the extent of the market.*

съ работающимъ приобретать лтъ произведенія. Сямонди былъ пораженъ, кажется, ешимъ неравномѣрнымъ распределеніемъ плодовъ работы, особенно въ Англіи: и попому сочиненіе его можно назвать исковою въ пользу того класса общества, который все производитъ, какъ онъ выражается, и съ каждымъ днемъ ближе къ тому, чтобы ничѣмъ не пользоваться а). Но вмѣсто того, чтобы ешоптъ неравномѣрный раздѣлъ богатства означить только какъ начальную причину, оспанавливающую ходъ

а) . . . qui produisent tout et qui sont chaque jour plus près de ne jouir de rien. — Гумбольдтъ, говоря о богатствахъ Новой Испаніи, замѣчаетъ, что des fortunes immenses s'y acquièrent et s'y dispersent avec une égale rapidité; il y a des familles particulières qui ont 2,000,000 de revenu par an; il y en a qui, en six mois ont retiré 20,000,000 d'une mine, et qui les ont dépensés. A côté de ces hommes qui se jouent des métaux précieux, les amassant et les jetant tour-à-tour, comme font les enfants avec leurs hochets, on aperçoit des lazaronis qui ne connaissent guère la propriété, et qui jour et nuit végètent au sein de la misère, étendus en plein air et presque nus, dans les rues et sur les places publiques. Voyage de Mm. Al. de HUMBOLDT et AIMÉ-BOURPLAND. Troisième partie, contenant: Essai politique sur le Royaume de la Nouvelle Espagne. p. 161.

произведеній, онъ уже самыя произведенія почитаемыя причиною неравновѣрнаго распределенія богатствъ, приписываютъ ему, и всему тому, чѣмъ ему содѣйствуютъ извѣстныя времена отъ времени большаго неравенства въ обществѣ. Въ слѣдствіе сего началъ, онъ вооружается противъ союзныхъ интересовъ производителей, напряженности работы, экономіи, скопленія капиталовъ, машинъ, новыхъ изобрѣженій, даже противъ насильствъ и совыповъ какъ увеличивать и улучшать все сіи предметы. „Если бы богатые классы, говоритъ онъ а), рѣшились сами работать и присовокупить прибыль къ своимъ капиталамъ, то классъ бѣдныхъ доведенъ бы былъ до отчаянія, и долженъ былъ бы умереть съ голоду. Обиліе капиталовъ, умножая предприятия, съ этимъ вмѣстѣ умножаетъ количество работниковъ и усиливаетъ ихъ бѣдность. Машины, заставляя работниковъ переходить отъ занятій къ занятіямъ, оканчиваютъ наконецъ тѣмъ, что дѣлаютъ существованіе ихъ бесполезнымъ, словомъ :

а) *Avertissement*. p. iij. T. I. p. 80, 82, 235, 320, et pass.

въ средства и въ услуги промышленно-
сти неизвѣрнимо сопровождаются увели-
ченіемъ неравенства. Чѣмъ болѣе народъ на-
кой успѣлъ въ искусствахъ, тѣмъ болѣе въ
немъ несоразмѣрности между количествомъ
рабѣющихъ и числомъ пользующихся ра-
бами.“ Впрочемъ Сисмонди не возмущается
вообще на промышленность, онъ только
осуждаетъ излишество (accroissement) въ
произведеніяхъ, невозбуждаемое соотвѣст-
ственными ему увеличеніемъ потребаній.
Онъ не есть сдѣланный противникъ накопленія
капиталовъ, врагъ новыхъ изобрѣненій: онъ
только пребудеть, чѣмбы силы производя-
щія работы раскрывались не прежде, какъ
когда общество будетъ имѣть нужду въ
большемъ количествѣ произведеній, словомъ,
онъ ограничивается тѣмъ, чѣмбы каждый
приоспанавливался производить болѣе до
тѣхъ поръ, пока другіе не приобретутъ
средствъ купить. Англійскій писатель Вил-
ліамъ Томсонъ а) усматриваетъ въ семъ

а) Recherches sur les principes de distribution de
la richesse qui contribuent le plus au bonheur
des hommes. Paris. 1824. 1. vol. in 80. Сочиненіе сіе есть совершенно теоретическое, опвлече-
тельное. Авторъ принадлежитъ къ сектѣ Квэке-

предметъ насюущую цѣль Экономіи Политической: предметъ сей: пѣсно сопряженъ съ другимъ, касающимся до личной свободы класса работающаго; опноспся до общественной нравственности, благопріятн-сивуемой счастливою посредственностію и рѣшительно невозможной при ужасномъ неравенствѣ богатства и нищеты; неразрывно связанъ съ успѣхами просвѣщенія, ускоряемаго или замедляемаго бѣльшимъ или мѣньшимъ довольствіемъ пѣхъ, копорые ими занимающся; и, наконецъ, касается общес-спвеннаго успройства: ибо всѣ сословія преданы оному въ той мѣрѣ, сколько оно предспавляетъ защиты и покровитель-ства личной и вещесспвенной ихъ собспвенности. Томсонъ особенно нападаетъ на пѣхъ экономисповъ, копорые разсуждаютъ о человекѣ опносптельно только произво-дящихъ его силъ а). Другіе новѣйшіе

ровъ, а попому духъ ученія секты опспывается во всѣхъ основныхъ положеніяхъ и заключеніяхъ сочи-ншеня.

a) Que ces spéculateurs mécaniques ne comptaient pour rien dans l'homme. l'intelligence et la sym-
pathie; qu'ils ne voyaient en lui qu'un instru-

Англійскіе писатели раздѣляютъ пѣже мнѣнія. „Какъ государство, говорятъ они, мы можемъ быть уважаемы другими державами; мы можемъ покрывать океанъ нашими кораблями; произведенія нашей промышленности и соединенная масса нашей торговли могутъ превзойти все то, что только воображеніе человека когда-либо считало возможнымъ; но, если это богатство такъ дурно распредѣляясь, что народъ получаетъ поль-

ment tel que la charrue et le métier à tisser, ou tout au plus tel que le cheval, employé comme lui à produire. Que, du reste, recherchant seulement le plus grand produit, et la plus grande consommation possible sans demander jamais par qui, ils ne s'informaient point si le produit était dû à un travail facile qui entretint parmi la population la santé et la joie; si, au contraire, il était dû à un travail excessif, qui détruisit le bonheur et la vie, autrement que pour calculer si la destruction plus ou moins rapide de leurs machines animées ou inanimées augmenterait le prix de fabrique des produits. Quand à sa consommation, ils ne s'informaient pas d'avantage si les produits du travail de l'homme repandaient la joie et l'abondance parmi toute la population, ou s'ils étaient commandés pour satisfaire les caprices d'un petit nombre de riches vivants dans les palais, qui toujours rassasiés de jouissances, demandent en vain à la variété de reveiller leurs sens endormis et leurs goûts émoussés. Observations Préliminaires. p. V.

II.

ЭГОИЗМЪ.

РУССКАЯ ВМЪЛЪ.

Если вы будете проезжать чрезъ В***, угадный городъ М*** Губерніи, по, кроме двухъ параллельныхъ, весьма недлинныхъ улицъ, засоренной площади и нѣсколькихъ дурныхъ поспояльхъ дворовъ, нечего вамъ будешь помѣститься въ цушевыя ваши записки; но если случай заспавишь васъ прове- сши въ немъ нѣсколько праздныхъ, скучныхъ часовъ, выведешь васъ за городъ, по вы подивитесь, какими живописными видами ок- руженъ онъ. Съ одной стороны, когда вы взой- дете на верхъ покапосши горы, на коей ра- сположенъ городъ, вамъ предспавишься поле, опушенное перелѣсками, какъ будто нароч- но посаженными; съ другой, подъ самымъ городомъ, омываетъ его рѣка Кн***, доволь- нобыспралъ и широкая; за нею обширный лугъ, среди коего красуется еловая роци- ца, съ рѣдко сидящими деревьями, напо- минающая гробницу Жан - Жака Руссо въ Эрменонвиллѣ. За лугомъ взоръ ограничи- вается также перелѣсками и довершаетъ картину; съ правой стороны вдали, хо- рошимъ, большимъ селеніемъ, съ песовыми

крышами; съ лѣвой, господского усадьбою, съ домою простой, но чистой, сельской архитектуры, и увы! съ спрриженными вокругъ садами. Не люблю я изуродованной природы; но для картины это дѣлаешь разнообразіе; и забывъ на минушу сердоболіе къ расшительному царству, невольно сознаешься, что эта спррижка *подъ гребенку*, хотя опиняла часпу силы у прозябемости, за то дала зелени иной цвѣтъ и составляетъ птѣнь картины! Бывъ вынужденъ пробывъ въ семь городѣ цѣлыя супки, на кварпирѣ встѣмъ снабженной, даже однимъ плешенымъ спуломъ, хотя на прехъ ножкахъ, но такъ счаспливо принаровленнымъ, что это не мѣшало покоиться на немъ, сколько было угодно; ибо угломъ, у коего не доспавало чешвершой ножки, можно было его приспавлять къ скамейкѣ, окружающей всю горницу; безъ дѣяшельности, въ первый, красный Майскій день послѣ прех-недѣльной дождливой погоды: не мудрено, что я разѣ десяпу выходилъ съ своей роскошной кварпире и въ разныхъ направленіяхъ обошелъ весь городъ, величиною гораздо меньше ладони какого-нибудь Мекромегаса. Всякая моя прогулка оканчивалась птѣмъ, что я приходилъ на берегъ Кл * * *, садился

на доску, вломленную итуть на два камня, и смонрять на перевозъ плавить въ лодкѣ, а екипажемъ, шю есиль шелегъ, на плочу, одгннть и шгнсьше перевозчнцмъ, не момоме дѣдушки Харона; смонрять, какъ онъ довольснгуеннся малой лешной за свои шруды; какъ кучера, ямщнчки, извошчнчки пошпть и купавнть лошадей; какъ городскіе обшцнтели вышаскнваюштъ верши съ разными рыбами, величнною въ мнзннець, а мальчнчки закндынваюштъ удочки и выдергнваюштъ назадъ съ штъмъ же червячками, кон служатъ приманкою!

Какой просноръ для мечшаній! Но лтъна и опышнносшь не штъ краскн наложнли на палнстру моего воображенія. . . . и какал-шо шемная будущнносшь лежала у меня на сердць. За рѣкою паспухъ напгрывалъ Русскія мелодіи весьма изрядно; и, хошя не совсьмъ унылыя, онъ меня не развеселнли.

Спало смеркашья. Я вспалъ съ своей скамьи и пошелъ къ дому, мнмо каменьевъ остававшнхся онъ поспройки церкви. Въ эшо время на другомъ берегу рѣки показался человекъ, хорошо одѣшый, и перевозчнкъ, не дожндаясь его призыва, одгчалнлъ, переплылъ, посаднлъ его въ лодку и молча перевезъ на эшу сторону. Онъ вышелъ изъ лодкн, подошелъ къ церкви, молллся

долго и спрешительно распроснулся на ваперши. Долго онъ не вспавалъ, и это возбуждало мое любопытство; и оспановилася за грудкою кнришчей и услышалъ его рыданія. Ночь спешивла, прошло около часу, перевозчикъ подошелъ къ моему незнакомцу, безмолвно поднялъ его, довелъ до лодки, посадилъ въ нее и перевезъ онянъ на другую сторону.

Сколько сіе явленіе нипоразило меня, но не какому-то непоняшному невниманію, лъниво, задумчиво, осправилася я на свою кварширу. Всю ночь за шо не могъ я пепомъ заснуть. Незнакомецъ не выходилъ у меня изъ мыслей; я негодовалъ на себя, что не распросилъ объ немъ перевозчика; съ больною головою, вмѣстѣ съ свѣсомъ, вскочилъ съ поспехи, оспыскалъ сего послѣдняго въ прибрежной лачугѣ, спалъ распрашивавъ, но не могъ удовлетворить своего любопытства; узналъ только, что это одинъ изъ помѣщиковъ сего узда, человекъ молодой, который, ужецѣлые восемь мѣсяцевъ, каждый вечеръ или ночь приходилъ къ церкви, молился и плачелъ.

Какъ долго для меня не наспавало утро! Три раза подходилъ я къ кварширѣ исправника и все находилъ спавни его оконъ занворенными; наконецъ, въ шесць часовъ, онъ осп-

порядком и я удивилъ его раннимъ моимъ приходомъ. Безъ околичностей я рассказалъ ему причину моего посещения и, послѣ нѣкоторыхъ оговорокъ съ его стороны, онъ мнѣ разсказалъ событіе, которое послѣ, съ бѣвшими подробностями, повѣдали другіе, особенно женщины. Передаю здѣсь то, что слышалъ.

Верснхъ въ шестнѣ отъ города жилъ зажиточный посадникъ Гореминъ. Два сына, Викторъ и Леонъ, были его утѣшеніемъ, надеждою. Отецъ не жалѣлъ ни чего для ихъ воспитанія, стараясь сдружить двухъ братьевъ между собою. Оба хорошихъ нравовъ, обдуманнаго воспитанія, любили другъ друга; но нѣтъ разницы въ годахъ, и тогдажъ юношескихъ, не могли образованъ между ними нной дружбы, которая основывалась на равенствѣ и безграничной довѣренности. Виктору минуло девятнадцать лѣтъ и онъ отправленъ былъ въ военную службу. Леонъ окончилъ четырнадцать въ домѣ родительскомъ.

Въ сосѣдствѣ Горемина жилъ дворянинъ Либавскій; у него было двѣ дочери, Софья и Ольга. Посредственное состояніе не позволило ему воспитывать дочерей дома, и обѣ сестры погодки воспитывались

объ самыхъ юныхъ лѣтъ въ одномъ изъ Московскихъ пансіоновъ.

Черезъ нѣсколько года, послѣ того какъ начинаелся мой разсказъ, объ сосны Либавскія повѣрились въ нѣдра семейства, прекраснаго млада, образованнаго. Леону было тогда семнадцатъ, Ольга шестнадцатъ лѣтъ. Мудреноли что сердце юности загорѣлось огнемъ, перерождающимъ все наше бытіе! Мнѣ самому было нѣкогда семнадцатъ лѣтъ, я еще помню эти годы! — Въ это время спросили киданъ, сильнѣе чѣмъ вода въ паровикъ; наспойчивость, упругость ихъ въ соснотннн сопротнвдншься не двумъ, не тремъ атмосферамъ а)! — И такъ неувнншьельно, что Леонъ спроснвно влюбнлся въ Ольгу; не уднншьельно, что и Ольга такъ же полюбила Леона! — А кто знаетъ свѣтъ, людей, приличнн, скажетъ: не уднншьельно такъ же и то, что отецъ Горемдннъ ни мало не заботнлся о любви своего сына, не могъ, а другннн скажутъ, и не долженъ былъ допустить его въ семнадцатъ лѣтъ, безъ чнна, безъ имени, женншься на первомъ пригланувшемся хорошему личннн и поперанн свою

а) Техническое опредѣленіе силы паровыхъ машинъ.

карьеру! Из несчастія, случилось другое, хотя не новое въ записках помѣнничьей жизни, но важное обстоятельство, заслужившее названіе молодыхъ людей скривить своею любовью! — Горюхинъ былъ агрономъ, дорожилъ каждою пяденью земли; запахалъ и засѣялъ полевою дорожку, сажень на сажень длины, (хотя десятины 500 пропадало у него въ неосушенныя болота). Либавскій, ѣхавъ къ нему же объѣхать, попалъ на эту дорожку; объѣхавъ не хотѣлось, а припомъ и помѣнничье негодованіе заговорило: какъ онъ могъ запахалъ дорогу, которая была на планѣ, соспавленномъ во время генеральнаго земель размежеванія... И онъ проѣхалъ по ржи, шестерикомъ въ каренѣ.

Загорѣлась ссора, начались жалобы приказыныя, вражда непримиримая! А оба никакъ не рассудили, что 100 сажень длиннику, $\frac{1}{2}$ поперешнику соспавляютъ всего 50 сажень; следовательно при самомъ хорошемъ урожаѣ весь убытокъ былъ рублей до десяти... Но такіе случаи бывалые; и я полагаю, еслибы всѣ ссорящіеся и пняущіеся были химиками, то ссоръ и пняебъ было бы меньше. — Такъ, Мм. Гг., они разложили бы всякое свое дѣло на атомы и увидѣли бы, что ихъ атомъ равняется почти нулю!... Но обра-

щился къ нашему дѣлу. „Чѣмъ болѣе преи-
 „дѣлствій, тѣмъ болѣе силы:“ аксіома из-
 вѣстная теоретикамъ и практическимъ на-
 уки любви! Прекращившіяся отношенія у оу-
 цевъ семействъ, разумѣвшая, не прекращав-
 ихъ между молодыми, въ двухъ верстахъ жи-
 вущими любовниками; напропихъ, ежили ихъ
 и не учаспили, но сдѣлали опировенгье. Со-
 сѣдство давало на это способы. Ольга и
 Софя были дружны, какъ сестры; даже
 осклаю, когда Горемидъ уѣзжалъ въ Мос-
 кву, а Либавскій оспавался еще въ деревнѣ
 для порошъ, Леонъ находилъ средство, хопи
 и рѣдко, видѣться съ Ольгою. Четыре, пять
 верстъ—не разстояніе для влюбленнаго, „На-
 дежда умираетъ послѣдняя въ человѣкѣ:“ ска-
 залъ одинъ изъ семи Греческихъ мудрецовъ, Ві-
 асъ, помнился! Она для всѣхъ смертныхъ оп-
 рада, а для влюбленныхъ сущности! . . Между
 тѣмъ время проходило и ничего не измѣняло
 ни во враждѣ синарикоѣ, ни въ любви моло-
 дыхъ. Наконецъ Леону минуло девятнадцать
 лѣтъ; и, по обычаю Рускихъ дворянъ, непре-
 ложному, какъ законы природы, спали его го-
 повить въ полкъ! Леонъ и Ольга покля-
 лись предъ образомъ Спасителя во взаим-
 ной вѣрности, плакали, рвались, опчал-
 вались, похудѣли; но разспались съ нѣвер-

дою рѣшимосію сохранишь данную клятву.

Пореминь жюмъль, чшобы оба браніи служили въ одномъ полку. Викторъ въ это время находился въ Грузіи, подѣ командою Генерала Ермолова. Леонъ отправился шудакѣ. Но какъ въ сіе время уже начались непріятельскія дѣйсвія съ Персією съ двухъ сторонъ и ему надобно было напередъ провѣжашь чрезъ корпусъ Генерала Паскевича, готовый вспунитъ въ бой, по Русская кровь не ушергѣла. Вѣшь пакъ близко опѣ цѣли военного человека—сраженія, и ѣханъ далѣе искать погоже, никакъ не согласовалось съ пыломъ молодосиш, съ понятіями о чести, Леона. Онъ явился къ Паскевичу и былъ принятъ юнкеромъ въ Б* * * уланскій полкъ. Сраженія, въ сію и послѣдующую кампаніи, слѣдовали пакъ близко одно за другимъ, чшо наша Московская Университетская Типографія не постѣвала перепечашивашь реліцій; а я не спашу ихъ пересказывашь, для того, чшобы слушашели мои со всѣмъ не позабыли о моихъ герояхъ, и для того весь мой разказъ о семъ времени ограничу однимъ черпами, касающимися до Леона. Онъ, какъ образованный юноша, какъ дворянинъ, какъ Русской, вездѣ искалъ оплчій, былъ замѣ-

ченъ справедливымъ полководцемъ, чрезъ три мѣсяца былъ уже офицеромъ и почти также быстро получалъ награды, какъ Паскевичъ пожиналъ лавры.

Извѣстно, что въ послѣдствіи оба корпуса составили одну армію. Два брата въ первой разѣ сражались на полѣ чести подъ Эчмиадзиномъ. Видался и послѣ нѣсколькихъ разѣ, но всегда такъ кратковременно, какъ обыкновенно бываетъ во время непрерывныхъ военныхъ дѣйствій, особливо у такого военачальника, который не любитъ медленныхъ шанцовъ, какъ н. п. Польскихъ, а давай ему одни вальсы, опъ коихъ бы у непріятелей, а иногда и у своихъ, голова вертелась кругомъ. Подъ Эриванью Викторъ былъ тяжело раненъ и до излеченія опущенъ въ домовую опускъ. Леонъ не оставлялъ поля сраженія, и послѣ Персидской кампаніи перешелъ въ Турецкую; въ обихъ ему доспавалось опъ враговъ, но онъ не выбывалъ изъ фронта. Послѣ взятія храбро защищавшагося Карса, онъ находился въ лемужемъ опрядѣ, долженспивовавшемъ прикрывать флангъ арміи, орлинымъ полешомъ несшейся къ Эрзеруму. Опчаянная, многочисленная шайка Турковъ и большею частію Лазовъ, бросилась на опъ.

рядъ; завязалось дѣло кровопролитное. Леонъ получилъ нѣсколько ранъ тяжелькъ и одну раздробившую ему часть черепа, такъ чню поумершый оснался въ кучѣ убитыхъ непріятелей и своихъ. Оспрядъ не могъ оснанавливаться и, преслѣдуя непріятеля съ быспрошюю, послалъ козака сказашъ сзади оснавшемуся гарнизону, чнюбы они занялись разборомъ раненыхъ и убитыхъ. Козака на дорогѣ заспръляли и до испораго прищеспвѣа лежашъ бы Леону на чужой землѣ... Но годы его не были еще сочпены!

Въ безпамяшпствѣ, испекшій кровью, лежалъ онъ долго; наконецъ почувспвовалъ, чню на голову его льещя чню-то холодное. Съ шрудомъ полуоткрылись его вѣжды; передъ нимъ спюяла женщина, съ закинутымъ назадъ, бѣлымъ, разодраннымъ покрываломъ. Все бышіе его была любовь: и первый признакъ жизни былъ слабый крикъ: Ольга! — Нѣтъ, несчастный эпо не она: эпо Фашима! — Кню она, мы узнаемъ послѣ. Съ словомъ Ольга, Леонъ сдѣлалъ невольное усиліе, приподнялъ голову; но голосъ и слова женщины, сказавшей дурнымъ Рускимъ, языкомъ: „пихо, Русь, пихо:“ разочаровали несчастнаго, и онъ опянь упалъ въ безпамяшпствѣ.

Прошли часы тихое колебаніе пробудило снова Леона, и онъ увидѣлъ себя на носилкахъ, окруженнаго Русскими солдатами; женщина подъ покрываломъ шла подлѣ него. Его принесли въ лазаретъ, гдѣ искусливо полковаго лекаря, забоянное спараніе незнакомки, а болѣе всего молодость больного, время онъ времени, знакомили его снова съ жизнью.

„Кто ты, пакиспивенное существо?“ спросилъ Леонъ у Фашины, послѣ двух-мѣсячной своей болѣзни, въ печеніе коей свѣлся съ ней какъ съ своею плѣнью. „Я несчастная сирота въ необъятномъ мірѣ: моя исторія недлинка!“ сказала она, довольно уже чуждо по Русски. „Я Грузинка. Опець мой въ юности былъ посланъ своими родными въ Россію учиться медицинѣ; тамъ возмужалъ, влюбился и женился также на Грузинкѣ, завезенной туда. Я единственное дитя ихъ. Они меня лелѣли, какъ садовникъ лелѣитъ любимый цвѣшокъ въ своемъ саду; но Аллахъ не судилъ имъ радоваться своимъ добромъ! Мать моя скоро умерла. Опець, преданный горести, посвящалъ мнѣ всѣ свои досуги; но все скучалъ по родитѣ, и мы отправились въ Грузію. Едва мы пріѣхали, не заславъ уже въ живыхъ его родителей, какъ Горцы сдѣлали набѣгъ на наше

селеніе: Мнѣ было тогда восемь лѣтъ. Я помню еще это время! Смятеніе, вопль, кровь . . . Вижу, какъ опесть мой палецъ подъ кинжаломъ убійцы. . . Ужась, скорбь овладѣли мною. Съ той минуты я худо помню, что со мною дѣялось, до самаго того времени, какъ привезли меня въ Ахалцыкъ. Тамъ купилъ меня одинъ Лазъ и подарилъ пожилой сестрѣ своей, вдовѣ Аги. Она меня полюбила и воспитывала, какъ дочь, по своему обычаю. Восемь лѣтъ я была, какъ птичка въ клеткѣ! Ахалцыкъ былъ взятъ Русскими и всѣ женщины Ахалцыкскія, имѣвшія какую-либо возможность, наканунѣ были отправлены въ Карсъ. При осадѣ Карса, всѣ мы способствовали опраженію васъ; многія изъ насъ были убиты, въ томъ числѣ и моя благодѣтельница. Кровь приучаетъ къ крови: мы смотрѣли на смѣрть хладнокровно. Когда не было уже надежды къ удержанію города, мы тайно вышли изъ него, пробираясь къ Бей-Гурлу. Въ ущеліяхъ увидѣли мы, что Русскіе насъ предупредили и небольшая полна наша разсѣялась. Я осталась одна. Тушь заговорило во мнѣ внутреннее чувство; въ одно мгновеніе исчезло восмилѣтнее Турецкое воспитаніе; я почувствовала, что принадлежу Россіи,

чю я Русская, и вѣрожила въ покровъ народа великодушнаго, въ глазахъ даже неприязней его. Я подумала: если я явлюсь къ Рускимъ, то посвящу себя для больныхъ: имъ надобна услуга; они сваялись надо мною и доставяють меня на родину, гдѣ, можешь бышь, живъ еще и отецъ мой. Съ этою мыслию я шла въ Нарсь и нашла на свѣжіе шрупы убишыхъ. Какое-то невольное влеченіе приковало взоры мои къ нимъ, и я замѣтила себя, юнаго, прекраснаго и шакъ изуродованнаго. Я замѣтила въ себѣ признаки жизни; занятія отца моего научили меня съ малолѣтства обращаться съ больными. Я обвязала себѣ рану на головѣ опорваннымъ лоскупомъ отъ моего покрывала и обливала ее холодною водою, приносимою въ пригорсникахъ изъ испочирика; шы очнулся, сказалъ чю - то и оцашъ упалъ въ безпамятствѣ. Какъ ланъ побѣжала я въ Нарсь сказаць о себѣ, и съ шѣхъ поръ привязалась къ себѣ, какъ распеніе къ почвѣ, его возраспившей. Ты мой, и дала себѣ жизнь! Неужели шы меня покинешь?

— „Никогда, никогда моя добрая Фаяима, клянусь любишь шебя“ — вскричалъ Леонъ; но, опомнившись примолвилъ — „послѣ моей Ольги! . . . У меня есть другъ сердца. Она жизнь, она судьба моя!“

Раны Леона не давали надежды къ скорому выздоровленію: и онъ былъ опущенъ безсрочно. Съ какою радостію понесся онъ на родину, шуда, гдѣ сосредоточивался для него весь міръ! Въ Тифлисѣ получилъ онъ письмо отъ брата, уведомляющее его о кончинѣ отца. Сыновья любовь, привязанность къ виновнику дней и благодарность къ образователю, запыкали радостными мечпы его; но Ольга была шочка, около кошорой, какъ планеты около солнца, обращались всѣ ужшвенными и чувшвенными его способностями; и самая горестъ его была отъ шого шности. Тушъ же онъ узналъ, что опецъ Фашимы лишился жизни въ самый день набѣга и она опшалась, какъ говорилса, круглою шрошю. „Я поклялся тебѣ, Фашима! шы ѣдешъ со мною.“ — „Ни на шагъ отъ тебѣ!“ опшчала она. И они пушчились въ Москву.

Товарищи Леона въ Нарсѣ, въ Тифлисѣ, и по всей дорогѣ, не вѣрили плашониаму спрашшного ко всему измшшному, двадцати двухъ лѣтшного юноши; не вѣрили пылкой, черноокой красавицѣ; но они вѣхали, какъ братъ съ сестрою. И шуть Фашима была надежньмъ его пушководишелемъ. Леонъ, существовавшій одною любовью, желалъ бы не вѣхашъ, лѣ-

пшнь. Фалпима, видя, что скорая вадя раз-
 правляетъ его раны, удерживала его, была
 его ангеломъ храницелемъ!

Наконецъ, въ самый полдень, съ Поклон-
 ной горы Серпуховской дороги, предстала
 взорамъ Москва: волшебный городъ изъ Ты-
 сячи Одной Ночи для того, кто въ пер-
 вый разъ подъѣзжаетъ къ ней съ эпою спо-
 роны! Лучи солнца, опражаясь на златыхъ
 главахъ церквей, какъ въ панорамъ, освѣща-
 ли ближайшія спроеія: и зема масса зда-
 ній, каменныхъ, деревянныхъ, садовъ, улицъ,
 просвѣчивающихся для зоркаго глаза, жу-
 шаетъ долгоопсунисывающему какое - то
 гордое благоговѣіе! Разныя чувства волно-
 вали нашихъ путешественниковъ! Сердце
 влекло Леона въ Москву; но какой-то пани-
 сшвенный голосъ говорилъ ему: оспашенись,
 несчастный! насладись жопя минушку еще
 мечшамъ: успеешь спознапсья съ горемъ!
 Но вопъ заспава, вопъ несносный часовой
 опускаетъ шлаг-баумъ; вопъ полуграмот-
 ный писарь, по складамъ, прописываетъ по-
 дорожную; а сердце Леона — оно бьетъ въ
 минушу не 60, а 100 разъ! Слава Богу!
 пронулись! но еще не конецъ шерпшю! Ян-
 щикъ ѣдель пшше, неловко обьзываетъ
 воза, неловко сворачиваетъ оитъ экипажей,

бониса задѣшь прокожижъ , бережень под-
ковы на каменной мостовой Приѣхала на
родительской дворъ! Дворня кысыпала, Вик-
поръ у коласки , два брата въ объятияхъ ,
Фанима забына . . . Вбѣгалоу въ коннаны, въ
передней бросасося на шею Леона — шно?
Софья, сеспера Ольги . . . Ома жена Викпоря!

„Злодѣи!“ бѣшено завричала Леонъ.
Силы физическiя его осыпали и онъ , въ
безпамятствѣ , упалъ на руки Фанимы. Софья
сполола въ недоумѣнiи: мысль о прошедшемъ,
о взаимной сирасни Леона и Ольги , пред-
ставилась ея воображенiю , какъ каряющее
привидѣнiе ; но глава ея осыпавшись на
Фанимѣ и она опять пришла въ нерѣши-
мость, что ей думатьъ о безпамятствѣ , о
восклицанiи Леона? Викпоръ, какъ окаменѣ-
лый , сполалъ надъ братомъ. Положенiе его
показывало, какою будущности онъ долженъ
быть ожидать. Софьинъ можеть быть упре-
кала его. Одна Фанима была исключитель-
но занята Леонотъ. Онъ былъ для ней цѣ-
лый мiръ! Она видѣла, что раны его снова
расшворились , и первая показала собой,
что дѣйствующица лица въ сей каршинѣ
были сущесва живыя. Докторя! сказала
она: и шупъ шоломо все пришло въ движе-
нiе. Леона положили на софу; все засуе-

нилось. Софья была въ слезахъ. Викторъ измѣрялъ шаги свои, робко, какъ преслушникъ, приближаясь къ брату. Докторъ нашелъ Леона опаснымъ; и первое ученое предписаніе его было спокойствіе, какъ будто оно въ воляхъ спрдаальца! Четырнадцать часовъ Леонъ не приходилъ въ себя; наконецъ, при шпоричномъ посвященіи доктора, открылъ глаза, дико озирался вокругъ, узналъ одну Фашиму, и долго, долго, казалось, припоминалъ, что съ нимъ случилось? Память его по немногу возобновлялась, а съ нею вмѣстѣ и бѣшеніе сердца спланилось въ безпокойствѣ. Вдругъ усмиривъ онъ пронизательный взоръ на брата, попомъ на Софью, сползшую въ сіе время въ дверяхъ комнаты; и судорожныя движенія снова повергли его въ безпамятство. Докторъ, распросивъ о нѣкопорохъ подробностяхъ, убѣдился, что его надобно перевести въ другой домъ, гдѣбы ничто не напоминало ему его несчастія, гдѣбы предметны были итѣже, что въ Грузіи, и, по крайней мѣрѣ, до нѣкопорога времени онъ былъ въ забвеніи о настоящемъ!

Оспавимъ на время несчастнаго и пройдемъ предшествовавшее.

(окончаніе слѣдуетъ).

III.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОВОЗРАНИЕ

ПОРТУГАЛЬСКОЙ ПОВЗИ.

(околяние)

Уже въ первые времена своей Литпературы, Португальцы имѣли опличнаго драматическаго поэста, по имени Хиль Виценпа. Говорящъ, что Лопе-де-Вега и Квезедо подражали его сапирическому слогу; прибавляющъ даже, что знаменитый Эрасмъ, выучась Португальскому языку, дабы чипанъ его литпературныя произведенія, объявилъ, что изъ новѣйшихъ, Хиль Виценпъ, по его мнѣнію, ближе всѣхъ подходитъ къ Плавпу. Эммануель и Хоамъ Ш часпо, совсей фамиліей, присуспснвоваи при предспавленіи его пѣсъ; а одна изъ дочерей сочинилела, принадлежавшая къ свитѣ Инфанпины Донны Маріи, занимала въ нихъ роли. Эпа дочь сама писала комедіи и сочиняла грамматики Англійскаго и Голландскаго языковъ. О Хиль Виценпѣ разсказываютъ слѣдующій, послѣдній для него, анекдотъ. Завидуя драматическимъ опытамъ своего сына спаршаго, послалъ онъ, будпо нарочно, его въ Индію, гдѣ молодой чело, въкъ былъ убитъ. Доспопримѣчашельно, что пѣсъ Хиль Виценпа никогда не пере-

печатывали, хотя они очень рѣдки и весьма уважаются.

Не взирая на сія начала, предвѣщавшія; по видимому, сподоль много надеждъ для будущаго, драматическая поэзія никогда не процвѣтала въ Португалліи. Вѣроятно, богатство Испанскаго театра было причиною бѣдности Португальскаго. Во время владычества Испанскаго, благоразумная политика повелѣвала выводить изъ употребленія національный языкъ и подспрекашь Португальскихъ авторовъ, чтобы они писали по Испански. Впрочемъ многіе изъ нихъ имѣли сей грѣхъ, еще до разбитія Себастьяна. Есть Испанскія поэмы въ твореніяхъ Саа - де - Миранды, Феррейры и самаго Камонса. По счастью для Португальцевъ, Барросъ, Моравъ и Камонсъ уже образовали, обогатили и усовершенствовали опечеспвленный языкъ: самолюбіе, равно какъ и патриотизмъ, преобладали сохраненія національной литературы.

Но многіе соврапились съ испиннаго пути и, будучи худыми патриотами, или имѣя недоспалокъ въ предусмотрительности, *окастиллились*, такъ сказать, въ царствованіе Филиппа, сподоль славное

для Испанскаго театра. Тогда въ Лиссабонѣ играли Испанскія пьесы, какъ нынѣ Англійскія играютъ въ Эдинбургѣ. Зрители легко понимали сія пьесы, хотя онѣ были писаны не на Португальскомъ нарѣчій. По воешествіи на пресидіаль Браганцоаго Дома, возражающее вѣдѣніе національной непереносимости заслуживало пренебрегать театромъ; а потому къ оцѣдѣ національной Литературы, одна опера затѣнкая въ другія оперы драматическаго искусства.

Изъ Португальскихъ поэтовъ, писавшихъ по Итальянски, славнѣе всѣхъ Мануэль де-Фаріа-е-Суза, человекъ съ большими сужденіями и огромнымъ талантомъ, но съ никакъ дурнымъ вкусомъ, что сужденія его служили болѣе къ посрамаенію, чѣмъ къ славіи языка. Мануэль де-Фаріа-е-Суза, издавъ девять томовъ стихотвореній, не считая критическихъ и историческихъ трудовъ, коими онъ преимущественно извѣстенъ. Странно, что нѣтъ ни одного полного экземпляра всѣхъ его твореній. Наименѣе несовершенный, видѣнный мною, принадлежалъ Дону Фр. Мануэлю де-Сенакуло-Вилласъ-Боасъ, Епископу Байскому, и состоялъ только изъ пяти томовъ.

Фариа-е-Суза, не по недосыпнику патриотизма писалъ на Испанскомъ языкѣ, а потому, что считалъ языкъ сей болѣе величественнымъ, болѣе сообразнымъ съ его надменнымъ слогомъ, болѣе упопробительнымъ. Были и другіе современники ему писатели, которые еще болѣе, чѣмъ онъ, заслуживаютъ названіе лирическихъ реториковъ. Въ эпоху Португальскаго перелома, лирический духъ всей Европы былъ испорченъ; и до половины минувшаго столѣтія Португаллія не произвела ни одного поэта, достойнаго стоять на ряду съ поэтами времени Себастьяновыхъ. Къ слогу, вообще напыщенному и искаженному ложными понятіями дурныхъ сочинителей, примѣшались еще варваризмы, пришедшіе изъ Французскаго языка. Первый поэтъ, отличающійся числовою слога, былъ Педро-Антонио Коррею-Жарсамъ, членъ Аркадскаго Общества; другой членъ того же Общества Антонио - Динишъ да - Крузъ - е - Сильва; не имѣетъ соперниковъ между новѣйшими поэтами Португальскими. Его Пиндарическія оды обнародованы въ 1811 году, по смерти автора, подъ его Аркадскимъ именемъ: Элъдио Нонакріензе; оспаривается только на-

печатаннаго его диметрича, изъ коихъ нѣкошороме имѣють истинную возвышенность.

Народность сего поема основана преимущественно на героическо-комической прозѣ, въ осьми пѣсняхъ, въ *metre solço*, называющейся *Hussoraida* (Крошальщикъ). Хозе-Карлосъ де-Лара, Фальвасскій Деканъ, желая приобрести благорасположеніе своего Епископа, присунснствовалъ всякой разъ, когда Епископъ лично отправлялъ богослуженіе, при дверяхъ храма, вмѣстѣ съ крошальщикомъ. Въ сладшіе нѣкошораго несогласія, возникшаго между ними, онъ прекратилъ сіе добровольное изъявленіе своего высокопочинанія; но оно шакъ долго было имъ совершаемо, что Епископъ и причетъ пошребовали отъ него продолженія сего присунснствія, какъ обязаности. Деканъ жаловался Минпрополипу, но былъ обвиненъ. Таково содержаніе поемы. По смерти Декана, наследникъ, его племянникъ, жаловался снова и получилъ разрѣшеніе. Сіе окончательное шоржесство предсказано въ поэмѣ. *Hussoraida* долго ходилъ въ манускриптѣ; наконецъ въ 1802 году напечатана будшобы въ Лондонѣ. Никогда не могли получить законнаго дозволенія издать сію саниру; удивительно даже, какъ осмѣливались просить о помѣ.

Другой членъ Португальской Академіи, равномерно приобретенный большую славу, былъ Доминго дос - Рейсъ - Киниш. Его трагедія, Инеса де Маспро, переведена на Англійскій языкъ и напечатана, за имя лишь предъ сими, въ собраніи, называемомъ *Мѣсяцкій Театръ*. Бывшій Доминго дос - Рейсъ очень бы удивился, увидя адъсь свою трагедію; и особенно изумле бы его то, что предъ именемъ его посвященъ пришулъ *Дона*, точно также, какъ если бы Французъ, перевода Шоплаанда Бѣркса, назвалъ его Милордомъ. Отецъ Доминго былъ торговецъ, который, будучи принужденъ, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ несчастій, ухажъ изъ Португаліи, оставилъ его въ семилѣтнемъ возрастѣ, съ шестью другими дѣтьми, препоруча матери воспитывать ихъ, какъ она могла. Онъ переслалъ скоро прислать имъ денегъ; и Доминго, на четырнадцатомъ году, былъ отданъ въ ученье къ цирюльнику. Съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ онъ склонность къ поэзіи; по счастью, попались ему творенія Намонса и Франциска Родригеза; онъ изучалъ ихъ, выучилъ наизусть и спалъ подражая лучшимъ образцамъ. Нѣсколько лѣтъ занимался онъ поэзіей впайнъ; уже приобрѣвши довольно

действительности из себя; самому, показавъ ему,
 списавъ свои инокентьевыя припадкы и,
 обнародовавъ ихъ, но не подъ своимъ именемъ,
 а подъ именемъ монаха Азорскаго Осироваго.
 Однимъ любовнымъ советомъ, выдвинувъ ему,
 Вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе со-
 временныхъ литераторовъ и былъ пред-
 ставленъ Графу Сан - Лауренсо, который
 оспаривалъ навсегда однимъ изъ лучшихъ его
 друзей. Приобретая такимъ образомъ покрови-
 тельство, выучился онъ Испанскому, Ита-
 лянскому и Французскому языкамъ, дол-
 вознаградить по возможности недостаткомъ
 своего воспитанія; изучалъ знаменитѣй-
 шихъ авторовъ, писавшихъ на языкъ латы-
 нскъ, и всѣ существовающіе переводы Грече-
 скихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ и Англій-
 скихъ писателей. Въ это время основалось
 въ Португалліи Аркадское Общество, для про-
 бужденія вкуса къ лирическому, и особенно къ
 поэзіи, въ сирани, гдѣ она находилась тогда
 въ большомъ упадкѣ. Доминго дос - Реисъ,
 не смотря на низость своего произведе-
 нія и инокентьевыя эпиграммы, единодушно
 былъ избранъ въ его члены. Но, не такъ
 удалось ему, когда Архіепископъ Брагскій
 хотѣлъ принять его къ себѣ, чего Домин-
 гу очень желалось; ибо онъ былъ весьма

религиозенъ. Пфр Епископъ имкодилась одна, слишкомъ набожная особа, которая дознала, что неприятно ему держась при себѣ умнаго человека; и никакъ преслупленіе — бывше умнымъ человекомъ — перевсѣло все, что ни говорила въ пользу Доминга его честная жизнь и искренняя набожность. Поелтъ имѣть еще врага при Дворѣ, когда Помбаль намѣревался въ награду ему дать пенсію; его осыпали притѣсненіями, но оставили въ бѣдности. Навѣнецъ Лиссабонское землярвеніе довело его до нищеты; но именно сіе-шо и обезпечило благосостояніе его старости. Ему оказала покровительственно одна госпожа, по имени Тереза Теодора де Алокиъ, жена медика Вальпазара Тарм; не имѣя, гдѣ приклонить голову, нашель онъ у нихъ убѣжище и былъ принятъ какъ родной. Въ 1761 году, почувшювалъ онъ признаки чахотки и находилась при дверяхъ гроба; неусыпнымъ попеченіямъ Дони Терезы и мужа ея возвращали ему здоровье. Черезъ шесть лѣтъ дошомъ, вшорой припадокъ былъ обратенъ попеченіями тѣхъ же особъ; Дони Тереза сама за нимъ ходила, а Тара былъ лекаремъ.

Онъ оспивалъ славу благодѣлательныхъ друзей, поминувъ долгу, призывавшему его къ пресвятой и спасающей манере. Напрасно предсказали ему, что такая сыновья нѣжностъ была неблагоурауміемъ со стороны чловека, который, подобно ему, могъ надѣяться только на Провидѣніе. „Именно и надѣюсь я, описывалъ онъ, на Сіе Провидѣніе, Которое бодрствуетъ надъ ншицами небесными и живущими, живущими на землѣ, Коего перспѣ усматриваю и въ звѣздахъ и въ расшеніяхъ.“ Вѣра его не утѣла подвергнувшись испытанію, ибо чрезъ шесть недѣль сдѣлался онъ болѣе сильнѣе прежняго. Докторъ Тара напрасно приказалъ перенести его опять къ себѣ въ домъ; ни пособія медицины, ни попеченія Донны Терезы, не могли, въ прешій разъ, спасти его; послѣ шести-дневныхъ спраданій, умеръ онъ въ 1770 году, сорока прехъ лѣтъ отъ роду.

Еще несчастнѣйшій примѣръ суровостей форшумы къ пошамъ, предсказываетъ Франциско Діасъ Хомезъ, сынъ мелочнаго лавочника, въ Лиссабонѣ. Бѣдными и честными родителями своими онъ былъ предназначаемъ для юриспруденціи; получалъ первое воспитаніе въ коллегіи Оранжоріи; изучалъ риторку и поэзію, подъ руководствомъ Короле-

иского Профессора Педро Жозе де Фомосек; и
 брата наконецъ послать въ Коимбрскій Уни-
 верситетъ. Но едва испунила она шуда, какъ
 дядя, востого имя онъ носилъ и обещавъ ко-
 мандоро сидовали манъ я отецъ его, переиз-
 мляя его назначеніе, починанъ торговлею — со-
 ствдніемъ болве вѣрнѣмъ, чѣмъ литература.
 Его посадили за шакія занятія, гдѣ рожда-
 тійся въ немъ гоній, былъ заглушенъ ари-
 метическою мелочныхъ счетовъ. Изъ всахъ бл-
 сшательныхъ дарованій своихъ могъ онъ
 только многочисленнымъ численіемъ уна-
 жнать свою память: непрерывными развече-
 тия, сопряженными съ его занятіемъ, препан-
 сивовали усовершенствованію его таланта, а
 развеченія, свойственныя таланту, мѣшали
 улучшенію его соспожня. Онъ безпрестанно
 писалъ списки, но не могъ вознестись выше
 роковой посредственности, оглашенной Го-
 рднемъ. Независимый среди своей неиз-
 вѣспности, онъ не доверялъ даже лучшимъ
 друзьямъ своимъ неусыха своихъ торговыхъ
 спекуляцій, опасаясь внушить имъ мысль, что
 умоляютъ ихъ о помощи, и сдѣлаясь жерт-
 вною сего ложнаго шуда. Весною 1795 года
 все семейство его забѣзилось повальною, въ
 то время, болзнію. Франциско Діасъ, служив-
 шій лекаремъ для своихъ родственниковъ и

А потому въ изумленны были дерзостию одного юнѣйшаго кришна, который осмѣлился порицать сѣ превосходное извореніе Камоиса и, въ подтвержденіе сужденія своего, издалъ собственную эпопею о томъ же предметѣ. Сія эпопея была сперва напечатана въ 1811 году, подъ названіемъ: *Гамла, поэма въ десяти пѣсняхъ, сочиненіе Жозе Агостино де Маседо*. Авторъ распространилъ ее въ послѣдствіи до двенадцати книгъ и переименовалъ названіе ея въ *О Ориентѣ*. Предъ сими послѣдними изданіемъ помѣстилъ онъ дикіе послышительное посланіе къ Португальскому народу, съ предварительнымъ разсужденіемъ, въ коемъ были исчислены недостатки его предшественника. Ничего смѣлѣе не лзя было предпринять въ Португальской имперіи.

Жозе Агостино де Маседо пишеть, какъ человекъ добросовѣстный, какъ пламенный энтузіастъ и патриотъ, не имѣющій ничего еретическаго, кромѣ мнѣній своихъ о Луизадахъ. Если зрѣшь ему, то не столько по духу соперничества, сколько по досадѣ, возбуждаемой приотрасніемъ оппозиціи, сей новый кришникъ такъ неумѣренно осуждаеть

ице имя сей поэмы на Португальскомъ языкѣ есть: *Os Lusadas. Мэд.*

Намоансову поему; какъ неумѣренно другіе ее правоносятъ. „Я нашелъ, говоритъ онъ, что все хорошее въ Лузіадахъ хорошо поному, что Намоансъ списалъ эпю у другихъ, а все, что худо, худо поному; что сочинено имъ самимъ.“ Конечно эпю самая грубая хула. Хозе Агосшвино, находя Намоанса часто на одномъ буши съ другими поэтами, считалъ подражаніемъ то, что никогда имъ не бывало; и если справедливо, что Намоансъ не выпускалъ изъ рукъ *Orlando Furioso* и *Amadigi* Бернарда Тасса, то не менѣе справедливо, что выключивъ изъ Лузіадъ все, заимствованное у поманутыхъ поэтовъ, онъ нисколько не обдѣляется.

При всемъ томъ въ диссертаціи Хозе Агосшвино замѣчавшеся болѣе здраваго вкуса и императорскихъ знаній, чѣмъ вообще у соотечественниковъ его. Онъ утверждаетъ даже, что истинный языкъ высокой поэзіи находится у Евреевъ и что поше только можетъ быть великимъ пошомъ, кто глубоко изучалъ Библию; а утверждаетъ сіе въ Португаліи необычайно. Также признаетъ онъ, что изъ всехъ предметовъ, путешесствіе Гамы, во всякомъ отношеніи, наименѣе удобно для эпической поэмы: „*Esta accame por*
 Телеск. Ч. XVI.

temosa sendo grande em tudo, he pequena; he minima; em poesia. De todas as avcoens epicaes he a mas estere.“ Чтo же побудило Жозе Агоспино избрать именно самый предмет? Опытая на сей предвиданный шаг вопросъ, онъ совмѣняетъ въ послѣдней слабости благородныхъ душъ. „Узрѣнною въ ошибкахъ Намояса, желаніе посрамить ихъ, хотъ говорить о немъ: *par nemo, nemo cessat erit*; нибольше же надежда воспортествовати надъ предубежденіями моихъ соотечественниковъ и доказать, что границы воображенія могутъ быть также распространены, какъ и границы разсудка: хотъ что ободрило меня къ сему опыту!“ говоритъ онъ. Еслибы Агоспино зналъ нѣсколько литературы Англійскую, то нашелъ бы прекрасный для себя урокъ въ Спенсеровой Пѣснѣ Волшебницъ: „Озираясь вокругъ себя, она увидѣла надъ дверью слѣдующую надпись: *смѣй, смѣй и введъ смѣй*. Сколько ей думала она, но не могла разгадать смысла сей загадки, какъ внезапно усмѣршла, на противоположной оконечности, оной пойме ромашки, другую желзную дверь, на коей было написано: *не смѣй, номъ много смѣй*.“

Скрытая несообразность, что Жозе Агоспино, сочиняя новый опытъ Лузіадъ, про-

извѣлъ поэму почто такую же, какъ и прежняя, содержащую въ себѣ много изъ недосказанковъ, притянувъ койже онъ восплава. Общепонимательства, не находящіяся въ испорчену Агеллино. Изобрѣлъ самъ; также превеличавъ сверхъестественныя подробности; и, подобно Каллоансу, возбуждаетъ недоверчивость смѣшеніемъ знакомыхъ происшествій съ самыми грубыми вымыслами.

Поэма начинается описаніемъ прона, въ определенныя творенія находящагося, мрачнѣе по избытку свѣта, съ высоты когдо нисходятъ гласъ, обшавляющій теченіе луны и солнца, совращающій кометы съ ихъ пути, заспавляющій возвращеніе къ испоку Нилъ и Амазонскую рѣку, колеблющій всю землю! Гласъ сей, изправляющій такимъ образомъ весь порядокъ планетной системы, имѣеть цѣлю не иное что, какъ повелѣніе Серафиму летѣль къ Королю Эммануилу и сказать ему, чтобы онъ соорудилъ флотъ и повелѣлъ водрузить знамя Креста въ Индіи. Въ сіе самое мгновеніе Король видитъ во снѣ величественную жену, сидящую на бѣломъ слонѣ, которая возвѣщаетъ ему, что называется Азгей.

Азія предлагаетъ ему свои сокровища, указываетъ на храмъ Славы, гдѣ онъ

должна занять мѣсто бѣжца Принца Генриха, и приглашаетъ послать своихъ героевъ мореплавателей, коимъ само небо опровергнетъ врага Востока. Когда видѣнiе исчезло, Король пробудился, но для того чтобы видѣть Серафима, который, въ длинной пророческой рѣчи, объявляетъ ему цѣль своего посланiя. Тогда Король обираетъ совѣтъ, коему объясняетъ случившееся съ нимъ ночью: Васко да Гама предлагаетъ принять начальство надъ экспедицiей. Здѣсь поэтъ вкратцѣ изображаетъ соудниковъ Гамы и описываетъ церемонiю, предшествовавшую отплытию. Въ эту минуту, какъ подняли паруса, одна женщина, ослѣвленная любовникомъ, принявшимъ участiе въ экспедици, взираетъ на нихъ съ высоты скалы, осыпаетъ невѣрнаго упреками и бросается въ море. Сапана воздвигаетъ бурю; но въ слѣдствiе моливы Гамы, ангелъ нисходитъ съ неба и, обративъ въ бѣгство дьявола, усмирляетъ вѣтры и волны. Попомъ Агоспино приводитъ занимательное обстоятельство, имѣющее въ себѣ повѣстическое достоинство, заимствованное имъ изъ *Synopsis do Principe D. Joam, Damiana de Govez*.

Сей льпописецъ разсказываетъ, что на самомъ сѣверномъ изъ Азорскихъ Острововъ, и именно оспровкѣ Корво, находился замѣчательный памятникъ, который у современныхъ ему мореходцевъ назывался *Ilha do Marco*; потому что высокая гора его служила для нихъ сборною точкою. На сѣверовосточной сторонѣ вершины сей горы сполло, будпобы, изображеніе человека, верхомъ на конѣ, одѣлаго въ нѣкошорый родъ епанчи, подобно Мавру, съ открытою головою; лѣвая рука его лежала на гривѣ коня; правая была разпросперта и указывала перстомъ на западъ; спашуя и основаніе ея были высѣчены изъ камня скалы. Король Эмиануилъ посылалъ Дуарте Дармаса для снятія рисунка съ сей спашуи. Увидѣвъ рисунокъ, онъ нашель его сполью любопытнымъ, что, изъ варварской любви къ древностямъ, приказалъ одному жителю города Порто, который слылъ большимъ искусникомъ и много разъ бывалъ во Франціи и въ Испаліи, добыть пошребные инструменшы и ѣхать на оспровъ Корво, для снятія монумента и доставленія его въ Лиссабонъ. Инженеръ привезъ опть всадника пошью голову и правую руку, да опть лошади голову и одну ногу, объявивъ, что бурями предшеспвовавшей

зимы, спашуя была ниспровергнута; въ самомъ же дѣлѣ, прибавляеть Даміанъ де Говсъ, она разрушена была неискусною попышкою снявъ ее. Оспашки сіи сохранились нѣсколь-
 ко времени во дворецъ; но куда дѣвались въ послѣдствіи, того Говсъ не знаетъ. Въ 1529 году, Перо да Фонсека, получившій въ наслѣдство Сентъ-Аншамъ и Корво, посѣдилъ сей оспровъ; узнавъ оцъ жишелей, что на камнѣ, гдѣ находилась спашуя, есть вырѣзанная надпись, приказалъ онъ спустить пуда на веревкахъ людей, дабы они слѣпили надпись сію посредствомъ воска; но, по несчастію, это не принесло никакой пользы: опъ того ли, что въ печеніе времени буквы изгладилсь, или опъ того, что оспровишяне не знали никакой азбуки, кромѣ Римской, но никшо не могъ узнать, какія это буквы? Говсъ думаетъ, что это было дѣло какого-нибудь Скандинавскаго пирата; ибо зналъ изъ Саксона Грамматика и опъ собшвеннаго своего друга Іоанна Магнуса, что сіи пираты имѣли обыкновеніе дѣлать надписи на скалахъ; но онъ позабылъ, что у нихъ не было обычая воздвигать конныя спашуи. Исторія сія основывается на авторитетныхъ почти неоспоримыхъ; любопытные путеше-

несвѣдѣнники, посѣщающіе Азорскіе Острова, могутъ удостовериться, оспался ли еще какой-нибудь слѣдъ оцѣ сего необыкновеннаго намятника.

Хозе Агоснино предполагаетъ, что спланиру сія была воздвигнута Гамнономъ, и помѣщается подъ ней Греческую надпись, вырванную на мѣди; по прочтеніи ея: Гама находить въ ней пророчество, возвыщающее о побѣдахъ и опокрѣпцяхъ Португальцевъ. Сопутники Гама продолжаютъ путь свой, перемоясь всѣ бѣдскими, сопряженными съ безвѣпріемъ и заразащельными болезнями. Они приходятъ наконецъ къ Залръ; здѣсь помѣщены два любовные анекдота. Тогда дьяволъ собираетъ вопоричный советъ и предлагаетъ своимъ адскимъ клезрепамъ, дабы вѣрнѣе погубить Луизианскую экспедицію, завлечь ее въ одинъ пустыи оспровъ (одинъ изъ Фалькландскихъ), уподобивъ сей оспровъ Цейлону. Въ слѣдствіе сей необычайной спрашаемы, дьяволы приговариваютъ должный Цейлонъ; и когда Христіанскіе мореплаватели прислали къ нему, по нашли здѣсь храмы, дворцы, народъ говорящій Арабскимъ языкомъ; итѣ рассказываютъ спранныю повѣсть и приглашаютъ бросить якорь въ рѣкъ, гдѣ они найдутъ превосходную рейду. По сча-

спію; Прииць Генримъ увидѣлъ съ высоты небесъ сію адскую хищросль и, испросивъ дозволеніе явившся на помощь, предспашеть въ видѣніи Гамъ, открываешть пригопвленныя козни, воспоргаешть его, уносишь на воздухъ и, съ высотой облачныхъ, указываешть путь, коего онъ долженъ держашься; потомъ переносишь въ храмъ Славы, показываешть ему спашунъ великихъ людей, съ педеспаломъ, на коемъ онъ читаетъ уже свое имя. Пробудясь, Гама рассказываетъ мапросамъ посланное ему слыше уведомленіе; они узнаюшь, что намѣреніе дьявола было завлечь ихъ между подводныхъ камней; дворцы и храмы исчезли, демоны обращаюшся въ бѣгство, съ криками яросни, при шумъ бури. Но сапана имѣеть еще много средствъ; хопя онъ и провалился въ сѣрную бездну, но выходишь опять изъ жерла волкана Явскаго и, совершивъ необыкновенное путешесствіе отъ Фалькландскихъ Оспрововъ до Мыса Доброй Надежды, окружаешть Португальскій флотъ плавающими льдинами. Во время сей опасности наспала ночь, луна зашмилась и при блескѣ молній, на краю горизонпа, предспало исполинское видѣніе. Это Идолопоклонство, топиряющее ногами море, челою

касающееся до небесъ: Идолопоклонство, окруженное капищами и дымящимися олпями, которое ужаснымъ голосомъ повелывается Гамъ возвратиться, грозя ему, въ противномъ случаѣ, ищеніемъ. „Воспожъ, зываетъ оно, принадлежишь мнѣ: мнѣ и вся Африка!“

Рѣчь сей фантастической фигуры заключается ударомъ грома, поколебавшаго міръ и принудившаго Гама просить покровительства у Неба. Всемогуцій укрепляетъ бурю мановеніемъ главы: льды утламываютъ къ полюсу и Португальцы объѣхали Мысь.

Подобно Камонсу, Хозе Атоспино ознаменовалъ объездъ вокругъ мыса грознымъ чудомъ. Это такой предметъ, по случаю коего проповѣдникъ Віейра, дѣлающъ въ одной изъ проповѣдей своихъ странное замѣчаніе, свидѣтельствующее, можетъ быть, болѣе всякаго другаго липературнаго произведенія, въ одно и тоже время слау и слабости ума человеческого. „Быль только одинъ человекъ, говорилъ Віейра, котораго, прежде Португальцевъ, объѣхалъ Мысь Доброй Надежды. Ктоже это такой? Какимъ образомъ? Это былъ Іона, во чревтъ китовомъ. Китъ вышелъ изъ Средиземнаго Моря,

послѣду другаго пуши ему не было; плыль вдоль береговъ Африки, попомъ Египти, попомъ Аравіи, вошелъ въ Еврантъ, приблизился къ берегу, на коемъ сподла Ниневія, и высадилъ Пророка при ней, сдѣлавъ для него доску изъ своего языка.“
Но возвратимся къ Португальцамъ.

Наконецъ прибыли они въ Мелинду, гдѣ Гама рассказываетъ дружелюбному государю сего острова, испорію Португалліи, до того времени, въ коемъ самъ жилъ. Тамъ беретъ онъ другаго кормчаго, и, послѣ двадцати-двухъ дневнаго плаванія, получаетъ во снѣ новое посѣщеніе отъ Принца Генриха, который уведомляетъ, что ударилъ часъ, когда для Европы опроверзунся врапа пятой Имперіи. Дѣйствительно, когда спало расвѣшанъ, взоромъ плававшей предъспавился Малабарскій берегъ. Гласъ радости и благодаренія вознесся съ кораблей къ небесамъ; ушроба земли восколебалась; пошряслись алтари, кумиры и храмы языческіе, отъ Чермнаго Моря до Кипая; угасъ огонь, вѣчно при гробѣ Магомета горѣвший; и знаменіе, видѣнное Консиденниномъ, явилось снова предъ Гамою на воспокъ. Чудеса сіи испорично совершаются, но вснущеніи его на берегъ. Слышны ужасныя гла-

сы, изъ бедныя походы; истреба пре-
 пендентъ, предчувствуя бѣдныя и пострашенія,
 готовящіяся возмутити ея. Тама являеться
 къ Заморину, объясняетъ ему совершеніе
 міра, исторію народа Іудейскаго, пророче-
 ства Давида, воплощеніе Іисуса Христа и
 происшествія, случившіяся въ Португал-
 ли до сего нумешеслвѣя, предричанаго
 съ ншою цѣлю, чшобы просвѣтити Индію
 сѣвномъ дошанной Реалии. Въ эту ночь и
 самъ Заморитъ видѣлъ видѣніе, предозвѣ-
 щавшее ему о нзаверженіи идолопоклон-
 ства и насшуленіи новой эры правды и
 неперочности, которая начнется съ того
 времени, какъ вся Азія признаетъ Дѣву
 Марію, увѣщанную звездами. Уопрашен-
 ный сею вѣстію Сашана, посылаетъ къ
 министрамъ Заморина демоновъ зависни
 и клеветы. Сѣя ошвоислвующе совѣтни-
 ки убѣждаютъ государя своего повелѣть
 верховному жрецу, дабы онъ, для узнанія
 воли боговъ, принесъ имъ въ жертву чело-
 вѣка. Присланный такимъ образомъ Сашана
 явленіи и предрекаетъ завоеваніе Порту-
 гальцами Гои, Ориуса и Малакки, равно какъ
 всѣ бѣдныя, имѣющія изливши на Ин-
 дію. Уопрашенный государь Малабара рѣ-
 шается удержати чужеземцевъ до при-

зада истребленъ: изъ Суэца, дабы съ помощію превосходныхъ силъ истребить ихъ. Ангель уведомляетъ о томъ Гама. Начинаются изпризвенныя дѣявія; въ виду города завдзалося сраженіе съ Тимоей, который названъ въ поэмѣ Королемъ Озера, и погибаетъ отъ руки самаго Гама. Забранный, приведенный въ вѣрнопуть сѣмъ пораженіемъ, возлагаетъ, для собственнаго оправданія, всю вину на убитаго Тимое и присылаетъ подписанный прахпанги, съ сундукомъ, наполненнымъ алмазами. Гама принимаетъ сіе, какъ первую дань Воспока коронѣ Португальской. Здѣсь могла бы кончиться поэма; но Сатана сохраняетъ еще нѣкоторую надежду; онъ является Гамъ въ образѣ Александра Великаго и убѣждаетъ его не возвращаться въ Лиссабонъ, гдѣ онъ будетъ опанѣй подданнымъ, а основать на Воспокѣ собственную монархію. Когда сіе привидѣніе исчезло, Гама подвергся на минушу искушенію; такъ сильна прелестъ честолюбія! Но вѣрность, столь драгоценная сердцу Португальца, воспоржесшвовала надъ винушеніями страсни. Е. Ома, въ свою очередь, является герою, уноситъ его на воздухъ и, поставивъ въ вышинѣ надъ Чернымъ Моремъ, открываетъ

„*Ma la musica!*“ — „*Oh, signore, lei sentira un
 coro immenso!*“ — Потомъ они снова обраща-
 лись къ облакамъ дыма, раззолоченнымъ одья-
 ниямъ, блистающимъ креснамъ, гулу ко-
 лоловъ и мушекъ. Но Робинъ все возвра-
 щался къ своему... „*La musica!*“ — спрашивалъ
 и опивалъ — „*la musica di questa cerimonia!*“ —
 „*Da vero, signore, lei sentira un coro immen-
 so!*“ — Ну какъ не быть огромному хору...
 после всего этого! Я уже мечталъ о му-
 зыкальномъ всанклованъ религіозныхъ об-
 рядовъ храма Соломона; мое воображе-
 ніе, болѣе и болѣе распалось, заставля-
 лало меня ожидать даже чего-то похо-
 жего на гитанпскую пышность древняго
 Египца... Грохотная способность, дв-
 лающая изъ нашей жизни непрерывный
 оптический обманъ! Безъ ней, мо-
 жетъ быть, я былъ бы восхищенъ гру-
 бою и нестройною фистулою осьмнад-
 цати масиритовъ, заставившихъ меня вы-
 слушать самый глупый и нелѣпый кон-
 тра-пунктъ; безъ ней, можетъ быть, я не
 оторчился бы такъ, не вышедши въ процессіи
del Corpus Domini толпы молодыхъ дѣ-
 вушекъ въ бѣлыхъ одьяніяхъ; съ чистыми и
 свѣжими голосами, съ лицами сіяющими
 религіознымъ чувствомъ, возсылающихъ къ

нафесама благоуханнѣе гимны, торжественнѣе
 благоуханія сикъ, живыя, дышущыя розѣ!
 Безъ ашого несчастнаго воображенія, сіи двѣ
 группы ушныя кларнетовъ, ревущыя
 трубы, грубыя, оглушительныя бараба-
 ны и скоморошныя дуды, не возбу-
 ли бы меня своею незлюбою, какофонією.
 Правду сказать, на ашотъ случай не мѣ-
 шало бы вовсе уничтожить самый органъ
 слуха, И ашо въ Римѣ называюща воен-
 ную музыку. Если бы такимъ концертомъ
 сопровождали спарого и пьянаго Силена,
 сидящаго на ослѣ и преслѣдуемаго шолово
 грубыя Сапировъ и нечестныхъ Вакианокъ,
 ашо было бы прекрасно; но свѣдѣющее па-
 исство Евхаристіи, иконы Богоматери!! . . .
 Какъ можешь позволять ашо Папа? . . Да, мой
 другъ, если ты хочешь получить наспоющее
 понятіе объ ашотъ безумномъ шаривари, ра-
 вно какъ предспавишь себя въ ащи композиціи
 во акусъ Паччини, о которыхъ сподяко напру-
 биди по свѣшу, но спуйай въ улицу Сени-
 Оноре, къ доперейной конпортъ, когда шамъ
 объявляющъ о выиграннѣ перны или квапер-
 ны; шамъ, право, не услышишь ничего хуже.
 По несчастію, я не былъ въ Римѣ
 въ продолженіе спрасціной недѣли; и по-
 тому, не слыхавъ славнаго *Miserere*, ни-

чего не скажу тебе объ немъ. Однакожь, судя по тому, что говорили мнѣ люди со вкусомъ и чувствомъ, оно должно быть истинно прекрасно и оригинально, должно производить такой величественный эффектъ, съ коимъ ничто въ Европѣ не можетъ сравниться; я вѣрю этому съ благоговѣніемъ. Сверхъ того *Miserere* Аллегри нынѣ напечатано; не нужно снова прибѣгать къ великому пруду Моцарта, который списывалъ его, во время исполненія, не смотря на большой шпразъ, положенный за такое похищеніе. Я читалъ его въ Парижѣ съ чувствомъ глубокаго уваженія и удивленія. Это одинъ изъ тѣхъ циклопическихъ монументовъ музыки, предъ которыми самое время безсильно. Оно написано единственно для массы голосовъ, безъ аккомпанимента, безъ мелодическихъ украшеній, почти безъ всякой мелодіи. Весь эффектъ происходитъ отъ медленной послѣдовательности аккордовъ. И какъ же могутъ сдѣлать ему разныя усовершенствованія инструментаровки, капризы моды и своеволие пѣвцовъ? . . . Кажется, сіе музыкальное сокровище Римскихъ церквей, въ продолженіе цѣлаго года, бережется съ намѣреніемъ для спрасной

недѣли. Въ самоѣ дѣлѣ, до сего времени, и не нашелъ здѣсь кроме, ничего такого, чѣобы, по моему мнѣнію, заслуживало быть упомянутымъ. Маленькіе хоры, составленныя изъ цѣнадцати челоуѣкъ, оперныя аріи, пѣныя во время божественной службы, со всѣмъ причѣтомъ оффиціальныхъ руладъ, безъ органа, съ финальными кабалешпами и кадансами, и увертюры изъ *Ченерентолы* и *Цирюльника*, игранныя на органѣ: всѣ эти миленькія штучки, кажепся, не показывающъ ни религіознаго направленія, рѣзко выражающагося въ искусствѣ, ни большой возвышенности въ идеяхъ художниковъ.

Что касается до Римскихъ шеатровъ, то я желалъ бы уволишь себя отъ необходимости говорить себѣ о нихъ; ибо нѣтъ ничего пруднѣе, какъ безпреспанно повлорять одну и шуже кришику и громоздить другъ на друга шипешы: *жалко, смѣшно, никуда негодно*, особенно когда доидеть до того, чѣо и сіи прилагательныя окажущся недосланючными. Пѣвцы вообще владѣющъ голосами довольно звучными и шюю способностію вокализациа, которая, преимущественно предъ всѣми народами, характеризуешъ Италіянцовъ; но исключая Гжу Унгерь,

Намертую примадонну, коюрая имѣетъ величайшія дослуженства, какъ гѣвица и комическая актриса, и Г. Сальватора, особливо: отличаютцагося въ роль Фигаро, въ они же выходятъ изъ за черпы посредственности. Г. Нарикони, коюрый не принадлежитъ къ театру и коюраго прекрасной басъ раздается только въ концертахъ и церквахъ, также долженъ, по моему мнѣнію, относиться къ числу пѣхъ артистовъ, коихъ итальянцы образовать и системою довольно вѣрна. Гжа Марини, коюраго принадлежитъ къ тому же числу, соединяетъ съ приятнымъ конпр-альпо испинную чувствительность и способность производить впечатлѣнія, усугубляемыя еще болѣе ея прекрасною физиономією, исполненною благородства и меланхоли. Всякой разъ, когда я имѣлъ случай ее слушать, чистое и простое гѣніе ея сильно меня прогало, не смотря на негодную музыку, коюрую она пѣла; ибо мода заславляла ее пѣть піесы невѣроятнаго спила. Россини мало поютъ въ Римскихъ госпинныхъ; тамъ предпочитаютъ ему подражателей его подражателямъ. Обратимся къ театру: вѣдшіе хоры относятся къ тому же разряду, какъ хоры Парижскихъ театровъ Nouveautés или

Vaudeville; которые особенно ниже Комиче-
ской Оперы, въ отношеніи къ цѣлости, жару и
энергии. Оркестръ, почти также величе-
ственный и грозный, какъ армія Принца
де Монако, обладаетъ безъ исключенія всѣ-
ми достоинствами, кои обыкновенно на-
зываются недосдашками. Чѣмъ бы дажь пре-
бъ понятіе, какимъ образомъ онъ состо-
ялъ, я скажу тебѣ, что въ театръ
Валле число виолончелистовъ проспиралось
до... одного... который *одимъ* исправляетъ
сверхъ того ремесло ювелира и можетъ еще-
почестъя гораздо счастливѣе одного изъ сво-
ихъ собратьевъ, который занимается должно-
стью *набивальщика соломенныхъ стуль-
евъ*. Большой театръ *Аполлона* снабженъ не
лучше а); и въ этомъ нѣтъ ничего уди-
вительнаго, когда узнаешь, что плава-
симъ несчастнымъ за каждый разъ не

-
- а) Однакожъ я имѣлъ случай замѣшивъ здѣсь инстру-
ментальное богатство, котораго, думаю, не нахо-
дился ни въ какой другой споронъ. Въ *Zadig* с
Astartea, оперъ Ваггана, которая ниже всякой кри-
тики, бывашъ прилично изумленъ, видя *два тол-
стые кузова*, изъ коихъ одинъ находилъ на
сценѣ, гармонически поддерживаемый полковымъ ба-
рабаномъ, а другой въ оркестръ. Такъ какъ сіи оба
акустическія инструмента почти никогда не были
выснѣ, по несчастные слушатели могли почестъ

превышались прехъ псалм (придцати прехъ су), въ немъ я былъ удостоверень, лично однимъ изъ нихъ. Вошь какъ народъ сей, сиюмко музыкальный, любить и уважаетъ музыку!

Жители Римскихъ горъ совершенно не знаютъ, что такое искусство; но, не смотря на то, они оспавили во мнѣ приличное воспоминаніе своими сельскими пѣснями. Въ Субіако я былъ разбужень однажды самою спранною серенадою, какую только случалось мнѣ слышать. Одинъ *gazzo* (парень), надъленный весьма здоровьемъ легкими, изо всѣхъ силъ оралъ любовную пѣсню подъ окошками своей *gagazza*, съ аккомпаниментомъ огромной мандолины, волычки и маленькаго желъзнаго инструмента, похожаго на прнугольникъ и называемаго здѣсь *stimbalo*. Его пѣніе, или, лучше сказать, оранье, соспоило изъ прехъ или чешырехъ ношь въ нисходящей прогрессіи и оканчивалось продолжительнымъ спономъ, восходящимъ опъ

себя перенесенными въ какой-нибудь осажденный городъ и слушающими, какъ пушки съ валовъ опвѣчаютъ на артиллерію осаждающихъ.

чувствительной нѣпы до ионической, безъ всякаго отдыха. Вольника, мандолина и сливблосъ звучали, подѣ непрерывный шажокъ шикса, двумя аккордами, въ правильной и однообразной послѣдовательности, ноѣ гармонія наполняла паузы, дѣлаемая пѣвцомъ послѣ каждаго куплета. Потомъ, давая волю своей фантазій, онъ снова начиналъ орать во все горло, ни мало не беспокоясь о шомъ, согласенъ ли рець, испускаемый имъ шакъ мужественно, съ гармоніей, издаваемой въ шожѣ самое время инструментовами; да и сія послѣдніе не больше беспокоились о шомъ. Можно было сказать, что онъ пѣлъ при шумѣ моря или каскада. Но, не смотря на грубость сего концерта, я не могу выразить, какъ много доставилъ онъ мнѣ удовольствія. Отдаленіе и перегородки, черезъ кошорья звукамъ должно было переходить, дабы достигнуть до меня, ослабляя несогласіе, считали грубые порывы горнаго голоса... Мало по малу однообразная послѣдовательность стихъ маленькихъ куплетцовъ, прерываемыхъ такими жалобными и такими правильными паузами, погрузила меня въ нѣкошорый родъ полу-сна, исполненнаго самыхъ приятныхъ грезъ; и когда въжливый *ragazzo*, высказав-

ни все до конца своей возлюбленной, оперышечно кончил свою мелодию, мне показалось, что у меня даругъ недоспало, чего-то существеннаго... Я все еще слышал... Мои мысли шакъ сладоснио лежали шумомъ, съ конемъ шакъ было дружно свыклися!... Переспивая одну — и нини дружики порвадась... и я до самаго утра, пробываю безъ сна, безъ мечтаний, безъ мыслей.

Въ Римскихъ владыкахъ есть еще одинъ музыкальный обычай, который я голпозъ почесилъ за оспашокъ древноспи. Говорю о *pifferari*. Такъ называющияся бродячие музыканты, которые, при наснушении праздника Рождества Христова, сходяще съ горъ маленькими толпами, оше чашырехъ до пятии человекъ, и вооруженные волынками и *pifferi* (родъ гобоя), даютъ набожные концерты предъ образами Мадонны. Въ семъ случаѣ они обыкновенно одѣваются въ широкие плащи изъ темноцвѣтнаго сукна и носятъ оспроконечныи шапки, употреблемыя разбойниками, шакъ что на всей ихъ наружности ошечтаплѣвается какая-то миспическая дикоспъ, исполненная оригинальноспи. Я проводилъ

цѣлые часы, смотря на нихъ въ Римѣ, когда они, слегка наклоня къ плечу голову, съ благоговѣйною любовію уснаряли свои блистательнѣе живѣйшею взроу глаза на Свящюю Мадонну, въ такомъ же неподвижномъ положеніи, какъ образъ; коему покло- нялись. Воиника, впорима большимъ *ri- fero*, играла баса и производила гар- монію въ двѣ или три ноты; вмѣстѣ съ ея двойное *ri fero* средней величины а) эк- зекушировало мелодію; сверхъ того два маленькія и корошенькія *ri fero* дребезжа- ли прелли и кадансы, наводная грубыя мошья въ пошодомъ спранныхъ украшеній. Послѣ веселыхъ припѣвовъ, слишкомъ до- го повпоремныхъ, симфонію достойно окан- чиваетъ важная, медленная молишва, въ совершенно паптріархальномъ духѣ, ис- полненная самаго искреннаго выраженія. Когда спойшь близко, то звукъ дѣлает- ся пакъ сильнымъ, что едва можно вы- носить его; но въ нѣкоторомъ опдален- ній сей спранный оркестръ производитъ

а) Это не есть ли инструментъ, о которомъ на- мекаетъ Виргилій :

....., Ite per alta

„Dimdyma, ubi assuetis biforem dat tibia captum?“

прижитное, прегательное и познатическое дѣйствіе, при которомъ, даже самые несво-ебытые къ подобнымъ впечатлѣніямъ люди, не могутъ оспариваться нечувствительными!

— „Итакъ, скажешь ты мнѣ, вопль все, что нашелъ ты примѣчательнаго, относително музыки, въ древней столицѣ міра? Вольнки, мондолины, *piferari*? Это не слишкомъ большая инструментальная роскошь!“

Увы, любезный другъ, это суцая правда!.. *Рима нѣтъ болѣе въ Римѣ; онъ весь въ Парижѣ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, даже въ Лондонѣ!* Во всей Европѣ естъ театры, концерны и религіозная музыка, доспойныя вниманія и даже удивленія друзей искусства; вездѣ, кромѣ Рима!

— „И однакожь, туда посылаешь Французскій Инспиршупъ своихъ отличнѣйшихъ композиторовъ?“ — Да, туда. Но Инспиршупъ въ семъ отношеніи руководствуется важными причинами. Въ самомъ дѣлѣ, его цѣль безъ сомнѣнія должна бытъ та, чтобы ошнимать у молодыхъ композиторовъ время, замедлять ихъ успѣхи, запруднять первые шаги на ихъ избранномъ поприщѣ, погашать ихъ жаръ, отдавая ихъ

онъ гляннхъ разсудителна немощна, обрѣ-
заннхъ нѣхъ крыльцъ, если они имѣють
ихъ, словеснхъ, уничтоженнхъ ихъ, сколько
возможно . . . А какое можно нагнетіе мо-
жетъ быть благоприятнѣе Рима, при подоб-
ныхъ видахъ а) ? . . .

Опыщи между столицами Ломбардіи ,
Неаполитанскаго Королевства , Сардиніи ,
Франціи, Австріи, Англіи, Баваріи, Пруссіи,
Великихъ Герцогствъ Гессенскаго и Саксен-
Веймарскаго, Швеціи, Даніи, опыщи самую
англи-музыкальную, самую скудную великими
архисшами, самую запоздалую въ искусствѣ:
шогда развѣ будешь принужденъ опдаться
пальму первенства владѣніямъ Папы! Ипакъ
Инспинуть имѣеть тысячу причинъ ,
избирая сіи послѣднія. Онъ очень основате-

а) Не лзя не войти въ голову подобной мысли , ко-
гда видишь , какъ наспоятельно виновники сего
установленія пребують его исполненія, не смо-
тря на возраженія многихъ извѣстныхъ особъ , не
смотря на поворяемыя уведомленія безпристра-
стныхъ людей, посѣщавшихъ Римъ , не смотря на
посмѣяніе, коему подвергаетъ ихъ сіе наруше-
ніе всѣхъ законовъ здраваго смысла въ глазахъ цѣ-
лой Европы. Посылайше въ Римъ живописцевъ,
скульпторовъ, архиекшоровъ: ничего не мо-
жетъ быть лучше. Но композиторовъ!!! Римля-
не сами первые надъ сими смеются.

летъ въ семь случаевъ его деизмъ если до-
вѣтъ Мильеревыхъ денарей: „хотѣли бы бѣды
ной долженъ былъ и умереть: онъ того; но
мы ни въ испугу не ошестулимъ онъ *предни-*
сенный дрсенный!“ Впрочемъ довольно о семъ
начальномъ предметѣ.

Однажды, лежа на солнцѣ, какъ яще-
рица, но ащерица; которая случается, я
перебирала мысленно: воѣ прелестна моей
оисувисивующей богини, музыки, и вдругъ
рѣшилась оснать вѣчный городъ и пе-
рѣехать въ Неаполь. По крайней мѣрѣ,
являю я долженъ былъ надѣяться иблучить
вознагражденіе за столько неприязнностей.
Сверхъ того море имѣеть для меня столько
могущественныхъ очарованій! Я чувствую се-
бя такъ счастливымъ, когда блуждаю по мор-
скому берегу, прислушиваясь къ мягкому по-
роху его зеленой одежды въ минушы пишины,
или когда съ высоты скалы привѣшпвую
гремящую артиллерію его раздраженныхъ
валовъ, разбивающихся о преграды, кои
земля противопоставляетъ ихъ дрсенны!...
А Везувій! эпошь бѣднѣй, старѣй Ве-
зувій! Ты поймешь, съ какимъ благого-
вѣйнымъ впечатлѣніемъ готовился я его
привѣшпвованъ! Съ нѣкошораго времени
онъ очень мучился одышкою и жестпо-

костли, его, кашля; засмеяться, смириться, бледного, ужасного кризиса Онъ скоро довершился!

Но оставимъ это. Шумъ воды и ревъ волнана, могъ бы заставить меня позабыть пѣніе Бакбадапи и Тамбуринъ; а это было бы непроспешальное съ моею споро- ны неблагодарностию. Войдя въ *Сан-Карло*, я въ первый разъ, въ продолженіе моего пребыванія въ Италіи, вдохнулъ благовоиннымъ воздухомъ музыки. Оркестръ показался мнѣ очень хорошимъ въ средна- нн съ щѣми, копорые до него времени я слышалъ. Духовые инструменты можно слушать безъ опасенія; съ ихъ стороны нечего спрашиваться; скрипачи довольно ис- кусны и виолончелисты играютъ очень хо- рошо; но только ихъ слишкомъ мало. Очень недавно убѣдился въ лживости, си- снемы, вообще принятой въ Италіи, упо- треблять виолончелей меньше, чѣмъ кон- трабасовъ. Разыгрываніе увертюры изъ Вильгельма Теля на театръ *Сан-Карло* подало къ тому случай. Первое *andante* этой симфоніи написано для пяти глав- ныхъ виолончелей, аккомпанируемыхъ всѣ- ми прочими, раздѣленными на прима и секунды; но въ первомъ Неаполитан-

скомъ шеапрѣ ихъ ~~всѣмъ~~ было только ~~шесть~~.

Равнымъ образомъ я упрекнулъ бы капельмейстера за крайне неприятный спукъ смычкомъ; которыми онъ билъ по своему вкусу; но меня уверяли, что безъ того музыканты, которыми онъ дирижировалъ; затруднились бы иногда *следовать за тактомъ*. . . Нечего было опивчаться на это; ибо, и въ самомъ дѣлѣ, можно ли пребывать онъ оркестровъ такой стороны, гдѣ инструментальная музыка совершенно неизвѣстна; того, что можно пребывать онъ Берлинскихъ, Дрезденскихъ или Парижскихъ оркестровъ? Хоры до крайности слабы; но я очень увѣренъ, что ихъ можно привести въ состояніе пѣть въ четыре голоса. Органі не должны бы были употребляться раздѣленными на примы и секунды, ни даже отдѣленными онъ птеноровъ, кои они должны всегда удвоить на октаву а).

а) Это дѣлаетъ для меня вѣроятнымъ способъ, которыми, какъ уверяли меня, былъ выполненъ въ Неаполѣ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, *Requiem* Моцарта. Не имѣя ни женщины, ни дитяти, ни кастрапа для органа и *contralto*, вздумали замѣнить ихъ басами и птенорами. Но такъ какъ, въ слѣдствіе сего, дисканты бы-

Гжа Воккабачацци обладаетъ прекраснымъ паланшомъ, кошорый, можетъ бытъ, заслуживала бы ей бôльшую известность, нежели какою она пользуется. Гжа Ранзи-Дебенъи имѣетъ голосъ сухой и грубой, и, кажется, находится совсемъ въ другикъ общепользовательскъ, чѣмъ первая. Но Тамбурени, Тамбурины, .. вонъ такъ человекъ!.. Прекрасная пропуть и ириемы, удивительный голосъ, совершенная мѣнода, невъроятная легкость, сила, приятность ... всѣмъ очевидъ обладаетъ онъ въ высочайшей степени!..

Въ театръ *del Fondo* играютъ оперу *буау* съ жаромъ, съ огнемъ, съ *brio*, комми и былъ очарованъ. Во время моего пребыванія давали въ немъ фарсъ *Донизетти*: *Театральныя Приличя и Неприличя*. Это нечто иное, какъ наборъ общихъ мѣслъ,

ли помнжены также на октаву, по пѣнне уже перешло бытъ пѣннемъ, *contralto* сдѣлался наспоющимъ басомъ, среднѣе голоса самыи высокими; и въ семъ испроверженіи всякой гармоніи консонацсы съ квинтой должны были производить диссонансы съ квартой, девятыя разногласили съ секундами, октавами, унисонами, и пр. и пр. Если, читая мое письмо, шебя брала охота употребить восклицаніе *Доминуса Сампсона*, то, я думаю, выраженія: *удивительно* на сей разъ былобы недоспащочно, и ты, какъ добрый учитель, узнавъ о преступленіи коншрабандисшозъ, воскликнулъ бы: *ужасно!!!*

безпрерывный грабеж Россини; но партитура очень хорошо аранжирована на li-bretto и очень меня позабавила. Донизетти перевернул калейдоскоп; ноты сами сложились в зашпильный рисунок: вопль и все!

Здѣсь я кончу, любезный другъ, рядъ моихъ наблюдений. Вотъ въ какомъ соотношеніи нашелъ я искусство въ Италіи! Цѣлые томы выпали бы, если бъ кто вздумалъ писать о причинахъ, сдѣлавшихъ его неподвижнымъ въ землѣ столь прекрасной, между тѣмъ какъ исполнительскими шагами идетъ оно въ прочихъ странахъ Европы; но тѣмъ прѣбывалъ отъ меня только испоріи моихъ собственннхъ впечатлѣній, и я вручаю ее тебѣ, при всей неполнотѣ ея. Впрочемъ я не видалъ ни Милана, ни Венеціи. Въ такомъ случаѣ, какъ въ дѣлѣ сомнительномъ, благоразумнѣе и добросовѣстнѣе предполагать въ томъ, чего не знаемъ, высокія достоинства: и потому мы можемъ себя утѣшать воображеніемъ, что объ сіи столицы богаты оригинальными композирами, вдохновенными органистами, драматическими пѣвцами, сильными и одушевленными оркестрами, энергически, исполненными жара, оспроумія и легкоспія, хорами; наконецъ дилетшаншами, кошо-

рыя сподолько любяць искусство, што арши-
оны могуць выць, не исправдя ремесла
набивальщикоь соломенныхъ стульсѣь.

съ Франц. В. Б.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

СЕКТА ФАНЗЕГАРОВЪ ВЪ ИНДИИ.

Дѣла и нравы разбойниковъ, какъ бы ни бы-
ли представляемы исторіей, со всей ли свойствен-
ной ей вѣрностью, или въ поэтическѣхъ идеалахъ
драмы, всегда имѣютъ какое-то непреодолимое оча-
рованіе, возбуждающее любопытство, оковываю-
щее вниманіе даже тѣмъ самымъ ужасомъ, кошорый
они внушаютъ. Но когда видимъ, что сіи люди,
изгнанные изъ среды человѣчества, соединяются
въ общество, повинующееся своимъ особеннымъ
законамъ, и въ сѣдшиѣ адекой морали, со-
сшавленной ими самими, преслѣдуютъ челоѣка
съ такою же неушомимостию и хладнокровіемъ, съ
какимъ гонится охотникъ за дикимъ звѣремъ
въ его берлогу, то ощущаемъ нѣкошорый
родъ ужаса, смѣшаннаго съ изумленіемъ, какъ
будто шигры и львы, внезапно одаренные раз-
судкомъ, составляющимъ силу челоѣка, но не
ушрашившіа ничего изъ своей природной свирѣпо-
сти, сосшавили между собою союзъ, для шого
чшобъ меподически оспоривашъ у людей живу-
щихъ гражданскою, образованною жизнию влады-
чесшво надъ землею.

Южныя Испанія, Германія и Италия, считались единственными землями, гдѣ злодѣи, сопряженные между собой тайными клятвами, иногда возможность предавались, въ теченіе долгаго времени, грабежамъ и убійствамъ; но льзя было вообразить, чтобы спрашивать къ свирѣпствамъ могла гдѣ-либо оказаться съ большей степенью искусства и сообразительности. Казалось, что въ новыя и въ арабскія вѣдѣнія не возможно было превзойти Гаспарони и его соучастниковъ, осмѣивавшихъ столь ужасныя воспоминанія въ окрестностяхъ Римскихъ. Однакожь теперь нѣтъ сомнѣнія, что Индоспанъ ежегодно изрыгаетъ изъ вѣдръ своихъ полчища убійць, упражняющихся въ семъ ужасномъ ремеслѣ, съ искусствомъ не имѣвшимъ нигдѣ ничего подобнаго, число жертвъ коего ежедневно увеличивается.

Хотя давно уже подозрѣвали существованіе *тоговъ* (такъ называютъ себя сіи разбойники, но причинѣ ловкости, съ коею удавливаютъ несчастныхъ, попавшихся въ ихъ руки), однакожь долго не имѣли объ нихъ опредѣленныхъ свѣдѣній; только ходили нѣкоторыя слухи о путешествіяхъ, коихъ головы будио захватывались въ шелковую сѣтку, бросаемую на нихъ въ распахъ на подобіе оркана а); сверхъ того прибавля-

а) Слово *тог* значитъ *обольститель*; и вѣроятно разбойниковъ называютъ такъ за хитрости, которыми употребляютъ они для приобращенія доверенности путешественниковъ, прежде нежели ихъ задушатъ. Ниже увидимъ мы, что *тоги* не употребляютъ зерекки для убійства путешественниковъ, а душатъ ихъ влажками.

ли, что изданные сихъ убійствъ былъ опі. дальнѣе разбойники, разсыланные по степямъ и пустынямъ Индійскаго полуострова. Вообще предполагали себя въ правѣ думать, что Радж-путскія провинціи и королевство Удское, земли преданыя анархіи, гдѣ совершаются ире. скупленія, въ судебнаго вліянія Компаніи, были исключительнаго шеапромъ сихъ владѣній. И не прежде, какъ въ 1850 году, послѣ того какъ захвачена была шайка убійцъ, признанія виновныхъ открыли всю люшность и все могущество сихъ ужасныхъ сообществъ.

Тогъ (thogs) или *фанзегары* (прозваніе данное имъ для отличія отъ обыкновенныхъ воровъ) состоятъ изъ безпріютныхъ негодяевъ, Музульманъ или Индійцевъ различныхъ племенъ, кои въ теченіе одной части года живутъ въ городахъ или деревняхъ, по видимому занимающаго безвредною работою. Ихъ сообщество можно уподобить отчасти Европейскимъ франк-масонамъ; ибо, подобно имъ, они имѣютъ условные знаки, чтобы, въ случаѣ нужды, узнавать другъ друга. Кроме того они имѣютъ особенный языкъ или шартіе, кою ключемъ никто не владѣетъ въ обществѣ. Брашество каждаго округа собирается періодически въ извѣстныя эпохи и раздѣляется на небольшія шайки, рассыпающіяся на извѣстномъ пространствѣ, кошорое становится шеапромъ ихъ подвиговъ. Шайка Доабская предпочтительнаго отправляется въ центральныя провинціи, гдѣ скрывается въ засадахъ по большимъ дорогамъ, чтобы грабить и душишь не-

счастливыхъ, конхъ случай или кварсино проводниковъ предаюшъ въ ихъ руки,

Въ Индіи извѣстныя сообщенія только при времени года: время холода, шельхъ въспровъ и дождей. Какъ во время дождей дороги бываюшъ зашоплены и рѣки сушь единственныя пуши сообщенія, но фанзегары не прежде, какъ по наспуленіи холода, опираваляюшся въ походы. Индійцы, какъ извѣстно, имѣюшъ спросъ къ перемѣнѣ мѣсна, котораго заснаваляешъ ихъ часно пушешествованш. Удовольствія, дѣла, или религіозныя причины, бываюшъ цѣлю ихъ спраншествованій. Ежегодныя ярмарки, и особенно паллиграмство, приволяшъ въ движеніе большее число пушешественниковъ. Иногда соединяюшся они въ *кафилы* или караваны, чаще опсправляюшся кучками ошъ шрехъ до чешырехъ человекъ и болѣе, но рѣдко ошваживаюшся пушешествованш по одиначкѣ. Количесшво пройденнаго ими пуши просшираешся ошъ десяти до шриццати миль въ день, что весьма продолжашъ пушешешствіе, замедляемо сверхъ шого необходимосшю опдыха для вьючныхъ живонныхъ, кои везушъ шажешши. Ночью, за немѣншемъ каравансераевъ, караванъ укывашешся въ какой-нибудь пагодѣ или снавовишся бидуакомъ на ошкрышомъ воздухѣ, недалеко ошъ какого-нибудь колодезя. Тогда разбиваюшъ палашки, зажигаюшъ огни, и послѣ легнаго ужина, сосшезащаго изъ риса или муки, смѣшанной съ овощами, всякой пушешештвенникъ закушывашешся въ плашье и бросаешся на землю, дабы найшши сонъ, котораго Индіецъ никогда долго не ищешъ; ибо Индіа ешъ именно

такая страна; гдѣ Ла-Фонпенъ нашелъ бы ту настоящую спячку, (*le vrai dormir*), о кошорой задыхалъ съ шакимъ просподушіемъ.

Сія манера путешествовать отлична благопріятствуемъ ремеслу *тоговъ*. Такъ какъ не возможно слѣдовать съ точностію по стопамъ путешественниковъ, ни на вѣрное опредѣлить мѣсто, гдѣ они лишились жизни, ни узнать, какого рода смертію они умерли, шо, по большой части, смершоубійства осшаются неизвѣсными или приписывающа естественнымъ причинамъ; ибо извѣстно, что путешественникъ, проѣзжающій равнины Индіи, можетъ погибнуть тысячу способовъ, безъ участія разбойниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, шигры, змѣи, холодная вода колодець, часто причиняють смерть неблагоразумному пушнику. Не рѣдко проходятъ цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ ошкроютъ шрупы несчастныхъ жершвъ; и когда находятъ ихъ, шо почти невозможно бываешъ на вѣрное опредѣлить причину ихъ смерши. Такой порядокъ вещей легко объясняешъ неизвѣстность числа и рода случающихся смершей; и даешъ средство фанзегарамъ скрывать частъ своихъ кровавыхъ подвиговъ.

Во время шеплыхъ вѣшровъ, когда прекращающа военныя экзерциціи, *ципалмъ* (пуземнымъ солдатамъ) даеша ошпускъ, коимъ они обыкновенно пользуются, неся къ семейшвамъ своимъ довольно значительныя суммы денегъ. Весьма замѣшное уменьшеніе числа сей милиціи заспавляло думашъ, что они или умирали опъ шрудности пуши или обращались въ побѣгъ; но шеперь нѣштъ никакого сомнѣнія, что большая частъ ихъ попадалась

къ убійственныя сѣпи шоговъ. Число находимыхъ шруповъ и ихъ положеніе должны бѣ были возбудишь бдительность полиціи и навесити се на слѣды убійствъ; но не шуть-шо было. Если вѣришь оффициальному донесенію одного важнаго лица Индійской Компаніи, шо число шруповъ, вымуштыхъ изъ колодезь въ одномъ Эшавачскомъ округѣ, въ шеченіе 1809 и 1810 годовъ, просширалось до шесшидесяти семи; и хоша ниодно изъ шого же донесенія, что много ошдѣльныхъ убійцъ было схвачено и уличено въ злодѣніяхъ, характеризующихъ шоговъ, не смотря на шо подозрѣніе о существованіи общешва, основаннаго съ явною цѣлю грабежа и убійства, было принимаемо съ какою-шо недоодрчивостію. Теперь ужасное ошкрытие многочисленныхъ убійцъ, наполняющихъ провинціи Дооба и Бунделькунда, раздѣляемыя рѣкою Юмною, и скрывающихся въ вѣдрахъ шрудолобиваго народонаселенія городовъ, засшавляетъ думать, что сіе ужасное общешво распространяешся по всей поверхности Индошвана.

Тогда почишаютъ провздожденіе свое современному міру; преданія ихъ смѣшиваются съ древними баснями Индіи. Жершвы человѣческія, совершаемыя ими, счищаются, по ихъ пониманію, приличными божешву, кошорое имъ покровицельствуетъ и кошорое само положило основаніе ихъ общешву. Инакъ смершоубійство, въ глазахъ ихъ, ешть не прешупленіе, а добродѣтельный поступокъ; и чѣмъ болѣе губитъ они жершвы, тѣмъ болѣе счищаютъ себя успѣвающими на пути совершешва. Предметъ поклоненія ихъ ешть богиня Ка-

ды или *Бговани*, коеи храмъ, находящійся въ Биндачули, возлѣ Мизранура, весьма обогащенъ многами; служеніе въ семь храмѣ опправляютъ жрецы, принадлежаще къ ихъ общинамъ. Бговани, божество свирѣное, возимъе намѣреніе уничтожить родъ человѣческой, за исключеніемъ свейхъ поклонниковъ. Но узнавъ, что по силѣ творческаго могущества, проливая кровь челевѣческая воспроизводитъ новыхъ созданій, она свейми руками слѣпила статуу на подобіе челевѣка, оживила ее дыханіемъ жизни и собрала учениковъ свейхъ, дабы на сей куколѣ научить ихъ искусству ошнмашъ жнмъ, не преливая крови.

Богиня, показавъ имъ сіе искусство, повелѣла поступать такимъ образомъ со всѣми людьми, кои понадушъ къ нимъ въ руки, принимая на себя шрудъ уносишь шрупы. Таково было, во мнѣніи поговъ, происхождение ихъ ордена; они прибавляютъ, что божество держало свое слово; до шѣхъ поръ какъ одинъ изъ нихъ, любопытнѣе прочихъ, совершилъ убійство, спрятался въ одне пошасенное мѣсто, чтобы посмошрѣть на богиню, когда придетъ она за шрупомъ. Богиня, разгнѣванная есю недовѣрчивостію, объявила, что впередъ предосшавляеть самнмъ шогамъ избавлять себя отъ шруповъ, какъ имъ угодно; и съ шого времени вошло у нихъ въ обыкновеніе сожнганъ ихъ. Сіе варварское вѣрованіе зашворяеть сердца поговъ для утрызеній совѣсти, преслѣдующей обыквенно убійство. Ихъ нравственное чувство, развращенное такимъ образомъ, искажаетъ по-

дніня добра и зла и оупрестивленіе на землѣ же святошапское ихъ свѣщеніе, которе религіозныя преданія помѣщаютъ въ жилища врачихъ, пренесходныхъ духовъ.

Совершенногъ повнаніемъ успавовъ сиюль ужаснаго обществя обязаны мы неушомимой дѣлительности одного агенна Магмудпорскаго. Нѣсколько человекъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ свѣжихъ убійствахъ, были схвачены по его приказанію и доведены до признаніи въ своихъ вреснулошихъ. Показаніе каждаго изъ обвиненныхъ было подтверждено его сообщниками; и послѣ сихъ показаній, опредѣ *ципаетъ* ошкрыть шуруны жершвѣ ихъ въ шихъ свѣжихъ убійствахъ, кои были показаны. Общественноручныя кончи сихъ признаній были предоплавлены въ обласпной судъ; и изъ еего - по офенціального испочника печерпнули мы завѣспія, на котороя просимъ читателей нашихъ обратишь вниманіе. Сюда прибавимъ еще, что случайное ошкрытіе сихъ шуруновъ навело правительстве на значительную шайку фанегаровъ; при чемъ получено вѣрное свидѣніе, что шайка сія имѣла шайныя сношенія съ другими разбойниками подобнаго рода, разорявшими соседнія обласки.

Жители деревни Бордагъ, услышавши, что на дорогѣ найдены разсѣрзанные члены двухъ человекъ, кои, по мнѣнію видѣвшихъ, были умерщвленными шуграми, ошправились шуда шолпомъ. Осмошрѣвъ шкля, удосшошрѣлись, что хошя на нихъ и видлы были слѣды зубовъ дикихъ звѣрей, но сіи послѣдніе должны были предвари-

шельно выкопаны сія шруты изъ нодъ кучи камней, гдѣ они были зарыты. Продолжая поиски, нашли нодъ той же кучей еще шри шѣла, совершенно свѣжія, на коихъ не было видно ни какого знака наружныхъ ранъ. Тогда вспомнили, что на канути шель близъ сихъ мѣстъ многочисленный караванъ и что одинъ дровосѣкъ, подавшійся ему на встрѣчу съ возомъ дровъ, придуждемъ былъ свернуть съ дороги, по убѣжденію какого-то незнакомца, который утверждалъ, будшо принадлежащъ къ Англійскому каравану. Агеншъ Магмудпурскій, узнавъ о сихъ обстоятельствѣхъ, взялъ мѣры, которыми предали убійцъ въ его руки. Подробности сей акціи изложены въ слѣдующемъ разсказѣ, замѣчательномъ, сколько по ужасной каршнѣ описываемыхъ сценъ, сколько и по удивительному хладнокровію разскащика :

„Я одинъ изъ взявшихъ въ плѣнъ фанзегаровъ. Меня ошпановали вмѣстѣ съ моими шоварищами въ деревнѣ Деговъ, около осми миль отъ Бильвары, когда я намѣревался возвращишься въ свое жилище, въ Индосманъ; въ это время ошрадъ, заключавшій въ себѣ отъ восьми до десяти *суваровъ* (жандармовъ), объявилъ намъ, что *буррах-саибъ* (агеншъ), узнавъ, что мы вывозимъ съ собой Гальваскій опиумъ, далъ приказаніе ошпановишь насъ. Эти слова изгнали изъ сердца нашего боязнь, внутреннюю суварами; ибо насъ уже ошпанавливали раза два или шри; по тому же подозранію, и какъ ничего не находили, чѣмъ бы подтверждалось сіе подозрѣніе, шо всегда давали свободный пропускъ.

Сю-шо именно и понудило насъ безъ сопротивленія воропишься въ Бильвару, въ той утѣренности, что намъ шюпчасъ дадутъ свободу, удостовѣрившись, что мы не веземъ контрабанды. Но при въездѣ въ городъ легко можно было увидѣть, по приему, сдѣланному намъ жителями, и предосторожностямъ, взятымъ ими, дабы не данъ намъ уйти изъ рукъ суваровъ, что обвиненіе въ контрабандѣ было только предлогомъ, дабы вѣрнѣе изловить насъ. Мы шюпчасъ покаялись передъ народомъ; дабы упившииь ебъ волненіе, что мы совершенно невинны, что намъ легко оправдаться передъ сагибами, и что подозрѣніе, будио мы принадлежимъ къ сектѣ шютокъ или фанзегаровъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Въ подкрѣпленіе сей кляпвы мы показали паспортъ ошъ Англійскаго Правительсшва, кошорое обещало намъ покровительсшво законовъ и призывало шщеніе на всѣхъ, кои осмѣлялись бы посягнушь на нашу свободу. Но видя, что всѣ просьбы наши шщены, и предчувшвуя, что угрозы не болѣе будущи имѣшь успѣха надъ нашими спражамн', я пришелъ въ большое безпокойсшво и рѣшился опкрышь шайны моихъ соучасшниковъ, въ надеждѣ спасти свою жизнь. Такъ какъ за эшу цѣну обшцали мнѣ прощеніе и сіе шоржесшвенно обшцанное сохраненіе жизни возвратило спокойсшвіе душѣ моеи, шо я спѣшу опкрышь вамъ нанн кровавыя шайны.“

„Ошецъ мой былъ хлѣбопашцемъ въ Бурайтѣ; и я занимался шѣмъ же ремесломъ, когда, будучи шридцати лѣтъ, всшупилъ въ сообщесшво шюговъ,

са-конверсия съ штакъ коръ имѣлъ постепенно болѣе или менѣе прямыя соотношенія. Когда еще не были введены мѣры для безопасности спириты, я служилъ вѣдъ начальникомъ временнаго Удей - Сидга; тогда предпріятія наши не были ни штакъ ошдалены, ни штакъ выгодны, какъ едѣлись послѣ возстановленія порядка. Въ это время путешественники не ошваживались жускаться въ до-рогу малочисленными толпами и безъ сильныхъ средствъ къ запитію. Принято мы должны были ошесаться наладеній Пенддррежакъ, иранскость, кон шадилъ насъ не болѣе другить, коня ре-мессо нане. должно бы было насъ соединити для общей пользы. У насъ было обыкновеніе послѣ до-ждливаго времени года раздѣлялись на ошрады еще двадцати до шридцати человекъ и идли по различнымъ направленіямъ въ ошдаленныя ошра-ды. Всекой ошрадъ былъ подѣ командою началь-ника, облеченнаго неограниченною властію; и все-кой членъ получалъ равную часть изъ добычи. Дол-жностни раздѣляются у насъ слѣдующимъ образомъ. Одни облааны шпоашъ на дисшанціи для наблю-денія и извѣщающъ о приближеніи путешествен-никовъ; другіе развѣлаются какъ шпоашы по база-рамъ, съ облаанностию завлекающъ подѣ разными предлогамъ къ главную кварширу нашу легко-ярныхъ ошопниковъ, конпорыхъ швошчасъ и ду-шашъ, какъ шпоаше они появлялись. Они неска-дены называются *риллеа*. Бшпш еще шреній классъ *сугеесъ* или могильщиковъ, кон зар-раюущъ въ землю шрупы; другіе наконецъ за-нимающъ перешаскиваніемъ шершыхъ къ мо-гилдамъ, кон для нихъ приспособлены; все это

дѣлаются съ удивительнымъ быстротѣю. Должностнѣ душегубовъ дается только штыкъ, конъ показавли опышны опваги и локкоши, послѣ предварительнаго испытанія, въ косы въонъ носууающѣ должны доказашъ особенную силу мускуловъ. Когда кандидатъ совершилъ всѣ снѣ опышны, шо *суру* (родъ духовнаго отца) выводитъ его изъ деревни и съ вешергнѣемъ ищонъ какого нибудь предвѣщанія а), какъ напр. вѣаня завѣспныхъ пищѣ или переленя ихъ на право; и если преданаменованія благопріяшны, шо связываешъ двумя кончиками свой *румакъ* (*гошманъ*) или плащокъ и дашъ его неопышу, возсылая обѣшны за успѣхъ его предпріяшій. Послѣ снѣхъ обрядовъ, оба они приходилъ на мѣсто соединенія, гдѣ возвращеніе ихъ празднуешъ гаспрономическимъ шоржешвомъ. Оспальная часть шайки упошребляешъ для низшихъ должностей, какъ шо: смошрѣнія за скопомъ, за оружіемъ, притешовленія пищѣ; но, не смошра на снѣ іерархію, раздѣленіе добычи производилъ по ровнымъ часшамъ, а не пропорціальнымъ.“

„Такъ какъ опышны показали намъ, что наружностнѣ часшо бываешъ обманчива и что нушешественники, богашо одѣшны, не всегда бываюшъ богашо снабжены, шо наружная бѣднестнѣ не защищала пробѣжнихъ отъ нашихъ нападешій. Для большей безопасности, мы не щадилъ никого, когда были въ сосшолнѣ дѣшшшвовашъ. Всѣхъ

а) Фалзегары называюшъ снѣ преданаменованія *шубоо*: слово, которое очевидно ещѣ искорченное Персидское *шубоо*.

шакъ, кои попадались къ намъ въ руки, мы предварительно грабили; убійство естественнымъ образомъ слѣдовало за грабежемъ; ибо мы не могли безъ опасенія осмѣлять въ живыхъ свидѣтелей, кои стали бы нашими обвинителями. Считаю не возможнымъ въ точности означить число погибшихъ, въ нашу послѣдній набѣгъ. Сіи случаи были шакъ часты и шакъ обыкновенны, что память не можетъ сохранить объ нихъ воспоминанія; кромѣ того шайка дѣйствовала отдѣльно, а не совокупно; и по тому трудно дать совершенно вѣрный отчетъ о нашихъ работахъ.“

„Я не знаю, былъ ли со времени моего присоединенія хотя одинъ грабежъ, которъ бы не сопровождался убійствомъ. Удавливанье было нашею любимою методою; оно производилось различнымъ образомъ: либо съ помощію *румала* а), плащка или покрояки изъ мокраго ссученаго полотна, либо престо руками; что послѣднее средство употребляется однакожъ рѣдко, и только въ то время, когда румоль не исполнилъ своего дѣла. При условленномъ знакъ убійцы бросающа на жершвы; и, какъ бы ни было велико число ихъ, смерть всѣхъ бываешь дѣломъ одной минушы. Тоги имѣють большое спараніе въ подобныхъ случаяхъ избѣгають пролипія крови, боясь, дабы слѣды не привели къ открытію пресступленія. Случающа иногда, что опасеніе бывшъ пойманными и число шруповъ не позволяють вырыть довольно глубокой ямы, чтобы скрыть ихъ; тогда ихъ рубящъ на скоро въ мѣлкіе куски и чрезъ то приводящъ въ меньшій

а) *Румоль* или *бумала* (*boomal*) называется также *patoo*.

объемъ. Если ихъ зарываютъ на краю дороги или въ какомъ нибудь часто посѣщаемомъ мѣстѣ, то имѣють предосторожность закинуть надъ могилой огонь, дабы земля не казалась свѣжо вырытою. Такъ обыкновенно поступаютъ шогн въ своихъ лешучихъ нападеніяхъ, все равно, попадаются ли жершвы на дорогѣ, или, завлечены обманомъ въ спанъ ихъ, безъ всякаго подозрѣнія, сидящъ у нихъ на пиру. Часто сн убійства совершаются даже въ виду деревень и городовъ, при слабомъ свѣтѣ сумерокъ, посреди смѣшанныхъ криковъ и шума шамшамовъ, заглушающихъ буйствомъ адской радости плачевныя стenanія жершвъ.“

„Лозунгъ общества есть простая фраза, немогущая сама по себѣ возбудить никакого подозрѣнія, какъ напр. *тумба-жу-лу* (принеси шабаку). Румоль или покромка изъ свиного полошна соспавляетъ единственнае оружіе шога. Я никогда не видалъ, чшобы упошребляли веревку или снурокъ, хопя эшопъ слухъ распространень всюду; даже не возможно предположишь, чшобы онъ когда нибудь былъ въ упошребленіи, ибо подобное орудіе было бы явною уликою, въ случаѣ взышія подъ спражу. Такъ какъ наши кафилы (караваны) могли бы, при всшупленіи въ какую нибудь землю, возбуждать подозрѣніе числомъ людей, ихъ составляющихъ, шо мы стараемся прежде всего оправдать присутствіе наше какимъ-нибудь правдоподобнымъ предлогомъ и ведемъ себя по наружности тихо и скромно. По сей-шо причинѣ между нами рѣдко бываешь оружіе, шакъ чшо на каждую шайку изъ двадцати или шридцати шоговъ едва ли преддешся двѣ-шри шпаги. Пошомъ когда процада

нѣсколькихъ путешественниковъ начинають возбуждать безпокойство, стараемся представить дѣло правительствѣ обласней въ превращеномъ видѣ,

„Теперь я найду въ нѣкоторыхъ подробностяхъ касательно послѣднихъ нашихъ дѣйствій. Послѣ многихъ дней путешествія, мы встрѣтили только одного человека, который показался намъ достойнымъ вниманія. Онъ нигдѣ общую участь. На третій день, не подалеко отъ одной рѣки, мы увидѣли четырехъ *ципаевъ*, которые основались гостевать себѣ обѣдъ. Увидѣвъ насъ, они поспѣшно встали и быстро усстремились къ деревнѣ, куда шпионы наши слѣдовали за ними. Сии послѣдніе скоро донесли намъ, по какой дорогѣ должны слѣдовать наши *ципай*; ибо мы считали ихъ уже за вѣрную добычу. Сильный отрядъ немедленно отправился въ засаду и успѣлъ въ своемъ предпріятіи, но не безъ труда; ибо одинъ изъ солдатъ, хотя схваченный неожиданно, поднялъ копье свое противъ насъ; но сопротивленіе его было тщетно; его задушили, равно какъ и трехъ его товарищей. У нихъ нашли двѣ тысячи рупій. Вскорѣ послѣ того повстрѣчали мы четырехъ *празагаріевъ* (спранствующихъ комедіантовъ), которые на наше дружеское обхожденіе и обѣщаніе одной рупіи за то, чтобы показать намъ образчикъ своего искусства, безъ всякаго подозрѣнія, подошли къ намъ. Видя, что они шакъ охотно идутъ въ разставленные сѣти, и не дожидаясь плесы, которую они располагались было играть, мы ускорили развязку съ помощію румоля и овладѣли ихъ багажемъ,

кошеры́ сѣнелъ до сорока рупій. Въ немъ нашли мы *мюрдинъ* или ручной барабанъ, кошорый произвелъ удивительный эф-фектъ, аккомпанируя нашимъ пѣснямъ. Слѣдующій день была ознаменованъ вспрѣтею съ одною часшю фансегаровъ, кошорые съ добычею возвращались въ Бундалькундъ. Дорогою преслѣдовали они двухъ человека, кои вели быка, наспришаго на себя грузъ; они пригласили насъ слѣдовать за собою, чтобы вмѣстѣ раздѣлили добычу. Пожива была самая ничтожная и на нашу долю досталась только мѣдная чашка и нѣсколько шрипокъ. Въ эпохъ неудачъ упѣшило насъ внезапное появленіе двухъ браминовъ, кошорые направляли снопы свои въ Индостанъ; нѣсколько времени шли мы вмѣстѣ, какъ будише охраняя священныхъ ошцевъ и, когда случай показался благоприятнымъ, дали имъ знашь, съ кѣмъ они имѣють дѣло. На эпохъ разъ мы щедро были награждены за шрудъ большимъ количествомъ золотыхъ монетъ. Мы нашли также при нашихъ жершвахъ нѣсколько векселей ошъ Индійскихъ банкировъ; но рѣшились сжечь ихъ, ибо не удобно было получить по нимъ сумму. Шрипомъ эпо наше всегдашнее обыкновеніе.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ шого, мы перешли въ другой каншонъ, гдѣ одинъ *судабааъ*, и при немъ двое *ципаевъ*, завлеченные къ намъ шіонами, легко пали подъ нашими ударами. Четверный путешественникъ, обманушмый шакими же хищросшями, испыналъ подобную же участь. Не смощря на сіи удачи, шакъ какъ роща, въ кошорой расположилась мы, была часшо пошщаема, шо мы разсудили, по благоразум-

ной оспорожвости, что надо перенестись на другой шеатръ. Первый пушешесивенникъ, копорого случай привелъ намъ на глаза, задалъ намъ ужасную работу: мы должны были залавливать его въ наши сѣти, цѣлые чепыре дня. Это былъ человекъ богатый, съ многочисленнымъ кошовомъ, что иреляшисивовало опривавить его на шопъ свѣтъ безъ церемоній. Чшобы войти къ нему въ благосклонность и опдалить опъ себя всякое подозрѣніе, мы не перспавали оказывать ему всевозможныхъ услугъ и вниманія; но онъ все держалъ ухо очень воспро. Наконецъ мы успѣли совершенно поддѣлаться къ нему и къ его свѣтъ; и ня одинъ изъ нихъ не ускользнулъ опъ насъ. Пожива была знашная. Вскорѣ послѣ шого, разными хипростями, завлекли мы въ сѣти чепырехъ *ципаевъ*, копорые согласились провеспи съ нами ночь. Эта ночь была для нихъ послѣднею. Подобныя же хипрости доснавили въ наши руки мусульманина и брамина, кои шли одной дорогою съ нами и коихъ путь продолжался не болѣе одного дня. Всего драгоценнѣе для насъ въ этой богатой добычѣ было *zattu*, вьючное животное, нагруженное опиумомъ, пролажа коего, произведенная чрезъ посредничество *кутвала* (полицейскаго чиновника) принесла намъ барыша съ сонною рупій, уменьшеннаго однако цѣлою чепвершью въ пользу нашего посредника за его маклерскія хлопоты. При этомъ ивсѣхъ встрѣшшии мы семнадцать *сансегаровъ* Мусульманскаго отряда, кои будучи огорчены дурнымъ успѣхомъ своей экспедиціи, присоединились къ намъ, чшобы вмѣстѣ дѣлать опасости и выгоды.“

„Ивъсшіе, не совсѣмъ вѣрное, обратило насъ къ преслѣдованію чепырехъ пушешешвенниковъ, про которыхъ говорили, что они много везуть съ собою; такъ какъ они значительно опередили насъ, то мы были принуждены идти усиленнымъ маршемъ; но какова была наша досада, когда раздѣлавшись съ ними по нашему обыкновенію, мы нашли нѣсколько ничтожныхъ инструментовъ и почальныхъ камней! Мы задушили скудныхъ ремесленниковъ, кошорые путешествовали, чтобы найсти работу для жалкаго своего ремесла. Въ то же время мы испытали другую подобную неудачу, шолько безъ боя: мы видѣли съ горестію, какъ, предъ нашими глазами, пнулси караванъ купцевъ, торговавшихъ лошадьми, состоящій изъ пятнадцати человекъ, и не могли рѣшиться напасть на него, ибо схватка съ такими многочисленными прошивниками была бы очень для насъ опасна, особенно въ открытомъ со всѣхъ сторонъ мѣстѣ. Въ слѣдующій день мы захватили шесперыхъ носильщиковъ, возвращавшихся съ двумя женщинами и двумя дѣтьми. Вечеру, они направили шаги свои къ мечети, гдѣ провели ночь, что заспавило насъ ошложнше исполненіе нашихъ намѣреній до запрошаннаго дня. Мы напали на нихъ при поворотѣ въ лѣсъ и зарыли десять шруповъ въ глубокій ровъ, нарочно для того пригошловенный. Нѣсколько недорогихъ галаншерейныхъ вещиць и незначительное количество рупій слабо вознаградили насъ за труды. Здѣсь я умалчиваю о нѣкоторыхъ маловажныхъ случаяхъ, чтобы скорѣе присшупитъ къ развязкѣ нашихъ приключеній.“

„Нѣсколько дней спустя, пруппа наша, увеличившаяся нѣсколькими опрядами, раздѣлилась, чтобы отвратить подозрѣнія полиціи, которая, казалось, съ недовѣрчивостію смотрѣла на столь многочисленное собраніе. Шайка, къ которой я принадлежалъ, пошла по направленію къ Пиншюреду, гдѣ мы расположились подъ защитой одного огромнаго ушеса. Изъ этой засады привѣщали мы одного *магаюма* (купца), въ сопровожденіи чепырехъ слугъ, кои занимались пригошвлениемъ ему обѣда. Оплочная наружность магаюма и чистота одежды его сначала привлекли взоры наши; но напе любопытство, должно быть, показалось ему подозрительнымъ, ибо онъ поспѣшилъ кончить обѣдъ и продолжалъ путь свой съ свитою. Спрахъ такъ встревожилъ насъ, что мы не подумали преслѣдовать его; и такъ онъ совершенно свободно могъ достигнуть своего жилища. Послѣ узнали мы, что онъ попался въ руки одного нашего опряда, которому смерть его принесла много выгоды. Мы продолжали путь нашъ къ Нимучу и въ это время заманили къ себѣ въ станъ чепырехъ путешественниковъ; и хотя они были недалеко отъ одного Англійскаго заведенія, мы не призадумались раздѣлаться съ ними по своему. За нѣсколько миль опшуда, задушили мы чепырехъ *буняговъ* (мѣлочныхъ лавочниковъ); это былъ послѣдній нашъ подвигъ, до прибытія въ Деговъ, гдѣ полиція положила конецъ нашимъ работамъ.“

„Я описалъ вамъ всѣ убійства, въ которыхъ принималъ участіе, какъ дѣйствующее лицо или какъ очевидецъ; ежели я пропустилъ нѣко-

шоры , що пошому , що пам'ять моя не сохранила объ нихъ воспоминанія. Вамъ навѣрно все; оспавеню шолько сдержашъ свое слово; оны вашей добросовѣстности ожидаю награды за мою опкровенность.,,

Не нужно много словъ , чшобъ матеріалъ для воображенія. шащръ и картину сихъ ужасныхъ сценъ. Вообразите обширную , пущую равнину , устланную кое-гдѣ густыми деревьями: вдали видна деревня съ мечетью или мотодою , пошомъ группы разбойниковъ , разбланы на первомъ планѣ; оди изъ нихъ заняты пригошповленіемъ пици , другіе курашъ шабакъ , иши поюшъ пѣсни , при звукахъ барабана ; нѣсколькo вьючихъ живешныхъ лекашъ на землѣ ; лошади , привязанны къ кольямъ , рисуошся на сей живой сценѣ. Во глубинѣ картины слабій лучъ красновашаго свѣша бѣжинъ съ горизонта , уснушая мѣсною ночью , кошорал должна приодѣшвракомъ своимъ убійць , цкъ жершвы и могилы , развершши для ихъ приняшя.

(AMATIC JOURNAL)

— — — — —

VI.

АНГЛІЙСКІЕ ПРАВЫ.

ГРАФЪ И АЛЪДЕРМАНЪ.

Много говорашъ теоретически о двухъ элементахъ , взаимно уравновѣшываюцихся въ Англійской гражданшвенности: аристокраши и демокраши; но , кажешся , оцѣниш ихъ , мѣрою свойшвен-

никъ каждому дѣйствию, было бы гораздо лучше всѣхъ общихъ понятій, даже всякихъ поэтическихъ олицетвореній. Вотъ двѣ нехронологическія снѣжки, заимствованныя изъ періодическаго изданія Бульвера, въ коихъ весьма выразительно представляются контрасты двухъ человекъ, прошекиныхъ обширное поприще дѣятельности и честолюбія, по двумъ различнымъ направленіямъ, соотвѣтственно различію классовъ, къ коимъ оба они принадлежали: одинъ лордъ, достигшій высшихъ административныхъ степеней, другой промышленникъ, облеченный всеми муниципальными почестями.

Сперва изложимъ факты собственно біографическіе; а потомъ приступимъ къ комментаріямъ.

— „Февраля 9 дня умеръ въ своемъ Норпгемптонширскомъ замкѣ благородный Графъ Фицвилліамъ, осмидесяти пяти лѣтъ отъ роду, которому наследуетъ старшій сынъ его Лордъ Мильшокъ. Графъ Фицвилліамъ, восьми лѣтъ сдѣлавшись наследникомъ огромнаго богатства и знаменитаго имени, получилъ свое первоначальное воспитаніе въ Эпонъ, съ Фоксомъ, Графомъ Кардильскимъ и другими знаменитыми современниками. Онъ кончилъ курсъ своего ученія въ Кембриджъ и женился въ 1770 году на Леди Шарлоттѣ Понсонби; эпохъъ бракъ связалъ его съ важнѣйшими фамиліями Вигговъ. Молодой Графъ провозгласилъ себя противникомъ войны съ Америкой, оспаривалъ въ Парламентѣ между членами оппозиціи до 1793 года, въ коемъ оплохился отъ ней вмѣстѣ съ Беркомъ, чтобы поддерживать Пинна; въ 1794 году

сдѣлался Президентомъ Совѣща, а черезъ годъ наименованъ Вице-Королемъ Ирландіи. Тамъ онъ управлялъ съ такимъ благородствомъ, что день его отъѣзда былъ днемъ всеобщаго сѣпованія. Возвратившись, снова вошелъ онъ въ ряды Вигговъ, коихъ и придерживался посполно до тѣхъ поръ, пока мало по малу удалился съ полишическою сценою.“

— „Тогоже мѣсяца 6 дня умеръ въ своемъ Руссаль - Сквероконъ домѣ альдерманъ Вейшманъ, шестидесяти девяти лѣтъ. Рожденный въ одной деревнѣ, около Врексгама, онъ бѣдныхъ родителей и лишившись еще въ малолѣтствѣ отца своего, онъ послѣ вѣщичнаго замужства матери, былъ усыновленъ своимъ дядею, почтеннымъ продавцомъ положенъ въ Бантъ. Сей послѣдній отдалъ его въ школу и, чтобы онъ понавыкнулъ въ торговыхъ дѣлахъ, посадилъ въ своей лавкѣ, а потомъ перевелъ въ одинъ изъ Лондонскихъ магазиновъ. Вскорѣ послѣ сего Вейшманъ, открывъ самъ собой маленькую лавочку въ углу Флише-Сприша, сдѣлался замѣтнымъ по своей коммерческой честности въ торговыхъ дѣлахъ, здравому сужденію и легкому разговору въ собраніяхъ. Избранный членомъ Градокаго Совѣща, народный по своимъ началамъ оппозиція и почти глава партіи по своей важности, многократно обвиняемый Торисами, онъ четыре раза былъ членомъ Парламента.“

Итакъ, въ промежуткѣ двухъ дней, смерть поразила два достопочтенныя лица, вельможу и купца, изъ коихъ каждый занималъ высокое мѣсто въ своемъ классѣ и пробѣгалъ параллельно поприще государственныхъ опличій, но между кошорыми, не

смотря на то, существовали всевозможные роды конспирации. Въ такомъ вѣтхой обществѣ, каково Англійское, разспраніе между двумя недѣльными разныхъ сословіи безвѣрно; тамъ природа рабскино подчинилась ограниченіямъ общественнаго порядка и искусственнаго оплатія полагающа на лица оппечашки гораздо болѣе неивгладимые, чѣмъ оппечашки самой природы. Если бѣ сии люди оба жили въ какой-нибудь республикѣ древней Греціи, то купецъ Вейшманъ былъ бы пиряномъ своего класса, а Лордъ Фишцивилліамъ не оппечашка бы ни чѣмъ, кромѣ крошкхъ добродѣтелей мирнаго гражданина. Но если бѣ они родились въ какой-нибудь древней монархіи, какова, напримѣръ, монархіа Людовика XIV, то Фишцивилліамъ былъ бы свѣшилкомъ двора, по своему рожденію и сану, и могъ бы по своей волѣ засадить въ Басилію или приколосить на ками Вейшмана, въ наказаніе за какой-нибудь нескромный взглядъ. Англіа совершенно уравнивала сии два сословія: каждому изъ нихъ предоспавлена возможность доспигаша знанности; и однакожъ, въ оппечашки къ личности, рѣкая черша раздѣляюща знаныхъ людей каждаго класса. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что въ политическомъ оппечашки альдерманъ Вейшманъ, по своему вліанію на государственна дѣла, игралъ роль гораздо важнѣйшую, чѣмъ благородный Лордъ; но не смотря на то, Йоркширскій вельможа, въ общественномъ мнѣніи, былъ всегда выше городскаго лавочника.

Съ какими нѣжными попеченіями было вальтѣно дѣшпва покойнаго Графа! Сколько про-

«ессоровъ надзирали за развитіемъ его рождающагося смысла! Сколько слугъ, учашелей, докшоровъ, занимались образованіемъ юнаго Лорда! Сколько удовольствій предспавлялось его вкусу! Какое богатое наслѣдіе его ожидало! Какъ онъ путешествовалъ! Сколько столицъ посѣщилъ онъ!.. И пошомъ, возвратясь въ отечество, онъ править въ должности Вице-Короля цѣлымъ королевствомъ, приобретаешь общую любовь, ошказываетя ошъ должности и видить весь народъ въ шраурѣ! Въ день его вспупленія на корабль въ Дублинской бухтѣ, колокола гудятъ прощальнымъ, погребальнымъ звономъ: кажется, съ нимъ хороняшея сладчайшія надежды Ирландіи. Онъ удаляея въ свой Йоркширскій дворець; и вошь, поселяея въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, имѣеешь у себя конюшни, въ коихъ могущъ завидовашъ ему король, живешъ окруженный толпою вассаловъ, кои являюся къ нему, какъ во дни феодализма, и всюду сопровождаюшь его почтительною свитою; у него назначены дни приема, учрежденъ родъ двора, гдѣ шолкупся въ шѣсношъ избраннѣйшіе изъ предспавишелей, богатѣйшая и древнѣйшая провинціальная аристокрапія. По своимъ доходамъ, вліянію и почтешенію, ошъ всѣхъ получаемому, по своему личному достоинству, характеру и нравамъ, Графъ Фицвильямъ былъ настоящимъ владѣтельнымъ принцемъ. Онъ былъ шакже принцомъ и по своей щедрости, будучи ко всѣмъ благосклоненъ и благошворителенъ, по причинѣ общешвеннаго своего богатства, кромѣ шого, что распоряжалъ еще ошъ имени Короля безмѣрными доходами, къ вели-

чайшей выгоды провинціи, въ которой онъ председательствовалъ. Въ продолженіе сорока лѣтъ онъ пожиналъ непрерывно уваженіе, доставляемое высокимъ его попомъ. Если бъ онъ былъ одаренъ крайчайшимъ сложеніемъ глѣла, то могъ бы прожить еще двадцать лѣтъ; ибо пороки и сшрасши никогда не возмущали своєю горячкою благородной крови, спруившейся въ его жилахъ.

Теперь взгляните на другой портретъ. Вейшманъ, бывший моложе Графа многими годами и рожденный въ небогатомъ состояніи, получилъ несовершенно воспитаніе; что я говорю? съ большимъ трудомъ выучился онъ читать и писать; потомъ, бывши въ Лондонѣ бѣднымъ прикащикомъ, выносилъ къ покупателямъ свершки полощень. Сколько нужно было ему экономіи, умѣнія и швердосши, чтобы открыть лавку на свой счетъ! Обезпечивши себя кусокъ хлѣба, онъ имѣлъ досугъ обдумать свое общественное положеніе и свои отношенія къ равнымъ себѣ. И тогда увидѣлъ онъ, что государшвенныя почести были добычею привеллигированнаго класса, что порослята не понимали, какъ лишали ихъ принадлежащей имъ доли жолудей и мякны. Сдѣлавшись членомъ своей корпораціи, онъ приобрѣлъ право говорить въ собраніи, драгоценнѣйшее изъ правъ, предъ которыми никакое злоупотребленіе не можешъ долго держаться; говорилъ по добросовѣстному убѣжденію своего сердца, ибо былъ исполненъ чувства справедливосши и прямошы; и не шерпя никакой неправды, увлекъ за собой нѣсколько чедовѣкъ одного съ собою закала. Но онъ шѣхъ,

кои полагають всѣ свои надежды на сегодня; отъ тѣхъ, кои довольствуются робкимъ и смиреннымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; не говоря уже о тѣхъ, кои смѣло извлекали свои выгоды изъ старой системы Питтса: отъ всѣхъ подобныхъ людей онъ слышалъ только неодобренія которыхъ сразили бы всякаго чловѣка, не получившаго, подобно ему, отъ природы темперамента, который могъ весело бороться съ бурями. Изъ обличителя муниципальных неправдъ, Вейшманъ сдѣлался обличителемъ неправдъ парламентскихъ; и разбирая бѣдствія, постигшія надъ народомъ, вспомоществуемый Вигами и послѣдними единомышленниками Вилькса, особенно сильный своимъ мужествомъ въ политическихъ преніяхъ, онъ успѣлъ приобрести себѣ партію недовольныхъ, и такую партію, которая имѣла на своей сторонѣ правду, въ толь день какъ рѣшенъ былъ вопросъ о реформѣ.

Во все это время торговля Вейшмана процвѣтала; его смѣшливости равно досвадало на Манчестерскіе шовары, какъ и на Манчестерскую полишику. Сей успѣхъ въ дѣлахъ не вредилъ его орапорскому таланту въ муниципальномъ совѣтѣ. Напрошивъ чрезъ то приобрѣлъ онъ въ двойной мѣрѣ государственный почести: санъ Лондонскаго Градскаго Главы и стулъ въ Парламентѣ; но приобрѣлъ ихъ, можно сказать, въ полтъ своего лица. Сколько трудностей преодолѣлъ онъ въ дѣловомъ свѣтѣ, равно какъ и въ свѣтѣ политическомъ! Сколько побѣдилъ враговъ! Сколько разсѣлъ предубѣждений! Самымъ ужаснѣйшимъ его оружіемъ

былъ родъ сарказма, который въ народныхъ собраніяхъ вылагалъ всегда неискренняго антагониста, а потому сарказмъ здраваго разсудка, не всегда ознаменованный печатью хорошаго тона. Его извѣстность была извѣстность возмущителя; и Вейшманъ въ самомъ дѣлѣ былъ возмущитель, обладавшій силою возбуждать страсти людей своего класса, невѣждъ подобныхъ ему, но принужденныхъ невольно признавать его превосходства надъ собою.

Присутствіе его производило впечатлѣніе; между тѣмъ въ немъ всегда было что-то ошпакивающее; онъ говорилъ хорошо, ибо показывалъ не столько старанія хорошо сказать, сколько предспавишь въ яснѣйшемъ видѣ свою мысль предъ собраніемъ. Наконецъ, Вейшманъ былъ человекъ честный, слишкомъ гордый для того чтобы не быть честнымъ; но у него было больше паршизановъ, чѣмъ друзей, ибо его сарказмъ, убивавшій его враговъ, иногда задѣвалъ за живое и прочихъ. Равнымъ образомъ онъ не былъ богатымъ: ибо для того требовалось, чтобы богатство было исключительнымъ его божествомъ, а онъ предпочиталъ Вейшмана всѣми уважаемаго, Вейшману богатому. И такъ должно ли удивляться, что онъ не дожилъ до шестидесяти лѣтъ? Если бъ ему жизнь была также приятна, какъ Графу Фицвилліаму, то онъ съ своимъ темпераментомъ могъ бы прожить не менѣе древнихъ патриарховъ.

Намъ случилось обѣдать вмѣстѣ съ ними обоими; а за столомъ особенно выказывался характеръ человека: и мы заключаемъ тѣмъ же, чѣмъ начали, повѣряя, что природа не

защитю, обязаны наблюдать за тайными мыслями людей, волнуемых буйными, порочными спрашьями, для тѣхъ, кои должны защищать или приговаривать къ казни подобныхъ себѣ, конимъ особенно нужно умѣть опличать энергію невинносій опъ наглаго преспуленія, уныніе, причиняемое бѣдспвіемъ, опъ угрызений, произптекающихъ изъ раскаянія. Конечно великая услуга была бы, еслибъ многочисленныя уголовныя дѣла были извлечены изъ пыли архивовъ, въ конхъ онѣ погребены: чщеніе сихъ спрашныхъ, проникнушыхъ истиною драмъ, гдѣ изображаются гибельныя спрашпи челоука, рашующаго проптивъ общеспва, кошорое предаешъ ихъ суду, принесло бы много пользы; анашомическій ножъ допросовъ и розысковъ вскрываетъ мысли преспуника, шакже какъ наблюденія Галля надъ мозгомъ. Еслибъ даже въ сихъ дѣлахъ нашли только однѣ примѣшпы и описанія, кои бдищельная юспиція изчисляетъ въ объявленіяхъ о бѣжавшихъ злодѣяхъ или въ реоспрахъ дающихся пюремнымъ смонришелямъ, шо и шогда изъ сихъ поршрешовъ можно бѣ было научишся болѣе, чѣмъ изъ воззрѣнія на однообразныя и безцвѣшныя физиономіи, встрѣчаемыя нами въ свѣшѣ, или изъ всѣхъ челоуѣческихъ череповъ, выкапываемыхъ на кладбищахъ; ибо здѣсь, какъ и въ свѣшѣ, господспвуешъ посредспвенность.

Сіи размышленія занимали насъ однажды, во время перелиспыванія попавшихся въ руки архивовъ одного провинціального архива, касающихся уголовного слѣдспвія по одному весьма печальному пронашеспвию.

Въ свое время много было писано объ убійствѣ, случившемся въ Монморанси. Двое молодыхъ супруговъ были умерщвлены двумя незнакомцами, коихъ приняли въ свой шрапширъ. Подробности злодѣянія свидѣтельствовали объ ужасномъ равнодушіи, съ коимъ оно было совершено. Виновиниками его были два недольника, ушедшіе съ Рошфорскихъ галеръ, на которыя были, за другія пресупленія, осуждены на всю жизнь. Они ушли, не взирая на надзоръ многочисленныхъ солдатъ, не взирая на проекарпную преграду, образуемую глубокой рѣкой Шарантой, сѣтѣнами гавани и валами города, не взирая на двойныя цѣпи, днёмъ и ночью не разлучающіяся съ осужденными на всю жизнь. Исторія сихъ людей представляешь цѣпь пресупленій: оба они попали въ оковы за одинакія дѣянія; сходство ихъ пресупной жизни, а можетъ быть и средство ужасныхъ характеровъ, произвело между ними шѣсную связь; почему и называли ихъ въ шюрмѣ рыцарскимъ именемъ *братьевъ по оружію* (*frères d'armes*).

Одинъ изъ сихъ чудовищныхъ друзей назывался Домась-Дюпень.

По совершеніи пресупленія, бѣжалъ онъ въ Испалію; но Франція пошребовала, чшобъ его выдали. Онъ былъ привезенъ обратно и предшавленъ къ суду. Все шѣ, кой присущшвовали при преміяхъ, не могутъ позабышь опврашишельнаго лица сего чловѣка; онъ объяснялся свободно, даже съ умомъ и одушевленіемъ, однакожъ, не взирая на шо, едва можно было сносиль видѣ его. Миѣ кажется, что я еще вижу

его тонкія губы, острый носъ съ большими широкими ноздрями, сѣрые исполненные живости глаза, особенно голову, которая спереди къ верху суживалась, а позади ушей значительно разширялась, и сверхъ того была покрыта черными, густыми, шершавыми волосами, подобившимися львиной гривѣ на лбу шугра.

Домаса-Дюпена осудили къ смерти и казнили.

Товарищъ его преслупленія назывался Сен-Клеръ. Этошъ человекъ, одаренный необыкновенной шѣлесною силою и непоколебимой швердостью духа, превходилъ своего приателя въ энергіи и дикости. Онъ изобрѣлъ и привелъ въ дѣйствіе планъ ихъ побѣга. Оба бѣглеца спрыгнули съ Рошфорскихъ стѣнъ, имѣющихъ въ вышину болѣе двадцати фушовъ. Сен-Клеръ не причинилъ себѣ никакого вреда, но Домась-Дюпень вывихнулъ колѣно и не могъ встать. Сен-Клеръ взялъ его къ себѣ на плеча и, обремененный сею тяжестью, въ оковахъ, прошелъ по болотистымъ равнинамъ Шараншы, около девяти миль, безъ отдыха. Онъ же присовѣщивалъ убійство въ Монморанси, принимая на себя большую часть преслупленія.

Совершивъ злодѣяніе, поссорился онъ за похищенные деньги съ своимъ соучастникомъ, принудилъ его општатъ отъ себя и самъ вѣчетъ. Тщетны были самыя дѣяшельнѣйшія преслѣдованія: никакъ не могли поймать его. Узнали, что онъ проѣхалъ черезъ Пиемоншъ, Швейцарію, Германію, и наконецъ пропалъ безъ вѣсти на Турецкой границѣ. Спустия нѣсколько времени, оффиціальными, несомнѣнными донесеніями было сообщено, что онъ всхунилъ въ одинъ пограничный полкъ, гдѣ

оказавъ чудеса храбрости въ сраженіи противъ шамошнихъ разбойничьихъ шаекъ, палъ, пораженный пулею въ сердце, вкусивъ шакими образомъ незаслуженное счастье умереть смертію война.

Въ одинъ прекрасный осенній день, 1830 года, собралось многочисленное общество въ большой залъ главной ошели Валанса, что въ Дофинне.

Въ Валансѣ, какъ и во всѣхъ городахъ южной Франціи, нѣтъ другихъ ресторацій, кромѣ ошелей, и не лзя найдти другаго обѣда, кромѣ общаго, называемаго *table d'hote*. Осенью сіи прелестныя мѣста посѣщаются множествомъ путешественниковъ; и въ то время, о которомъ говоримъ мы, въ Валанской ошели *Евроль*, находилось многочисленное общество привѣжнихъ. Они обѣдали.

Обѣдъ въ ошели, за которымъ случай сводитъ множество людей изъ всѣхъ стпанъ, всякаго званія и возраста, представляешь всегда особенное, любопытное зрѣлище. Съ удивительною скоростію обнаруживается какаѣ-то коррозность между собесѣдниками, кои до того никогда нигдѣ другъ друга не видали и по окончаніи спола разсѣянутся, бышь можешь, на всегда. Рѣдко случается, чтобы за такими обѣдами не нашелся какой-нибудь особенный краснбай, который принимаетъ на себя исключительно обязанность одушевлять бесѣду. Правда, роль сію часто играетъ какой-нибудь хваспунъ, или человекъ, путешествующій по дѣламъ, рассказывающій съ важнымъ видомъ спарья новоспи, выдающій съ гордымъ самодоволь-

свѣтъ свои плоскости за оспрофы; однакожь иногда встрѣчаются люди, коихъ не скучно слушать, ибо, что они говорятъ, идешь къ сердцу: тайное внутреннее убѣжденіе, что ни кто изъ прислушывающихся не можешь говорить лучше, заставляешь, кажешь, предоставляешь имъ полную свободу.

Такъ шочно было и въ то время, о которомъ мы говоримъ. Тотъ, кто игралъ сію роль, былъ человекъ среднихъ лѣтъ; за исключеніемъ свободы, съ коею онъ объяснялся, и впечатлѣнія произведеннаго имъ чрезъ то на слушателей, онъ не отличался ничѣмъ, кромѣ того, что, не взирая на сильный бывший тогда жаръ, съ головы до ногъ одѣтъ былъ въ черное, на подобіе лѣкарей, адвокатовъ и ученыхъ, одѣвающихся такимъ образомъ во всѣхъ Европейскихъ городахъ.

Разговоръ коснулся системы Лафатера и новаго френологическаго ученія. *Черный человекъ* — такъ называли его между собою гости — сказалъ, что Лафатеръ, не взирая на шарлатанизмъ ученія его, сдѣлалъ множество справедливыхъ и весьма любопытныхъ наблюдений; онъ утверждалъ, что главные дѣянія, наиболее занимающія нашу душу и имѣющія сильнѣйшее вліяніе на нашу нравъ, оставляютъ глубокіе слѣды на лицѣ человеческомъ, которое въ полномъ смыслѣ есть зеркало нашей души; что часно возвращеніе однихъ и тѣхъ же мыслей, продолжительное дѣйствіе безпокойной совѣсти, или вліяніе сильныхъ спрасней, стягивающъ черты лица особеннымъ определеннымъ образомъ; и ко всему шому прибавлялъ еще, что сіи слѣды,

въ совокупности съ наблюденіями, кои при помощи ирландовъ Галля и Шпурцгейма, составляють для наукъ истинное приобрѣтеніе, доставляющія для наблюдателя, дабы онъ по ихъ показаніямъ могъ узнать склонности, кои природа или привычка дала каждому человѣку, и дѣйствія, изъ коихъ склонности сіи могутъ его увлечь. Чшо касается до меня, сказалъ онъ въ заключеніе, „я никогда въ эпюмъ не ошибался.“

Легко понять, чшо при сихъ словахъ къ *германому человеку* присупили многіе съ просьбою, дабы онъ показалъ образчики своего знанія. Въ слѣдствіе чего онъ обнаружилъ предъ многими собесѣдниками опыты своего искусства ошгадывань. Важныя акшны процесса, изъ коихъ почерпнушы сіи подробности, не говоряшь, чшобы нѣкопорые изъ собесѣдниковъ рассказали въ своемъ любопытствѣ; шакже не упоминаешся въ нихъ, чшобы какаа нибудь изъ путешественницъ покраснѣла при ошвѣщахъ, вынужденныхъ у чернаго френолога ея нескромными и необдуманнми вопросами. Извѣстно шолько, чшо всѣ были совершенно убѣждены въ дѣйствительности глубокихъ свиденій *чернаго человека*.

Однакожь надо прибавишь, чшо между присутствовавшими находился одинъ человекъ, который не вѣрилъ познаніямъ френолога. Человекъ сей до шой поры не принималъ ни какого участія въ общемъ разговорѣ и почти не былъ ни кѣмъ замѣченъ. „Я утверждаю“ — сказалъ онъ, бросивъ на собесѣдниковъ взоръ, коего описанъ не возможно — „чшо вся эша система не справедлива, чшо мыслей человека шакже не воз-

можно чипашь на лицѣ его, какъ невозможно; чшобы склонности его оппечашлѣвались въ мозгу и образовали бугры на черепѣ. Мало людей, коихъ жизнь была бы подвержена такимъ часпнымъ перемѣнамъ и бурямъ, какъ молъ — прибавилъ онъ съ горькою усмѣшкою — „мало людей, коихъ мысли, въ слѣдствіе сей системы, должныбы были оставишь слѣды болѣе глубокіе, чѣмъ мои мысли; и однако я вызываю васъ оказашь мнѣ; кшо я и чшо я.“

Между пѣмъ какъ незнакомецъ говорилъ, *черный человекъ* приспашльно глядѣль на него; его душа видимо поражена была горестнымъ ощущеніемъ; онъ храниль глубочайшее молчаніе. Со всѣхъ оппорокъ приспустили къ нему съ просьбою, чшобы онъ ошвѣщспшвовалъ. Особенно незнакомецъ гнѣвнымъ и обиднымъ тономъ повпоряль: „я шребую оппъ васъ, скажите кшо я?“ — „Хорошо!“ сказалъ наконецъ *черный человекъ*, видимо болѣе и болѣе приходящій въ волненіе; имъ, казалось, обладала могущеспшвенная, непреодолимая мысль, кошорая прошивъ воли заспашляла его говоришь. „Но крайней мѣрѣ вы оппчашли правы; наука сія конечно не можетъ бышь безусловно ценогрѣшишельна, и вы счастливы, чшо это можно сказашь; нбо если бы она была совершенно справедлива, шо, по ея показаніямъ, вы принадлежите къ числу величайшихъ злодѣевъ; когда либо существовавшихъ на землѣ; лице ваше запечашлено всѣми признаками, по коимъ узнаются убійцы.“

При сихъ словахъ, произнесенныхъ дрожащимъ голосомъ, возникъ въ залѣ глухой шопеть, за коимъ последовало глубокое молчаніе.

Незнакомецъ вскочилъ съ ужасною грошнью; лице его пылало негодованіемъ и гнѣвомъ; въ эту минуту видъ его былъ ужасенъ. Всѣ присутствующіе поблѣднѣли; вдругъ на улицѣ послышался сильный шумъ; хозяинъ ошел и вбѣжалъ съ испуганнымъ видомъ въ залу и объявилъ, что въ сосѣдственной деревнѣ произошла покража серебряныхъ вещей, и что подозрѣваемый въ семъ пресупленіи человекъ долженъ находиться среди общества, почему исполнили правосудіа и явились, дабы схватить его.

Взоры всѣхъ устремились на незнакомца, ко- его гнѣвъ, по видимому, вдругъ укропился. Украденныя вещи нашлись у него въ сундукѣ; его схватили. Послѣ упорнаго молчанія, продолжавшагося нѣсколько дней, наконецъ добились отъ него ужасныхъ признаній. Эпопъ человекъ былъ Робертъ Сен-Клеръ, почтившійся мертвымъ, участникъ Домаса-Дюпена въ злодѣйствѣ, совершенномъ въ Монморанси!

Онъ не былъ убитъ, какъ полагали; но послѣ многихъ приключеній и спрансшвованій, увлекаемый neodолимымъ рокомъ, ворошилъ и принесъ въ опечесшво пресупную, обреченную эшафопу голову.

Что касается до *чернаго человека*, мы не могли узнать изъ слѣдственныхъ актовъ его имени; но по собраннымъ свѣденіямъ оказывается, что лицомъ онъ очень похожъ на одного медика изъ Лионскихъ окрестностей, весьма известнаго френологическими знаніями и имѣющаго пре-

красную коллекцію череповъ гильошированныхъ людей, расположенную съ оплачнымъ порядкомъ въ прекрасно меблированной залѣ. (Vol.).

ВАЛЬЗАКЪ, СЮ И ЖАКОВЪ-ВИВЛЮФИЛЬ а)

Новѣйшіе Французскіе писатели повѣстей могутъ быть раздѣлены на три категоріи: категорію женскую, категорію морскую и категорію среднихъ вѣковъ.

Г. де Бальзакъ есть глава женской категоріи: ему, по всѣмъ правамъ, принадлежишь честь изобрѣшенія женщинъ. Боже мой! Сколько женщинъ вышло изъ головы Г. де Бальзака? Женщина полная сердца, женщина безъ сердца, женщина тридцати лѣтъ, женщина пятнадцати лѣтъ, женщина вдова, женщина замужья: у Г. де Бальзака шолько и рѣчей, что объ женщинѣ; шолько и видишь лилейныя кисеи, розовыя шляпки, раздѣвающіяся блонды, шелковыя ленты, вечернія омовенія, панношва души, вздохи, взгляды, объясненія, безмолвіе. Г. де Бальзакъ играетъ спрашью; онъ ее пишешъ, расписываетъ, переписываетъ; предсавляетъ женщинъ во всѣхъ видахъ, одѣваетъ и раздѣваетъ ихъ, служишь имъ горничной и пажемъ, носишь за ними шлейфъ плашья, подглядываетъ ихъ во время сна, бро-

а) Отрывокъ изъ новой повѣсти Ж. Жакома: *La cent millième et une et dernière nouvelle nouvelle*. Не смотря на юмористическій тонъ Лейстенаша Годара, ушами котораго выражается авторъ, сія порицанья прехъ знаменитыхъ повѣствователей современной Франціи, онамъ чужая выражательной вѣрошью. Изд.

свѣтса поднимаешь плапока, когда отъ ромаюнтъ его на мягкую, пушистую мураву. И встреть, что руки его пахнутъ помадой, плашье засыпано кудрой, бѣлье напишано мускусомъ, что у него мо- золи на ногахъ отъ тремѣрной шѣсноши башма- ковъ. Г. де Вальзакъ естѣ почти женщина, шоль- ко женщина съ бородой и усами. Это царь ве- ликолѣпныхъ руинъ древняго замка Рамбулье. Съ моею стороны, а бы очень хотѣлъ видѣть его въ Рамбулье, на единѣ съ молодымъ Воссювеномъ, въ шощъ день, какъ сей послѣдній пригошовался го- ворить первую свою проповѣдь.

Департаментъ морской находится подъ коман- дою капитана Евгенія Сю. Corbleu! morbleu! vive Dieu! mille sabords! подбирайте паруса! Отъ ла- спинся къ кораблямъ, шочно какъ Г. де Вальзакъ ласпинся къ женщинамъ. Обхващываешъ рукой ихъ гибкій спанъ (говору о Г. Евгеніи Сю и о корабляхъ), шреплешъ ихъ по мягкимъ, пухо- вымъ бедрамъ, качаешся въ зыбкой колыбели сна- сшей: въшерь дуешъ, шрашъ приходишъ въ сму- щеніе, машросы бросаюшся слома голову: одинъ Евгеній Сю, капитанъ, ошпаешся хладнокро- вымъ и неподвижнымъ. Г. Евгеній Сю вѣчно на кораблѣ, шакъ какъ Г. де Вальзакъ вѣчно въ бу- дуарѣ. У обоихъ ша же кашупленнаа любовь, ша же моношонная ошраснь, вѣчно шощемяе корабль или ша же женщина. Corbleu! morbleu! cassebleu! Капи- танъ Сю, расшускайте паруса! Ахъ! pardon! Добрый день! добрый вечеръ! Г. Маркизь де Вальзакъ! не угодно ли вамъ взять свой плащъ, цѣша кирнич- ной снѣгомъ, кошорый долженъ чершосски пошу- скашъ въ шешерешному вощую веру!

Вѣкъ среднїе, клянусь Святою Альдегондою! дѣла среднїе принадлежатъ шиломъ и душою пошленному библїофилу Жакобу. Спарый Жакобъ! парсите! какъ онъ долженъ быть драхтъ, съ какими морщинами! Онъ знаетъ на перечетъ по пальцамъ каждый малѣйшїй зубчикъ въ каждомъ шаромъ городѣ, Богдальни, больницы, королевскїе дворцы, парки, спарицные соборы, прищоны нищихъ, дома разврата, Людовикъ XI, шурниры, шруверы, суданца любви, цыгане, Николая Фламель, чоршъ и колдуны, красавицы съ золотыми поясами и мѣщане Медвѣжьей улицы въ мѣховыхъ шапкахъ, достопочтенная госпожа Мишеллина и достолюбезная дѣвица Изолдина, буки и домовые, корошко сказашъ, всѣ среднїе вѣка: вошъ достопанїе препощеннаго и премасшищаго спарца Жакоба! Pardieu! Клянусь моеи шпагомъ! pardieu! cordieu! ventre de biche!

Вошъ наши писатели повѣсней! Вошъ наши историки! (R. P.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Въ редакціи Московскаго университета, Москва, Ноябрь 2-го

Делоборе (Давидъ) Водворецъ

МОСКВА.

Въ Славяно-русской Типографіи

ТЪДЪСКОШЪ

I.

О ПРЕДМЕТАХЪ И НАСТОЯЩЕМЪ СОСТОЯНІИ
ЭКОНОМІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ.

(продолженіе.)

Предметъ Экономіи Политической, по общему соглашенію ученыхъ, богатство народа. Въ этомъ уже не разнорѣчашь. Но что такое богатство? изъ чего оно состоитъ? Тутъ мнѣнія чрезвычайно разнообразны.

Вилліамъ Петти, Кинъ, Давенантъ полагаютъ, что оно состоитъ въ совокупности частныхъ собственности а), Во-

а) Treatise of taxes by WILLIAM PETTY... GREGORY KING calculation, published by DAVENANT... На мнѣніе сіе Джюіа дѣлаетъ оспроумное замѣчаніе: Idea troppo distretta, perchè esclude à ragione d'esempio i fiumi, i laghi, i mari; che sono vera ricchezza, benchè proprietà pubbliche.

ТЪДЪСКОШЪ. Ч. XVI.

18

банѣ видишь оное въ изобиліи предметовъ необходимыхъ для жизни а). Дюпонъ и всѣ Экономисты богатство общественное различаютъ отъ богатства частнаго. Первому приписываютъ *цѣнность въ употребленіи, а не въ мѣнѣ, а другимъ цѣнность въ мѣнѣ, а не въ употребленіи*, и называютъ ее: *цѣнностію продажною чистаго произведенія* (la valeur venale du produit net) б). Канпильонъ, Гарнье и Мальпусъ заключаютъ богатство въ совокупности всѣхъ матеріальныхъ предметовъ, коими человекъ можетъ пользоваться или для удовлетворенія своихъ нуждъ, или для услажденія своей чувственности и тщеславія в). Галіани поспавляетъ богатство въ обладаніи такими предметами, кои болѣе желаются шѣми, копорые ихъ не имѣютъ, нежели

а) Dîme royale du Maréchal de Voban. Дююа весьма справедливо при семъ замѣчаетъ: Chi mai ignora se si eccettuano i seguaci del Dottor Quesnai che i prodotti delle arti accrescono le ricchezze.

б) Physiocratie, p. 118; Philosophie Rural; L'Ordre Social. Дююа замѣчаетъ: Le arti, il commercio danno dei prodotti netti come li da la terra.

в) Essai sur la nature du commerce, par CANTILLON. Abrégé des principes d'économie politique par M. le Sénateur GERMAIN GARNIER. Paris 1796. Principles of polit. economy... by MALTHUS, p. 19.

Испалінскій писатель описывает слово *слова* измѣнено, следовательно оно въ наклонѣ работы, (*travail exigible*) гласно заключаетъ въ себѣ работы, которая каждому о удовлетвореніи собственныхъ выгода. на сей оспалокъ (г). Верри д) и Ганиль

-
- а) Ricchezza è il possesso d'alcun desiderata dal alteri che dal possenta. Джіоіа возражаетъ: Ide infinite cose che il possessore appri gli altri come io.
- б) Пальміери: il superfluo o il res disfazione de'propri bisogni. — „ говорить Джіоіа, perchè vaga l essendo che quello che per uno altro è necessario.
- в) Джіоіа на сіе замѣчаетъ: L'al in un lago, è una vera ricchezza che lo possede, e questa ricchezza cumulatione di travaglio.
- г)... he must be rich or poor quantity of that labour which he w'ich he can offerd to perohase. I. 39.
- д) Eccesso delle produzioni au consumo.
- е) La richesse dans son acception la plus générale consiste dans l'en sur les cosommations ou de reven

что богатство сослужитъ въ основаніи ежегоднаго произведенія противъ поспребленія. Лаудердаль называетъ богатствомъ все то, чего только можно желать, какъ полезнаго и приличнаго. По выраженію Селъ, богатства соспавляются изъ предметовъ, имѣющихъ цѣнность а). Рикардо же думаетъ, что цѣнность совершенно другое, нежели богатство, и что предметы, разъ признанные полезными, сами по себѣ заимствуютъ свою мѣновую цѣнность отъ ихъ рѣдкости и работы, необходимо нужной для ихъ приобретенія б). Сисмонди почитаетъ богатство плодомъ шуда, накопленнаго, но еще не-поспребленнаго в).

Не входя въ изслѣдованія, какое изъ сихъ опредѣленій богатства менѣе подвержено возраженіямъ, замѣчу, что на на-

Джюиа справедливо на это замѣчаетъ: — Un uomo che può spendere due o tre milioni all' anno, e i cui consumi sono uguali alla rendita, non sarebbe dunque ricco?

а) Des choses qui ont valeur.

б) Les choses une fois qu'elles sont reconnues utiles par elles-mêmes, tirent leur valeur échangeable de deux sources: de leur rareté et de la quantité de travail nécessaire pour les acquérir.

в) Le fruit du travail accumulé et non encore consommé. Nouveaux principes d'économie politique, t. I. p. 60.

этомъ языкѣ слово сіе въ наукѣ
 производить обивчивость въ
 Мы перевели сіе слово: пренд
 объяснили себѣ значеніе онаго и
 науки. Богатство у насъ выражает
 обиліе, следовательно есть понятіе
 опительное, точно такъ, какъ понятіе
 достаточность или бѣдность. Надобно
 сказать понятіе положительное,
 иди онъ копорой выше или ниже,
 или-бы одно состояніе вещей называть
 сиромъ, другое бѣдностію, точно
 какъ точкою замерзанія въ пермометрѣ
 опредѣляемъ степень тепла и спужи
 что можете служить указателемъ сей
 ки? Вопросъ чрезвычайно сложный.
 опредѣленія оной нельзя брать ни дика
 скишающагося одиноко, гдѣ нибудь въ
 сакъ Новаго Свѣта, ни гражданина съ по
 бованіями на удовлетвореніе *всѣхъ* попре
 носней, раскрытыхъ въ немъ насущнымъ
 состояніемъ гражданственности. Одинъ изъ
 нихъ *не достигъ* еще искомой точки, дру
 гой *перешелъ* уже за оную. Одинъ *не удо
 влетворенъ* еще въ самыхъ первыхъ еспе
 сивенныхъ нуждахъ, не *обезпеченъ* ни въ
 личномъ своемъ существованіи, ни въ томъ,
 что можете это существованіе поддержа-

вашь; другой еще уже существованіе услаждаешь, и наслажденія свои хочешь продлить, разнообразить. Добьемъ же перъ шю, чего первому не доставляетъ, и опытемъ у другого шю, что доставляетъ издешекъ, и мы будемъ, если еще не настоящей искомой точкѣ, шю по крайней мѣрѣ близко около. И пакъ, по нашему опредѣленію, она будетъ состоять: въ овзвѣченномъ удовлетвореніи самыхъ первыхъ естественныхъ нуждъ нашей природы. Точку сію можно назвать по-сему точкою первыхъ естественныхъ потребностей. Отсюда начинается безпредѣльное, безпрестанное развитіе нуждъ и пошребностей, рождающихся въ гражданскомъ обществѣ, и въ ономъ шолько удовлетворяемыхъ. Для удовлетворенія надобно имѣть предметъ удовлетворяющій, или средства доставить себѣ шопъ предметъ. *Средства* сіи, въ какомъ бы видѣ онѣ не существовали, можно назвать *имуществами* въ обширномъ смыслѣ. Сумма сихъ средствъ, наличная, существующая, обозначаетъ мѣру обладаемости; большее же или меньшее количество оныхъ, въ разныхъ обществахъ, при совершенно одинакихъ претребованіяхъ, отношительное ихъ *богатство*.

Объяснишь, по какимъ законамъ произраждаются, распределяются и потребляются сіи средства въ гражданскомъ обществѣ, во всякое данное время; покажешь, что можешь задерживать естественное движеніе сихъ средствъ, или что можешь способствовать ихъ свободному развитію, наравнѣ съ потребностями: еси предметъ и обязанность Политической Экономіи. Емью думаю, что опредѣленіе мною выведенное, обнимаетъ науку пользы и можешь быть вразумительнѣе на Русскомъ языкѣ. Далѣе: богатство у насъ всегда понимается только въ вещественномъ смыслѣ, и потому трудно ввести въ науку, присвоивши ей въ предметъ матеріальное занятіе, объясненіе свойства и движеніе цѣнностей идеальныхъ, невещественныхъ, какъ на примѣрѣ, занятіе медика, архитектора, контора, по доказаннымъ уже изысканіямъ, соснавадаютъ споль же существенную часть имущества, какъ и помѣстье, фабрики, и прочее тому подобное. Принявши же опредѣленіемъ науки изслѣдованіе *средствъ*, мы включаемъ сюда все то, чѣмъ только народъ можешь располагать въ данное время для удовлетворенія своихъ потребностей. Тутъ спольже идетъ дѣло о цѣнности капитала

инженера, какъ и о цѣнности работы по-
денщика, работающаго по его назначенію;
о доходахъ съ недвижимой собственности,
сколько и о доходахъ, доставляемыхъ лич-
ными способностями управляющему онымъ.
Сумма сихъ средствъ всегда сѣравнивается
суммою потребностей: потребности же за-
висятъ отъ мѣры и успѣховъ обществѣн-
ныхъ, такъ что, чѣмъ болѣе народъ имѣетъ по-
требностей, тѣмъ болѣе необходимо онъ
долженъ производить и дѣйствительно,
болѣе производить. Кочующій Киргизъ ме-
нѣе чувствуетъ, понимаетъ нужду, нежели
Европеецъ, и потому менѣе имѣетъ надоб-
ности производить. Мѣра произведеній, со-
отвѣтствующая по сему мѣрѣ потребностей,
идя всегда съ ними объ руку, возбуждаетъ и
поддерживая себя взаимно, служитъ по се-
му мѣрою успѣховъ гражданственности. На-
родъ, строящій прочныя, здоровыя, удобныя
жилища; содержащій опрятность внутри и
внѣ домовъ; лучше, чище и красивѣе одѣтый;
имѣющій возможность употреблять здоро-
вѣйшую, свѣжую, пышнѣйшую пищу;
умѣющій находить удовольствія въ наукахъ и
искусствахъ; такой народъ стоитъ выше,
относительно образованія, нежели другой,
не знающій и не понимающій въ этомъ по-

дарственный богатство действительно раздается только из частной работы каждого в отдаленности а). Пальмери и Вери приписывают оное землѣ и работѣ б). По мнѣнію Смита, ежегодная работа каждого народа есть основа, начальное доставляющая ему все необходимыя и удобства въ жизни, которые онъ ежегодно потребляетъ, и которые состоятъ или въ непосредственномъ произведеніи сей работы, или въ томъ что вымѣнивается на сіи произведенія у другихъ народовъ в). Кондильякъ полагаетъ, что источники общественного богатства, колоніи, ремесла и торговля г). Лаудердаль единственными источниками иму-

Treasure of Trafic, by LEWIS ROBERTS. — Essay to make money plenty, VANDERLINT'S.

- а) La ricchezza degli stati non nasce realmente che dalla fatica degli individui. BECCARIA. t. II, p. 114.
- б) Le cause delle ricchezze si riducono alle terre ed al travaglio. PALMIERI. t. II, 93, 104. — Tutte il bene e la prosperità d'una nazione son l'opera de la nature e ricusano la mano dell'uomo. VEREL II, 14.
- в) An Inq. t. I. p. 1.
- г) C'est à l'industrie du colou, de l'artisan et du marchand que la société doit toutes ses richesses. СОНДЬЯС. Le commerce et le gouvernement. p. 348.

црестивъ почипасить землю, работу^М и капиталы а). Это мнѣнiе разделяють теперь и всь починъ ученые, не соглашась только въ шось: какве участие оказывають каждая изъ сихъ частей: Сей полагаентъ, что самое большее увеличенiе богатства происходитъ отъ употребленiя капиталовъ въ земледѣлiи б). По мнѣнiю Мальюуса величайшее благосостоянiе народное зависить отъ соединенiи системы земледѣльской съ коммерческой в). Рикардо шого мнѣнiя, что богатство государственное увеличивается двумя способами: употребленiемъ значительнѣйшей части дохода на увеличенiе производящей работы, или усиленiемъ производительности уже существующей г). Сисмонди увеличенiе народного богатства усматриваетъ изъ увеличивающагося народного довольства д).

а) La terre, le travail, les capitaux, voilà les seules sources auxquelles on a jusqu'ici rapporté l'origine de tout ce que fait partie de nos biens. p. 74.

б) Traité. II. p. 231.

в) Addition aux quatre premières éditions de l'Essai sur la Population. Ch. II.

г) Des principes de l'Economie Politique et de l'Impôt. t. I.

д) Nouveaux principes d'Economie Politique etc. t. I. p. 53

Мы рассмотримъ каждый изъ сихъ источниковъ отдѣльно.

Законы естественныя намъ объясняютъ, что человекъ не можетъ соизвоить ни одного атома, точно также какъ и уничтожить. Онъ только можетъ преобразовывать существующее вещество и направлять эжидущія силы природы къ произведенію того или другаго предмета, болѣе ему нужнаго, или привести сей предметъ въ такое состояніе, чтобъ онъ могъ быть поупребенъ для него, или другими словами, имѣлъ бы, по чему нибудь, какую нибудь для него цѣнность, а почему и выходитъ по спрогому разборѣ, что человекъ, располагая или управляя естественными дѣйствіями природы, шворитъ только цѣнности. И если исчислишь всю эту массу цѣнностей, копорую человекъ создалъ своею промышленностію, и копорую гражданское общество обладаетъ исключительно предъ дикаремъ: то, конечно, нельзя не признашь чего-то шворческаго въ умѣ человека. Основа, на копорой онъ совершаетъ всѣ свои дѣйствія, извлекаетъ все для него нужное, это земля. Бытіе его неопредѣлимо соединено съ нею. Обожаемая почпи всѣми народами, подъ тысячьо различными именами, подъ шы-

случью различными формами, она, по истиннѣ, наша мать и кормилица. Все происходитъ изъ недръ ея. Всегда плодотворная, всегда благосклонная къ нашимъ воззваніямъ, если только мы будемъ умѣнь вопрошать ея, ущедряющая трудъ, она изобильно удовлетворенъ наши нужды: она-то составляетъ богатство и частное и государственное а).

Такъ выражается одинъ изъ оплаченныхъ Экономистовъ Италіи. Но сама по себѣ, земля есть одно только мощное орудіе для произведеній: оставленная самой себѣ, она истощаетъ свою жизненную дѣятельность безъ всякаго разумнаго соображенія относительно пользы или вреда. Силы естественныя дѣйствуютъ и изводятъ скудное вещество въ тѣхъ формахъ, какія случайно представляются ихъ дѣя-

-
- a) La terra sotto mille nomi e sotto mille forme adorata da quasi tutte le nazioni, è veramente la nostra madre e nutrice. Tutto proviene dal seno suo; ella, sempre feconda è sempre inesaurita, sempre favorevole ai nostri voti quando si sappia interrogarla, grata alle cure e larga remuneratrice delle fatiche, ci porge abbondantemente tutto ciò che supplica ai nostri bisogni e forma la ricchezza degli uomini e degli Stati. Mengotti Colbersino. p. 321.

цельности : будетъ ли это дровяная бѣлена, уродливое плодоявное дерево, или крѣпкій дубъ : усиліе природы столько, сколько вырощаешь ; одинъ умъ столько донимающей *что* и *для чего* что дѣлается, можетъ дать сему усилію соотвѣтственное направленіе. Овладевъ силами природы, онъ располагаетъ ими, сокращаетъ ихъ, дѣлаетъ, отвлекаетъ отъ предмета одного и сосредоточиваетъ на другомъ, уничтожаетъ ихъ дѣйствіе въ произведеніи формъ для него безполезныхъ, и направляетъ къ произведенію тѣхъ, кои по какому-нибудь своему свойству могутъ сдѣлаться для него цѣнностью. Совокупность дѣйствій располагающихъ въ семъ смыслѣ силами природы образуетъ одну вѣщъ производимости человека : земледѣльческую промышленность.

Земля въ эпоху случая принимаетъ свойство орудія, коимъ сія промышленность располагаетъ, и подчиняется всемъ расчетамъ боѣе или менѣе выгоднаго употребленія тѣмъ или другимъ образомъ. Политическая Экономія, осматривая Сельскому Хозяйству объяснять законы, на основаніи коихъ можно, соотвѣтственно ви-

дамъ, усиливаетъ производящую мощь природы, указываетъ только нѣ правила, которыми должно руководствоваться, чтобы дать сему орудію возможность съ болѣею удобностию и выгодами быть употребленнымъ въ Сельскомъ Хозяйствѣ: предметъ важный! Отъ чего полъ одного народа покрыты блестящими жемчугами, а другое предопределяютъ обнаженныя пустыни? Отъ чего даже самая природа, богатая и роскошная въ одно время, спланировалась часло въ другое бѣдною, жалкою, на однѣхъ и тѣхъ же поляхъ, подъ однимъ и тѣмъ же небомъ? Тутъ наука раскрываетъ всю свою важность. Безъ припязаній учить правилельства, она смиренно предлагаетъ свои истины, извлеченныя изъ вѣковыхъ опытовъ, основанныя на неизмѣняемой природѣ вещей, природѣ челоука, его спрассяхъ, его чувствованіяхъ: и кому не чуждо благо людей, поплъ не опврапитъ своего слуха опъ ея внушеній. Первый вопросъ, представляющійся по сему предмету — когда челоукъ лучше и больше готовъ обрабатывать землю — въ наукѣ рѣшенъ опредѣлительно. Кипо спралъ бы орошать попомъ поле, сомнѣваясь, дадутъ ли ему воспользоваться жемчугою, или, какъ

говорить Смитъ а), ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ воображать, что человекъ работаетъ менѣе, когда работаетъ для себя, нежели когда работаетъ на другого. Политическая Экономія указываетъ также и относительно распределеній земельныхъ собственности истинныя начала б). Общественное благосостояніе пребудетъ, говоритъ Кондорсе, чтобы собственности были раздроблены, и чтобы большая часть оныхъ семействъ привязаны были къ землѣ, какъ къ своимъ

-
- а) Nothing can be more absurd, than to imagine that men in general should work less when they work for themselves, than when they work for other people. t. I. p. 128. При общемъ запрещеніи торговли Неграми, коммерсанты Ливерпуля въ Англіи и Гавра во Франціи, наиболее участвовавшие въ сей поспыдной торговлѣ, жаловались на убытки, понесенные ими при семъ запрещеніи. По сему случаю Годсонъ писалъ письмо къ Сею: A letter to M. Jean-Baptiste Sey, on the comparative expence of free and slave labour, by Адамъ Нодисон. Liverpool, 1823, въ которомъ ясно доказалъ, что самыя выгоды плантеровъ пребудутъ этого запрещенія. Авторъ подтверждаетъ свои положенія ссылою на Антилльскихъ острововъ. Сочиненіе вообще изобилуетъ фактами.
- б) La prospérité publique demande que les propriétés soient divisées et que le plus grande nombre des chefs de famille soit attaché au sol par la propriété, comme il doit l'être à la patrie par la bonté de ses lois. Oeuvr. XX. p. 210. Эшаго же мнѣнія и Смитъ.

собственности, точно также, как к своей отчизнѣ привязаны они благословіемъ законовъ. Верри безусловно полагаетъ, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ земельныя собственности распределены болѣе между владѣльцами, плодоносіе болѣе а).

а)... il totale della raccolta è sempre più abbondante quanto più sono ripartite le possessioni. III. p. 341. Se dunque le ricchezze e i poderi sono un bene, il primo tra tutti gli umani diritti vuole che le ricchezze e i poderi siano divisi sul maggior numero possibile de' nazionali. III. p. 340—341. МЕНГОТТИ: Chi no sa che la terra è tanto più cortese e feconda quanto è più ripartita e divisa? Изъ всѣхъ извѣстныхъ Экономистовъ одинъ только, кажется, АРТУРЪ ЙОНГЪ проповѣдъ сего мнѣнія: *Le cultivateur Anglais*. IV. p. 77. Сочиненіе ГАСПАРЕНА, особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи: *Des petites propriétés considérées dans leurs rapports avec le sort des ouvriers, la prospérité de l'agriculture et la destinée des Etats*; par Andrieu de GASPAREN. Paris, 1820. Авторъ старается доказать, что небольшія сохранныя кассы, съ такою пользою усвоенныя по городамъ для ремесленниковъ, въ деревняхъ для земледѣльцевъ, бесполезны: видно что онъ предлагаетъ сколько можно болѣе облегчить для нихъ приобретение земельныхъ собственности. Въ подтвержденіе своихъ положеній, онъ указываетъ на Италію древнюю, въ эпоху ея упадка, на Италію въ настоящее время, Испанію, Англію, и почерпаетъ шутъ сильнѣйшія доказательства проповѣди аристократическихъ замысловъ, скрывающихся въ наше время подъ пророческимъ покровомъ выгоды и обширныхъ собственности. Само собою разумеется, что большая часть умозключеній автора относящаяся къ политическому бытію новой Франціи.

Но какъ въ дѣйствительномъ порядкѣ вещей такой раздѣлъ земельныхъ собственности, по которому каждый имѣлъ бы свой участокъ земли, не возможенъ, и при томъ; порядокъ уже успановившійся произвелъ извѣстное распределеніе, освященное законностію: по наука, не касаясь разбирательства силы правъ на принадлежность, спарается по крайней мѣрѣ, сколько возможно, опкрыть тѣ правила, по которымъ должно бы совершался распределеніе произведеній, или пользы отъ нихъ, соразмѣрно тому участию, какое принималъ каждый изъ производшихъ оныя. Здѣсь основанія теоріи доходовъ помѣщика, арендатора, рабочей платы работника, гдѣ (на еспь, и существованія нашего крѣпостнаго крестьянина. По сложности предмета, теорія сія такъ еще нова, такъ мало принаравляется къ дѣйствительности, что превосходный прапрадедъ Мальпуса а) можно почестъ только еще опытомъ.

Экономиспы, присвоивши слову *производитъ* значеніе, какъ мы видѣли, чисто матеріальное, естественное, въ одной только земледѣльческой промышленности при-

a) An inquiry into the nature and progress of rent. London. 1815. I vol. in 8.

знавали работы производительными: ибо, по ихъ мнѣнію, онѣ однѣ возраждають вещное общество, всѣ другія измѣняютъ только форму онаго: отсюда соснавилось въ наукѣ различіе занятій *производительныхъ* и занятій *непроизводительныхъ*. Въ послѣдствіи однакожь, при внимательнѣйшемъ разборѣ соображенія и движенія цѣнностей, убѣдились, что различіе сіе не имѣетъ надлежащаго основанія. Изъ новѣйшихъ писателей, сіе мнѣніе удержали только Рикардо и Сисмонди; всѣ другіе различія сего не принимаютъ. Еще Смилль сказалъ, что каждый человѣкъ живетъ мною, и въ нѣкоторой мѣрѣ становится купцомъ, а все общество мало по малу дѣлается коммерческимъ обществомъ а). Мысль сію повторяеть и развиваетъ Джіоіа б): въ широкомъ смыслѣ,

a) Every man thus lives by exchanging, or becomes in some measure a merchant, and the society itself grows to be what is properly a commercial society. 33.

б) ... più rigorosamente dire che ogni uomo sussiste di cambi, e che tutta la società è una società commerciante. I. 118. L'avvocato e l'ingegnere vendono il ... consiglio; il predicatore e il cattedrati — l'istruzione; il giudice e il soldato — la sicurezza; il medico e lo speziale — la salute; i professori delle arte belli — il piacere; i servi i d'ambi i sessi — i comodi; l'agricoltore, l'artista, il commerciante — i mezzi per soddisfare i casi della bisogni; il pubblico amministratore — la professione. 118.

говорить оны, можно принять, что все обществу есть общество коммерческое. Адвокатъ, инженеръ продающъ советъ; проповѣдникъ и профессоръ — наставленіе; судья и воинъ — безопасность; медикъ и аптекаръ — избавленіе; учителя издѣльныхъ искусствъ — удовольствіе; земледѣльцы и ремесленники — предметы торгвли и предметы удовлетворяющіе наши нужды; общественное управленіе — покровительствво и поавому, оны продолжающъ, всѣ люди по-пробителли безъ исключенія и всѣ производящелли, кромѣ совершенно нищихъ и воровъ а). Обзорніе сего предмета съ точки возвышеннѣйшей показало даже, что материальное произведеніе далеко уступаютъ въ значительности произведеніямъ умствен-нымъ способностей, причисленныхъ пре-жде къ непродоводящимъ; что общество всегда нѣ выше, въ которомъ болѣе сіи способности раскрыты и произведенія оныхъ находятъ попробителлей; и что, наконецъ, оно всегда въ опасности впасть оцѣль въ сослоаніе варварства, если прекратятся, или даже, ослабѣетъ вѣдѣніе

а) Tutti gli uomini sono consumatori senza eccezione. Tutti gli uomini sono produttori, se si eccettuano i poveri e i ladri. III. 267.

силъ усиленныхъ народа а). Совокупность сихъ силъ начала въ наше время означать словомъ: капиталъ *натуральный*, и подвергать почти такимъ же извѣстностямъ, но концы учащающа и капиталы *монетарные*. Адамъ Смитъ, въ глубокомысленномъ своемъ сочиненіи о Государствахъ, видитъ въ усиленности дѣятельное начало жизни народной, и замечаетъ, что въ большей части государствъ оно рѣшительно въ наше время взяло перевѣсъ надъ *вещественною* б).

а) Les connaissances théoriques ne sont pas moins utiles à la société que les procédés d'exécution. Si l'on n'en conservait pas le dépôt, que deviendrait leur application aux besoins de l'homme? Cette application ne serait bientôt plus qu'une routine aveugle qui dégènererait promptement; les arts tomberaient, la barbarie réparaîtrait. Tr. I. 267. — Il est même probable, *говоритъ Смитъ въ своемъ курсѣ*, que l'industrie déclinerait là où les études scientifiques cesseraient d'être florissantes. . . . Les bonnes théories venant à manquer, on méconnaîtrait peu-à-peu les lois de la nature; on perdrait l'application des faits les plus simples, sans qu'on eut aucun moyen pour la retrouver; les méthodes dégènereraient graduellement, en passant d'une main grossière dans une autre main grossière, parce qu'elles cesseraient d'être perpétuellement rectifiées par les principes scientifiques qui leur servent de base. Cours. comp. d'économ. polit. I. 193.

б) Element der geistigen Produktivität hat in den meisten Staaten ein entschiedenes Uebergewicht über die Positivität erhalten. Ueber die Staatswissenschaft. Berlin. 1820. S. XII.

Но всякой предметъ, какой бы природою онъ ни былъ, чтобы перейти въ состояніе имущественнаго, пребудеть необходимо наивысшаго пожертвованія — работы. Небесный воздухъ, рѣчная вода, не суть имущества: можно не плачивать за шо, чтобы дышать подъ открытымъ небомъ, или жить въ рамъ; но шопъ же воздухъ, проведенный по назначенію, или вода помернушая, переходящая ужь въ отдѣлъ имущественнаго, и ихъ не лзя иначе приобрести, какъ вознаградивъ насоящаго ихъ владѣльца за эту работу, которую онъ употребилъ для приведенія ихъ въ шо состояніе, хотя бы это вознагражденіе состояло въ одномъ Русскомъ: *спасибо!* Здѣсь является важнѣйшій факторъ всѣхъ нашихъ цѣнностей и имущественнаго — *работа* а). Она была первою цѣною, говорилъ Смитъ, начальною мѣноюю монетою, которую все покупалось и оплачивалось: и работъ, а не золоту и серебру,

a) Labour was the first price, the original purchase-money, that was paid for all things. It was not by gold or by silver, but by labour, that all the wealth of the world was originally purchased. 44 Labour, therefore, it appears evidently, is the only universal, as well as the only accurate measure of value of different commodities at all times and places. 54.

мѣръ начально обязать всѣми своими богатствами. Она есть единственная, общая и истинная мѣра цѣнности различныхъ полезностей, всегда и повсюду существенная мѣра мѣнливой цѣнности всѣхъ предметовъ, именуемыхъ для насъ какою-либо полезностью а). Но понятие — работа, также не определено б): если принять это понятие въ смы-

а) Labour is the real measure of the exchangeable value of all commodities. 44. Луд. Сми, братъ знаменитаго Профессора, Нантскій Негоциантъ, въ академическомъ своемъ сочиненіи: *Considérations sur l'industrie et législation, sous le rapport de leur influence sur la richesse des Etats etc.* Paris 1822, употребляетъ Смитта въ произвольномъ и не односмысленномъ употребленіи слова: *labour*. Профессоръ также замѣчаетъ: *Smith, et après lui tous les écrivains anglais, confondent les mots travail et industrie.* Заключеніе къ переводу Рикардо. ch. I, p. 7.

б) Нѣмецкіе ученые, по своему обыкновенію, раздробляютъ сіе понятие. Одинъ изъ нихъ, авторъ весьма уважаемаго сочиненія (*Weltreichthum, Nationalreichthum und Staatswirthschaft.* München. 1821), принимаетъ слѣдующіе виды работы: 1. *Das bloße Pflichten* — для не-посредственнаго наслажденія. 2. *Das Suchen* — охота, добываніе жемчуга, обираваніе ягодъ и проч. 3. *Das vorbereitende Arbeiten, theils selbst entwickelnd:* земледѣліе и проч., *theils mühsam suchend:* рудокопство. 4. *Das ersühdende Arbeit* — возвышенныя изобретенія способностей умственныхъ; 5. *Das gemalliche Schaffen* — искусства, поэзія и ц. ц. 6. 7. Относительно же ближайшаго приложенія, авторъ раздѣ-

съ употребленія силъ, шо оно необходимо допускаешъ различныя снѣдени, для означенія коихъ языкъ не предусматриваетъ соотвѣтствующихъ выраженій. Въ такомъ случаѣ мы употребляемъ цѣлыя фразы. Точно такъ нѣтъ и мѣры, которую можно бы принять за единицу при сравненіи различныхъ работъ. Дюпенъ а), уравнивая силы человека съ силами рабочаго скопа, принимаетъ силу семи человекъ взрослыхъ прошивъ силы одной лошади и силу чепырехъ человекъ прошивъ одного вола. Силу не достигшихъ совершеннолѣтія, отъ 12 до 17 лѣтняго возраста, и устарѣвающихъ отъ 54 до 60 лѣтъ, онъ предполагаетъ въ половину прошивъ силы совершеннолѣтняго человека. Но подобныя вычисленія измѣняются многими случайностями. По его же мнѣнію, если бы должно было одѣлать исчисленіе

ловъ, работу на: 1. *eigentliche Arbeit* — производство, или преобразование чего-нибудь; 2. *Hausarbeit* — ежедневныя занятія для приготовленія нужнаго для жизни и для семьи. 3. *Fabrikarbeit* — производство тканей, убранствъ, фабричныхъ и пр. 4. *Richthausarbeit* — насладеніе богатыхъ людей, занятія, доставляющія прилежности. С. 8.

а) *Forces productives et commerciales de la France par le Baron CHARLES DUPIN. Bruxelles. 1828. t. v. in 8.*

всѣхъ силъ, обращенныхъ на работу, по надобно бы вычислишь и уравнишь всѣ силы движущія (forces motrices), доставляемыя машинами, водою, въпромъ и парами. При настоящемъ состояніи общественнаго просвѣщенія, силы сіи образуютъ значительнѣйшую часть народнаго богатства и могущества; а попому и Политическая Экономія исчисляеть ихъ во всѣхъ многоразличныхъ приложеніяхъ. Принимая однакожъ первымъ условіемъ работы физическія силы человека, наука указываетъ а) въ вѣрнѣйшихъ выводахъ всѣ вѣ причины, копорын

а) Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важны новѣйшія изслѣдованія о дѣтяхъ рождаемыхъ въ вѣнѣ-брачномъ состояніи. Доказано, что учрежденіе Воспитательныхъ Домовъ болѣе вредно, нежели полезно для народонаселенія. (См. Докладъ Французскому Королю Министра Лене, въ 1818 году, Ноября 25). Въ Англии, и особенно въ Шотландіи, значительными сборами въ пользу бѣдныхъ семействъ, соединенныхъ законными узами, чрезвычайно много уменьшено число незаконнорожденныхъ дѣтей и усилена рождаемость въ низшихъ классахъ народа. Во Франціи, пособия сіи назначаются въ пользу приносныхъ младенцевъ; а попому ремесленникъ и крестьянинъ, добывая хлѣбъ свой въ погѣ лица, должны не только кормить свое семейство, но еще давать на содержаніе Воспитательныхъ Домовъ, въ копорые часто приносятся дѣтей людей богатыхъ, рожденныхъ отъ обольщенія или распутства. Развивающаяся болѣе и болѣе фабричная про-

могутъ имѣть вліяніе на ихъ увеличеніе и ослабленіе. Войны, испреблѣющія цѣлѣ молодоспи, дающей сильное поколѣніе; ранніе браки, изнуряющіе дѣтородящую силу, до поры ея зрѣлоспи; порча нравовъ, дѣлающая шагостнымъ законное состояніе супружества и воспитаніе дѣшей: все сіе необходимо должно войти въ расчетъ при уравненіи силъ физическихъ общества въ разныхъ эпохи.

Работа, какъ употребленіе силъ, подчинена съ сей стороны всѣмъ усовершенствованіямъ, зависящимъ отъ различнаго направленія и приложенія оныхъ, и отъ цѣхъ способовъ, коими силы сіи могутъ быти или увеличены, или замѣнены. Усовершенствованіе перваго рода можно называть *физическимъ*, а другое *техниче-*

мысленность много можетъ улучшить судьбу прѣспяго народа. Работа приносить болѣе, а успѣхи наукъ и ремеслъ, значительно понизивъ цѣны на произведенія, доставляютъ возможность самому низшему классу имѣть болѣе удобствъ въ жизни, лучшія, здоровѣйшія жилища, опрятнѣйшую, болѣе сообразную съ годовымъ временемъ одежду, нѣкоторыя наслажденія въ жизни и врачебныя пособія въ случаяхъ болѣзни. Среднее продолженіе жизни, тщательно вычисленное, могло бы додтвергнѣе возхъ другихъ способовъ показатъ успѣхи общедѣлнн.

замечать. В первомъ, не изменили силы физическихъ; мы только даемъ имъ иную или другое направление: во второмъ мы ои силы, увеличиваятъ какими-либо конусами, или орудіемъ. Первое основано въ раздѣленіи работы; другое въ употребленіи машинъ. Смотри, первый размантривавшій работу во всемъ объемъ вліянія ея на производительность, первый дѣлаетъ исползованіе всей возможности раздѣленія работы (the division of labour). Она, по его мнѣнію, зависитъ отъ трехъ различныхъ обстоятельствъ: во первыхъ отъ приращенія искусства въ ремеслахъ работниковъ, во вторыхъ отъ сбереженія времени, теряемаго обыкновенно при переходѣ отъ одного рода работы къ другому, и наконецъ отъ изобретенія многочисленна машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ работу, и доставляющихъ одному человеку возможность дѣлать дѣло за многихъ а). Эту же мысль, почти въ одно и тоже

a) This great increase of the quantity of work, which in consequence of the division of labour, the same number of people are capable of performing, is owing to three different circumstances; first to the increase of dexterity in every particular workman; secondly, to the saving of the time, which is commonly lost in passing from one species of work to another; and lastly to the invention of a great number of machines

время, раскрылъ и Бенкарія въ своихъ *Elementi d'Economia Pubblica*, членившихся въ Миланъ въ 1769 году. Наконецъ, говоривше она, убеждаетъ опытносною, что заводная руку и умъ какими-либо однимъ родомъ работы и произведеній, она произведишь одну работу легче, и получивше производеній болате и лучшихъ качествомъ, нежели тогда, когда она производитъ предметы для него нужные особливо она другия. Отсюда происходитъ, что одни производятъ оковы, другіе придумя, шъ вырощивше расквнн, шъ добывають хлбъ, шъ работають плащя и. д. а). Впрочемъ, прошое замѣчаніе о раздѣленіи занятій, какъ справедливо замѣчаетъ Лаудердаль б),

which facilitate and abridge labour, and enable one man to do the work for many. An inquiry. . 1. 12.

a) Ciascuno prova coll' esperienza che applicando la mano e l'ingegno sempre allo stesso genere di opere e di prodotti, egli più facile, più abbondanti e migliori ne trova i risultati, di quello che se ciascuno isolatamente le cose tutte a se necessarie soltanto facesse: onde altri pascono le pecore, altri ne cardano la lana; altri la tessono, che coltiva biade, che ne fa il pane, che veste, che fabrica agli agricoltori e lavoranti, crescendo e concatenandosi le arti, e dividendosi in tal maniera per la comune e privata utilità gli uomini in varie classi e condizioni. t. I. p. 28.

б) An inquiry in to the nature and origin of public weath. Ch. V, p. 282. Въ семъ мѣстѣ Лаудердаль

сдѣлано было еще въ глубокой древности: услуга для науки въ помощь, чтобы дать сему началу надлежащее приложеніе, и сею услугою безспорно наука обязана Смитту. Но, превосходно изложивши раздѣленіе работы, Смиттъ весьма неудовлетворительно изъясняетъ причину введенія онаго. Онъ говоритъ, что раздѣленіе работы, отъ которой происходятъ столь большія выгоды, если

ссылается на Ксенофона въ его Киропедіи и на Англійскаго писателя Гарриса. „Въ малыхъ городахъ одинъ человекъ дѣлаетъ и соху и кровать, и дверь, и столъ, а часпо случается, что и домъ строитъ, за благополучіе считая какимъ нибудь образомъ доставляя работу для пропитанія; хотя ни какъ не возможно, чтобы упражняющіеся во многихъ художествахъ все дѣлали исправно. Напротивъ того въ великихъ городахъ, понеже въ одномъ художествѣ мноримъ случается нужда, по всякому одного ремесла для пропитанія довольно; а часпо и одного еще не цѣлаго: ибо иной шьетъ только мужскіе башмаки, другой, женскіе; иной только отъ кроенія, а иной отъ шитья оныхъ пишу получаетъ. Также иной отъ кроенія платья, а другой отъ шитья онаго хлѣбъ свой имѣетъ. Чего ради и надлежитъ ожидать отъ тѣхъ лучшихъ искусствъ, которые не за многія дѣла берутся.“ Переводъ 1759 года, при С. П. Бургской Академіи Наукъ, стр. 447 и слѣд. Гаррисъ говоритъ почти тоже: „что общество находитъ чрезвычайную выгоду, когда всякій исключительно занимается какимъ-нибудь особымъ дѣломъ и пр. *Narrat's Essay on Money and Coins; part. I. p. 36. (Шпорхъ. t. VI. p. 7.)*

необходимое слѣдствіе, хотя впрочемъ весьма медленное и поспешенное, въ копорой особенной склонности или спрасни въ природѣ чловѣка, неизмѣющей впрочемъ ни мало въ виду споль обширной пользы, мѣняль одну вещь на другую а). Основательнѣе, кажешся, можно приписать оное общеспвенной организаціи, врожденному стремленію всякаго живаго существа облегчать свой трудъ, и болѣе и болѣе развивающейсѣ духовной природѣ чловѣка, находящей теперь въ силахъ ума средства замѣнять начальные грубыя физическія производства.

Техническое усовершенствованіе работы, производимое различными орудіями, не изобразимо въ наше время. Овладевъ силами природы, умъ чловѣка управляетъ ихъ дѣйствіями и, въ нѣкопоромъ смыслѣ, пеработилъ ихъ. Ему служатъ равно и въперъ, дующій

a) This division of Labour, from which so many advantages are derived, is not originally the effect of any human wisdom, which foresees, and intends that general opulence to which it gives occasion. It is the necessary, though very slow and gradual consequence of a certain propensity in human nature which has in view no such extensive utility; to propensity to truck, barter, and exchange one thing for another. Ch. II. Of the principle which give occasion to the division of Labour.

Въ проспранспвахъ воздушныхъ, и вода, падающая съ утеса, и шенлопа, и холодъ а). Но обративъ силы сїи на производимоспъ, онъ часпю опымаептъ дѣло у собспвенныхъ своихъ рукъ, и попому машины, споль въсоко цѣннымы Лаудердалемъ, нашлп и порпцптелей не менъе оспроумныхъ : это еще проблема въ Экономїи Политической. Сопласплсь шолько въ томъ , что машины производяптъ обширнѣйшее влїанїе , но въ какой мѣрѣ это влїанїе можетъ содѣйспвоватъ народному благососпоянїю и , слѣдспвенно , въ какой мѣрѣ должно допускать оное : это осппается еще вопрсомъ. Рѣшенїе онаго шребуептъ математическаго соображенїя мѣспности , народонаселенїя , рабочей плпщы , общпрности сбытїа , народнаго образованїя , массы и величины капиталовъ , и разспспрвнїя многихъ другихъ общпсппельспвъ , запрудняющпхъ извлеченїе общпхъ заключенїй о семъ предметѣ. Монпеске почлпняетъ мащны нтамъ вредъ

а) Врай , въ путешеспвїи своемъ по Тпролю , оспыиваетъ всѣ работы , производимыя тамъ посредствомъ воды , падающей съ утесовъ. Онъ влдал даже колыбель младенца , качаемую спружпй сосѣдняго испочника. Voyage dans le Tyrol, aux salines de Saltzbourg et Reschenhall, et dans une partie de la Bavière, par M. le Chevalier de Vlau. Paris. 1822.

ными, гдѣ онѣ при сходной цѣнѣ на произведеніе для производителя и покупателя, опытають работу и уменьшаютъ число работниковъ а). Но, при возраженіи на сіе мнѣніе, замѣтили, что надобно различать машины, коими производятся работы, превышающія силы человѣка, и слѣдственно, не опытающія у него работы, опъ дру-

- a) Si un ouvrage est à un prix mediocre qui convienne également à celui qui l'achète et à l'ouvrier qui l'a fait, les machines qui en simplifieroient la manufacture, c'est-à-dire, qui diminueroient le nombre des ouvriers seroient pernicieuses. Espr. d. Lois. liv. XXIII. ch. 15. — Англійскій писатель Кейлей, издавшій въ 1830 году въ Лондонѣ весьма замѣчательное сочиненіе: *Опыты о Торговлѣ*, разсматривая причины упадка въ наше время торговли, посвящаетъ одною изъ главныхъ, огромное количество машинъ, употребляемыхъ на Великобританскихъ мануфактурахъ. „Машины, говоритъ онъ, изобрѣтены для облегченія человѣческой работы; но посредствомъ усовершенствованія и умноженія ихъ, достигли наконецъ до того, что оныя совершенно замѣняютъ человѣческія руки. Нынѣ одинъ работникъ съ помощію машинъ, можетъ въ известное время выработать столько же, какъ за 50 лѣтъ 200 человѣкъ, лишенные сего пособія. Расчислено, что теперь на бумажныхъ фабрикахъ въ Великобританіи работаютъ 350,000 человѣкъ, и что безъ машинъ потребно было бы 53 милліона человѣкъ, чтобы получить такое количество произведеній. Ком. Газ. 1831. N. 69, 70, 71.

лишь, для всяких работ, которые и тогда
 были производны от собственности. И поэтому,
 относительно работы, справедливо скажем
 то, что еще только полеты и иногда не
 могут быть вредны: ибо производитель
 производства, представляющая собой и искусную
 часть, без, еще маневры, которые бы не
 представляющая. Относительно же других
 еще справедливо скажем: что они не
 могут быть вредны для народа, когда
 благосостояние возрастает; ибо дополня-
 ютъ только недоспашокъ рукъ; но что ка-
 сается до обществъ, коихъ благосостояние
 ослабевало уже, или склоняется къ упад-
 ку, и гдѣ, следовательно, не только нѣтъ
 недоспашка въ рабочихъ рукахъ, но да-
 же есть излишество, т.е. конечно ма-
 шинны мѣста работы не могутъ а). Мини-
 ную сему совершенно противорѣчить Та-
 миль, который, напротивъ, видитъ въ
 машинахъ вѣрнѣе и действительнѣе
 средство поддержать падающее благососто-
 яние какого либо народа б), ибо это сокра-

а) Discours fondamental sur la population, par HERIEN SCHWAN.

б) Je dirai plus: si quelque chose pouvait arrêter la décadence d'un peuple et le reporter vers la prospérité, l'emploi des machines et l'introduction de la grande

трудить издержки на производство и, следовательно, облегчают приобретение предметов потребления. Въ последнемъ описаніи находимъ ихъ полезными и Сей, говоритъ, что классъ людей, извлекающій наибольшія выгоды изъ введенія новой машины, суть потребители а); классъ всегда существеннѣйшій, многочислнѣйшій: ибо въ немъ заключаются и всѣ производители, какого бы рода они ни были, и потому благосостояніе сего класса, составленнаго изъ всехъ про-

culture en seroit le moyen efficace et assuré. Des
 arts. d'économie polit. t. I. liv. 2. p. 204.

- a) La classe qui en retire le plus d'avantages est celle des consommateurs; et c'est toujours la classe essentielle, parce qu'elle est la plus nombreuse, parce que les producteurs de tout genre viennent s'y ranger, parce que le bonheur de cette classe, composée de toutes les autres, constitue le bien-être général, la prospérité d'un pays. Traité d'Econ. Polit. liv. 1. ch. 7. Смитъ тоже думаетъ, что сходная цѣна показываетъ усовершенствованіе общества: it is the natural effect of improvement, however, to diminish gradually the real price of almost all manufactures. That of the manufacturing workmanship diminishes, perhaps, in all of them with hout exception. In consequence of better machinery, of greater dexterity and of a more proper division and distribution of work, all of which are the natural effects of improvement, a much smaller quantity of labour becomes requisite for executing any particular piece of work. p. 384.

жизнь, промышленное благоустройство, общественное, государственное благодеяние; другие же, какъ напримеръ, Бернулли, замечаютъ, что если никто не жалуется на мосты, дороги, каналы, мельницы, которые успрейшимъ образомъ дѣлаю облегчить работу, и замѣняютъ силы чело-веческія, то сколько же мало основательно объ-яснить по шѣмъ же причинамъ и машины.

(Сокращеніе слѣдуетъ.)

— * * * * *

II.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

А СКОЛЬ ДОВА МОГИЛА Я).

(М. Н. Загоскина)

Въ этотъ же самый день, часу въ че-тырнадцатомъ по полудни, одинъ молодой чело-вѣкъ прищипой наружности и видный собою, но блѣдный и худой, какъ недужный, едва покинувшій свой болѣзненный одръ, проби-рался украдкою по роцѣ, кошорая начина-лась позади огорода Села Предиславина. Дойдя до сѣны, или лучше сказать, бре-

а) Сіе новое, давно ожидаемое, произведеніе М. Н. Заго-скина уже вѣсели навѣщавшаго и на дѣль обрадуешь клубку своимъ подвѣщеніемъ. Изд.

вончанаго шима, спящаго, овородъ
 ошь дубрава, ошь оснаговалси подля гу-
 снаго рабнковаго куева, досмалъ сирини,
 ный въ немъ меленькый заснутъ и началъ
 копанъ землю подля самаго забора. Иро
 работалъ чина для сриду, ошь обрала кру-
 гомъ нри брѣвна, вышпала жкъ съ не-
 мноврими прудомъ изъ земли, и ойма
 шиль подаль въ рощу, закидалъ валежник
 комъ; провозъ, подоидъ вилка къ шину,
 остановилса, и успрешилъ свои взоры на
 оспроконечную кровлю одного изъ пере-
 мовъ Села Предкладна. — „Если она по-
 няла меня“ — прошепталъ онь наконецъ,
 шижимъ голосомъ — „шо можешъ бышь,
 сего дня ночью..... Ахъ!.. Когда бы я
 могъ хоня одинъ разъ еще взглянушь на
 щель, моя горюшка сизокрылая!... Вгля-
 нушь!“ — продолжалъ онь, покачивъ печальнѣ
 голову — „взглянушь! — а на чню? — а
 за чтъ? — Любаша, Любаша!... Ты была
 честь и слава ошца, машери, — сухоня
 сердцу молодецкому..... а шеперь!... Не
 развѣ она винована?“ — приобвилъ онь,
 помолтивъ нѣсколько времени — „нѣтъ,
 нѣтъ! Любаша, я хочу и должень щель
 видѣть!... Хочу еще разъ прижаць щель къ
 груди моей, и умереть съ тобою вмѣстѣ!“ —

Она замочала, сиринька, охоту и
 рыбешки куски свой засунула, и пошла
 скорыми шагами вдоль рощи, придержива-
 ясь левой стороны. Дойдя до речки
 Лыбеди, молодой человек пустился по
 правому ее берегу, в самую гущину леса,
 посреди которого она некогда проникла.
 Она шла задумавшись, и казалось, не
 слышала, что во вдалеке еще него
 располки раздавались человеческие голоса,
 и лай собак слышался съ шумом двинуть-
 ких рогов. Вдруг бланкий шорох, о-
 значил ее одротнувшись. Она остано-
 вилась; на право она него между деревьями
 замелькали красные кашпаны Книжескиа
 коней, и через несколько минут послы-
 шался громкой конской топотъ. Молодой
 человек бросился шорохом во сторону, и
 переблизил через дорогу, на которую выш-
 ля куски ишла вадниномъ, широкимъ въ
 деревьями.

Впередь вост ишла чхалъ на ворономъ
 конь, въ лтинею *термикъ-а*), съ развѣ-
 шенными за плечами *корзномъ* 6); про-
 слый и дебелий мужъ въ охотнѣй чхалъ и

а) Древо охотничье платье Казей Русской.

б) Ридъ плеча.

сдѣлалъ "лѣвить" своиѣ. Густою локономъ, волосъ, вырмывающъ изъ подъ высокой мѣховоѣ шапки, упалъ на лѣвое плечо его; длинныя зачесанные къ низу усы, придавали какой-то грозный и даже угрюмый видъ его благообразному лицу, исполненному жизни и величїя. Съ перваго взгляда можно было догадаться, что на этомъ выразительномъ лицѣ привнѣливая улыбка должна была оборотиться каждаго, и одно движеніе бровей, или мимораго высокое чело его покрывалось морщинами, приводить въ шрепость цѣлыя народы. Шагахъ въ двадцати позади его вѣхала многочисленный синки, а подлѣ самаго спрема, старый нянь: звяковецъ Сиремидъ, держа въ сворѣ двухъ бѣлыхъ псовъ; одинъ изъ нихъ какъ будиобы предчувствуя близкую опасность, малобмо вѣлъ и принимался робко къ другому, конюрай пакыне посменривалъ безпокойно вокругъ себя.

— "Что съ ними сдѣлалось?" — спросилъ Великій Индъ, обращаясь къ своему спреминому. — "Ужъ не чууютъ ли они краснаго звѣря?"

— "И мнѣ поже сдается, Государь!" — отвѣчалъ Сиремидъ. — "Налетъ что-то больно оцетинился, а лиха пакъ имѣется и

ребёнок, какъ поганый Печенегъ, когда онъ заслышалъ топотъ Русскихъ коней. „И вдругъ оба дса завыли громче прежняго. Налёшь рванулся, перевернулъ свою спору, и кинулся съ громкимъ воемъ въ сторону. Въ тоже самое время пагуба въ пятидесяти отъ дороги, заперенная сухой валежницей и раздава глухой ревъ. Быстрѣе молніи Владиміръ поворочилъ коня, и ломая на право и на лѣво, кусты и мѣкія деревья, помчался какъ вихрь въ слѣдъ за своимъ вѣрнымъ псомъ. Вся свита поскакала за нимъ, разсыпалась по лѣсу, но въ нѣсколько минутъ потеряла его со всемъ изъ виду.

Одинъ Спемидъ, хопя изъ далека, но слѣдовалъ за великимъ Княземъ. Онъ видѣлъ, что Владиміръ, почти не опсывая отъ налёша, выскакалъ на большую поляну, повернулъ въ сторону, и вдругъ ринулся о земь вмѣстѣ съ конемъ своимъ; въ слѣдъ за симъ раздава ужасный ревъ, потомъ все замолкло. Въ это самое мгновеніе Спемидъ наскакалъ на полсннй сукъ, и оглушенный сильнымъ ударомъ, не видѣлъ ничего. Черезъ полминушы, когда спреманный очнулся и лихой конь вынесъ его на поляну, онъ вскрикнулъ отъ

ужомъ: Владиміръ забралъ подъ опрокину-
 тый конскій, вѣроятно, переломить себя
 ношу, но когда впронундился въ дѣсна, въ
 этотъ моментъ она него издѣлала распер-
 стыи лапками, и необычайной величавой
 медвѣды, подышавшись на дѣбны, спомалъ надъ
 Владиміръ княземъ, Придакомный всей
 широты коня своего, она не могла опше-
 сать рука для своей зашрѣны, Въ то са-
 мое мгновение, когда медвѣды заносила уже
 свою окровавленную лапу надъ головою Вла-
 диміра, одинъ молодой человекъ, весьма
 просто будный, выбѣжалъ изъ за кустовъ,
 бросилъ на звѣря, и вонзилъ ему въ грудь
 длинный ножъ по самую рукоятку; медвѣды
 застоналъ, обхватилъ лапами неуспраши-
 мого юношу, подмалъ подъ себя, и вмѣстѣ
 съ нимъ повалился на землю. Все это
 произошло въ теченіи нѣсколькихъ мгнове-
 ній, и прежде чѣмъ Спемидъ успѣлъ под-
 скакати въ Владиміру, — „Нѣ нему, къ не-
 му!“ закричалъ Великій Князь, когда
 онъ соскочилъ съ коня. „Спасай его!“ —
 Спемидъ бросилъ съ своимъ охотничьимъ
 ножомъ на медвѣды. Дикой звѣрь, пора-
 женный въ самое сердце, захрипѣлъ, и спи-
 снувъ еще разъ въ своихъ ужасныхъ обя-
 вѣхъ молодого челдака, пропинулся мер-

появил. Вскочил иль Великий Князь, выско-
бодилась изъ подъ коня, въ перепань тилу
своей досады вонзилъ въ него свой мечъ и
кинухом на землю къ своему избавителю.
Расперзанный, накомандный, покрытый кро-
вью и смертельными язвами, молодой человекъ
лежалъ неподвижно подъ издохшаго зве-
ря. — „Онъ умеръ!“ — вскричала Влади-
миръ.

— „Ничь, я живъ еще!“ — погово-
рилъ слабымъ голосомъ избавитель Влади-
мира. — „Но не забойтесь обо мнѣ!“ —
продолжалъ онъ, замыкая, что Спемидъ
спирается умиль кровь, которая била клю-
чекъ изъ его головы, покрывшой глубокими
язвами. — „Господь умилосердился надъ
мною: Онъ призываетъ меня къ себѣ!“

— „Кто ты, благородный юноша?“
спросилъ Владимиръ, наклонясь надъ уми-
рающимъ.

— „Меня зовутъ Дубомъ.“

— „Знаешь ли, кого ты спасъ отъ
смерти?“

— „Знаю.“

— „Спемидъ!“ — продолжалъ Влади-
миръ. — „Послужи на встрѣчу къ моей дру-
жинѣ, — ему нужна скорая помощь; —
спунай, а я останусь съ нимъ.“ —

Спешивъ, вскочилъ на коня и помчался въ ту сторону, гдѣ раздавался конскій топотъ и крики, охотничковъ.

— „Я надеюсь“ — сказалъ Владиміръ, обращаясь къ Дулебу — „ты будешь жить! — И если Великій Князь Кіевскій можетъ сделать тебя счастливымъ“

— „Но счастливъ ли онъ самъ?“ — перервалъ Дулебъ, усpreмивъ на Владиміра болзненный взоръ, исполненный со-сраданія.

Великій Князь посмотрѣлъ съ удивленіемъ на юношу „О комъ ты говоришь?“ — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— „О тебѣ, Владиміръ, сынъ Свято-слава — о тебѣ, Владыка всего царства Русскаго.“ . . .

— „Но кто же можетъ назваться счастливымъ, если я, Великій Князь Кіевскій.“

— „Кто?“ — новщорилъ шижимъ голо-сомъ Дулебъ. . . — „Просшой бѣдный рыбакъ, кошорый исполнивъ пляжку, но свяшую заповѣдь своего Господа, — заплаши добромъ за зло, умираешь, примиренный съ своей совѣстію. . . Но я чувствую Языкъ мой нѣмѣетъ . . . Государь! Не опринь послед-ней просьбы умирающаго!“

— „О, говори, говори! — Намгури несподнишь всѣ твои меланія.“

— „Въ Селѣ Предиславинѣ имѣюти дѣвучка, ея зовушь Любашею, — осыпущи ея нѣ родилельми.“

— „Она заштра же будеть свободна, и осыпанная жонки дарами.“

— „Нышь, Государь, нышь!“ — перервалъ Дулебъ — „пусти она возвратити ся въ домъ отца своего въ шей же сѣмой убогой одеждѣ, въ кошовоу его покинута... Ахъ, еши богиныя убранства... Это золото!.. Она не знала къ, когда была моею невѣстою“

— „Твоею невѣстою?“

— „Да, Владиміръ Святославичъ!“ — сказала Дулебъ почти твердымъ голосомъ — „Да Великій Князь Кіевскій!“ — повторилъ онъ — и полумертвые глаза его вспыхнули жизнью. — „Она была моею невѣстою — я любилъ ее.... О! — какъ никогда ты не любилъ ни одну изъ твоихъ безчисленныхъ женъ и наложницъ! — Ты разлучилъ меня съ нею; — ты — Великій Князь Кіевскій позавидовалъ счастью бѣднаго рыбака, ты похитилъ его невѣсту, и царсквенной рукой своей, — рукой, подъ сѣною кошовоу должны блаженство-

звнѣ зароды, сорвала съ беззащитной го-
 ловы ея дѣвственнае покрывало. — Ты
 не умертвила мена, но заслѣнила прокла-
 нана дѣнь моего рожденія, и сомнѣванъ-
 ся въ благосликъ и милосердіи Божиемо, —
 Государи! Я омакъ живана неволе — ны ве-
 ликодушентъ, ны желала бы наградиша ме-
 ня; но всемоуцный Владиміръ не можентъ
 возвращиши прощаднаго — не можентъ ска-
 заны; „Дулѣбъ, живи и будь счастливы!“ —
 А я, немунцій, бевѣснннй Кіевлянинъ,
 могу — и говорю тебѣ, Владиміръ; — ны
 стубилъ воѣ земное мое счастье, — я умо-
 жила за тебѣ мою голову — и прощана тебѣ!“

Дулѣбъ оспичовилася; казалось, онъ сбн-
 рала послѣдніа силы, чнюбъ сказаши еще
 нѣсколько словъ. „Теперь, видишь ли“ —
 продолжалъ онъ примѣчно слабѣющимъ го-
 лосомъ — „кто изъ насъ счастливѣе; — я ли
 бѣдннй — простной рыбакъ; или ны великій
 Князь Кіевскій, и Владыка всего Царства
 Русскаго? . . .“

Владиміръ молчалъ. Высокое чело его
 покрылось морщинами, и съ каждымъ сло-
 вомъ умирающаго взоры спановилася утрю-
 мѣ и мрачнѣе. Ему извѣстны были до-
 селъ однѣ укоризны собственннй его совѣ-
 сти, и въ первый разъ еще неподкупный

голосъ : повинуясь , достигъ до ушей его . Оскорбленная гордою Синодержанскою Владимиричи-благородною чувствомъ души , оскорбленной злодѣяніемъ , но способной на всему великому , вознесла врудъ его .

— „Государь!“ — кричала Дулеба , возмущенно и дерзко въ слезахъ — „можъ просиши рече оскорбленной шесты ! — О ! не оскорбляйемъ . владимиричи бѣдѣе разбѣга , которая охотнѣе бы умеръ вѣче разъ , чибѣе спасит своего Государя отъ временной и вѣчной его гибели .“

— „Вѣной !“ — возгорилъ починъ отъ ушасомъ великій Миларъ — „о какой вѣной гибели возгорилъ ты ?“

— „Ты воймѣеиъ жема , Владимиръ !“ — продолжала Дулеба — „догда , когда Всененный просеканнѣе шило душту — когда Богъ , Нещорему . и проканнѣе , буденъ шиконнѣе Боготъ , — когда , оаренный коннѣеиномъ вѣроу , шѣ-симѣиѣеиъ предъ Господомъ , и на семъ держанномъ чѣеи возаммендъ Его шѣиная блѣгодѣеиъ , — когда ты узнаешь , что только шѣеиъ , кто прощаетъ здѣеиъ , буденъ прощѣеиъ отъ шѣиъ ! — Тогда — о ! тогда чѣиъ поймѣеиъ слѣеиъ жема — но шѣеиъ Ты жемѣеиъ , Владимиръ ! Ты не увѣеиъ прощѣеиъ враговъ своихъ ; воземчѣеиъ предъ

всѣми, сильнѣй и оживленнѣй душою; имъ владыка (бессмертеннѣйшій) народомъ, и раба; буйнѣе съраждающаго, и кровь Ярополка — кровь радиво брѣна... ..“

— „Молни!“ — вскричала Владиміръ — „молни!“ — и вскорѣмъ отъ дивнаго прерывающаго волесомъ, и въ домунианнѣхъ едо воевахъ избраннымъ истребленнѣйшій убиты: — „Дни не правды — это владыка!... не я умерла въ Ярополка... .. князь! — и вѣрнѣйшій: правды въ Блудъ.“... ..

— „И вѣрныя слуги швы“ — перебрала Дулеба — „исполнѣніе приказъ своего Государя. — Да, великій Князь Киевскій! — вдовшующая супруга Ярополка въ числѣ швыкъ илаоннѣхъ, и кровь брата дымнѣхъ еще на рукахъ дивнѣхъ. — Владиміръ! Олихъ кровавыкъ длянѣхъ не смонѣхъ воъ воды Дыпра; — не заглушахъ въ дунѣ швыкъ спомы умирающаго брата — ни дзучнѣхъ пѣсни Баяновъ, ни браннѣй крикъ, ни дахе благодарнѣхъ восклицанія счастливыкъ Киевлянъ — нѣхъ! она кровь должна бытъ омѣхъ кровію.... Но не швыкою, Владиміръ! — а кровью Того, Кшо умеръ для спасенія всѣхъ людей; Онъ услышнѣхъ на вощѣхъ моленія братахъ моихъ, Онъ проспрѣхъ къ шебъ Свои обѣщанія, и шодъ... ..

О, Государь! да будешь ты любимъ чадомъ Господа, да продлится Онъ дни твои; да возлюбится исплина твоими державными ушамъ всему народу Русскому, и Святцы, Живоначальныи Троице, да возлетятъ подружешныи мощною рукою твоею, на высочайшии холмахъ великаго Кіева!

Необычайный жаръ, съ коимъ говорилъ Дудебъ, изощилъ все его силы: онъ умолкъ, и смершная блѣдность покрыла окровавленное чело его.

Грозный Владыка спранный полуночнымъ, не утrophимымъ въ гнѣвъ своемъ, буйнымъ, надменнымъ Владиміръ, какъ крошечный агнецъ сподѣлъ съ поникнушой главою предъ своимъ обвинителемъ. Онъ не постигалъ самъ, что происходило въ душѣ его. — „Ныль! ты не проспой рыбаць!“ — сказалъ онъ, наклонясь съ почтениемъ надъ ошходящимъ Дудебомъ. — „Не понятыи слова твои пошрясла мою душу; онъ возбуждаютъ въ ней не гнѣвъ, а прещепъ и раскаяніе; ты долженъ былъ желать моей погибели и пошелъ на явную смершь, чшобъ спасши жизнь мою; ты могъ бы проклинашь меня, а ты, умирая, прощаешь и молишь за меня твоего Господа. Ныль! — ты не проспой. рыбаць.“

О великодушный, добродетельный человек — скажи: кто ты?» —

— „Я Христианинъ!“ — произнесла едва слышимымъ голосомъ Дулеба. Она ведала; послѣдній оплошевъ жизни повнукъ въ неподвижнѣе его вѣреть, жаждой, продолжительный стонъ вырвался изъ груди, и предрекиа испину, слышна усна Христианина, сомкнулись на вѣки.

— „Христианинъ!“ — повторилъ Владимиръ, сложивъ крестъ на крестъ руки — „Христианинъ! Отецъ мой ненавидѣлъ Христианъ, но его прамудрая мати... О! Еслибъ и мнѣ подобно ей утѣрилась въ истину... И такъ же какъ она!“ — продолжалъ Владимиръ, нахмуривъ свои густыя брови — „пресмыкаться въ числѣ рабовъ маменьныхъ Царей Византийскихъ... кнѣзь! — И пошло любимыхъ бояръ моихъ; зря, ни набранная — будешь моею, и тогда и не спяну испрашивать се какъ подаянїя и милосини; но съ мечемъ въ рукахъ, попребую какъ дани. — Нѣтъ, нѣтъ! — Великій Князь Кїевскій не преклонитъ главы своей ни передъ однимъ изъ Царей земныхъ.“ —

Близкой шумъ заставилъ оглянуться Владимира: вся поляна была покрыта

многочисленною его свипою. Сѣйдя съ коней, и наблюдая вѣщившешельное молчаніе, спояли въ нѣсколькихъ шагахъ оиъ 'него, Воевода Кіевскій Свѣшорадь, Добрыня, Спавръ Годиновиць, Рождай и другіе вишязи и савновники Великокняжескаго двора его.

— „Подымитше пѣво сего благороднаго юноши!“ — сказалъ, обращаясь къ нимъ Владимірь. — „Онъ спасъ жизнь вашего Государя. — Я хочу, чшобъ онъ былъ преданъ земль со всею почешью ближняго нашего боярина; чшобъ надъ гробомъ его былъ насышанъ высокій курганъ, и самъ верховный жрецъ. Перуна опсправилъ призну надъ его могилою. . . . Нѣнъ, нѣшъ!“ — продолжалъ онъ — „Свѣшорадь! въ нашемъ великомъ Кіевѣ еспъ Хриспiane: опъици ихъ; дусшъ они опсправляшъ призну по обычаю своему. надъ могилою сего юноши: — онъ былъ ихъ единовѣрецъ, и съ сего числа я повелѣваю щибъ Великокняжескимъ моимъ словомъ охраняшъ Хриспiane, опъ всякаго ушъсненія, зла и обиды. — Я дозволяю имъ спроишъ храмы и молишъся въ онькъ по ихъ закону о моемъ здравіи и благоденшвиіи всего царсшва Русскаго.“ —

— „Слушаю, Государь“ — отвѣчалъ, поклонясь въ поясъ, Свѣшорадъ — „воля швоя будешъ исполнена.“

— „Поспой! — живы ли еще заложники, присланные съ повинной головою опгъ Радимичей и Яшвяговъ?“

— „По воля швоей, Государь! они будутъ преданы завтра смершной казни.“

— „Я дарую имъ жизнь.“ —

— „Какъ, Государь? — шы милуешгъ сихъ мяшежниковъ?“

— „Да, я прощаю ихъ!“ — повпорилъ въ полголоса Владимірь. — „Только шопгъ, кшо прощашгъ здѣсь“ — продолжалъ онъ, смопри на бездушный шрупъ своего изба-випели — „будешъ прощентъ и шамъ. . . .
Коня!“

Владиміру подвели коня, — онъ сѣлъ на него. — „Вълаго кречеша!“ — сказалъ онъ, обращаясь къ сокольничему. — „А шы, Спемидъ, спунай съ моей шсовой охошю, въ село Предиславино, и чшобъ все было гошово къ нашей вечерней шрапезъ; я угошцаю сегодня моижъ храбрыхъ богашырей, любимыхъ випязей, ближнихъ бояръ, и всю дружину мою Великокняжескую.“

Многолюдная толпа всадниковъ двинулась въ слѣдъ за Владиміромъ. — „Ну, по-

варицы!“ — шепнулъ Свѣшорадъ Рохдаю — „что это сдѣлалось съ нашимъ Великимъ Княземъ?“

— „А что? — „опшѣчалъ Рохдай — „тебѣ чай досадно, что нѣкому будетъ завпра головъ рубить?“

— „По мнѣ все равно! — Воля его Княжеская: хочешь милуешь, нѣтъ: — полько не даль бы впередъ повадки. — А слышалъ ты, что онъ приказывалъ мнѣ объ эшихъ Христіанахъ?“

— „Слышалъ. — Такъ чтожь?“

— „Какъ что? — А что скажеть нашъ верховный жрецъ Богомилъ!“ —

„Да говори онъ, что хочеть, хоть съ сердцовъ всю бороду себѣ выпципи — большая бѣда! — Что въ самомъ дѣлѣ! — иль нашъ Государь, Великій Князь, будетъ обо всемъ спрашиваться у эшого спараго срамца? И такъ дали ему волю! — Нѣтъ брангъ! у меня бы онъ давно по нишечкѣ ходилъ!“

— „Полно, Рохдай!“ — перервалъ Свѣшорадъ. — „Эй не хорошо! себя и такъ всѣ зовутъ богохульникомъ.“

— „За то, что я не кланяюсь въ полкъ эшому чвану Богомилу?“

— „Да вѣдь онъ верховный жрецъ Перуна.“

— „Такъ чшожь? — да будь онъ хоть верховный жрецъ Варяжскаго Бога Одена, а не смѣй ломаться и умничать, не только передъ Государемъ, да и передъ нашимъ брашомъ; пляши кто хочеть по его дудочкѣ, а ужъ меня, брашъ, плясать онъ не заставитъ.“

— „Однакожь, Рохдай, кто боишься Боговъ...“

— „Да не знаешь, копорой рукой за мечъ взянься, вѣспимо пому какъ не кланянься Богомилу? Вошь если бъ и я заспавлялъ рубишь головы только на лобномъ мѣстѣ.“

— „Рохдай!“ — закричалъ съ досадою Свѣшорадь.

— „Чшо вы, брашцы, расшумѣлись“ сказалъ спешенный бояринъ Сшавръ Годиновичъ. — „Иль не видише, какъ пасмурень нашъ Государь, Великій Князь?“

— „Эшо ничего!“ — перервалъ Рохдай, расправляя свои огромные усы. — „Дай только намъ добрашься до села Предиславина, — а памъ какъ засядемъ за сполы дубовые, да хвапимъ по доброй чарѣ меду крѣскаго, за его Великокняжеское здравіе,

накѣ дѣло-шо пойдешь своимъ чередомъ! вѣдь нашему ясному соколу, удалому Владимиру, благобы начашь, а памѣ ужь гуляйше себѣ добрые молодцы, да не опспайвайше: полько опшъ хозяина; посмопри, какъ онѣ самѣ изволише распощинишься!“

— „Врядъ ли?“ — сказалъ Бояринъ Спавръ, покачавъ сомнишельно головою.

— * * * * *

III.

КАВКАЗСКІЯ КАРТИНЫ.

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ ОЧЕВИДЦА.

Маюршупъ а) казался предѣломъ разрушительнаго спранспивованіи нашего опряда на плоскости спроптивыхъ Чеченцевъ, послѣ коего имъ приходилось думатьъ о поспройкѣ саклей, почно также, какъ мы думаемъ о шипшѣ новаго плащья, въ замѣнъ изношеннаго по исшеченіи года.

а) До 1832 года Русскіе не ходили далѣе Маюршупа.

Въ право волновался Кавказъ, гдѣ Русскіе еще никогда не были, а передъ нами Качкалыковскій хребетъ, обитаемый мирными Качкалыками. (Слово *мирный* имѣетъ другой смыслъ въ здѣшнемъ краѣ; оно означаетъ покорныя селенія, коихъ жители, для обереженія домовъ и живъ, выдаютъ аманатовъ, не покидаютъ жилищъ и сохраняютъ приличія, какъ легкомысленная женщина соблюдаетъ оныя для того, чтобы не потерять доброй славы. Во всякомъ набѣгѣ или разбоѣ учиненномъ немирными, или встрѣчаемомъ нами сопротивленіи, участвуютъ, обыкновенно на половину, удалцы изъ смежныхъ мирныхъ селеній).

Но суепливая заботливостъ должностныхъ въ штабѣ, полки пѣхъ, кои не имѣютъ бумажной должности, и шопотъ по опряду, сдѣлались предвѣспниками чего-то особеннаго, точно также какъ легкая дрожь и какое-то безпокойное чувство предвѣсплываютъ лихорадку въ человѣческомъ тѣлѣ. Вечеромъ объявлено, что вагенбургъ шолько передвинется на другое мѣсто и осматся около Маюршупа съ прикрытіемъ и большою частью артиллеріи; опрядъ по утру выступаетъ въ горную

экспедицію. Цель экспедиции не была объявлена, но всякой догадывался, что отправляючися въ Нахчимахъ за двумя орудіями, кои Казы - Мулла похищилъ у Волженинскаго вмѣстѣ съ жизнью. Всякой догадывался, потому что морально - праздная, любопытная болтливая военная брашья угадываетъ цель начатаго движенія, черезъ выборъ и распросы проводниковъ, черезъ полуслова и щемныя подудозвренности лагерныхъ чичероне, также какъ опытный мужчина можешь угадать рождающееся изъ нему расположеніе женщины черезъ взглядъ мгновенный, пламенный и шомный, чрезъ улыбку, кошорая на свѣжихъ устахъ скользишь только для него, чрезъ легкое, нечаянное прикосновеніе руки или плащя, въ коемъ не просишь извиненія.

Рано поутру на другой день все зашевелилось въ лагерь, всё начали переходить, передвигаться, и изъ середины сего олицетвореннаго хаоса, тихо, плавно выходила чернѣвшаяся колонна оштрада, покрывшая гуслыиъ туманоуъ. Гюго заманчивый, увлекающій, пламенный, Гюго иногда бѣснующійся, увлекаясь въкомъ или увлекаая въкъ свой, Гюго уподобилъ шолпу оборванной Парижской черни, шедшей по запачкан-

наше изуродованнымъ улицамъ , огромному амбу; я удралъ у него сравненіе, похитилъ чужую мысль, сравнилъ оживленную, безконечную лѣншу войска съ исполинскимъ пресмыкающимся , которое двигалось , перегибалось на случайностяхъ попограническихъ формъ ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него видѣлась полувоздушная цѣпь спрътковъ , какъ нѣтъ испуганныхъ привидѣній , скользящихъ на видимомъ ограниченномъ горизонтѣ.

Голова ошрада османовилась предъ огромнымъ густымъ лѣсомъ, въ которой упиралась узкая дорога ; двѣ пули, промашавшія мимо головъ , нѣсколько осадилъ депсрую безпечную толпу всадниковъ , но въ тоже время егеря бросились въ лѣсъ ; за ружейнымъ залпомъ последовало прощяжное ура , и спукъ шопоровъ далъ знать , что неприятель прогнанъ изъ завлада , который былъ разчищенъ черезъ полчаса , и лѣсъ началъ поглощать оживленную, разнородную массу.

Въ скоромъ времени расширилась дорога ; солнце разогнало туманъ ; мы шли подъ тѣнью исполинскихъ чинаровъ, поднимаясь на хребетъ по покашости, хотя оплодой, но чувствительной. Цѣпь спрътковъ

это мелькала между деревьями, но скрывалась въ оврагахъ, кои сбѣгали по обѣ стороны и гдѣ раздавался звукъ горнолы; иногда только ужасный обрывъ выгонялъ застрѣльщиковъ на дорогу; тогда вмѣстѣ съ Ташарамъ они скоплялись въ неспроиную кучу, зашруднявшую шестивѣ колонны; иногда только въ лѣво опкрывался сосѣдній хребешъ и мы, какъ бы съ удивленіемъ, видѣли себя на равнѣ, съ гребнемъ онаго, съ легкимъ облакомъ, кошорое на лешу его лобызало.

Такимъ образомъ шли часа два; вдругъ раздался ружейный залпъ, за онымъ продолжительное ура и все спихло... Но... пронзительный и крашковременный крикъ... крикъ жалобный и дикій поразилъ нашъ слухъ... Какъ ни короцки были сіи звуки, но въ нихъ опражались всѣ ужасы насильственной смерти: спрахъ скоропечнаго ожиданія и боль физическая и судороги, съ коими душа покидаепть брениую оболочку, обозначались въ семъ удавленномъ крикѣ, выражавшемъ послѣдній скорбный часъ челоука намъ подобнаго. Эпизодъ перехода объяснился пошчасъ: стрѣлки напкнули на Чеченскіе шалаши, въ коихъ непокорные жищели находились съ семейшвами и ину-

щесшвомъ; при блескѣ штыковъ: все обрати-
лось въ бѣгство и между прочими нѣсколько
слабыхъ женъ, невзвѣнныхъ дѣшей погибли,
какъ жертвы войны. Признаки добычи недав-
но доспавшейся появились въ сѣдѣ за симъ:
солдаты, обвязоченные тяжелой ношей,
шащили всякую вещь: одинъ крикнувъ
подъ широкимъ меднымъ шазомъ или про-
долговатымъ кувшиномъ, песпрый коверъ
волочился по землѣ, накрывая другую съ
головы до ногъ; иной ворочалъ въ рукахъ
или черкеску или женское платье; иной
выспряхивалъ кулъ изъ запачканой паруси-
ны, между шѣмъ какъ листья Жорана шор-
чали изъ за какой нибудь поршупен. Но
все на что либо годное было продано че-
резъ полчаса, остальное брошено и дорога
покрытая обломками ящичковъ, сундучковъ,
перьями, лохмотьями кожи, сукна, полотно
являла все признаки грабежа, беспорядоч-
наго, полубезполезнаго, въ коемъ наслаж-
деніе уничтожать, разрушать, превыша-
ющъ чувство корысти.

Между шѣмъ мы подымались все въ
верхъ; изрѣдка шелько огромный чинаръ;
обрушенный временемъ, оспавлявалъ ар-
тиллерію, и на ближнемъ возвышеніи явля-
лось въ зелени знакомое лице, какъ пор-

шрептъ , написанный на зеленомъ грунтѣ. Но снова раздавался звукъ горна , рѣзкій исполнишельный сигналъ впорился по всей цѣпи и мы опять подвигались.

Наконецъ мѣстоположеніе начало склоняться и попоки свѣща въ прямомъ направленіи дали знать о близости Гумса или Гудермеса , черезъ которой должно переходить , следуя по Нахчимаху (или землѣ Ичкеринцевъ), собственному опечесству Чеченцевъ , изъ коего они вышли на лѣсисную плоскость , равнину прелесную и плодородную. Сперва каменный голый крайъ , въ дикомъ величїи обрисовался на голубомъ безоблачномъ горизонтѣ; далѣе его въпъви; попомъ прошивоположный хребетъ , идѣ покрытый лѣсомъ , предсхавилъ намъ роскошными округлостями: два небольшие аула , пасущійся скотъ , видѣлись будшо на ладони. Въ заключеніе опкрылось мѣсто ночлега , деревенька Нуримбеене , лежащая на пригоркѣ въ кошлѣ , коего одна сторона обрывается въ Гудермесъ почти опъвсю , а опщальными обхвапываюпсе живописными въпъвами хребта. Опрядъ спускался съ исполнинскихъ круныхъ успуповъ , подобно водопаду , помѣщаясь , сгущаясь на долину ; между шѣмъ на гребняхъ заблестѣли ружья

и шпыки спрыжковъ, чшо заставило поспѣшно скрыться человекъ плшъ вольно практикующихъ Чеченцевъ, пускавшихъ съ одной изъ вершинъ безсильнымъ пули.

Въ Нахчимахъ мы отупились совершенно неожиданно; жишелл бѣдной деревушки узнали о нашемъ приближеніи чрезъ звукъ горновъ; они едва имѣли время вывести семейшва, унести самое дорогое имущество, и покинули частъ скоша и все оспальное.

Черезъ полчаса было замѣчено движеніе, на дорожкѣ, проложенной черезъ лѣвый гребень: въ кучкѣ шпыковъ кого-то вели будшо насильно; всѣ подгагали увидѣнн одного изъ плши героевъ, недавно опрешировавшихся; шолца спускалась медленно, оспановилась на половинѣ горы, солдашы посадили на ружья человекъ посреди находившагося, понесли далѣ... Пленнаго Чеченца можно подгоняшъ шолько прикладомъ: комужъ шакая почесшъ? Наконецъ явился плнный козакъ, схваченный за мѣсяцъ передъ эшимъ. Тяжкіе кандалы обременяли обшерштыя ноги несчастнаго; на плваѣ ничего болѣе не было, кромѣ лохмольевъ черкески и паншалонъ. Хозяинъ, при спшшномъ быгшвѣ, едва успѣлъ увести его

и съ большими угрозами затряпалъ въ близъ лежащее скрытое мѣсто; онъ вы- ползъ и проливъ ожиданія очутился свободень между соопечеспвенниками и поварищами. Во все время плѣна спрадалецъ лежалъ въ углу сакли, ежедневно получая въ пищу кусокъ шывкы; изрѣдко только при бравыя (какъ выражался онъ съ улыбкой) дѣвки, украдкой ему давали голову кукурузы. Дѣвки, что за выраженіе! Дѣвы — скажите лучше — роскошныя дѣвы Кавказа, какъ цвѣпокъ благовонныя, какъ серна легкія, какъ чинарь спройныя; въ сердцѣ ихъ загарался чистѣйшій пламень любви къ несчастному плѣннику, начинавшему шаять опъ блеска черныхъ глазъ. Это десяный шомъ Плѣнника въ сполькихъ-то спрофахъ, сполькихъ-то спихахъ, за каждый спихъ сполько-то: это романпизмъ на дѣлѣ, проданный за воображаемый капиталъ ассигнацій невинныхъ, бѣлыхъ, съ черной опшѣнкой цѣны. Тс! — успокойтесъ! — поэзія хороша лишь на бумагѣ; никто влюбляпсъ не спанешъ съ колодкой на шеѣ, кроме сумасшедшаго опъ любви у Обухова Моспа. Полунагая Чеченка, прикрытая лохмопьями, съ прышкой на головѣ вмѣсто покрывала, съ босыми ногами и чорспыыми

руками, ешь не чшо иное какъ не опрятное созданіе, раздавленное домашней работою; сіе швореніе руководствовалося только живошнымъ соспрандіемъ, когда бросало головку кукурузы плънному линейцу, лице коего было вывѣской неподвижной глухоспи.

Кукуруза соспавляетъ почти единственную пищу небогатыхъ жишелей, чшо было видно изъ покинушаго имущества, кошорое разграбили къ вечеру; бродавшій скопъ былъ переспрѣлянь и кишѣль въ содашскомъ кошѣ или жарился на шишлыкѣ Ташарина; кукурузу еще недозрѣвшую (не смолря на Сеншябрь) исшребили; внутрениосиь саклей обшарили, перевернули вверхъ дномъ, и двѣ или шри, послѣшно начинѣныя ярко запылали, какъ будшо для оживленія каршины и безъ шого живописной.

Вопъ вечеръ. Повѣспка пробиша и съ одной изъ вершинъ взвилась ракета; гордая на равнинѣ, блисшательная, легкомысленная ракета явилась намъ ничшожною, уничиженною громадами, надъ коими хотѣла возвыситься, и приспыженная оборшилась внизъ, не конча полеша — и лопнула упаяя. Наконецъ наступила совершенная шемноша, увеличенная еще болѣе огнями биваковъ; дымъ, заключенный въ шѣсной

доливъ , задернулъ ближніе гребни , копорые можно было только различать по воспламененіямъ рѣдкимъ , мгновеннымъ , опъ выспрѣловъ нашихъ спрѣловъ , по разложеннымъ на поспахъ огонькамъ , казавшимся на шверди небесной кровавыми созвѣдіями , между гмиъ какъ самыя звѣзды горѣли въ зенигъ непорочнымъ пламенемъ .

Съ самаго прихода въ Куримбеене до ушра обдѣлывали спуски и подъемы Гудермеса , почти не проходимые . Послѣ разсвѣта Мусульмане , линейцы опсправились на противоположную спорону ; часа черезъ при шамъ засушилась куча Чеченцевъ ; они побѣжали благимъ мапомъ къ лѣсу , испуганные нашей кавалеріей , копорая во весь духъ , понеслась вверхъ по исполинской покашосши , но огромность хребта , пунктъ , съ копорого спомрѣли , поглощали и звуки и самую быспрошу движенія : ибо ружейные выспрѣлы не были слышны , хотя опушка лѣса обрисовывалась дымомъ мгновеннымъ , скоро преходящимъ ; ибо семь сотъ человекъ всадниковъ , несшихся во весь духъ , казались лишь кучей ползущихъ насъкомыхъ .

Весь опрядъ спровулся часу въ одиннадцатомъ ; и я какъ зришель , какъ чело-

вѣкъ безъ всякой обязанности, отправился къ кавалеріи, прогнавшей непріятели. Маленькая, вновь покорившаяся деревня, лежала при началѣ покапосепи; испуганные жители оспавались въ лѣсу; куры, шеляпа бродили около саклей. Нѣсколько оспавшихъ Тапшаръ бросились грабить, пришибая палками куръ, уходившихъ съ ошчаяннымъ крикомъ, пробун сабли надъ шеями шеляпъ, кои бѣжали, кружились, подымая хвостъ. Въ нѣсколько мгновений все было подобрано, пакъ чшо офицеръ, наѣхавшій на сей чепаухъ а), могъ шолько спасши внутренношъ домовъ, разогнавъ сію сволочь нагайкой.

На половинѣ дороги, ошкрышой и безопасной совершенно, послышались мнѣ жужжаніе умирающей пули и выпрѣлъ. — Чшо же? — Въ полуверсепъ сидѣлъ Чеченець надъ обрывомъ, пуская безильныя пули... Спрѣлокъ вольный — онъ одинъ сражался въ шу минушу; избалованное дитя буйной свободы, безильный, ничшожный — но недоспуный — онъ какъбы издѣвался надъ могущесшвомъ Русскимъ — надъ цѣлой мас-

а) Соопшшспвуепш слову: мародерсшво; собсшвенно значипш воровсшво.

той войскъ и горную нарядившейся. Одна изъ двухъ вершинъ хребта являлась подобно огромной покатой насыпи; низкими мелькала между рѣдкими деревьями; концы ея была обсажена. Видъ съ сей точки весьма несравненный, не смотря на сѣрое небо; передоу явнулось живописное хребты, нагнута абдернувшие гряды снуривающаго облачка, уланчанные лесомъ; изъ уланчавшихъ знамосъ и перепрени бѣлющихъ жёлтыхъ щимию, лёгкимъ смѣлкамъ, рывивыми, обрывами, пропастиами, кон. запрудиюте сообщеніе и во многихъ мѣстахъ дѣлаюте свое невозможныи; подъ ногами была поканосиь, почти ошвѣсная, съ кофрой нѣсколько припершихъ. Чеченцевъ сванилась безъ помощи свазокъ; небольшие аулы, купанья а), выглядывали по обаяв споронамъ изъ за пущи деревъ.

Долго, очень долго досхищенный взоръ блуждалъ по симъ окрестностямъ и я съ сомальніемъ спустился обратно къ новому лагерю, гдѣ не было ни вершка ровнаго мѣста, но ошюла надышка, кридо, неровно лемала разосланная въ оной, постель, и поверхность длиннаго складнаго снюла,

а) Хундра, въ конкѣ змуешь смоль.

въ концѣ обидѣли, малъ увидѣли, а явилась малодвижной.

Равнополосный генерал-маршъ, пошолъ обрѣ, конкъ — видѣвать — на мору раз-агѣать, конкъ когда-то носилъ ополены носилъ лентъ съ ряду, звуки несносные (когда уснались члены пребуонъ сна), пробудили, поддѣля лагеръ, оравѣннымъ зареомъ раз-ложеникъ кеспротъ; ослѣвленнымъ порре-бальнымъ ихъ сившотъ, ни зги не види, сѣтъ и на лошады, и полкаемый, пихаемый, жѣвонидѣ въ шлопѣ конномъ, вѣхалъ шагемъ въ совершенной шитъ — крыно укорачи-валъ повода. Дорога шла нѣкошорое время надъ обрывомъ, двѣ лошади рядомъ могли только идти по ней; въ право опѣтское возмѣщеніе, вѣхавшій впереди всадникъ и черѣвшался въ лѣво пропасть обрыва: воптъ все, что являлось взору во время се-го марша — будно шакношвенного.

Съ утрожъ увидѣли всю красону мѣст-ности: узкая дорога шла въ доль хребта, поросшаго или радкими деревьями или не-гусынымъ лѣсомъ; у подошвы видѣвались не-большіе аулы; на понашоснахъ возмѣше-ній и въ долинахъ только что скошен-ное сѣно; мы спускались и подымались: зоръ обнималъ иногда прощяженіе горной

два сивобика шима, лошуды посреди не-
принималей, и вот: пришло значило; какъ
всегда дѣлается при высирѣ изъ мушкетъ,
непотомъ, исключитъ проворное; понапрямъ од-
ного; ирешій, иишерный чулушней вода-
ростъ опохривалъ гербевъ; послѣ этого, они
спрали нарудились насъ; иише съ двоиныхъ
башоныхъ разышней; —

Но все видѣнное до шѣхъ шортъ было ин-
чно въ сравненіи съ ландшафтомъ, иише оп-
кримилась, когда отушились. иише на иише
предъ с. Бываюшемъ. Тутъ голый, камен-
ный крикъ (у подножьи моего шипуть Ан-
дидра) сердито глядѣлъ изъ за облаковъ;
горы уириюнкъ, поириюнкъ ласомъ, оиде-
линовъ они него, приближались къ намъ и
впроускиа два главные рукара Акса, сивошь
лранныя ласкѣны уицалы, иише на-
кѣтѣ оиѣириюнкъ жолмак; сѣи хомы
убижиали ирелесниую, иеленъшуюи доли-
ну, игдѣ; иише просирансивѣ; иише оише
версии; были раскинуны числые бѣзельнѣ
деики; посреди садовъ, луговъ, обрабо-
данныхъ полей. Саян. Благоня, разбросан-
ныя на иише оидеи были иише; иише мо-
лами; они оидеи оише иише оише
го. Дселеня Аксаемъ, иише оише,
какъ казалось глазу, обиниуюму съ иише-

привести къ намъ въ развѣзованномъ нарядѣ, съ пистолетомъ въ минуринскъ блескомъ по-опионной раскочкѣ... какъ бы не пласть! — Чужеземцы ведутъ переговоры иначе. Тонкій слухъ проводниковъ, также Чеченцевъ, какъ за дѣлами указывали дорони, вѣрно преследовали поручаемыя бумаги, и въ это минуту соединили дуда лучше проводникъ орудія — цинкий слухъ проводниковъ, знаменитыя природныя, разлитыя голоса изъ деревни и въ полугорешіи какъ за сѣканъ казалась падаха; минутъ лишь проводилъ между ними разговоръ на знакомъ разсказаніи, второе удивленіе нашего брата, ибо онъ оцѣнилъ голосомъ, съ подобнымъ герломъ, можно обойтись безъ шума въ описаніи — протъ моря.

Наконецъ послѣ мноріи знакомъ, явилъ се сей дѣлующій, еловина орудія — испрала — посланецъ знаменитый — бѣгой и въ дохотылькѣ; его бритая голова, шел, руки были покрыты окарраиниальной ошпью, дѣлани общемо въ семь нарядѣ, что промаходитъ оитъ медраинной жизни. Одинъ оборванецъ пришелъ ниторгованномъ, мкринномъ съ десятию тысячами Русскихъ; мы ослуго удивлялись, но хохотали какъ дрежде, ибо насмотрѣвшись, признали въ войскѣ и дѣй-

свѣдѣнъ о законѣ и въ законѣ нѣтъ никакого, единственнаго закона; да въ каждой дѣлать, что хочешь, но ожидая опущена на кому, такъ одинъ законъ кровомщениа (благоустроенный при силѣ правахъ), законъ всеобщій и неопредѣленный а) служитъ поводомъ, безъисключенно, до законности, обращеннаго въ сношеніяхъ съхъ, преобразованныхъ людей.

Но опыканнми свѣдѣнъ орудій опиврашилъ вниманіе опъ завязавшейся неготиации; и голова ошрада повернула въ лѣво, по дорогѣ къ Веени, лежащемъ пѣше верстѣ за Акоюемъ, который не много лѣтѣ крушо поворачиваетъ на сѣверъ. Сдѣлавъ версты полшоры, поперетъ грѣбна возвышеній, мы увидѣли, въ вышесказанномъ направленіи, новую магическую перемѣну декорацій. Опъ подошвы возвышеній, воздымавшася живописно, простиралась подѣ нашими ногами на нѣсколько

а) Сей законъ силъ омыт, что человекъ десляхъ засаженныхъ Чеченцевъ, но ошибкѣ засправавшихся одного Чеченца (изъ нашихъ проводниковъ) въ шу же минушу разбѣжался, чтобы ихъ не ужал; ибо, по закону кровомщениа, всѣ подозрѣваемые зенуся роахиснишники убиваго и обязаны объявить, кто именно убийца; кто же по сему зову не явился, пошѣ подвергается себя закону кровомщениа.

болтъ бажеиъ возвышенная долина; во всей роскоши южнаго весеннаго превращеннаго; она кончалась ужасными обрывомъ, для глаза незамыслимаго, съ возвышеннѣмъ обрывъ съ сопками, а въ нѣмощи тѣнистыхъ лесахъ. Правая сторона являлась, совершенною, дикою, высшихъ надъ оной горъ, конкъ идеальныя формы, возвышеннѣя съ каждой шагомъ; покапосшь ихъ крута, почти оплывшая; подошва заслонена обрывомъ. Съ покапосшь покрыва лѣсомъ, съ разнообразіемъ округлостей, очерченныхъ непроходимыми оврагами и рышвинами; она убрана огромными зелеными гирляндами, конъ развѣшенные прихотливо, всякъ совершенно; малѣйшее дуновение вѣтра, кажется, должно привесни оны въ движение; споль легко кажется сіе убранство горъ. Верхъ хребта являлъ опять возвышенную плоскость, покрывую лѣсомъ, на которой три, четыре поляны, въ порядкѣ, будто шахматномъ, расположенны были одна за другою до гребня, зелень коего обрисовывалась на чистой, непорочной лазурѣ южнаго неба. Ншто могла полагать съ нашей шочки зрѣнія, что сей ландшафтъ, сладкій для взора, какъ юная дѣва, спольже обманчивъ, какъ сердце ко-

преодолевающимъ вершинами, оконъ, даже
громовыя шумы, заслоняли насъ. Цепороч-
ной пшары, Иерихонъ, древней; однокій
убийственный извергать насом озъ проносомъ
по уралою двора и речанно: итченіе ра-
ви влэга жаруцало сверраденную; инакиму;

По утру на другой день, мы, узя-
ли посредствомъ почтальона Чеченца, что
лишь шла двухъ орудій найдены брошен-
ными въ пропасть, ибо да-еши и про-
чая принадлежность была изломаны, а
оковка разобрана кишелами, и что за не-
доспапкомъ канашомъ оныя выпасаашъ.

Тому же Чеченцу поить часъ поручи-
ли доставить въ Бееви пукъ канаша. Онъ
спонлъ нада обрывомъ, съ послѣднимъ сло-
вомъ кинулъ головой, соскочилъ въ обрывъ
и въ секунду, въ мгновеніе ока, скрдала
въ муштахъ, ичезъ какъ дымя изъ подъ
двѣхъ неопытной конки — праскольнулу,
какъ змѣя — сколь ни старались ошкрѣпъ
его сладъ, но ищешно... Никщо не могъ
закъшпшь; тдъ онъ пробирался.

Во время обѣда, звуки выстрѣловъ
сидая доходящъ до насъ и въ скоромъ
времени, сверхъ всякаго ожиданія, на по-

жестом аплодировали: будто въ креслахъ пианиста, видя какъ они припадали опираясь на каршечки и послѣ проворно выжили или выжили либо изъ своихъ на верхъ.

Всѣ толпились надъ обрывкомъ, изъ котораго выходили усталыя лица, покрытыя дождемъ, какъ нищій стѣней; но вслушавъ въ лагерь, спать на твердую землю, они оживлялись радостнымъ чувствомъ удачнаго дѣла; всякой встрѣчалъ шумъ знакомыхъ и всѣ привѣщивали другъ друга, забывая, что распавались только на одинъ день — какъ будто были врозь сто лѣтъ. Наконецъ показали взятыя два пѣла орудій, привязанныя къ горному лагю, который солдаты пошчасъ пошачили на себѣ. Всѣ, оспававшіеся по сю сторону Акса, спѣснились вокругъ сего лагюта, не разбирая чиновъ, не соблюдая дисциплины и приличій; всякой порошаво продирался, чтобы взглянуть на пару холодныхъ цилиндровъ, какъ на возвращеннаго друга; каждый съ привѣщиваньемъ оспарался допронуться до двухъ кусковъ жидк., какъ люда вродя оспававшійся по сю сторону, чтобы крикомъ возбудить руку стариннаго привѣла; многие изъ солдатъ обнимали нечувствительнаго оспававшійся со слезами на глазахъ; они оспававшійся

Будничко — будничко въ немъ заключалась жизнь, будничко, молъ, онъ сновъчаша на ихъ временныя дѣла.

Баронъ подошелъ къ симъ орудіямъ и, какъ бы въ знакъ того, что онъ принадлежалъ намъ опять, положилъ руку на нихъ: звукъ радостный, громкій, оглашая окрестность, вспарилъ къ поднебесью; это было ура, коимъ привѣщивали возвращенныя орудія, привѣщивали другъ друга, привѣщивали день счастливаго дѣла. Звукъ умолкнувшей битвы не были столь громки, какъ сіе радостное ура, которое спогласное эхо съ ропотомъ понесло вдоль шибини и ущелій. Также какъ вчера, но только повѣся носы, союзники по домамъ разходились вдоль противоположной стороны; и яредка только иной изъ нихъ ругался; яредка для одной пошѣхи, бросали гранату въ неоспорожную кучку.

На другой день возвращались мы къ Багдадско, отсюда зайдѣмъ несколько сѣнь чедомакъ конныхъ Андійцевъ, на противоположной Юлганойской долины, мей: нишанъ не ховали покоряются, часть отряда переправилась черезъ Аксай и опушилась тамъ: Сады, огороды, сали, своль, намъ

правившись, были совершенно изорваны без сопротивления. Въ петляхъ возвращались въ лагерь, описывая заманчивыя извилины, на мѣстѣ исковерканномъ природою.

Въ совершенно темную ночь, не смотря на ясное небо, любопытно было взглянуть на узкую полосу отряда, обозначенную яркими кострами, неправильно разбросанными, и подъ ногами, и надъ головой, около которыхъ рисовались мрачно группы людей и видны были: шурш — солдатъ, который прошагнулъ руки и распусшивъ пальцы, отъ огня отвернулъ лице; около него съ неподвижными чертами Ташаринъ, который, сидя, поджавши ноги, и копаясь въ заплечномъ Гривинъ, въ опрельяхъ, мурлыкала равнодушно однообразные звуки своей народной пѣсни, подобные гакмамъ, извлекаемымъ изъ клавишъ неопытными пальцами ребенка; но одалъ бѣсновался Ширванецъ; странные переливы его горла казались хлещеньемъ, сплюномъ, надгробнымъ плачемъ наемной сварухи. На другой стороне, за чернѣвшей бездной обрыва, были рѣзко освѣщены и оплѣнены скалы, сиявшія въ пламени, и копыта зажженного сына. Для окончательнаго изстребленія шамъ оспавался еще башальонъ; солданы пере-

блуждала (шоропанно) въ дуэли горючей: слышался и на мрачномъ огненномъ горизонтѣ металась буднично подслепные дужки.

Вся возвращалась наконецъ; послѣ зореватаго выстрѣла огласилась на всемъ пространстве оштради звуки вечерней зоры — нестройныя звуки, несогласныя ноты, вокальный хаосъ, неправильное борманіе, волненіе шоновъ, къ коимъ отдѣльное дребезжаніе кавалерійскихъ трубъ (концыкъ Мусульманскихъ подковъ) было подобно свисту налетавшаго вѣтра, въ общемъ смятеніи дшорма на ошкрышномъ морѣ. Оживленный лагерь мерещился доспешенно; пожаръ Толгашоя началъ слабѣть, ибо ошкы пламенныхъ саклей, оставалось, лишь ошкы вы, обведенные огненными чертами, которые обрущались одинъ за другимъ, при чемъ лишь нѣсколько искръ выбрасывалось въ верхъ. И въ семь кровавомъ полусвѣтѣ иногда виднѣлся одинокій Чеченець, какъ Саміель, выходящій на землю въ Спиралкѣ; онъ шоропанно крадся къ обриву; съ противоположной стороны загарался мгновенный огонекъ и бессильная пуля жужжала, какъ пчела, на которую цѣпь опивчала презрѣніемъ.

Во время холодного утра, опрядъ поднялся къ Вѣлгашю , покинутому жителями , коимъ еще не случилось испытать вавъ кары Русскихъ. Весело , живо , поворно ташчили солданы дрова и сухой хворостъ во внутренность сакдей ; въ полчаса запылали сіи дома , опспроенные гораздо лучше и прочнѣе , чѣмъ на плоскости Чеченской. Я грѣлся нѣсколько времени предъ яркимъ огнемъ съ довольною улыбкой , и садясь на кося , для рѣдкости , закурилъ трубку часпицей пожара. И какъ дикій звѣрскій Индѣецъ куришь мирную трубку съ шариннымъ врагомъ , такъ и я раскурилъ трубку вражды съ народомъ вѣроломнымъ , хищнымъ , для Русскаго непріятели . И хотя былъ мирный гражданинъ , хладнокровный зритель , не влекпризированный боемъ , но все таки я заплашилъ тогда дань національному чувству.

На обихъ старонахъ Аксяя были видны толпы непріятели , который обходилъ насъ съ права ; почему опрядъ началъ опспунашь , обнимая гребни и овраги , опкуда вредяшь представлялась возможность. Мы скоро перетхали на прежнюю позицію къ Цонтери , въ шолѣ Ташаръ , путь безполезныхъ. Небо было задернушо солданами

ской шинелью, облака гуляли по гребнямъ, густой дымъ опъ зажженного сѣна сплался повсюду, со всѣхъ споронъ загорѣлся ружейный огонь и орудія гремѣли; изрѣдка только, когда прочищался шуманъ, ошкрывались колонны съ прошиволежащими иными вершками и неспройными на нихъ кучами неприятели. На семь пунктъ мы обѣдали по походному и не смошря на кусокъ, дорогой въ то время, покидали приборъ для подзорной шрубки, для несчастливца сраженного роковой пулей.

Правый флангъ ошспунилъ наконецъ передъ вечеромъ и на прошивоположной споронѣ показались линейки огней арьергардныхъ сшрѣлковъ, кои, сбѣгая съ высоты, попеременно очутились за пропокомъ. Туть умолкнуло дѣло: ибо, ошспуная по знакомому и выгодному мѣсту, наши задали славнаго часа Чеченцамъ, Андійцамъ, Гумбеншовцамъ и другимъ союзникамъ изъ Лезгинъ, въ коихъ жаръ воиншвенный проспылъ до ушра.

Весь ошрядъ въ верхъ пошянулся на возвышенную покашость къ с. Цонтери, кошорое были обречено на всесошженіе. Ночь наспунала и густой шуманъ дозво-

лишь видны лишь на несколько шаговъ, какъ предметы, шакъ и другъ друга: вдругъ въ срединѣ шшаба появились со свисомъ пресшутныи вули, по звуку мыспрьловъ успремилась шуда рота: шуманъ, ушавъ какъ нарочно, обнаружилъ нѣсколько папахъ а), шорчавшихъ на сосѣдномъ гребнѣ. Но ошкрытыя шапки пропали въ шужъ минушу; наши спрьаки шамъ залегли, какъ во время облавы на хищнаго звѣря.

Въ вновь занятомъ лагерѣ ночевали, скучая по вагенбургѣ, подвижномъ нашемъ опечеснѣ; кбо запасы испощались, вино пили шолько за генеральскимъ сположъ, закусывали, гдѣ попадешся, и, совѣспясь, ходили къ аршиллерисшамъ, кои возили съ собой кошрабанду, ш. е. и хлѣбъ, и вино, и водку, и ромъ; мы же занимали другъ у друга чай и сахаръ; не было водки и многіе сидѣли въ пошѣмкахъ, подъ защитой солдатской палашки.

Ошрядъ пошелъ обратно по продолжштельному гребню другаго хребша, покинувъ въ лѣво прежнюю дорогу, гдѣ ожи-

а) Вообще названіе Азіатской шапки.

дали насъ пулемцы, кои, испортивъ оную нарочно, послѣ, вѣроятно, принужденны были чинить ее. Обмануемые сѣмъ движеніемъ, неприятели часа чрезъ два шолоко уязались за арьергардомъ. Загорѣлся ружейный огонь и выстрѣлы пущекъ вторились эхомъ, когда мы очутились около с. Гурдели - Юрша, на полуобнаженныхъ живописныхъ вершинахъ, гдѣ развѣсившаяся лѣча а) краснѣла и желтѣла огнь созрѣвавшихъ и созрѣвшихъ фруктовъ; вмѣсто того чтобы обрывать оныя, всякой ломалъ для себя большую вѣтвь сего дерева и бхалъ будто съ искусственной праздничной вербой, поспѣшно обирая съ ней фрукты.

Сакли аула были раскинуты за глубокимъ оврагомъ на открытой полянѣ; не много поодаль, подъ тѣнью огромныхъ деревьевъ грецкихъ орѣховъ, сподли жилища въ двухъ - трехъ кучкахъ; имъ вѣрно стало жаль своей деревни; ибо въ скороснѣ опадѣли дѣлать и переговоры начались извѣстнымъ порядкомъ — за полверсты; послѣ чего очутился посреди насъ

а) Порода сливъ, и видомъ и вкусомъ совершенно сходны съ такъ называемыми *сенсерками*.

аманангъ — оборванный мальчишка, коего будущъ даромъ кормишь и одеваешь, до шѣхъ поръ пока обнаруженная шалость сообщичей не опшравитъ его куда-либо на службу, безъ выдачи зачешной квишанціи. Опець аманана или амананчикъ привезъ генералу свѣжихъ грецкихъ орѣховъ и вздумалъ насъ шакже подчивашъ; въ минушу, въ секунду разхвапали все, и въ добавокъ оборвали на немъ мѣшки и карманы. Между шѣмъ арьергардъ приближался въ конвоѣ Чеченцевъ, ихъ наводили на орудія и подѣ часъ исправно угощали карпечью; на концѣ сбѣгавшей внизъ продолговатой поляны, ихъ круглыя шапки показались изъ за деревъ и за плетнемъ; но вновь покрившіеся жишелы, пользуясь видно правомъ собственности, приказали неприятелямъ сойти съ чужой земли и на мгновенье избавили насъ опѣ эшихъ дѣвокъ, вѣроятно съ шѣмъ, чшобы по нашѣмъ угодѣ соединишься вмѣстѣ и за одно преслѣдовать. Время было ясно, дорога шла по изгибамъ гребня хребта и при безпрепятныхъ спускахъ, подъемахъ, надѣ которыми нависли обрывы покрытые зеленью, масса всадниковъ, шѣсно вѣхавшихъ, являлась пѣспрой полосой пуловищъ, разноцѣ-

тому оиъ сихъ новѣйшихъ сочиненій малобы было для него пользы, есаибъ на вышупилъ на поприще ясномыслящій Липровъ а). Жаль только, что стремленіе — противуставить бреднямъ, привело его ко многимъ, ни на чемъ не основаннымъ, заключеніямъ, кои явно прошиворѣчаютъ многимъ фактамъ.

Въ слѣдующемъ разсужденіи мы намѣрены заняться симъ повѣремъ не болѣе, какъ поколику оно свидѣтельствуетъ о вліяніи, которое могутъ имѣть кометы на жизнь и здравіе какъ самой земли, такъ и ея обитателей, и надѣмся, что особенно въ нынѣшнее время, когда, по видимому, грозитъ успрашающая многихъ Галлеева комета, подобное изслѣдованіе для образованныхъ людей не покажется не занимательнымъ.

Самъ Липровъ сознается, что вопросъ оиносительно вліянія кометъ, могутъ рѣшить собсвенно только медики. Сочинитель предлагаемой статьи думаетъ поже и намѣренъ въ сей работѣ испытать шеперь свои силы: ибо, какъ уже выше сказано, это есть слабѣйшая часпъ прекраснаго пружу-

[. w. Hana, 1833. Сія послѣдняя книжка, къ спыду нашего времени, переживаетъ уже четвертое изданіе.
а) Ueber die gefürchteten Kometen des gegenwärtigen Jahres 1832 und über Kometen überhaupt. Wien, 1833.

да Липрова. За то сей знаменитый астрономъ описывалъ съ рѣдкою ясностью на два другіе съ упомянутымъ повѣршемъ связанныя вопроса; именно: о слѣдствіяхъ столкновенія кометы съ землею и о значительности кометъ, какъ явленій предзнаменующихъ событія, имѣющія впродъ случиться.

Опвѣтъ на первый изъ сихъ вопросовъ, то есть, изображеніе слѣдствій столкновенія кометы съ землею, въ томъ видѣ какъ описываетъ сіе Лапласъ и какъ объясняетъ въ подробностяхъ Липровъ, по истинѣ возбуждаешь ужасъ. Ничто не могло бы спасти тогда бѣдное человечество отъ мучительнѣйшей гибели; не осталось бы и слѣда того, что родъ человѣскій въ печеніе столькихъ тысячелѣтій сотворилъ своей дѣятельностью, своимъ неутомимо-терпѣливымъ трудомъ, всего, что составляетъ его любовь и гордость; исчезла бъ навсегда и самая земля, увлеченная преодолевающею силою кометы въ пламенныя нѣдра солнца, или принужденная, на подобіе луны, соуплывавать кометѣ въ отдаленнѣйшія бездны пространства, куда не достигаешь ни малѣйшій солнечный лучъ и гдѣ атмосфера наша дол-

жнабъ была превратиться въ швердый ледъ. Не менше горестно изображеніе слѣдствій другаго, хотя менше несчастнаго; случая, именно еслибъ комета встрѣсилась съ землею шолько въ косвенномъ направленіи. Но при сихъ предположеніяхъ необходимо, чшобы сполкнувшись съ землею комета имѣла весьма швердое ядро; въ противномъ случаѣ сполкновеніе сіе не можеть имѣть для насъ и для нашей планеты шоль пагубныхъ слѣдствій вполнѣ. Между пѣтъ Липровъ, кажешся, доказаль, чшо ядро большей часпи кометь именно бываешъ не очень швердо, или по крайней мѣрѣ не очень велико. Наконецъ изъ оспроумныхъ вычисленій Ольберса онъ выводешъ весьма основашельно резульшашъ, чшо сполкновеніе земли съ швердымъ ядромъ кометы, не иначе можеть случишся, какъ въ 360 милліоновъ лѣтъ одинъ разъ.

Чшо касаеться до вопроса касашельно значенія кометь, какъ предвѣспнищъ разнаго рода бѣдствій, шо Липровъ равно основашельно доказываешъ безсмысленность подобнаго предположенія: и вы согласишесь съ нимъ по неволѣ, когда прочтете Лубеницкаго, Риччидли, Вистона, Форспера и другикъ, изъ коихъ одинъ приписываль коме-

ствъ смерть Цезаря, другой смерть Герцога Миланскаго, прешій драку въ питейномъ домѣ, четвертый превращеніе въ пепель тринадцати домовъ въ Нирнбергѣ, и ш. п. Даже Шекспиръ не былъ чуждъ сего суевѣрія; ибо и у него Цезарь говоритъ:

Не только для меня, сіи пальцы,
Для міра цѣлаго, не безъ значенія!

Какъ странно мечтали иногда о семъ, доказываетъ между прочимъ Испанскій монахъ Вальдерама, жившій въ XVII столѣтніи, кошорый принималъ кометы за злыхъ духовъ, изгнанныхъ изъ ада, съ тѣмъ чшо бы внушалъ людямъ спасительный страхъ; или мнѣніе ученаго Бодинуса, дочинившаго ихъ за души умершихъ великихъ людей и разсуждавшаго, чшо появленіе кометъ или, лучше сказать, исчезновеніе съ земли необыкновенныхъ мужей весьма естественно должно предвѣщать несчастія, ибо, послѣ подобныхъ потерь, у людей оспажующихся на землѣ по необходимости долженъ оказываться недоспашокъ въ разумѣ; мнѣніе, надъ коимъ смѣялся даже Риччіоли, называя его *deliramentum animi* и опровергая довольно обширно. Метеорами почитали кометы Аришопель, Пшоломей, Тихо - де - Браге, Галилей, де ла Гиръ и многіе дру-

гіе; даже Неплеръ думалъ, что кометы суть чудовища, рыщущія въ высшихъ слояхъ воздуха и питающіяся злошворными парами, кои иногда зашмъзгаютъ солнце и заражаютъ ядовитосью своей нашу атмосферу.

Наши познанія о существѣ и свойствахъ кометъ, при коихъ мы необходимо должны оставаться, такъ еще малы, а различныхъ гипотезъ объ нихъ такъ много, что едва можно выпутаться изъ лабиринта. Однакожъ изъ того, что въ нынѣшнее время знаменитѣйшими учеными открыто въ разсужденіи природы кометъ, извлекаемъ здѣсь слѣдующія положенія, имѣющія отношеніе къ нашему разсужденію.

Нынѣ вообще принимается мнѣніе, предугаданное еще Сенекою, что кометы также какъ планеты, суть отдѣльныя небесныя тѣла, составныя части мірозданія, и слѣдственно не метеоры, не случайныя явленія въ пространствѣ. Кометы бродятъ взадъ и впередъ, часно въ бесконечно длинный періодъ совершая путь свой вокругъ солнца, въ пагубное сосѣдство котораго спреманы изъ неизмѣримой отдаленности съ такою быстротой, коихъ съ трудомъ можно сдѣлать понятною посред-

спвомъ описаній. Комета 1680 года въ близи солнца проходила почти 74 мили въ секунду, въ слѣдствіе чего путь ея, хотя постоянно эллиптическій, былъ уже такъ эксцентриченъ, что почти совпадалъ съ параболой. Сія неимовѣрная быспропта превышаетъ въ 1,400 разъ быспропту пышечнаго ядра, которое въ секунду пролетаетъ не болѣе 1,200 Парижскихъ футовъ; и потому, хотя сія комета проходила отъ солнца не далѣе $\frac{1}{8000}$ діаметра пыши, совершаемаго землею, такъ что въ ближайшемъ своемъ отстояніи почти касалась его поверхности, сія необычайная быспропта, пробѣгавшая въ часъ 264,877 миль, предохраняла ее отъ гибельныхъ слѣдствій столь опаснаго сосѣдства. Не менѣе достопримѣчательна необычайная медленность ея движенія въ отдаленіи отъ солнца, когда она отстояла отъ него на 17,500 милліоновъ нѣмецкихъ миль. Въ семь, весьма далеко простирающемся за предѣлы извѣстнаго намъ планетнаго міра, разстояніи отъ солнца, средоточія своего движенія, комета пробѣгаетъ въ секунду не болѣе $\frac{1}{2000}$ мили или 12 Парижскихъ футовъ: и въ самомъ отдаленѣйшемъ пунктѣ, для жителей кометы (ежели они есть) солнце должно называться

вдвое меньше въ діаметрѣ, чѣмъ для насъ Уранъ, тогда какъ поже самое солнце, во время самаго ближайшаго ея распоянія, должно занимать для ихъ глазъ, больше чѣмъ половину всего видимаго неба. Спрашивается теперь: какимъ ужаснымъ измѣненіямъ температуры и свѣта должны быть подвержены сіи небесныя тѣла! По наблюденію Ньютона, жаръ на упомянутой кометѣ, во время ближайшаго ея отстоянія отъ солнца, долженъ быть въ 26,000 разъ больше нашего самаго сильнаго солнечнаго зноя и въ 2,000 разъ болѣе жара раскаленнаго желѣза; а въ самомъ большемъ отдаленіи атмосфера наша превратилась бы отъ чрезвычайнаго холода въ твердое тѣло.

Кометы суть тѣла самосвѣщаяся и имѣютъ особенно свойственный имъ свѣтъ, разнообразно оцвѣщаемый. Наисильнѣе свѣтитъ у нихъ ядро; слабѣе атмосфера, среди коей сіе ядро находится; и еще слабѣе хвостъ, который состоитъ по видимому въ особенномъ, по положительномъ, по отрицательномъ, электрическомъ отношеніи къ солнцу, почти безисключительно бывающъ обращенъ въ противоположную отъ него сторону, персясь

въ неизмѣримости пространства и, можетъ быть, какъ говоритъ Шреверъ, простираясь до предѣловъ опдаленнѣйшихъ небесныхъ свѣтъ. Двѣ величайшія кометы, какихъ давно уже не было видано, проходили въ 1807 и 1811 году: но какъ ни прекрасна казалась намъ особенно послѣдняя, все еще принадлежить она не къ большимъ, если сравнить съ тѣми, кои были видны въ древнѣйшія времена. Изъ множества наблюдаемыхъ нынѣ кометъ всѣ почти шелескопическія. Звѣзда Юліанская, комета, проходившая за 43 года до Р. Х. (вскорѣ послѣ смерти Цезаря), свѣтилась шакъ ярко, что была видима ясно даже среди полудня; въ царствованіе Нерона, спусти бо лѣтъ во Р. Х., являлась комета, зашмѣвавшая лучи восходящаго солнца; шакковы жѣ были объ кометы, проходившія въ 1402 году, изъ коихъ первая (въ Марпѣ) имѣла шполь яркій свѣтъ, что въ самый полдень можно было видѣть не шолько ядро ея, но даже и хвостъ; а другая (въ Іюнѣ) была видима за нѣсколько часовъ до захода солнца. Въ 1532 году явилась комета, кошпорую во весь день можно было видѣть простиыми глазами; въ 1456 году была видима комета, коей хвостъ занималъ шрепъ, а

въ 1618 году, почти дѣвъ претпи видимаго нами неба. Свѣтъ кометы 1744 года превосходилъ самый яркій свѣтъ Венеры; изъ шемнаго мѣсна се можно было видѣть ясно безъ телескопа, даже въ часъ по полудни. По мнѣнію Шрешера и Гершеля, длина хвоста кометы 1747 года соспавляла семь, кометы 1769 г. болѣе десяти, 1680 г. около двадцати, а 1811 г. болѣе двадцати двухъ милліоновъ миль.

Физическій, самоспояшительный свѣтъ кометы, змбучее, волнообразное дрожаніе, замѣчаемое въ хвостахъ многихъ изъ нихъ, и нокые лучи свѣта, кои оказываются иногда внѣ ядра ихъ, даже въ прошивоположномъ съ нимъ направленіи, обнаруживаютъ явное сродство съ явленіями электрическими и дѣлають весьма досповѣрнымъ предположеніе, что на кометахъ происходятъ сильныя электрическіе процессы. Блѣдно-водяной цвѣтъ ядра, различная спепень его плоти, измѣненія, кои не рѣдко при возвращеніи кометъ замѣчаются въ немъ относительно фигуры, свѣта, величины и ш. д., равно какъ пуши, ими совершаемые, все сіе носитъ на себѣ характеръ неопредѣленности, безформности, премѣняемости, все

естественно ведетъ къ предположенію, что кометы принадлежатъ къ тѣламъ нашей системы, еще не развившимся, кои найдены только въ первой приемлемости образования, и припомъ нѣкопоры достигли уже нѣсколько высшей степени развитія, между тѣмъ какъ другія сполнъ еще на низшей. Это особенно доказывается чрезвычайнымъ разнообразіемъ относително величины ядра ихъ, и преимущественно тѣмъ, что есть нѣкопоры кометы по видимому совсѣмъ безъ ядра, въ чемъ сознался наконецъ и Шреперъ, жарко утверждающій, что большая часть кометъ имѣютъ твердое ядро. Припомъ наблюденія надъ обѣими кометами 1811 года доказываютъ очень ясно, что сіи загадочныя тѣла находящіяся въ разной степени образования, ибо весьма другъ отъ друга различивовали.

Такимъ образомъ принявъ, что кометы суть интегральныя части нашей системы, займемся теперь изслѣдованіемъ: *могутъ ли небесныя тѣла имѣть вліяніе на нашу землю и на насъ?*

Если вселенная есть безконечный организмъ, то солнечная система, къ коей мы принадлежимъ, составляетъ группу орга-

новъ , къ числу коихъ относится и земля , какъ членъ великаго цѣлаго. Уже въ сихъ словахъ заключаемся часпъ опышна на вопросъ нашъ. Опличительный характеръ жизни соспавляютъ силы , кои , обнаруживаясь сами , возбуждительно дѣйствуютъ и на другія. Выше живаго организма соспоятъ въ соединеніи всѣхъ силъ для одной какой-либо цѣли : посему и всѣ органы вселенной непрерывно дѣйствуютъ другъ на друга для безконечно великой цѣли , коей хотя мы и не понимаемъ , но которая вѣрно соспоятъ не въ одномъ существованіи , а вмѣстѣ и въ дѣйствованіи.

Общее проявленіе силъ жизни есть по саоме , которое , какъ основной тонъ , звучитъ очевидно во всемъ твореніи ; именно сраженіе противоположностей , притяженіе и отталкиваніе. Сіе дѣйствіе должно быть взаимное. Но какъ въ организмъ человѣческомъ , одинъ органъ , предпочтительно имѣя сообщеніе съ тѣмъ или другимъ , близкимъ или отдаленнымъ органомъ , между тѣмъ соспоятъ въ постоянномъ и непосредственномъ отношеніи съ известнымъ центральнымъ органомъ ; шже надобно по видимому заключить и объ общемъ организмѣ міра. По крайней мѣрѣ очевидно , что наша земля

находится въ ближайшемъ соотношеніи съ нашимъ солнцемъ и съ нашей луною. Солнце сославляетъ центральнѣйшій органъ всей системы, къ которой принадлежитъ наша планета, а луна есть ближайшій къ намъ изъ міровъ; отсюда слѣдуетъ, что сіи оба свѣтила болѣе могутъ имѣть на насъ вліянія, чѣмъ другіе міры нашей планетной системы, а тѣмъ болѣе міры всѣхъ прочихъ системъ, далѣе лежащихъ.

Тяготѣніе, свѣтъ, теплота, электричество, кои очевидно происходятъ отъ солнца и луны, возбуждаютъ на землѣ то, что называется вообще жизнью, производятъ цвѣтеніе и плодощвореніе: какъ же могутъ солнце и мѣсяць не имѣть дѣйствія на насъ, на наше здоровье и долговѣчность? Кромѣ перемѣнъ, кои земля, а съ ней косвенно и мы, должны терпѣть отъ уменьшенія давленія воздуха, отъ накопленія паровъ, и ш. п., луна въ тѣлесномъ и въ духовномъ отношеніи неоспоримо имѣетъ сильное и глубокое вліяніе на человека. Довольно вспомнить здѣсь періодическія возвращенія здоровья и болѣзней соотвѣтственно измѣненіямъ луннаго круга. Вообще въ физическомъ отношеніи

непосредственное дѣйствіе въ не подменивъ
 никакому сомнѣнію. Числомъ касается до
 психическаго вліянія, по кѣмъ явъ насъ,
 сохранивъ воспоминанія первой молодости,
 будешь отрицать это могущественное дѣй-
 ствіе, которое произведишь на насъ, въ
 прѣкрасное время юности и любви; небо,
 усыянное звездами, и блѣдное; подлѣ
 мерцаніе луны? Еслижъ сіи раннія вос-
 поминанія изгладятся въ насъ временемъ,
 то не видишь ли мы ежедневно различныя
 ные привѣры вліянія луны на насъ: несча-
 сья, сонъ, напѣвъ, вѣтрянки, увѣвъ
 свѣтлыи, разлетѣ, по соблавленной гонд-
 винѣ илѣ въ сладкіе, неспокой судбыи

Теперь спрашивается: уже ли, платоніе,
 пеллопа, свѣтъ и электричество, произво-
 дятъ всѣ сіи чудеса? Невозможно, мо-
 му повѣривъ; ибо платоніе, пеллопа,
 свѣтъ и электричество, какъ не давно, ста-
 ли подозрѣвать, сами вѣроятно суть только
 ко различныя проявленія одной и той же
 основной силы. Теперь допустимъ, что одна
 звезда, солнца и мѣсяца происходятъ поварко
 однѣ сіи явленія; согласимся, что они приво-
 дятъ въ безчисленне множество различныя
 попрысеній атмосфере, въ коей мы живемъ

и дышеть, и кипорах, но всей вѣроуиности, если спихія, составленная изъ гораздо большаго количества веществъ, нежели какъ мы теперь предполагаемъ; признаемъ, что отсюда происходятъ все нѣ измѣненія, кои зовуцца у насъ погодой, [разумѣя подъ симиъ словомъ болѣе, чѣмъ только снѣгъ, дождь и градъ]. Спрашивается: имѣемъ ли мы инструмента, съ помощію коихъ могли бы измѣрять дѣятельность сихъ несравнимо могущественныхъ силъ! Та самая луна, кипорах подъ экваторомъ, гдѣ ей дѣйствіе не баро метръ оказывається наименьше, въ атмосферѣ производитъ весьма слабое сопротивление; луна, спешень и западѣ, коей не удалось еще измѣрять самими чувствительнѣйшими термометрами и барометрами, исключая развѣ олимпъ Гогардъ, съ воимъ однако не все согласилсь; луна, коей снѣгъ содержится къ расширению солнечнаго свѣта какъ 1 къ 300,000: она самая луна бываеть причиною изумительнаго возвышенія воды во время приливовъ: и шакъ раздражительно дѣйствуетъ на людей: съ разспроуиными умоу и на лунашниковъ, какъ свѣтъ: солнечный: весьма рѣдко можеть дѣйствовать, именно только въ эпоку солнцеспоянія; укрощаеть ужаснѣйшія: бури; производитъ въ Ост-Индіи,

что деревья, срубленные въ полнолуіе; весьма скоро сожжались и напояются червями; бываетъ причиною, что сокъ съихъ деревьевъ въ то время взбѣгаетъ къ верхушкѣ, во время новолунія снова опускается къ корню; въ Египтѣ и Аравіи разрушается внезапно зрѣніе, если человекъ спитъ въ продолженіе нѣкотораго времени съ открытымъ лицомъ; наконецъ перемѣною своего круга пронаводитъ удивительную періодичность здоровья и болѣзней. Но можетъ быть другіе инструмены могутъ намъ служить лучшими указателями? Ни мало. Еще небо не покрыто тучами, воздухъ свѣжъ и прохладенъ, а уже паукъ и даже нѣкоторые люди чувствуютъ приближающуюся непогоду и прорекаютъ объ ней гораздо ранѣе всѣхъ нашихъ электрометровъ, инструментовъ спользуемыхъ остроумно изобрѣтенныхъ и такъ искусно составленныхъ. Даже за нѣсколько дней, когда всѣ различныя инструмены наши не даютъ еще ни малѣйшаго намека о будущихъ перемѣнахъ, сіи перемѣны уже предвѣщаются нѣкоторыми породами муравьевъ и пчелъ, кукушкой, журавлемъ, болѣзненнымъ опзывомъ въ давно излѣченныхъ ранахъ, открытіемъ и закрытіемъ цѣлковъ того удивительно чув-

свинцоваго кусарника Южной Америки, и кошеромъ рассказываетъ Гумбольдтъ, Скажемъ болѣе; маъ способа разцѣиванія нѣкопорыкъ расцѣній можно выводить предвѣданіе, какая будетъ погода приближающагося времени года; шакъ осенью охотники и поселане, узнають, холодна или тепла будетъ наступающая зима, и рѣдко ошибающся. Но нѣтъ дѣйсвія безъ причины; и пошому нѣтъ сомнѣнія, что звѣзды вообще, и луна въ особенноси, имѣють вліяніе на нашу землю. Скажемъ болѣе: *вліяніе сіе во многихъ отношеніяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ всякое другое, до сѣ извѣстное намъ, раздражительное средство.*

На земѣ нѣтъ ни какой раздражительной силы, духовной или шѣлесной, къ кошорой человекъ не привыкъ бы. Однимъ словомъ, хотя жизнь наша очень корошка, но и въ сіе непродолжительное время мы успѣваемъ привыкать къ счастію и несчащію, къ спраданіямъ и къ радости; привыкаемъ ко всему великому, чудесному, и уже ничего не спрашимся, не пугаемся; цѣлые народы привыкають къ чрезвычайно большимъ приемамъ опіума и шакже долго живущъ, какъ мы; шогда какъ ребенокъ пугается до смерти при видѣ Араба, кричишь

уколовшись иголкой, приходишь въ бѣшенство, умираешь отъ самаго малаго приема опиума. Между тѣмъ земля существуетъ нѣсколько тысячъ лѣтъ; нѣсколько тысячъ лѣтъ луна дѣйствуетъ на нее и на человѣчество ее населяющее; непрерывно видимъ мы тѣже дѣйствія, тѣже періодическія возвращенія здравоносныхъ и болезнетворныхъ процессовъ въ дѣтскомъ и шарическомъ организмѣ: а человѣкъ все еще не привыкъ къ нимъ. „Да будетъ свѣтъ!“ изрекъ Творецъ, создавая міръ, съ тѣхъ поръ свѣтъ пробуждаетъ на землѣ жизнь и есть, по всей вѣроятности, одинъ изъ сильнѣйшихъ ея возбуждителей. Однакожъ, кажешься, совокупное дѣйствіе звѣздъ вообще, и луны въ особенности, еще сильнѣе опдѣльнаго могущества свѣта. Ибо, хотя въ глазу груднаго младенца дѣлается воспаление отъ сильнаго свѣта, однакожъ привыкшіе къ яркости его, смотрявъ смѣло на самое солнце (хотя, конечно, не очень долго) безъ всякаго вреда, кромѣ того, что съ минутою послѣ того меньшій свѣтъ кажется черною тмою, изъ среды коей развершываются призраки нѣкошорыхъ цвѣтовъ.

И такъ на первый вопросъ есть отвѣтъ: что тѣла небесныя, и именно оп-

дальныя (солнце и луна), имѣють сильное вліяніе на нашу землю, даже гораздо сильнѣйшее, чѣмъ всѣ извѣстныя земныя раздражительныя средства. Но для насъ остается еще загадкою, какъ и посредствомъ чего онѣ дѣйствуютъ; и къ изясненію сей загадки, шажестъ, свѣтъ, электричество, теплоша, споль же мало могутъ служить, какъ къ измѣренію ихъ дѣйствія по градусамъ и линіямъ мало служатъ инструмены, копорые мы донынѣ имѣемъ а). Спрашивается теперь: *доказано ли, что кометы не имѣютъ никакого вліянія на жизнь земли и ея обитателей?*

До сихъ поръ изъ нашего изысканія слѣдуетъ, что кометы, принадлежа къ вселенной, необходимо должны состоятъ въ общемъ взаимодѣйствіи съ опдѣльными ея

-
- а) Справедливость сего положенія и недоспапчность всѣхъ нашихъ средствъ для изысканія болѣзнетворнаго начала въ атмосферѣ сочинитель надѣется доказать слѣдующимъ. Къ причинамъ эпидемическихъ болѣзней безспорно всѣ причисляютъ испаренія болѣзныя; и однако онъ не нашель, посредствомъ химіи, никакого вреднаго дѣйствія въ сихъ испареніяхъ. Барометръ, термометръ и другія подобныя средства, не болѣе имѣли успѣха въ семъ случаѣ, какъ доказано въ новѣйшія времена, особенно распространеніемъ холеры.

органами; однакожь надо выслушать и ихъ, кои утверждають, подобно Лигрову, что кометы не имѣють никакого вліянія.

Они основываютъ сіе мнѣніе на слѣдующихъ началахъ: 1) кометы не дѣйствуютъ ни на барометръ, ни на термометръ; 2) бывали сухіе, сырые, холодные и теплые годы, эпидеміи и другіе физическіе перевороты, безъ кометъ, также какъ при кометахъ; 3) ихъ ядра и шолца, по соразмѣрности съ другими небесными тѣлами, слишкомъ малы; чтобъ имѣть возможность дѣйствовать на другія планеты; наконецъ 4) число кометъ слишкомъ велико, дабы въ слѣдствіе каждой изъ нихъ должно было происходить какое-нибудь важное событіе. Да позволятъ намъ разсмотрѣть по одиначкѣ сіи положенія.

Справедливо, что кометы не имѣють очевиднаго дѣйствія на барометръ и термометръ. Но уже въ предыдущемъ, кажемся, мы дослѣдочно и основываясь на фактахъ доказали, что сіи инструменты и всѣ другіе подобныя слишкомъ мало способны показывать самыя малѣйшія измѣненія нашей атмосферы, которыя однакожь весьма важны для нашего здоровья и нашей жизни. И такъ намъ нѣтъ нужды опасаваться долѣе при семъ положеніи.

Односительно второй причины, конечно, нѣтъ сомнѣнiя, что бывають сырые, сухіе, холодные, теплые, плодородные и безплодные годы, эпидеміи и другія разныя перевороты безъ кометъ, равно какъ при оныхъ. Но какъ легко могло случаться, особенно въ древнія времена, когда не было еще телескоповъ, что комета ускользала отъ наблюдений, и слѣдственно легко могли производиться важныя произшествія, приключаться заразы, во время близкаго прохожденія кометы, которой не замѣчали, или которая не могла бытъ замѣчена по многимъ причинамъ?

Вообще какъ мало согласно съ законами природы предположеніе, что кометы всегда должны производить одно и тоже! Будто каждый разъ надо случаться землетрясеніямъ, холоднымъ зимами, бурями, непогодами, или определеннымъ заразамъ, повальнымъ болѣзнями у животныхъ и людей, на примѣръ, желшой лихорадки, бешенству, или извѣстной порчѣ нѣкошорыхъ расшеній, на примѣръ ржавчинѣ хлѣба, и п. п! Жизнь состоить въ вѣчномъ измѣненіи. Припомъ, дабы допустить сіе, должно предположить, что комета, какъ по внѣшнему, такъ и вну-

привременному свойству, при всякомъ возвращеніи своемъ одинакова, что одинаковъ весьма сомнительно; ибо иногда являеши она ранѣе, иногда позже, иногда свѣтъ ея очень яркъ, иногда слабъ и т. д. а); да и земля, со возмъ на ней имѣющимся, не всегда бываетъ одна и таже, но комета при каждомъ возвращеніи находится ея иначею. Если вообще кометы имѣютъ на землю вліяніе, то вліяніе сіе должно быть для насъ раздражительное. Но въ семъ отношеніи вліяніе сіе не оплещается отъ другихъ, ежедневно на организмъ нашъ дѣйствующихъ раздражительноныхъ вліяній, на примѣръ спужи. Не ужели каждый, и даже одинъ и тотъ же человекъ, проснувшись, получаетъ всякой разъ насморкъ или ревматизмы? Безъ сомнѣнія, нѣтъ! Одинъ разъ проснудая имѣешь такое дѣйствіе, въ другой разъ иное, иногда можешь быть и никакого; ибо всякой разъ шло находиши въ особомъ состояніи, особо настроено. Почему жъ кометы непременно должны всякой разъ возбуждать

а) Да послужить пому доказательствомъ различный видъ одной и тойже Галлеевой кометы, въ разные эпохи ея возвращенія, въ 1456, 1531, 1607 и 1759 годахъ.

землеприсекія, эпидеміи, и ш. п.? Развѣ молніи всегда зажигають? Развѣ, кромѣ ея, нѣсть другіякъ причинъ къ воспламененію? Развѣ не можетъ быть эпидемій, произходящихъ отъ другіякъ, собственно земныхъ или атмосферическихъ причинъ? Почему иныя кометы, дѣйствуя крошече, не могутъ способствовать измѣненію болѣзней, а иногда, хотя медленно и непримѣнно, дають совсѣмъ другое направленіе какъ плѣсеной шакъ и душевной дѣятельности рода человеческого? Прощивъ сей идеи въ наше время, по видимому, не должно бѣ было возсѣвать никакому сомнѣнію; справедливостъ ея кажется доспапочно доказаль Гуселандъ относительно кометы 1811 года.

Но оставя все сіе, возвращаемся еще разъ къ вопросу: что знаемъ мы вообще о шакъ называемой у насъ погодѣ и ея вліяніи на плѣло наше? Можемъ ли мы, со всѣми нашими инструменшми, въ совершенно извѣстномъ мѣсптѣ, предсказашъ съ математическою точностию погоду, имѣющую быть въ слѣдующій день, даже въ слѣдующій часъ? Можемъ ли, съ помощію поманушыхъ инструменшовъ, изыскашъ причину, отъ чего въ иные годы нѣкоторыя расшенія выходятъ худо, глохнутъ,

между шѣмъ какъ другія, живущія съ ними въ одномъ и шомъ же воздухѣ, на одной и шой же почвѣ, выходящъ успѣшно и въ большомъ количествѣ? Или, основываясь на неоднократно повспоряющихся случаяхъ, можемъ ли мы утверждать, что при восточномъ или сѣверовосточномъ вѣтрѣ; высокомъ сполнѣнѣ барометра; сухости, холодѣ, должно господствовать расположеніе къ воспалительнымъ болѣзнямъ, а съ прошивными условіями къ нервическимъ? Такимъ предсказаніемъ часто слѣдуютъ прошивныя событія; а еще чаще случается, что рѣшишельное расположение къ воспалительнымъ или къ нервическимъ болѣзнямъ обнаруживается тогда, какъ инспрументы наши не показываютъ въ атмосферѣ никакихъ измѣненій. Только два великія правила рѣдко могутъ имѣть излѣнія, даже рѣже, чѣмъ мы думаемъ: именно, что для организма *вредно всякое внезапное и всякое необычайное измѣненіе*. Подобныя измѣненія вредятъ не всегда вдругъ, но однакожъ ихъ вредныя послѣдствія обыкновенно весьма скоро обнаруживаются. Такъ, при внезапной перемѣнѣ вѣтра, спужи на жаръ и обратню, замѣчаемъ мы разспройство въ организмѣ земли, и особенно въ человѣческомъ орга-

измѣн; и въ случаѣ, когда при одинаковомъ, по видимому, состояніи погоды бываюти различныя болѣзненные явленія, впрочемъ, также суть послѣдствія внезапнаго измѣненія атмосферы и чего-то въ ней *необычайнаго*; только мы, по невѣдѣнію, не можемъ инструментами нашими опредѣлить, какого свойства сіе внезапное измѣненіе и что-то *необычайное*. Безъ сомнѣнія мы впадемъ въ ложныя заключенія или не выведемъ вовсе никакихъ, если, подобно Липрову, станемъ судить о характерѣ года вообще и о болѣзненныхъ явленіяхъ онаго въ особенности, по среднему состоянію барометра, термометра и проч. Ибо, что довольно странно, при самыхъ необыкновенныхъ состояніяхъ атмосферы на каждый мѣсяць, день и часъ, при самыхъ различныхъ болѣзненныхъ явленіяхъ, среднія числа года представляюшъ самыя неважныя отклоненія. Можно убѣдиться въ лучшихъ метеорологическихъ таблицахъ, какъ незначительны среднія числа измѣненій 1832 года, особенно въ состояніи барометра, относительно прежнихъ годовыхъ и десятилѣтнихъ среднихъ чиселъ. И однакожь, какъ ошличалась погода прошлаго года въ иные мѣсяцы и дни, какъ ошличался

годъ сей изобиліемъ, какъ разнообразно было произращаніе полевыхъ и садовыхъ плодовъ, какъ особенно дѣйствовали сіи плоды на людей и животныхъ, и какъ наконецъ въ шже время чудесно распространился сѣнкъ нашего шполья — холера!.. А пошому, оставя гордость, признаемся чисшосердечно, что ешь еще многое, о чемъ нашей метеорологіи и не снилось, что именно ошносительно болѣзней она не даетъ намъ почти никакого свѣта, и что условія болѣзней, пошолку причина и находящіяся въ атмосферѣ, почти шакже мало дознаны шедерь, какъ и во времена Гиппократа.

Въ ошношеніи къ шрешьему предположенію, основанному на шомъ, что ядра многихъ кометъ слишкомъ малы и имѣющъ недоспащочную шолцу, мы не можемъ согласиться, шшобъ по сей причинѣ кометы не могли имѣть вліянія на землю. Ибо во первыхъ, часшо были наблюдаемы кометы, у коихъ діаметръ ядра по вычисленію оказывался одинаковой величины съ діаметромъ Юпитера; или даже и болѣе. Во вторыхъ, развъ вездѣ во всей природѣ, сила соразмѣряется съ массою или шакъ называемымъ веществвомъ? Даже напроливъ,

не самыя ли могущесивеннѣйшія силы шѣ, кои собсивенно не имѣютъ массы — шакъ называемыя невѣсомыя, свѣшъ, элекшричесиво и ш. д? Съ массою и шолщею можешъ увеличивашься шолько шяжешъ; и если бѣ сія послѣдняя была шакъ же велика, какъ у луны, и комеша находилась шакже близко къ землѣ, какъ сія послѣдняя, шо и иногда она произвела бы не болѣе, какъ шолько приливъ и опливъ въ морѣ, да нѣкошорыя измѣненія въ барометрѣ. Но кто можешъ ушверждашъ, что если комеша дѣйшвуешъ на насъ, шо дѣйшвуешъ одной шолько шяжешью, шолько припяженіемъ и опшолкнованіемъ, шолько совращеніемъ земли съ пупи ея? Еще разъ опрашиваемъ: развѣ нѣшъ уже ничего болѣе для нашихъ выкладокъ, кромѣ массы, шяжеспи и — чиселъ а)?

Оспнается наконецъ предположеніе, что, если бѣ комешы были причиною важныхъ произшесшвій, шо сіихъ послѣднихъ должно бѣ было слишкомъ много случашься. Но, при нынѣшнихъ наблюденіяхъ надъ комешами, оказывашься ихъ среднимъ числомъ на каждый годъ по двѣ или по шри; слѣдсивенно очень

а) Несправедливо упрекають медиковъ, будто они одни предпочшпительно матеріалисты: шакovy жѣ шочно и аспрономы. Въ Ньютоновой теоріи шяжеспи матеріализмъ находшшь главную свою подпору.

легко можно быти, что каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ какое-либо важное происшествіе, что можетъ опчасни опно-ситься къ предшествовавшему, опчаснижъ оказываться изъ послѣдствія.

И такъ, кажется, очевидно, что нельзя принять за неоспоримую истину, будто, немцы совсѣмъ не имѣютъ на землю вліянія; почему обращаемся съ вопросомъ: „до какой степени можетъ быть доказано, что кометы действительно имѣютъ вліяніе на жизнь земли и ея обитателей?“

(до слѣдующей книжки.)

—*—*—*—

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННИКИ.

ГЕГЕЛЬ.

(Амст-ва Прев.)

Германская Философія повела чувствительную потерю въ особѣ Гегеля, Берлинскаго Профессора Философіи, скончавшагося отъ холеры 14 Ноября 1830 года.

Георгъ Вилгелмъ Гегель родился въ Штутгартѣ 27 Августа 1770 года. Отецъ его былъ Секретарь Герцогской Канцеляріи. На осьмнадца-

Телеск. Ч. XVI.

томъ году вѣдѣдой Гегель отправился въ Тюбингенъ для изученія Богословія. Шеллингъ, соотечественникъ Гегеля, находился въ то время также въ Тюбингенѣ. Между ними возникла шѣсная связь: и съ того времени долго слѣдовали они по одной дорогѣ въ философіи, сначала въ системѣ, созданной Фихте въ исходѣ XVIII столѣтія, потомъ въ ученіи, кою Шеллингъ былъ основоположителемъ. Продолжителемъ системы Доктора Философіи въ Тюбингенѣ, Гегель отправился, въ знаніи домашняго учителя, въ Швейцарію, а оттуда во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ вступилъ въ шѣсную дружбу съ поэтомъ Гольдерлиномъ, своимъ соотечественникомъ, и съ Сниклеромъ, испорикомъ войны Севенской. Вскорѣ связь сія разрушилась, по причинѣ умственнаго расстройства перваго и ранней смерти втораго. Въ 1800 г. Гегель ухажъ въ Іену, гдѣ принялъ участіе въ трудахъ Шеллинга, кою мнѣнія раздѣлялъ въ то время, и вмѣстѣ съ нимъ издавалъ *Критическій Журналъ Философіи*. Въ то же время издалъ онъ книгу *о разлічій Философіи Фихте и Шеллинга*. Это пребываніе въ Іенѣ сблизило его съ Шиллеромъ и Гёте. Гений и характеръ влекли Шиллера къ идеализму Фихте; Гёте, напротивъ, былъ Спинозистъ въ высшей степени, и въ *Вертерѣ* уже замѣтно предчувствіе Натуральной Философіи. Посему онъ долженъ былъ чувствовать живую симпатію къ Шеллингу, основателю сей Философіи, и къ Гегелю, кою жорый въ то время былъ ученикомъ Шеллинга. Изъ его переписки съ Шиллеромъ видно, что онъ тогда еще предугадывалъ, чѣмъ, со временемъ,

будеть Гегель. Въ ужасную ночь, предшествовавшую Иенской битвѣ, Гегель кончилъ свою *Феноменологию Ума*; сочиненіе, въ коемъ навсегда ошрекся отъ философической системы Шеллинга. Изъ Иены перешагъ онъ въ Бамбергъ, гдѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, издавалъ вѣдомый *Политическій Журналъ*. Опашаи, въ немъ помѣщавшіяся, ошличались духомъ самобытности и глубокихъ знаній современнаго состоянія дѣлъ, которое видно было въ вѣторѣ. Въ 1808 г. Гегель былъ избранъ Ректоромъ Нюрнбергской Гимназіи, гдѣ вела многія перемены, кон недавно заслужили ему большія похвалы въ годичныхъ поржебіяхъ Гимназіи. Въ Нюрнбергѣ также издалъ онъ свою *Логикъ*; подъ именемъ коей разумѣется не одиъ только форма субъективной мысли, но и всю вѣщественную. Ошибка, въ которую, до ея изданія, впали здѣсь всѣ предшествовавшіе ему философы, пронаходятъ отъ принятаго ими раздѣленія между содержаніемъ и формой философскаго вѣденія и отъ того, что они только ощущимую реальность почитали реальностію. Между тѣмъ умъ естъ самое существованіе вѣщо реальность реальностей. Логика естъ наука чистаго разума, истины самой въ себѣ. Гегель относилъ къ ней даже ученіе о Существѣ Безконечномъ. Глубина сего непостижимаго абсолюта, который воспочные философы называютъ *Чернымъ*, вначало не успрашила свѣлой діалектики нашего философа; и онъ въ *Логикѣ* своей усправился проникнуть въ самыя тайны творенія, поспитгнущъ всѣ двѣствія Существа Существъ. Это

сочиненіе принесло большую известность Гегелю и въ 1816 году дослужило кафедру Философій въ Гейдельбергѣ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался соизвѣстнѣеиъ двухъ знаменитѣйшихъ послѣдова-
телей Шеллинга, Дауба и Крейцера, изъ коихъ одинъ приложилъ къ ученію къ Исторіи и Метро-
логіи, а другой къ Богословію. Въ 1818 году была предложена ему кафедра въ Берлинѣ; и, не смотря ни на какія усилія Баденскаго Правитель-
ства, сдѣлавшагося удерживать его, онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе, думая распростра-
нить чрезъ то кругъ своихъ дѣйствій. Тринад-
цать лѣтъ былъ онъ Профессоромъ въ Берли-
нѣ и попеременно преподавалъ Логикъ, Есте-
ственныя Науки, Психологію, Право, Исторію,
Теорію Искусствъ, Богословіе, Исторію Филосо-
фій. Въ 1825 году выдалъ онъ свое *Естествен-
ное Право*, сочиненіе, въ коемъ, основываясь на
своемъ известномъ началѣ, что „все реальное ра-
ціонально, все рациональное реально,“ сдѣлавши-
ся доказанъ, что вмѣсто опшлеченнаго способа
созиданія государства, граждане должны помни-
мать его, какъ нѣчто рациональное въ самомъ
себѣ; по сему главнѣйшимъ результатомъ егю
было покараться предрѣжащей власти. Въ Бер-
линѣ же напечаталъ Гегель новое изданіе сво-
ей *Логикъ* и *Энциклопедіи Философическихъ
Наукъ*, равно помѣщалъ многія статьи въ *Ан-
талогіи Ученой Критики*, между коими
особенно замѣчательна критика на сочиненія
Гаманна и Сольгера. Въ 1829 году, какъ Ректоръ
Университета, произнесъ онъ рѣчь объ *Аугсбург-
скомъ Вѣроисповѣданіи*, гдѣ редигоизиди мѣ-

нѣя его выраженія были довольно широкі. Немного позже выказалъ онъ ихъ въ предисловіи къ сочиненію ученика своего Генриха: *Recht der Ethik*. Онъ всегда съ горьковатымъ проливуборствомъ шепталъ и католицизму; въ чемъ одинъ изъ проповѣдниковъ сего послѣднѣго ученика называлъ его Платономъ Антихриста. Его формула касательно религіи, основанной на эмпиризмѣ, состояла въ томъ, что христіанство должно обратиться къ самосознанію, т. е. сойти перешагнувъ въ область философіи. Въ сущности сего сужденія, по его мнѣнію, характера религіознаго періода, въ который мы вступаемъ. Курсы, въ которыхъ Гегель читалъ о всѣхъ сихъ предметахъ, были посѣщаемы людьми, посвящавшими себя совершенно различнымъ занятіямъ. Между ними въ его образъ выраженія не достигало, но сознанію его слушаателей, легкости и ясности. Гегель печталъ ясности, качествомъ низшаго разряда и въ предисловіи къ *Encyclopaedia* снова высказываетъ мысль, что *философія должна быть темна*. Въ сочиненія его согласны съ сими правиломъ. Якоби, въ своей перепискѣ, говоря о написанной Гегелемъ критикѣ на его сочиненія, признается, что онъ не понялъ ее. Сей-же наружный недобрашокъ былъ главною причиною того, что его имя и система не скоро распространились по Европѣ. Только въ послѣдніе годы жизни Гегеля слава его достигла Франціи. Кузенъ, въ лекціяхъ своихъ 1829 года, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, изложилъ нѣкоторыя основанія его ученія. Лерминье и Мишеле также познакомили съ нѣкоторыми его

италданъ касательно Права и Философіи: Историі. Чѣмъ касается до самой системы его Философіи, то она почти совершенно неизвестна въ Германіи. Мы не имѣемъ намеренія предлагати сію систему адѣсь вполнѣ; но удовольствуемся только изложеніемъ нѣкоторыхъ самыхъ важнѣйшихъ и наиболее вразумительнѣйшихъ началъ его *Энциклопедіи*.

Предметъ Философіи, говоритъ Гегель, есть истина; и поелику Богъ есть единственная истина и реальность, то, слѣдовательно, предметъ Философіи есть Богъ, предметъ абсолютный. Гдѣ нѣтъ познанія Бога, тамъ не можешь быть познанія реальности. Философія не должна довольствоваться чисто субъективнымъ познаніемъ бытія; она должна сообщати знанію достоинство объективности, необходимости, истинны самой въ себѣ. Философія, прибавляетъ Гегель, должна согласоваться съ дѣйствительностью и опытомъ, какъ внутреннимъ, такъ и внешнимъ; это согласіе, бывшее споль долгое время въ пренебреженіи въ Нѣмецкой Философіи, есть конечная, высшая цѣль науки; это пробный камень—то крайній мѣръ наружной прочности какой-либо системы. Здѣсь выводилъ онъ свое правило: „все реальное рационально, все рациональное реально.“ Чтобы доказати справедливость его, Гегель прибѣгаетъ къ догмату религіи, что „все созданное Богомъ есть благо“, и къ логическому раздѣленію, коимъ полагаетъ, что бытіе опчастно есть реальность, опчастно дѣрлявость; что заблужденіе, зло, и все сюда относящееся, не сподобъ того, чтобы называти ихъ реальностію:

это только скоро-проходящія явления, случайныя, часно возможныя, которыя также могутъ быть, какъ и не быть. Другими словами: зло существуетъ на землѣ только для добра; одно добро есть существенная, необходимая реальность.

Богъ есть общая сущность феноменовъ, коихъ мысль находить въ себѣ представленіе. Мысль проникаетъ въ опыты и запечатлѣвается оный характеромъ необходимости; такимъ образомъ восходитъ она до понятія абсолюта и пономъ весь опытъ развиваетъ въ понятіяхъ. На мѣсто представлений, доставляемыхъ опытомъ, она полагаетъ мысли, категоріи и пономъ понятія, расширявая опытные представленія уже только какъ метафоры мыслей и понятій. Но какимъ образомъ восходитъ мы до понятія абсолюта? На сей вопросъ Гегель принимаетъ неоплашоническое рѣшеніе. Познаніе Бога, говоритъ онъ, есть совершенно существенное и самостоятельное въ отношеніи къ всякому другому познанію. Философія, говоритъ онъ еще, должна принять правило: *nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu*; но она должна прибавить къ нему еще слѣдующее: *nihil est in sensu quod non fuerit in intellectu*. По сему не должно пренебрегать фактами опыта, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго; надобно развивать ихъ въ понятияхъ: въ этомъ состоитъ вся цѣль философіи. Безъ сомнѣнія факты опыта непосредственнымъ образомъ даныя къ объективному сознанію: но философія должна снять съ нихъ сей характеръ непосредствен-

логическій кругъ , ибо орудіе можетъ бытьъ разсмащиваемо оцднъ цодько орудіемъ. Единственное средство научить нашу познавательную силу состоитъ въ томъ , чтобы привести ее въ дѣйствіе ; посему метафизическія разысканія смѣшиваются съ изсѣдованіями законовъ нашей мыслящей силы. Методу Канта уподобляетъ онъ методъ того схоластика , который хотѣлъ выучиться плавать , не отваживаясь лезть въ воду.

Одно изъ славнѣйшихъ ученій Гегеля относится къ связи между философіею и исторіею философіи. Философія , говоритъ онъ , есть развитіе мысли въ ея собственномъ элементѣ : исторія философіи представляетъ поже развитіе , но уже подъ формою внѣшней исторіи. Такимъ образомъ въ философіи можно найти только то , что содержится въ исторіи философіи , и на оборотъ. Факты , являющіеся въ исторіи философіи , являясь какъ приложение правилъ , должны быть схватываемы философіею , какъ необходимыми степени развитія и какъ въщви одного и того же цѣлаго. Философическое ученіе , послѣднее по времени , есть слѣдствіе всѣхъ предъидущихъ системъ и содержитъ въ себѣ всѣ начала ихъ , присоединя къ нимъ еще новый элементъ. Посему , если только это истинная философія , оно есть и должно быть самое простое , самое богатое , самое сложное. Зодчій сей вѣковой работы есть единый и живой умъ , коего овойство состоитъ именно въ томъ , чтобы открываться непрестанно болѣе и болѣе , но между тѣмъ быть всегда выше понятій и философическаго умозрѣнія. Во всякой данной эпохѣ нахо-

дился совершенная гармонія между состояніемъ міра въ сію эпоху и философією того времени, кошорая есть его сознаніе, его мысль.

По сіе время въ философіи существуютъ при употребительныя методы, или, говоря по Гегелевски, при положенія, въ коихъ сплывши она себя въ отношеніи къ объективной истинѣ, къ истинѣ самой въ себя. Эпи при положенія представляются догматическою метафизикою, критическою философією, эмпиризмомъ, и наконецъ философією чувства. Догматическая метафизика, господствовавшая въ Германіи до Канта, допускала возможность высшей метафизики и онтологіи; и по сему она заключалась въ томъ, что истинно. Но ея недоставокъ томъ, что она не понимала силы логики, не видала, что, дабы получить абсолютную истину, надо употреблять чистую и свободную мысль, дѣйствуя безъ всякой другой опоры, кромѣ самой себя; наконецъ томъ, что она искала однихъ только предикатовъ (принадлежностей) абсолютна, вмѣсто того чтобы проникать до самаго абсолютна. Второе положеніе мысли въ отношеніи къ истинѣ, съ одной стороны представляется эмпиризмомъ а), съ другой философією Канта. Гегель принимаетъ изъ эмпиризма два ученія: во первыхъ необходимое правило свободы человеческого разумія, попомъ то, что

а) Именемъ эмпиризма, на иногда и реализма, означаютъ въ Германіи философію ощущений. Названіе: sensualizmъ, кошорое съ нѣкотораго времени господствуетъ во Франціи, подаютъ поводъ къ смѣшенію терминовъ, когото долженъ набѣгать языкъ философскій.

разумъ человѣческій долженъ согласоваться съ дѣйствительностію и опытомъ. Сверхъ того эмпиризмъ, ограничиваясь конечнымъ, отрицая все *сверхъ-чувственное* или, по крайней мѣрѣ, возможности знать его, отрицаятъ у нашихъ сужденій характеръ необходимости и всеобщности, который должны имѣть онѣ, и такимъ образомъ разрушаетъ основаніе морали и истинной философіи. Кантовская философія имѣетъ по общему съ эмпиризмомъ, что ея точка опирающія есть внутренній опытъ; она также ограничивается конечнымъ и субъективнымъ; поэтому можешь дать намъ только криптику нашей познавательной способности, а не истинную философію, не ученіе о безконечномъ. Гегель доходитъ наконецъ до разсмотрѣнія философіи чувства или непосредственнаго знанія, которая въ Германіи имѣла защитника въ Якоби. Философія сія утверждаетъ, что мысль должна заключаться въ предѣлахъ конечной истины и что безконечное, абсолютъ, есть предметъ непосредственнаго знанія, называемаго вѣрою, которое есть сила ума. Гегель напротивъ утверждаетъ, что основаніе нашего познанія абсолютна заключается въ мысли, развивающейся по законамъ логики, а не въ чувствѣ. Исключеніе изъ сихъ прехъ методовъ философіи опредѣляетъ истину Гегелевой методу.

Надлежало бы сдѣлать еще много разсужденій, чтобы изложить во всевозможной полношѣ систему Гегеля, преимущественно его логическую систему, составленную и развитую съ сильною діалектикой, которую можно срав-

нѣшь развѣ съ діалектикой Аристотеля: но здѣсь трудно бы было дать совершенно ясное понятіе объ ученіи Гегеля, о трехъ моментахъ логики, ошвлеченномъ, діалектическомъ и ую-зрительномъ, о логикѣ, философіи природы и философіи ума, которыхъ онъ опредѣляетъ, какъ изученіе идеи въ самой себѣ, идеи въ ея разнообразіи, идеи возвращающейся въ саму себя, и т. п. У Гегеля, надо сказать, еспь формы слишкомъ схоластическія и нападки его на пбвѣщескую форму Шеллинга проспирадно до излишества. Однакожъ мы не можемъ окончить, не сказавши нѣсколько словъ о сдѣланномъ имъ приложеніи своей системы къ всемірной исторіи. Изъ пошесства, принятаго Гегелемъ, между идею и фактомъ, человекомъ и человечествомъ, философіею и исторіею, выходитъ, что всякой народъ выражаетъ какую-нибудь идею въ исторіи міра. Развѣтіе духа всего міра выражается въ четырехъ элементахъ, коихъ представителемъ сушь: Востокъ, Греція, Римъ и Германія. На Востокѣ преобладаетъ идея безконечнаго и субстанціи; индивидуальность подавляетъ сама себя и уничтожается; отсюда еокрашическое могущество, соединяющее власть полишическую и власть религозную. Въ мірѣ Греческомъ проявляется идея конечнаго: двѣшность человеческая воспроизводитъ себя и поражаетъ чудесное; отношеніе конечнаго къ безконечному шакже видно, но подь форму образа, символа. Въ Римѣ исключительно господствуетъ идея конечнаго: отсюда произтекаетъ эгоистическая личность и ошвлеченная, дожная всеобщность. Въ мірѣ Германскою бо-

жесточенное единство и природа человека сдвужаются; и изъ соединенія сего, продскается истина, мудрость, нравственность.

Большая часть ученыхъ во Франціи, говорившихъ о трудахъ Гегеля, несправедливо предскавали его ученикомъ Шеллинга. Действительно Гегель сближается съ Шеллингомъ въ своемъ основномъ началѣ, ш. е. что основаніе философіи есть познаніе абсолюта, въ коемъ соединяются субъектъ и объектъ, который есть ихъ существо, безразличіе; но касательно методовъ, онъ совершенно отъ него отдѣляется. Шеллингъ смотрѣлъ на логику, какъ на науку низшаго разряда, и возрѣніе его, которому онъ далъ господство на нѣсколько времени, имѣло нѣкоторыя счастливыя послѣдствія, между прочимъ разрушеніе границъ, полагаемыхъ прежде между науками; но въ шже время ученіе сіе благоприятствовало ошщупленіямъ и заблужденіямъ шго, что Гегель называлъ творческимъ воображеніемъ; и въ шомъ именно состоятъ слава Гегеля, что онъ водвелъ философію къ ея единственно истинной формѣ, къ формѣ науки, и положилъ конецъ шмъ пндарическимъ порывамъ и дивергентическому тону, который былъ принятъ большею частію учениковъ Шеллинга. Гегель разсматривалъ логику, какъ основную науку, и ввелъ въ нее новую методу, которую иногда называлъ положительнымъ движеніемъ понятія (опредѣляемымъ только самимъ собою). Умственное созерцаніе (созерцаніе абсолюта), по мнѣнію Шеллинга, предскаствуетъ всякому познанію, и есть слѣдствіе воспламененія, вдохновенія. По мнѣнію Гегеля, напротивъ, шо сліяніе объективнаго и

субъективнаго есть торжество науки въ ея конечномъ результатѣ. Онъ укоряетъ Шеллинга за то, что сей послѣдній заимствуетъ отъ видѣности предметовъ *схему*, типъ, модель, отъ чего происходятъ одинъ пустой формализмъ, въ коемъ Гегель обвиняетъ Натуральную Философію. Второй пунктъ несогласія между двумя философами состоитъ въ томъ, что Гегель не увлекся, подобно Шеллингу, объективной спорною философiи и что онъ старался положить болѣе истинное различіе между Я и не Я, между человѣкомъ и природой. Гегель возвратилъ человѣческому разуму степень, которую онъ долженъ занимать надъ матеріальнымъ міромъ, что и выразилъ въ слѣдующей формулѣ: „матерiя есть идея въ своей разнородности.“ Правоученіе и Естественное Право, оставленные безъ вниманія Шеллингомъ и учителями его, были изучены и развиты Гегеліанскою школою. Въ семъ-то отношеніи говорили, что въ оплечіе отъ Канта и Фихте, основателей субъективнаго идеализма, и Шеллинга, проповѣдывающаго идеализмъ объективный, Гегель основалъ въ философiи своей идеализмъ абсолютный. Это мнѣніе ни мало не основано на томъ, что будшо, какъ по видимому думаетъ Лерминье, точка отправления Гегеля въ его логику есть всеобщій умъ, а не Декаршово: *cogito, ergo sum.*

Гораздо справедливѣе можно сказать о Гегелѣ, что система его была соединеніе системъ Фихте и Шеллинга. Известно, что онъ много заимствовалъ у сихъ двухъ философовъ; но несправедливо было бы не признавать, что къ учениямъ ихъ онъ прибавилъ много оригинальныхъ

мыслей. Другіе противники Гегеля также говорили, что это не что иное, как подновленный Спинозмъ. Гегель самъ въ *Логикѣ* своей защищался противъ сей клеветы, которая опровергается особеннымъ смысломъ, даннымъ оцѣ Гегеля своему началу: „все рациональное реально, все реальное рационально.“

Одинъ Французскій писатель, который судить можетъ быть съ нѣкоторою легкостью о метафизическихъ системахъ, изучаемыхъ имъ въ весьма специальномъ приложеніи, Лерминье, предостерегалъ противъ введенія во Францію системы Гегеля нѣсколько возраженій, на которыхъ считаемъ нужнымъ здѣсь остановиться. Два пункта, по нашему, отдѣляютъ его отъ сей системы: ея антилиберальное направленіе и хужеемное происхожденіе. Касательно перваго пункта, обвиненія Лерминье противъ Гегеля имѣютъ только мѣстную уважительность для Французовъ. Справедливо, что Гегель въ своемъ *Естественномъ Правѣ* начиная съ правила: „все реальное рационально,“ доходитъ отсюда до исключительной приверженности къ праву положительному, до безусловной ненависти ко всякимъ быстрымъ перемѣнамъ и насильственнымъ переворотамъ. Но это находится въ совершенномъ согласіи съ общими началами его философіи. Чѣмъ касается до втораго пункта Лерминье, который пребудетъ *національной философіи* для Франціи, сіе возраженіе также не имѣетъ никакого вѣса въ наукѣ. Подобнымъ усиленіемъ опровергали въ XVIII вѣкѣ физику Ньютона. Вольшеръ и другіе противники Каршезіанской

физики, справедливо говорили, что они не знают, что такое физика Французская или Английская. То же самое и в философии; которая очевидно, по свойству своему; опровергает все различия языков и народов. Если Лерминье хотеть сказать, что события какой-нибудь страны должны необходимо иметь отзвук в философии, родившейся в той стране; то современная история готова доказать противоположное. Когда Соснавинский Собрание ввело предисловіе къ пролищическому аданию XIX века, въ Кенигсбергѣ въ то же время параллельно возвышалось философическое аданіе независимой критики, открывавшее новую путь всей современной философии; между нѣмъ какъ Французскіе соснавинскіе наносили послѣдній удар древнему феодализму и пылались вновь перестроивать его развалины: философъ Немецкій разрушалъ догматизмъ; господствовавшій до него въ наукахъ, на нѣмъ его утверждалъ созерцательный разумъ и чувство долга, и на нѣмъ началахъ созидалъ сисстему, которая, хотя и была долговременна, но послужила основаніемъ для другихъ учений, предназначенныхъ къ должайшей будущности. Послѣ него Фихтне въ учении своемъ передалъ сапанинское величіе Канта; и, между нѣмъ какъ Робеспьеръ произносилъ въ Парижѣ приговоръ существованію Бога, Кенский метафизикъ создалъ высокую философію объ абсолютномъ Я и въ Божествѣ хотѣлъ видѣть только человеческую природу, подставляющую саму себя въ высшую ещепень могущества. Прибавимъ, относительно возраженія Лерминье, что философическія начала, служащая основаніемъ соб-

своего египетскому его творению, кажется, ни в чемъ не развились отъ эклектическаго учителя Кузена и Итальскихъ философовъ, которое Леринье процудаль самъ въ своемъ *Введеніи въ Исторію Философ.*

Ничего глубокаго убѣжденіе, что Гегель начертала методу, по коей должны утвердиться дальнейшія развитія, кои можешь имѣть философія въ Германіи и во Франціи. Послѣ Канта явился Фихте; послѣ Фихте Шеллингъ; послѣ Шеллинга Гегель. Теперь цѣль сія по видимому порвана...

В. Межвѣтъ.

—*—*—*—*—

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

БИОГРАФІЯ

(ГЕРЦОГА РЕЙХШТАДСКАГО а).

Что ни говоряще о Маріи Луизѣ, но она съ ранняго дѣтства напоминала сыну своему о его высокомъ происхожденіи; особенно въ тѣ лѣта, когда слава и могущество имѣють столько прелестей для молодаго человека, она приводила ему на память безсмертныя подвиги его родителъ. Ничѣмъ это не подвержено никакому сомнѣнію. Одинъ благородный другъ юнаго Принца, писалъ послѣ его смерти, что „еслибы, во уваженіе слабости его дораговья и необыкновенной чувствительности, сіе откровеніе сдѣлано ему было не ранѣе пятнадцатъ

а) Сматрѣна сія выдержка изъ вновь издающагося во Франціи Dictionnaire de la Conversation. Сочинилъ ея естѣ Г. Фридерикъ Файо. Изд.

ни дѣлать, но она могъ бы обшлась въ жинкѣ; это было бы, прибавляетъ онъ, дѣйствию бла-горазумной илжесни.“ Герцогу онъ ижеи Им-ператора безъ удущенія доставлялись Фран-цузскіе журналы, въ коихъ упоминалось, что онъ него скрываетъ его пронахождение. Замѣчали, что когда онъ читалъ ихъ, лице его покрывалось гореснью и негодованіемъ; однакожъ онъ не дѣ-лалъ никакихъ на шо замѣчаній. Окончивъ изуче-ніе языковъ по правиламъ, Герцогъ спалъ зани-маться математикой. По осиромую, коимъ онъ былъ надѣленъ отъ природы, скоро выикъ онъ въ сея духъ и способи приложенія; даже было при-лично слышать, какъ онъ рассуждалъ о сихъ пред-метахъ. Съ самаго начала, когда спалъ онъ пре-даваться высшимъ наукамъ, овладевали имъ внезап-ные припадки нерадивости, коихъ причини самъ онъ понять не могъ, равно какъ упомене, свой-ственное людямъ, кои при пылкой душѣ имѣ-ютъ сложеніе слабое, болѣзненное; но ижегда, или по шому что юная природа одолевала бо-лѣзнь, или по шому что умъ Герцога разсуждался пылкостью своихъ идей, онъ снова начиналъ ирудиться весьма усердно, и ижегда при заняті-яхъ его оказывалась особенная чистота и яс-ность идей. Въ сіи минути проициательность его ишумала профессоръ. На пашнадцатомъ году онъ уже обладалъ свѣденіями, кои на-зываются классическими. Онъ болѣе зналъ по Ла-ини, чѣмъ сколько можеть бышь удалось бы ему выучиться въ Тюльери, предъ глазами его зна-менитого родитела. Въ Виѣ сей языкъ почи-нается общею потребностью, ибо всѣ акты пи-нушся на немъ; по Лашинъ рассуждающъ въ при-

вельможеских мѣстѣхъ и замкахъ; Лангвирскіе
 вельможа говорили на Венгерскихъ сеймахъ, гдѣ еще
 сохранялись слабые остатки крестовничества и весто-
 жства, багровиднаго сирасоты. Герцогъ Рейхенгад-
 скій изучалъ Иносіе и живые языки. Онъ гово-
 рилъ по Нѣмецки и по Французски, какъ гово-
 рили на сѣхъ языкахъ въ лучшихъ обществѣхъ
 той и другой земли. Цальскій языкъ зналъ онъ
 такъ же хорошо, какъ Французскій, и весьма лю-
 билъ говорить на немъ. Въ шестнадцатилѣтій про-
 шелъ онъ курсъ Народнаго и Гражданскаго Права,
 Въ одинъ лѣтъ его ежегодно выдали въ Вѣнѣ, и ча-
 стіе знатно, въ приемные вечера, при дворѣ. Дѣ-
 ломъ любилъ онъ веселыя игры Пратера, гдѣ
 часто дѣлался среди жившей аполониды въ кабрие-
 лентѣ, которой самъ правилъ. Онъ очень хорошо
 зналъ верховъ и весьма любилъ сіе упражненіе,
 хотя, каждаго, оно его удомляло. И вер-
 хомъ обыкновенно вѣжалъ онъ въ шлахъ же зде-
 мыхъ владѣхъ Пратера и не рѣдко по живопис-
 нымъ берегамъ Дуная. Герцогъ былъ весьма легокъ
 и ловокъ; уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ умѣлъ
 онъ прѣвратить лошадей, но снѣдъ брать уроки въ
 верховой ѣздѣ шельже на четырнадцатомъ году,
 вѣстивъ съ другомъ дѣвственомъ своего, Эрцгерцогомъ
 Фридрихомъ, который открылъ ему при смерти
 глаза. Оба они одѣланыя скорѣ сданными пре-
 крестными и снѣданными вѣдниками Вѣны; оба лю-
 били дѣлать снѣдья войскамъ, развѣжая на ли-
 тыхъ коняхъ.

Въ лучшихъ обществахъ Вѣны, рассказывали
 множество прекрасныхъ описаній и описаній
 слова князя Принца. Въ первомъ порывѣ радости,

черты его представляли какое-то открытое нравственное; но искоры съ первое выражение печалю и занимало заболѣвающимъ, чуждымъ, горестно -- величественнымъ видомъ, величавымъ снупреніемъ сраданія и задумчивости, въ коей преобладала одна шлюсская, но иррациональная мысль. Онъ имѣлъ голубые глаза, исполненные огня и умиления; тонкой пропорциональной носъ; въ лицѣ его совокуплялись черты ошца и машери. Онъ любилъ молодыхъ Эрцгерцоговъ и былъ взаимно ими любимъ. Спармій Императоръ прилагалъ объ немъ испинно ошеческое попеченіе, за которое юный Принцъ платилъ ему глубочайшимъ почтеніемъ и непритворною привязанностію. Видъ мундира плѣнилъ Герцога. По седьмому году дали ему военный мундиръ, сдѣлали его солдатомъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поимомъ нашли сержантскіе галуны. Лишь проводилъ онъ въ Шенбруннѣ, вѣсивъ съ большей частію Императорской фамиліи. Положеніе Наполеона сына при дворѣ Австрійскомъ определено папентомъ, даннымъ ему онъ 22 Іюля 1818 года. Въ актѣ не упомянуто имени Наполеона; и въ послѣдствіи Мемперникъ, рассуждая о этомъ, объяснялъ, что сіе произошло въ слѣдствіе политикѣ въ высшей степени предумышленной; ибо имя сіе возбуждало бы слишкомъ опасныя воспоминанія. Смыслъ актомъ юному Принцу данъ шипуль Герцога Рейхштадтского, по имени одной земли, издревле принадлежавшей Императорскому дому. Съ начала были намѣрены дать ему шипуль Герцога Медлинскаго, по имени древней столицы Маркграфовъ Австрійскихъ; но османили сіе намѣреніе, поелику это марк-

графство уже не принадлежало болѣе Австрійскому Дому. Дядь знаго Герцога весьма любилъ уединеніе. Онъ совершенно предавался ему, когда страдалъ подагрой, или когда случалось важныя дѣла, требующія спокойнаго размышленія. Герцога Рейхштадскій имѣлъ всегда свободный доступъ въ сіе уединеніе, куда могла входить только Императрица; самыя дѣшныя Императоры не были сюда впускаемы; но внука своего Францъ желалъ всегда видѣть при себѣ. Замѣчавъ съ удовольствіемъ, что объ Императрицѣ, восшедшій при сынѣ Наполеоновомъ на престолъ, искренно и нѣжно любили его. Въ Шенбрунгѣ, одинъ изъ друзей моихъ, проходившій черезъ всѣ его комнаты, въ то время какъ онъ гулялъ, нашелъ самую простую и старинную мебель; только въ обояхъ замѣтна была нѣкоторая пышность, да пошодки были расписаны и позолочены; все это оставалось еще отъ временъ Маріи Терезіи. Спальня его была обширна и высока. Тамъ находился большой столъ, покрытый кармазиномъ, на коихъ Герцогъ, за нѣсколько предъ шѣмъ часовъ, дѣлалъ изысканія, о которыхъ свидѣльствовали кучи вылисокъ и отщипокъ карандашомъ. Тотъ же другъ мой нашелъ въ библіотекѣ его много книгъ, наполненныхъ замѣтками, именно: *Исторію Карла V*, Робертсона; *О упадкѣ Римской Имперіи*, Гиббона; *О велигій и упадкѣ Римлянъ*, Монпеске; *Исторію Франціи*, Биньона. Старинная мебель сей комнаты была работы весьма курьезной; стѣны убраны Индійскими и Китайскими обоями. Возлѣ Принцовой постели висѣло нѣсколько шоненькихъ хлыстиковъ и блестящихъ шпоръ. Надъ самой постелью

спешалъ поршрещъ Наполеона, писавшій Жерароу, Тужже находился вѣспаша, въ коемъ Наполеонъ представленъ гуляющимъ во саду Шальмезона; сей рисунокъ, весьма извѣстный, есть произведеніе Изабо. На камнѣ бюсигъ Франца II, названіе Каноны. Тотъ же самый другъ оказывалъ мнѣ, что вездѣ были видны признаки усмиренныхъ ванцій Принца, концы онъ въ шо вредъ весьма дѣлшедьно предавалъ см; предметъ наученія его составляла тогда географія; къ числу гувернеровъ принадлежалъ Капитанъ Форессти. При семъ воспоминаніи, упражня ющаго Принца въ высшихъ наукахъ, не забывали и образованія его сердца. Эрцгерцогъ Карлъ, покровитель и другъ Герцога Рейхшадцкаго, всякой годъ, в Май; возилъ его въ небольшую Вьнскую церковь, гдѣ ошправдилось поминовеніе по знаменитомъ его опцѣ. Разшельна была горесць ошараго воина и юнаго Принца; я передаю здѣсь воспоминаніа. Вошцѣ что слышалъ я онѣ одного молодого Англичанина, бывшаго очевиднымъ свидѣтелемъ ошемы, Герцогъ, говоритъ онъ, весь былъ сосредоточенъ въ молишѣ, проникнушій чувствомъ любви и горессти, до того восшорженнаго изоступленія, кошорое убѣждаетъ, что шцѣ, концы мы одлаживаемъ, могушъ вдмашъ нашимъ рыданіамъ, Блѣдныя щеки его пылали, слезы дились изъ глазъ, онъ горесшно, но съ необыкновенною живосцію, воздѣвалъ къ небу свои руки.

Идеи его были обширны, соображенія довольно быширы, когда онъ размышлялъ, но выраженіе и развитіе мыслей часшо было весьма не полно. Писалъ онъ, въ минушмъ спраданіи своихъ, весьма

добраяго, иногда никакъ будишь забивать, топографію. Тогда ушь его нисколько не блещала; была, ма-
 задось, заглушена, подавлена бременемъ мучи-
 тельныхъ спраданій: но когда сія «дицтоскія
 и нравственныя спраданія прекращались, сно-
 ва свободно принимался за работу; идеи его
 опять приходили въ порядокъ, выраженія бле-
 дя исполнены огня и магического красноречія.
 Иногда, послѣ минушь занятій, начиналъ онъ
 опять дѣловитоваться съ энергіей, которая за-
 сывляла шрепешаць не только за здорье,
 но и за самую жизнь его. Въ 1822 году онъ
 уже весьма успѣшно занимался переводами съ
 Нѣмецкаго на Латинскій языкъ. Опыты его оспа-
 лись въ рукахъ его друзей; въ нихъ видна бол-
 шая легкость и обширная ученость. Сія друзья
 показываютъ въ Вѣнѣ много подобныхъ опи-
 шовъ; на нихъ подписано: Франциска. Наиболье
 Гердотъ предпочиталъ изученіе исторіи. Въ 1823
 году, проходилъ онъ исторію Австрійской Моар-
 хіи съ Г. Барономъ д'Обенаусъ, однимъ изъ уче-
 нѣйшихъ мужей Имперіи; но въ послѣдствіи, по
 совѣту Императора, занялся исторією Европы во-
 обще и Франціи въ особенності. Ему все ошкро-
 до сказывали и дозволяли руководствоваться луч-
 шими историческими сочиненіями, во Франціи пи-
 санными. „Учите его тому, что нужно для пол-
 ковода и для государственнаго человека, только
 не упоминайте: онъ слишкомъ прилѣженъ!“ го-
 варивала Императрица. Сверхъ этихъ наукъ, ему
 сообщали также свѣденія, оспналяющія оспраше-
 новѣйшей политикой, и статистикой; онъ дол-
 женъ былъ изучать ихъ въ полновѣ, при чемъ
 снова принимался за карты, но на сей разъ уже

не для теоретическихъ изысканій, а для особенностей историческихъ. Вычисления любилъ онъ только тѣ, кои могли служить къ оправданію его сужденій и видовъ. Къ изящнымъ искусствамъ маложе онъ имѣлъ склонности; рисованіемъ никогда не занимался, кромѣ чертешей. Около 1828 года сочинялъ онъ топографическую карту Сибири, которую поднесъ Императору. Эта карта вся сдѣлана имъ самимъ. Въ шестидесяти годахъ жизни съ великимъ усердіемъ предавался онъ пригонометрии. Г. Прокешъ познакомился съ нимъ въ Сибири, весною 1830 года. Вскорѣ они шѣсно сдружились. Прокешъ нашелъ въ немъ обширныя свѣдѣнія о дѣлахъ Европы, о выгодахъ и спеціальныхъ государствахъ, и замѣтилъ постоянное расположеніе воспламеняться всѣмъ высокимъ, превращая все мелочное. „Сія качества“ — прибавляешь Прокешъ въ одномъ сочиненіи, исполненномъ души и значительности, манерчашанномъ въ Прагѣ только для нѣкоторыхъ друзей и весьма короткомъ — „сія качества замѣчались въ немъ до самой его кончины.“ Для сына Наполеонова не существовало красокъ гармоническихъ, изящнаго, искусно обработаннаго слога; онъ не имѣлъ для нихъ органа; поему не должно казаться страннымъ, что, послѣ наукъ, самымъ прихотливымъ для него занятіемъ было чтеніе Лабрюера. „Изучаніе человека; вѣра была онъ, воля цѣль жизни.“ А поему и судить онъ о вещахъ весьма здраво; даже впадалъ иногда въ задумчивость. Онъ сдѣлалъ весьма обстоятельную и тщательную аналитическую работу Шиллера о Тридцатилѣтней Войнѣ; потомъ читалъ Смитта, Мюллера и проч.; удивлялся всѣмъ полководцамъ, предпочитавательно Аннибалу;

не жечь бытъ до сходству, представляющагося въ его подвигахъ съ громкими побѣдами Наполеона. Наставникомъ его въ Италіянскомъ языкѣ былъ Аббаѣ Пина, ученикъ Памоншецъ. Молодой Герцогъ перевелъ съ него на Пѣмецкій языкъ *Освобожденный Иерусалимъ*, а на Италіянскій — *Жизнь Монтекукулли, Щварценберга, Надгробное Слово Вашингтону*; сочиненіе Фон-панемъ, и проч. Особенно любилъ онъ сіе послѣднее сочиненіе, которое Дараръ называлъ Рафаэлевскимъ эскизомъ. Наъ всего сказаннаго видно, что онъ много шрудился, хотя, по видимому, не всегда имѣлъ силы, нужныя для высшихъ наукъ.

Особъ, послѣдство при немъ находившіяся, утверждающъ, что онъ четыре года не выпускалъ изъ рукъ *Записки диктованныя Наполеономъ* и *Журналъ Лас-Казы и Г. О'Меары*, книги, въ конхъ заключающія вырывавшіяся у Императора во время разговоровъ великія идеи, кои родились въ немъ, когда онъ управлялъ Франціею, и которыя долге еще онъ надѣялся оправдывать. Герцогъ Рейхштадскій имѣлъ много знакомствъ. Изъ нихъ, какъ мыъ сказывали, наиболѣе прилично для него было знакомство съ полковникомъ Прокеш-Оспенемъ, о комъ выше было говорено. Онъ встрѣтился съ нимъ въ Грацѣ, въ Смирнѣ, во время путешествія Императорской фамилии. Этоюъ офицеръ еще молодъ, но весьма ученъ и очень много путешествовалъ. Они сошлись за обѣдомъ у Императора. Опытное умѣнье говорить и обширныя званія полковника поразили юнаго Принца. Правда, существовало еще одно обстоятельство, которое должно было расположить

его къ нему. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Г. Прокешъ обнаружилъ сочиненіе, въ коемъ было доказано фактами и основательными разсужденіями, что Ватерлооская битва принадлежала къ числу прекраснѣйшихъ военныхъ соображеній Наполеона. Въ этомъ сочиненіи авторъ пропоседалъ, во имя науки и гонимъ, прошитыя силой общошведскими и криковъ толпы. Герцогъ читалъ нѣсколько разъ ое сочиненіе и переводить его попомъ съ замѣчаніями на Французскій и Нидерландскій языки. Съ-що сочиненіе предрасположило Герцогъ къ Прокешу; его благодарности была такъ велика, что онъ тогда же предложилъ ему офицеру свою дружбу. Когда къ Вѣнѣ получили важныя извѣстія изъ Парма, то Герцогъ немедленно удался къ своимъ комнатамъ и тамъ размышлялъ объ нихъ въ удивленіи, предъ поршретою своего онца. Здѣсь-же, подо-бно генералу, который пересчитываетъ подки свои, пересчитывалъ ое своихъ парижановъ во Франціи; мечталъ о знаменахъ, кои собираются вокругъ него, въ минуту его прибытія, о генералахъ, кои, были привержены къ его делу; потомъ, исполнивъ еще волненія, возвращался въ Вѣну и сообщалъ Императору свои мысли и чувствованія. Августѣйшій ошареть усвоивалъ его. Онъ хотѣлъ „возвратить себя ошотескій престола воззваніемъ къ народу; имѣреался войти во Францію одинъ, пригласить къ себѣ Маршала Клозедя, Барона Сурда.“ Его ободрля къ сему мыслямъ многіе изъ его родившихся. Сами-же идеями былъ онъ къ послѣднее время препода-ненъ, разговаривая ое особами, близкими къ нему, особенно съ ошарыми генералами своего ок-

да, Филипп из Иокреидингха его друзей писал
 „и много убедил, что рано или поздно, они
 должны быть из Аустрии во Францию; но это едва
 ли бы он столько тогда, когда бы рассудок его
 по ему приспособовал.“ Принцъ часто въ пре-
 сущности ихъ рассуждала о семъ дѣлѣ. Когда
 затрудненія къ ужъ его увеличивались, она
 говаривала некоторымъ чиновникамъ, возвращаю-
 щимся во Францію: „государя мой, когда ты
 увидишь королю, поклонись ей отъ не-
 ни.“ Когда сказывали ему, что имя его раздава-
 лось гдѣ-нибудь во Франціи, то надежда снова воз-
 раждалась въ его душѣ. Не смотря на собствен-
 ную ему скромность, онъ сказалъ однажды въ
 окладъ словъ объ увѣренности, въ которой
 находился, что Европа соглашится на его воз-
 вращеніе. Наконецъ онъ обсуживалъ се исполнимое
 предпріятіе съ хладнокровіемъ, которое рѣдкѣ
 встрѣчается въ его лѣтѣ, и съ полною увѣренно-
 стью въ своихъ сѣдлахъ. И дѣйствительно, онъ
 могъ доверять своимъ способностямъ, кои на де-
 вятинадцатомъ году являлись уже въ снобѣ пор-
 аншельномъ блескѣ.

На смотрахъ Принцъ отличался точными
 командами, Разъ, одинъ изъ Эрцгерцоговъ
 сказалъ объ немъ: „да наша двоюродный братъ
 совершенный военачальникъ! его полкъ пер-
 вый во всей арміи; если онъ будетъ начальство-
 вать какой-либо арміей, то эта армія будетъ
 первая въ мірѣ.“ Въ обыкновенномъ своемъ обще-
 ствѣ, Герцогъ Рейхштадский былъ кромска,
 живъ, часто очень веселъ; но полшника, какъ и
 уже упоминалъ, не рѣдко омрачала внезапно
 лице его. При дворѣ разговоръ его былъ легокъ,

бисопъ, архидиаконъ; она любила разширять, обобщать, такъ сказать, предметъ. Когда она говорила, доспашочно обдумать предметъ, ее сужденіе его было ясно, точно, опредѣленно; она погружалась во глубины мысли и возвращалась оттуда въ дѣйстви ствѣномъ; но ея умственные вѣдунья сто были необыкновенно медленны; она въ высшей степенн была одарена способностью къ шому, что Немцы называютъ *скоротитъ геззды*. Сверхъ того была весьма внимательна; ему оказывали въ Императорскомъ дворцѣ, всевозможную почтительность; не случалось никакого любопытнана разговора, о комъ бы она не была, пошчасъ увидела, ибо могъ обо всемъ спрашивать, и державшіе мужи Имперіи были всѣ къ нему весьма расположены. Училиши его замѣчали, что она удерживала въ памяти все опредѣлительнн. По причинѣ сего первоначальнаго направленія, разумъ ея всегда былъ врагомъ неопредѣленности. Герцогъ любилъ Оссіана только по причинѣ предпочтенія, оказываннаго ему пошшу Наполеономъ. Вообще она не любила спешковъ: Гомеръ нравился ему болѣе въ прозѣ. Знаете ли, что во-силламерало ея къ Шиллеровомъ *Валленштейнѣ*? Воинственнн дунъ, коимъ исполнена сія трагедія. Вотъ какъ сама она опредѣляла предметъ ученія своего: привлекала изъ наукъ то, что можешъ быти полезно людямъ, открывала къ чему способенъ какой-либо человекъ, управляла людьми не спрахомъ законовъ, а моралью. Я повторю здѣсь ея идеи; всякой видиши, что она превышала возрастъ ея. „Будемъ по крайней мѣрѣ думать о немъ шожо, что бы думали объ Александрѣ Великомъ, если бы она умеръ двашцати лѣтъ!“

сказалъ одинъ знаменитый Англиецъ. Рядко бывало, что бы Герцогъ спалъ во всю ночь. Намъ бы да утомляли его вѣрхшая зада и сморчки: носъ ихъ на лицѣ его всегда оканчивалась блѣдностью и легкия, но многочисленные морщины; иррегулярности блѣзкуе смерти. Но, при каждаго мессаже здравья, наружности его снова дѣлалась прекрасною. Въ чертахъ его ясно выразилась душа его въ удивленію: въ нихъ были видны всѣ чувствованія, вся сила размышленія думного, сосредоточеннаго, вся раздражимельность организации, погибающей ошь безплодной дѣятельности. Обращались съ нимъ всегда съ нѣжкою внимательностию. Однажды просили его прояснить, въ присутствіи всего двора, Ламаршину *Madame de Lamartine*, котораго начинаются слѣдующими словами:

*Courage! enfant déchiré d'une race divine,
 Tu portes sur ton front ta céleste origine!
 Tout homme, en te voyant, reconnaît dans tes yeux,
 Un rayon éclipé de la grandeur des cieux!*

сіе чтеніе было прервано громкими рукоплесканіями

Слабость организма и внутреннія страданія Герцога, который развился внезапно въ счастливое багряное роствѣ, поразили жизни его въ сию минуту испочинка. Онъ сдѣлался боленъ, но въспрая на всѣ поученія своего врача, доктора Мальфашини, человека весьма искуснаго и совершенно преданнаго Герцогу. Въ сіе-же время сина Наполеона переспалъ служилъ въ военной службѣ; онъ очень сожалѣлъ объ ней, ибо Императоръ не задолго предъ нѣмъ провѣрялъ его въ полковникомъ полка, гдѣ началъ онъ свою службу. Медики предписали ему съѣздить въ Неандль и Императоръ очень одобрилъ сіе путешествіе; но больно

когда иногда убавился, что не испавенитъ бодле, но потребовалъ видѣть твою мамъ. Какъ ней напи- сали; также именая его потребовади колыбель, которую видѣлъ онъ въ Паризѣ, и которую по- дарилъ Императорицѣ городъ Парижъ въ день рожденія ея сына. Это желаніе, ни на минушу не от- казавшее его, было удовлетворено: Привезди ко- лыбель, за колыбелью послѣдовала и мамъ. Онъ удивлялся извѣсткы работы и блѣску сей ко- лыбели, съ крошкитъ, самымъ энтузіазмомъ уди- рающаго; съ минушу пребывалъ въ молчаніи; пла- ма взоромъ изобличало внутреннее волненія его мыслей. Пошомъ велѣлъ подвинуть колыбель къ своей постели и съ свиреніемъ, самымъ религіоз- нымъ и самымъ возвышеннымъ, сказалъ, обращаясь къ своему слугѣ: „Не всякой можетъ умереть воздъ своей колыбели! Остань ее адѣсь у моей по- стели! Эта колыбель и постель, на коей я спираю, суть крайнія точки моей жизни. Между мной во- снаемъ, которая скоро будетъ мой гробомъ, и этой колыбелью, разстоянія только двѣдцать одна годъ — мое имя, горести и жестокия спира- нія — или лучше ничего кромѣ моего имени! . . Французы не узнають моихъ спираданій!“ . . Въ другой разъ сказалъ онъ: „Оставьте адѣсь колыбель мою, она будетъ воздъ моего гроба.“ Слезы лились изъ его глазъ. Въ тотъ же день громомъ сбидо одинъ изъ Императорскихъ ор- ловъ надъ Шенбрунскимъ дворцомъ сползихъ, Случай сей на нѣкоторыхъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Прибытіе Герцогини Париской проявило раздражающую сцену въ комнатѣ уди- рающаго; мамъ и сынъ бросились въ объятія другъ другу, съ судорожнымъ поспрасненіемъ; долго слышны

были ихъ рыданія: Эша мать, шакъ послѣш-
но прискакавшая изъ Испаніи, сжимала въ
объятіяхъ своихъ изсохшій пруть, почти по-
зеленѣлый: и сей пруть былъ некогда пре-
краснѣйшій юноша! — Марію Луизу вынесли по-
лумертвою. Какимъ ударомъ была для ней эта
смерть, навсегда разлучавшая ее съ величествен-
нымъ миновавшимъ и съ существомъ столь драгоцен-
нымъ, предвѣстимъ толликихъ надеждъ! За нѣсколь-
ко дней до того, Принцесса Шарлотта приказала
привести своего двоюроднаго брата въ дворцовую
церковь: тамъ они оба причастились Св. Тинъ, въ
присутствіи нѣсколькихъ родныхъ и приближен-
ныхъ. Эша обѣдня была совершена для моленія о
здоровьи юнаго Принца. Онъ приобщился. Дабы
увеличить, если то было возможно, силу общихъ
моливъ, молодая Эрц-Герцогиня приближалась къ
священному престолу въ сопровожденіи юнаго сво-
его дитяти. Молитвы раздирали сердце; всѣ
плакали на взрыдъ. Онъ, вмѣстѣ съ нѣм-
кихъ аючасій, толвкой славы и столь рѣдкихъ
личныхъ достоинствъ, былъ не что иное, какъ ба-
тровой призракъ: Принцесса напрошивъ была въ
самомъ цвѣтѣ красоты и очаровательнѣйшихъ
прелестей! Онъ приближался къ послѣднему кон-
цу: сіа напрошивъ была готова сдѣлаться ма-
терью въ другой разъ... Это было зрѣлище,
раздирающее сердце! Изсохшія руки умирающа-
го сироты благословляли рожденіе Принца сча-
стливой фамиліи Габсбургской! Замѣтите еще
любопытную чершу, рассказываемую очевидца-
ми: никогда сходство его съ опцемъ не было шакъ
различельно, какъ въ сію послѣднюю болѣзнь и
въ сію самую минуту. Вся Вѣна принимала жи-

дѣйствіе ужасна въ судьбѣ Принца и доказывала, что брадеснианскимъ спочоліемъ многочисленной толпы народа у воротъ дворца. Последнія сираданія Принца были очень мушительны: онъ видѣлъ только одною душевною швердосаю. Въ последние дни друзья носили его на рукахъ по прекраснымъ галлереймъ оранжерей. Когда мольда была шика и воздухъ напишашъ благовуханіи, ланграспоміи; его выносили на самыи ошдаленней базиртѣ, выходящій къ садамъ. Но его расширзашная грудь съ большимъ шрудомъ кливала воздухъ; на смолра на шо, онъ говорилъ о своей смарни съ геронческимъ спокойствіемъ. Тарнава 21-го Іюля, на канушъ шого дня, на шкоторой ше совершилось, спшалъ онъ малованнса. До сншъ перъ онъ скрывалъ свои сираданія, но крайней штѣрѣ, околько было шо возможно; но 21-го Іюля боль его сдѣлалась шакъ нешпернама, шше онъ не могъ долге молчашъ. Приподнявъ съ гореванію голову, онъ сказалъ докшорамъ, что болѣетъ его одолѣвашъ. „Я побѣжденъ! . . . Но — прибѣжалъ онъ — за чѣмъ шно не кончается?“ — Докшора Мальшанишъ, видя приближеніе роковой минушы, не покидалъ его болѣе. Вечеромъ, казалось, большой уснулъ. Въ при часа ушра онъ адругъ пришдмалда и вокричалъ: „умираю! умираю!“ Его камердинеръ и чиношникъ, назначенный для услугъ, прибѣжали къ нему и поддержали. Умирающій взывалъ: „машушка! машушка!“

Эшо были послѣднія слова его. Эрц-Герцогъ Францискъ и Марія Луиза прибѣжали и пали на колѣна подлѣ постели умирающаго. Онъ уже не могъ говорить, но угасающіе взоры его силалась выра-

были последнее прощаніе! Несчастная мать лишилась чувствъ. Дворцовый Проломъ указалъ Герцогу: на небо; въ ожиданіи сей послѣдней поддалъ глаза; попомъ онъ вѣрнулся... онъ ошумелъ... Это было 32-го Июля, 1832 го года, въ 5 часовъ и 5 минутъ дупра. Принцъ умеръ въ шой самой комнатѣ, гдѣ спалъ отецъ его, когда посла Варранной бывша дикловалъ условия мира. Императоръ Францъ, Императрица и все цѣль семейство, все двора, епископа, имперія, шролжали слезы; узнавъ о сей преждевременной смерти Принца (обожала. Его крошай: и благородный характеръ оправдывалъ волшебный блескъ, князь Фансиа любля окружанъ его. Императоръ много плакалъ... Чинювникъ, бывший въ услужахъ у покойнаго Принца, долженъ былъ расказанъ ему въ печальное происшествіе: со всѣми малочинны подробностями, со всѣми ужасными сценами. Каждую минуту рыданія его прерывали расказъ. Молодая Императрица съ живѣйшею чувствительностью раздѣляла сію глубокую горестъ. Въ минуту, когда скончался Принцъ, Г. Менье (Ménier), молодой очкастый Французскій врачъ, поселившійся въ Россіи, проѣхалъ мимо Императорской резиденціи Шёнбрунна; ворота отворились, и онъ первый услышалъ печальную новостъ изъ устъ чинювника, который тотчасъ же сказавъ верхомъ въ Вагу.

(R. E.)

VII

С М Ъ С Ъ.

ДВИЖЕНІЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ВЪ АВСТРАЛІИ.

Поселенцы Австраліи, плышю часши земнаго шара, еще пакъ не давно дивившейся на географическихъ картахъ, дѣлающъ уже успѣхи столь же удивительные, какъ и быстрые. Сидней, метрополія сей колоніи, видишь въ своихъ гадракахъ процвѣтающими всѣ искусства Европы. Тамъ спроехся зданія прекрасной архитектуры; множество типографій выпускающъ въ свѣтъ лучшія проваденія Англійской литературы или служатъ къ изданію хорошихъ журналовъ. Хотя въ Сидней не болѣе 12,000 жителей, однако тамъ находящся два банка и четыре академіи, сославленные изъ людей извѣстныхъ и занимающихся распространеніемъ полезныхъ знаний. Подъ ихъ руководствомъ земледѣліе распространяется со дня на день: и не смотря на безмѣрное разстояніе, Австралійскіе земледѣльцы думаютъ уже снабжать Британскіе рынки съѣстными припасами, пакъ же какъ они снабжаютъ уже шерстью ихъ мануфактуры. Почта, успроенная изъ хорошихъ лошадей, поддерживаетъ частыя сношенія съ различными заведеніями, основанными во внутренности или на взморѣ новаго материка; а страховая морская компанія, съ капиталомъ 150,000 фунтовъ стерлинговъ (3,750,000 франк.), предохраняетъ арматоровъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Но сія промышленная дѣятельность не сосредоточивается въ стѣнахъ Сиднея; тамъ со-

сбивалась компанія для околонизированія окрестныхъ острововъ. Она уже отправляла поселенцевъ въ Гуадинигамъ, къ западной споронѣ Новой Зеландіи, чтобы рубить шамъ мачтовый лѣсъ и разводили лень и коноплю. Губернаторъ Сиднея отрядилъ нѣсколько ротъ для защиты сего заведенія отъ жестокости туземцевъ; все обѣщаетъ ему очасливые успѣхи. Въ Порт-Джаксонѣ дѣятельность вертей возрастаетъ со дня на день; Параматта выѣзжаетъ видъ одного изъ Англійскихъ мануфактурныхъ округовъ. Изъ всѣхъ заводовъ, находящихся въ окрестностяхъ Сиднея, болѣе другихъ приносятъ чести генію Австраліи великолѣпная Кованская (Cowan) пильня. Владышель сего заведенія такъ усовершенствовалъ механизмъ его, что оно можетъ дославлять, менѣе чѣмъ въ часъ, двѣсти пятьдесятъ фушовъ досокъ въ шри дюйма толщиной и шестьсотъ въ одинъ дюймъ. Главное колесо его пробѣгаетъ семь тысячъ фушовъ въ минушу или девятосотъ шесть тысячъ въ часъ. Эти результаты пѣтъ болѣе удивительны, что сія машина есть произведеніе мѣсной промышленности. (R. V.)

СТАТИСТИКА СУМАСШЕСТВІЯ
ВЪ АНГЛІИ И ИТАЛІИ.

Нигдѣ не случается такъ часто сумасшествія, какъ въ нѣхъ странахъ, гдѣ разумъ наиболее развершывается. Такъ на примѣръ, въ Турціи и Египтѣ, по увѣренію всѣхъ путешественниковъ, число лишующихся ума весьма не значительно, тогда какъ Англія и Франція особенно ими изобилуютъ. Это

различіе въ количествѣ умалишенныхъ особенно бываетъ чувствительно, когда образованіе въ одной какой-либо части государства отстоитъ на высшей степенн совершенства, чѣмъ въ другихъ частяхъ тогоже государства. Такъ въ Сѣверной Италіи, гдѣ просвѣщеніе вообще болѣе развито, считается одинъ сумасшедшій на 3,550 жищелей, а въ южной Италіи, гораздо менѣе просвѣщенной, одинъ на 7,554 человека.

Религіозныя пренія, всегда необузданныя, также причиняють много подобныхъ случаевъ. По донесенію, помѣщенному въ *Эдинбургскомъ Обзорникѣ*, гошпиталь сумасшедшихъ въ Керкѣ одолжена самымъ большимъ числомъ своихъ пансіонеровъ тѣмъ округамъ, гдѣ наиболее считается *рантеровъ* (*ranters*), религіозныхъ сектантовъ, предающихся самымъ нелѣпымъ бреднямъ.

Между множествомъ нравственныхъ причинъ, производящихъ сумасшествіе, первое мѣсто должно отдасть важнымъ политическимъ смущамъ, испровергающимъ государство. Докторъ Галлоранъ положительно доказалъ чрезмѣрное прращеніе числа сумасшедшихъ во время послѣдняго возмущенія въ Ирландіи. Докторъ Рршъ (Rush) упоминаетъ о многихъ сшранныхъ явленіяхъ подобнаго рода, оказавшихся въ продолженіе войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ. При началѣ одного сраженія, энтузіазмъ, овладѣвшій офицерами и солдатами, произвелъ въ нихъ великую жажду; и, при первой атакѣ, они почувствовали сильный жаръ въ ушахъ. На полѣ Монмушской битвы нашли разпростертыми во прахъ солдатъ, кои не получили

вдѣлкахъ ранъ и не имѣли случая подвергаться трудностямъ или слишкомъ большой усталости; должи́е крови было причиною ихъ смерти. При внезапномъ прекращеніи войны были замѣчены нехарактерными дошолъ болѣзни. Докшоръ Бриэръ, посѣщая госпиталь въ Аверсъ, замѣнилъ, что частыми возмущеніи, ширившимися въ последнее время въ Италію, значительно усугубили число больныхъ, поступающихъ въ сію больницу. Такъ же точно во Франціи, Испоріи ума-лишенныхъ по большой части напоминающъ кровавыя эпохи 1793 года, двойную кашаспрофу 1814 и 1815 годовъ, революцію Іюльскую, появленіе холеры, даже 5. и 6 дни Іюня.

Впрочемъ сіи нравственныя причины, хоши способными производить сумасшествіе въ ужасоющей пропорціи, не суть самыя обыкновенныя и многочисленныя. Это бывающъ только въ шакыхъ случаяхъ, когда организмъ слишкомъ раздражителинъ, когда причины сіи дѣйствуютъ въ большомъ напряженіи и когда онѣ сопровождаются болѣзненными дѣйствіями. Непосредственными физическія причины гораздо дѣйствительнѣе и многочисленнѣе: и въ семъ вшоромъ классѣ нервеншвенщъ, безъ всякаго пропшворѣчія, наследственное предрасположеніе. Одинъ ученый иностранншй практикъ говоритъ, что сіе предрасположеніе дѣйствуетъ въ пропорціи $\frac{4}{7}$. Докшоръ Бюрросъ (Burrows), котораго авторитетъ не менѣе важенъ, прошираетъ еще далѣе и утверждаетъ, что $\frac{6}{7}$ изъ числа ума-лишенныхъ, коихъ онъ пользовалъ, получили зародышъ сей жестокой болѣзни вмѣстѣ съ жизнью; даже предполагающъ,

что въ последней $\frac{1}{4}$ были въѣхоторые, коихъ должно отнести къ той же категоріи.

Въ слѣдующіе сѣхъ общійе рассматривай пред-
ставляемъ здѣсь статистическую таблицу сумас-
шедшихъ въ Италіи и Англіи. Первый изъ сѣхъ
документовъ заимствованъ изъ сочиненія Г. Бри-
ера; второй, изъ *Статистики Великобританіи*
Г. Джона Маршала. Въ 1830 году для сумас-
шедшихъ въ Италіи было усстроено двадцати
пять публичныхъ заведеній. Въ нихъ считалось въ
1830 году 1,705 мужчинъ и 1,755 женщинъ; во-
лчеснѣе, которое, въ отношеніи къ народона-
селенію, составляемо изъ 26,700,000 жителей,
содержится среднимъ числомъ, какъ 1 къ 4,879.
Но сія книжка еще очень неполна, потому
что здѣсь говорится только о сумасшед-
шихъ, кои находятся въ публичныхъ заведѣ-
ніяхъ. Число сумасшедшихъ въ Англіи (за исклю-
ченіемъ Шотландіи и Княжества Валлійскаго)
просириалось въ 1831 году до 12,747, то есть,
1 на 3,030 жителей; здѣсь число полное, ибо въ немъ
заключаются сумасшедшіе и свободные и заклю-
ченные въ публичныхъ заведеніяхъ. Вотъ какъ
они были распределены:

	муж.	жен.
Въ публичныхъ заведеніяхъ	1,189	1,514
Въ частныхъ заведеніяхъ	1,770	1,964
Въ рабочихъ домахъ	36	52
На свободѣ	3,029	3,193
	6,024	6,723
И всего	12,747	

... Не хотимъ кончить сей статью, не замѣтивши, что одна изъ финансовыхъ причинъ, производящая множество сумасшедшій, въ Италіи, заключается въ особаго рода болѣзненной мерцательности кожи (ichthyea pellage), отъ которой происходятъ какіе-то чешуйчатые наросты. Сія болѣзнь, почти неизвѣстная въ другихъ странахъ Европы, доводитъ весьма часто до самоубійства, а иногда даже до худощавой менеманіи.. челоукоубійства, которая заставляешь несчастныхъ убивать своихъ дѣтей. Болѣзнь сія особенно оказываетъ свое роковое вліяніе въ Ломбардо-Венеціанскомъ Королевствѣ, въ Пармскомъ и Піаченцскомъ Герцогствахъ и въ Великомъ Герцогствѣ Тосканскомъ. Также замѣчается въ Піемонтѣ и Болоніи. Въ Миланѣ число сумасшедшихъ отъ сей болѣзни въ четверо, и часдо даже въ двѣе меньше, противу Сенаврсакаго заведенія. (R. B.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ .

съ тѣмъ, чтобы по впечатаніи предшавлени были въ Ценсурный Комитетъ при академіи. Москва, Ноября 13 го дня 1833. года.

Ценсоръ Алексій Болдыревъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

ТЪЛЕСКОШЪ

О ПРЕДМЕТАХЪ И НАСТОЯЩЕМЪ СОСТОЯНИИ
ЭКОНОМИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ.

(окончание)

Совокупность работъ или средствъ производности образуетъ промышленность. Цѣль всѣхъ работъ одна — производность, но достигается она различными путями. Условливая распшиельная производенія земан, котория не суть непосредственные плоды трудовъ предшествовавшихъ, она называется земледѣиетъ преобразовывая и устрои производенія другихъ промышленностей, по извѣстному назначенію въ потребленіи, она именуется фабричною; есліе производенія передаеть въ руки потребителя, она торговля.

Какая же вѣшь сихъ работъ болѣе можетъ содѣйствовать народному благосостоянію и, слѣдственно, имѣть ближайшее право на вниманіе науки? Относительно сего вопроса Экономія Политическая испытала общую судьбу со всеми другими науками: догмами предписывали наблюденіямъ, предположенія фактамъ, системы принимались за науку. Вмѣсто того, чтобы наблюдать работу въ ея отношеніяхъ, связяхъ, раздѣленіяхъ, словомъ, во всѣхъ ея почкахъ соприкосновенія съ богатствами, ученые брали ошдѣльные вѣщи оной, разбирали ихъ какъ цѣлое, приписывали часнямъ по, что принадлежитъ объему общаго: отсюда неосновательныя заключенія, парадоксы, системы.

При настоящемъ состояніи гражданственности, работу цѣнить мы не иначе можемъ, какъ только посредствомъ жнвы на произведенія другой работы а). Изъ

a) ... le prix n'est autre chose que le rapport de valeur d'une chose à une autre, et comme on compare tout à la valeur de l'or ou de l'argent, le prix est le rapport de la valeur de chaque chose à celle d'une quantité déterminée de l'un ou de l'autre de ces métaux. САНАРД. Ch. III. p. 26. — Il prezzo d'une manifattura è uguale al valore della materia prima e degli oggetti consumati dal artista durante il lavoro. МЕНАЕТТИ. Col-

сравненія издержекъ, употребленныхъ на произведеніи этой или другой работы, мы выводимъ заключеніе объ относительности ихъ преимуществъ. Это ведетъ къ вознѣ-
 ямъ о цѣнности и цѣнѣ, основаннымъ въ По-
 лемической Экономіи. По мнѣнію Смита,
 цѣнность означаетъ или полезность какого
 либо особеннаго предмета, или, иногда, воз-
 можность, обладая симъ предметомъ, вы-
 звинить на оный другіе. Первую онъ назы-
 ваетъ цѣнностію въ употребленіи (*value*

ber. p. 304. — L'alimente è la misura comune de tutti i valori ed il loro vero ed universale rappresentante; l'alimento è l'utilità misuratrice di tutte le altre utilità, e questa nasce della terra. ВАССТА. II. 117. — L'alimento o la consumazione può dirsi il rappresentatore universale d'ogni sorta di travaglio, e la quantità di quello rappresenterà la quantità di questo. I. 41. — L'immediata consumazione è il rappresentante universale d'ogni travaglio e d'ogni azione. II. 121. — Il danaro è la misura de valori de tutte le cose e di tutti travagli. II. 113. — Mais comme on n'achètent un produit qu'avec un autre produit, et que le produit qui achète n'a pu exister de son côté que par des services productifs analogues à ceux qui ont donné naissance au premier, les hommes qui composent la société ne font dans la réalité qu'offrir les services productifs, propres à un genre de production, en change des services productifs, propres à un autre genre, propres à créer le produit dont ils ont besoin. САУ. Зам. къ пер. Рикардо. Ch. IV. p. 126.

in use), а другую цѣнностью въ мѣнѣ (value in exchange) а). Цѣною же (price) онъ называешь это количество работы, (подъ какими бы она видомъ ни была), которыми можно вознаградить производителей даннаго произведенія. Такъ, на примѣръ, въ цѣнѣ жатва одна часть оплачивается доходъ, принадлежащій владѣльцу земли, другою вознаграждаются работники и содержащіеся работѣи скотъ, а третья осматривается въ пользу содержателя земли (farmer) б). Эту цѣну называешь онъ *естественною* (natural price) и различаешь отъ цѣны дѣйствительной или *торговой* (market price), по которой дѣйствительно продается предметъ в), и кошорая, по его

-
- а) The word value — has two different meanings and sometimes expresses the utility of some particular object, and sometimes the power of purchasing other goods which the possession of that objects conveys. The one may be called value in use; the other value in exchange. T. I. p. 42.
- б) In the price of corn, for exemple, one parte pays the rent of the landlord, another pays the wages or maintenance of the labourers and labouring catele employed in producing it, and the third pays the profit of the farmer. Ch. VI. Of the component Parts of the price of Commodities.
- в) The actual price at which any commodity is commonly sold is called its market price.

ученію, зависить онъ соразмѣрности поваровъ, доставляемыхъ на продажу, съ требованіями ихъ, кои желаютъ заплатить естественную цѣну сихъ поваровъ, или всю цѣнность дохода, работы и прибыли, слѣдующія по обыкновенному порядку вещей за произведеніе и доставленіе оныхъ въ продажу а). Это различіе значенія имени, принимаемое у Рикардо б), Сей называется основнымъ для науки в). По сему на-

а) The market price of every particular commodity is regulated by the proportion between the quantity which is actually brought to market, and the demand of those who are willing to pay the natural price of the commodity, or the whole value of the rent, labour, and profit, which must be paid in order to bring it thither. Ch. VI. p. 84. Того же мнѣнія и Бухананъ. Note sur L. V.

б) T. I. Ch. I. p. 2.

в) La distinction que fait ici M. RICARDO d'après ADAM SMITH, entre la valeur d'utilité et la valeur échangeable, est fondamentale en économie politique. Peut-être aurait-il dû remarquer que cette dernière, la valeur échangeable, est celle dont Smith s'est exclusivement occupé, et que c'est en cela consiste le grand pas qu'il a fait faire à l'économie politique, à la science de toutes peut-être qui influe le plus directement sur le sort des hommes. En effet la valeur, cette qualité abstraite par laquelle les choses deviennent des richesses, ou des portions de richesses était une qualité vague et arbitraire que chacun élevait ou abaissait à son gré selon l'estime que chacun faisait de sa chose;

чаламъ, воздухъ и вода въ употребленіи имѣють цѣнность высокую, а при мѣнѣ никакой: золоту же въ мѣнѣ получаетъ цѣнность прѣшивъ всѣхъ предметовъ высшую, не имѣя оной въ употребленіи. Само собою разумѣется, что въ наукѣ дѣло идетъ о цѣнности мѣнвой, по еслѣ о той, копируя доплавляетъ намъ возможностъ получить оныя другія предметы, намъ по чему-нибудь нужные, для удовлетворенія ли нужды, или прихоти. Наука изъясняетъ: какія причины и обстоятельства могутъ возвышать или понижать сіи цѣнности. Промышленность, ошвлеченно размаприваемая, еслѣ совокупность образованія, переходовъ, передачъ, поспребленій и возрожденій сихъ цѣнностей. Но для произведенія или для приобретенія какой либо цѣнности необходимо предварительное накопленіе цѣнностей другихъ, на кои можно было бы приобрести вещество, служащее основною оной, и оплатитъ работу,

mais du moment qu'on a remarqué qu'il fallait que cette valeur fût reconnue et avouée, pour qu'elle devint une richesse réelle, la science a eu dès lors une base fixe : la valeur courante ou échangeable des choses, ce qu'on appelle leur prix courant, lorsque l'évaluation en est faite dans la monnaie du pays. — Примѣч. Ся къ переводу Рикардо, t. I. ch. I. p. 2—3.

участвующи́хъ въ произведеніи : это ка-
питалы.

Ошлеченное сіе положеніе въ на-
укѣ не прежде могло соспавишься, какъ по
предварительномъ часпномъ разборѣ различ-
ныхъ обществныхъ мнѣній. Первые писа-
тели объ Экономіи Политической, какъ мы
уже видѣли, поспавляли капиталы въ монет-
ную монету и видѣли источники оныхъ
во внѣшней торговлѣ ; физиократы капи-
талами почитали воспроизводительныя из-
держки въ земледѣліи. Адамъ Смитъ, даешь
имъ объемъ обширнѣйшій : онъ включаетъ
сюда всѣ предварительныя издержки и ма-
териалы употребленные во всѣхъ работахъ,
во всѣхъ земледѣльческихъ орудіяхъ, маши-
нахъ, промышленности и торговлѣ, даже
золото, серебро и кредитныя залого имѣ-
ющее предметомъ произведеніе дохода. Сей
и Канаръ земельныя собственности, какъ
по : земли, рудники, рыбныя ловли и
прочее шому подобное, въ число капиталовъ
не включаютъ : по ихъ мнѣнію, это суть
шолько орудія, способныя для произведенія,
мало различествующія отъ всякихъ дру-
гихъ машинъ, или другихъ орудій. Лаудер-
дадь значеніе капиталовъ ограничиваетъ
шолько орудіями и машинами, удобными со-

крайней : и облегчать работу. Немецкіе писатели съ понятіемъ капитала соединяють смыслъ движимости а). Ганилы капиталы поставляются въ накопленіи произведеній работы, назначаемомъ или для увеличенія дохода, или для какого нибудь другаго употребленія, болѣе или менѣе прочнаго и продолжительнаго б). По новѣйшимъ понятіемъ въ наукѣ, капиталы, разсматриваемые въ дѣйствіи и видимыхъ ихъ формахъ, суть вещешва различно обработан-

- a) Capitale, Vorräthe beweglicher, nützlicher Sachen, die zunächst nicht zur Verzehrung, sondern zur Hervorbringung eines Einkommens für den Eigenthümer bestimmt sind. — Das Wesen des Capitals besteht darin daß es einen Vorrath von Bedürfnismitteln in sich schließt und es müssen daher alle Vorräthe von nützlichen Producte Capitale seyn. — Zu dem Begriffe des Capitals gehört der Begriff der Beweglichkeit. Dahien gehören Grundstücke oder Grund und Boden nicht unter den Begriff Capital. Conversations-Lexicon. 3m. B. S. 443—444.
- б) Je crois qu'on s'en formeroit une idée exacte et complète si on les (капиталы) composoit de l'accumulation des produits du travail, soit qu'elle soit employée à l'accroissement du revenu, soit qu'elle soit destinée à tout autre emploi plus ou moins durable et permanent. — Dans cette opinion, les terres, les mines et les pêcheries réduites à leur état primitif ne seroient point parties des capitaux, mais depouillées des améliorations, des instrumens et des machines qui les fécondent, elles méritent à peine d'occuper une place dans le capital de chaque peuple. Des sys. d'E. P. II. Liv. III. p. 270.

нія, употребляемыя производительно; следовательно сюда будущъ относиться: орудія, машины, употребленныя для всякихъ преобразованій, предметы производительныхъ дѣйствій, строенія и другія цѣнности, преобращенныя въ недвижимое имѣніе и деньги, израсходованныя на приобретение производительныхъ услугъ; разсмащиваемыя же болѣе философскимъ образомъ, безъ отношенія къ ихъ вещественной формѣ, капиталы суть суммы цѣнностей, служащія задачками или (уже сдѣланными, или только еще заготовленными) для производительныхъ дѣйствій. Подобное разсмотрѣніе капиталовъ исправляетъ многія понятія, принятыя въ наукѣ безъ соображеній. Понимая подъ капиталомъ предметы только вещественныя, мы должны будемъ исключить отсюда *кредитъ*: ибо это есть только особый способъ, коимъ какъ частный человекъ, такъ и цѣлое общество получаютъ въ свое распоряженіе на извѣстныхъ условіяхъ капиталъ, принадлежащій другому. Разумѣя же подъ симъ понятіемъ сумму цѣнностей, только започную для произведеній, мы должны будемъ исключить изъ оной всѣ тѣ предметы, копорыя еще не вошли въ сію черту, даже, по мнѣнію фабричныхъ, ту

часныя мадичныя деньги, котораго не служатъ къ кругообращенію предметовъ, составляющихъ часть капитала. Согласно различнымъ понятіямъ о значеніи капиталовъ, наука разсматриваетъ ихъ попомъ въ сопоставленіи, употребленіи, накопленіи и вліаніи на богатство частное и общественное, при данномъ имъ направленіи. Объясненіе происхожденія капиталовъ каждая школа дѣлаетъ по началамъ своей системы. Физиократы производятъ ихъ отъ сбереженія издержекъ на земледѣльческія работы, отъ сокращенія расходовъ, употребленныхъ владѣльцами земли на улучшеніе почвы и отъ возвышенія цѣны на жизненные припасы посредствомъ внѣшней торговли а). По ученію Смита, капиталы образуются изъ большаго или меньшаго количества работы производящей; отъ отношенія между числомъ потребителей производящихъ и числомъ потребителей не производящихъ, и отъ сбереженія при употребленіи обык-

-
- a) .. de l'économie des frais du travail agricole, d'économie des dépenses des propriétaires du sol, quand elle est employée à l'amélioration du sol et de l'augmentation du prix des denrées par le commerce étranger. QUINAULT. Phys. 2 obs. sur le tableau économique.

новенномъ а). Новѣйшіе экономисты думаютъ, что капиталы возрастаютъ вмѣстѣ со всеми улучшеніями и усовершенствованіями имущества б).

Одностороннею правилъ, по коимъ должны быть направляемы капиталы въ движеніи, объ этомъ предметѣ чрезвычайно важно, ибо онъ касается всѣхъ равно въ высшей промышленности, всѣ системы, съ нѣкоторыми описаніями, почти согласны. Предоставляя собственноручной пользѣ каждаго заботиться о выгоднѣйшемъ употребленіи его капитала в), видя въ семъ способъ действительнѣйшее средство дать капиталамъ возможно лучшее направленіе, наука изъ

а) Liv. II. Ch. 3.

б) Cours d'économie politique par Henry Storch. T. VI. p. 368.

в) Chacun étant libre d'employer son capital comme il lui plaît, il est naturel qu'il cherche à le placer de la manière la plus avantageuse. RICARDO. t. II. p. 119. — Смыслъ, говоря о томъ, что купецъ, руководимый собственными выгодами, въ направленіи своего капитала действительнѣе, можетъ быть, содѣлываетъ пользѣ общей, нежели, еслибы онъ заботился съ вниманіемъ объ оной, прибавляетъ: Я никогда не помню, чтобы для общества много выходило добра отъ тѣхъ, кои выдвигали себя за действующихъ только для общаго блага. An Inq. t. III. 67.

опыта заключаешь, что лучше всего предославить ихъ естественному ходу и употребленію: нѣкоторыя только ограничиваютъ сію свободу пользою общеспвенною а),

- a) C'est violer la propriété territoriale que de prescrire à un propriétaire ce qui il doit sèmer ou planter; que de lui interdire telle culture ou tel mode de culture. *Traité d'Econ. Polit. t. I. p. 137. sec. ed.* Джюиа amo опровергаетъ t. I. p. 264. — C'est violer la propriété du capitaliste que de lui interdire tel ou tel emploi de capitaux; comme... lorsqu'on l'empêche de bâtir sur son terrain, ou lorsqu'on lui prescrit la manière de bâtir. *Jb.* — La maniera di fabbricare, замѣчаетъ Джюиа, è soggetta a cinque regole, che tutte limitano ragione volmente il diritto di proprietà: 1) la salubrità dell'aria; 2) la solidità, o per dir meglio, la sicurezza fisica de'passaggeri e dei vicini; 3) il comodo del commercio, il quale volendo che due carri possano passare nel tempo stesso sulla stessa strada, è necessario che restino a corrispondente distanza le fabbriche; 4) la sicurezza morale; 5) la luce si necessaria a tutti. — Tutte le private e tutti privilegi esclusivi sono contrari al bene dello Stato. *VERRI t. I. 93.* — Tutto debb'essere diretto da questa massima che non ha eccezione, cioè che le restrizioni alla libertà non debbono essere poste per l'amore della perfezione, ma soltanto per esigenza della necessità; non per far meglio, ma per trattenere un disordine. *ВЕССАЛІА. I. 289.* Графъ Верри распространяетъ эту мысль еще болѣе: Qualunque sia la forma di governo sotto la quale vive una società d'economini, sarà sempre vero che la giustizia e l'interesse del Sovrano esigono di lasciare ai cittadini la maggiore libertà possibile, e togliere loro quella sola porzione di naturale indipendenza che è necessaria a conservare l'attuale forma di Governo. *II. (13—14),*

По болѣе или менѣе скорѣйшему уничтоженію капитала при производствѣ ка-кого-нибудь произведенія, или проще, по разчисленію, капиталы вообще раздѣляются на капиталы постоянные (capitaux fixes) и капиталы въ обращеніи или текущіе (capitaux circulants) а). Сей допускаетъ еще прешій видъ капиталовъ: капиталы пользо-производительные или доставляющіе насла-жденіе (capitaux productifs d'utilité ou d'agrément) б). Первый (capital fixe) состоитъ изъ цѣнностей вещественной формы, проч-но и долговременно сохраняющихся, управ-ляющихъ при ежегодномъ употребленіи незначительную только часть. Второй (cap. circulant) — изъ такихъ цѣнностей, ко-

Капиталъ почитается запрещеніе полезнымъ въ одномъ случаѣ: Supposons la (nation) parvenue à son maxi-mum de richesse et commençant à décliner: c'est alors que les prohibitions paraissent nécessaires. En empêchant l'argent de sortir, on force les individus à consommer les produits des manufactures nationales. Il semble que c'est le cas de retenir captive la richesse qui veut s'en-fuir. Prin. d'Econ. polit. p. 145.

а) Шторхъ и др. Сей капиталъ постоянный назы-вается еще engagé: parceque l'on ne peut pas sans le perdre, du moins en grande partie, le dégager de cet emploi, pour l'employer différemment. Cours comp. d'Econ., Pol. I. Ch. XI, 290.

б) Тамъ же.

шорыкъ матеріальная форма, по шерстномъ, по возраждається при совершеніи различныхъ производительныхъ дѣйствій. Таковъ капиталъ купца, переходящій въ различные предметы его торговли, какъ капиталъ мануфактурисна въ его матеріалахъ, передаваемыхъ въ издѣлія, по сбытѣ коихъ онъ покупаетъ вновь матеріалы, и ш. т. д. Этакое же свойство и на частнѣ его капитала, изъ которой онъ производитъ рабочую плашу, ошнмъ масцерельнымъ; ибо на сію частнѣ онъ покупаетъ производительныя услуги, следовательно шуть происходитъ по же преобразование; услуги сіи онъ превращаетъ въ капиталъ, прилагающуюся къ произведенію, имъ вырабатываемому: преобразование второе; сдѣланную вещь онъ продаетъ: преобразование третіе. Капиталъ, участвовавшій во всѣхъ сихъ переходахъ, будетъ капиталъ текущій (circulant). Капиталъ польвопроизводнымъ Сей называется шаккой, который доставляетъ произведенія нешесшвенныя: на примѣръ, капиталъ употребленнй на постройку жилого дома, ибо домъ сей не даетъ шаккого произведенія, которое можно бы было продать какъ вещь. Но этакое, не можетъ, кажется, служить отличительнымъ свойствомъ, по

контролю следовало бы оному употреблению казначаловъ дати особое наименование. Должно доставляеть известное удобство, которое можно подчинить вѣсть свойственнаго про-
 дажки. По силѣ же свойственнаго учета и личная способность человека, доставляющая какой-либо доходъ, и общественнаго удобства, по чему-либо полезныя, включающияся въ разрядъ казначаловъ. Казначаль, привосстановленный по какому бы то ни было приращиванью въ своей воспроизводимости, будеть во все это время капиталъ мертвый, или какъ въ наукѣ его называютъ — не-производительный (improductif). Политическая Экономія исследуетъ все эти причины, кои могутъ парализовать казначаль: и ищетъ услуга ея восстановителныя. Оснащая вычисленія казначаловъ Сципицикъ, Экономія Политическая, особенно въ наше время, внимательнѣе свидѣтъ и объясняетъ вліяніе на состояніе общественное накопленія казначаловъ. Дѣятельность человека и цѣлаго общества сопряжена неразрывно съ казначалами и въ нѣкоторой мѣрѣ обуславливается оными. Человѣкъ безъ соотношенія къ природѣ есть существо мечтательное. Принявши, что казначаль вообще есть та сумма цѣнностей, ко-

норалъ употребленія: оныя употребленія по возмозности расширяются общезначеніемъ: промышленно-стныя и образена, или производенія, возмозныхъ нравственныхъ, аинуи неэкономична: въ экономическомъ обществѣ, при какихъ условияхъ и общеприемлемыхъ, и по какому числу оныя промышленно-стныя, сбереженія оныя возмозжны и употребленія оныя выгодны. Въ ономъ отношеніи она посылаетъ Смитъ инстинкту, невразумительную и пошлую божью ои пошлой. Но чтобы оплачивать въ издѣльяхъ различныя, разнородныя суммы: и наука, во времени Смитъ, параллельно, оныя разнятся означать различіе въ доходахъ, доставляемыхъ пою или другою составленіемъ: численности капитала а). Доходъ, доставляемый работою, Смитъ называетъ платою (wages), доходъ оныя движимаго ма-

- а) In this state of things, the whole produce of Labour does not always belong to the labourer. He must in most cases share it with the owner of the stock which employs him. Neither is the quantity of labour, commonly employed in acquiring or producing any commodity, the only circumstance which can regulate the quantity which it ought commonly to purchase, command, or exchange for. An additional quantity, it is evident, must be due for the profits of the stock which advanced the wages and furnished the materials of that labour. Ch. VI.

нивала, самимъ владѣльцемъ располагаемаго, *барышесль* (profit), а доходъ, произтекающій исключительно отъ земли, принадлежащей владѣльцу оной, *доходъ помѣстный* (rent) а). Это различіе, съ изъясненіями и измѣненіями въ названіяхъ и подразделеніями, принапо и другими учеными. Различныя причины, коихъ частью мудросль человѣческая ни ошврашившь, ни даме предвидѣшь не моментъ, зависящія въ свою очередь отъ причинъ другихъ ошдаленныхъ, многосложныхъ, вызывая къ дѣятельности ту или другую часть изъ прехъ упомянутыхъ, производятъ явленія, сопровождаемыя благиими или вредными послѣдствіями. Тутъ наука усшремляешся въ подробности, въ соображенія различныхъ соотношеній, разсмащриваеш общесшвенное усшройсшво, постановленія, народонаселеніе, численное ошношеніе различныхъ классовъ общесшва, ходъ шорговли

a) The revenue derived from labour is called wages. That derived from stock by the person who manages or employs it, is called profit. The revenue which proceeds altogether from land is called rent, and belongs to the landlord. Ch. VI p. 79. Это почти то же самое, что Канаръ называетъ: *rente foncière et rente mobilière, rente industrielle et la rente du travail apprís.*

и проч., и объясненія ея, если не приобретають обязательной силы для держащихъ кормило правленія, то по крайней мѣрѣ могутъ служить опроверженіемъ совѣтомъ, подкрѣпляемымъ убѣдительною опытностію. Нѣкоторые экономисты, (впрочемъ, надобно сознаваться болѣе теоретики), въ равновѣсіи прехъ упомянутыхъ видовъ дохода, полагаютъ основаніе науки а). Но чѣмъ это равновѣсіе достигается? Какъ далеко можно допустить прѣшомъ какое либо постороннее средство? Это опять проблема. Мысль глубокаго Смита и гутъ ша, что должно оставитъ каждую часть собственному ея естественному движенію; и что выгоды или невыгоды, постигающія ихъ при этомъ естественномъ ходѣ, всегда будутъ производить желаемое равновѣсіе между ними б).

а) L'équilibre des trois sources de rente est la base de l'économie politique: c'est à ces principes que se ramènent toutes les questions de cette science importante. Prin. d'écon. polit. par CANARD. p. 15.

б) Это мнѣніе почти общее между учеными. Laissez souffler sur vos campagnes l'air vivifiant de la liberté; laissez à chacun l'utile et noble espoir d'améliorer son état; établissez la libre concurrence, et vous ferez également le bien du producteur et du consommateur; les prix se régleront d'eux-mêmes avec le bénéfice et sans

Но если человек не может раскрыть своей деятельности без капиталовъ, то, и на оборотъ, капиталы не имѣютъ ни-какого значенія безъ воздействия на нихъ человека. Произведеніе, какое бы оно ни было, поступившее въ разрядъ цѣнностей, если плодъ совокупности дѣятель и средствъ, приведенныхъ въ движеніе умелѣнными способностями: это есть реализованная мысль. Прежде, нежели предметъ получить это состояніе, въ какомъ онъ дѣлается способнымъ удовлетворять нужды человека, надобно, что бы составлено было намѣреніе и приисканы средства притомъ вески оное въ исполненіе. Все сіе требуетъ совокупности разнородныхъ способностей, болѣе или менѣе образованныхъ, и различныхъ работъ, никогда или чрезвычайно рѣдко, и по полью въ извѣстныхъ малосложныхъ произведеніяхъ, въ одномъ лицѣ соединимыхъ. Указанію

aucun excès. La concurrence des acheteurs assure à l'exercice de l'industrie une récompense suffisante pour l'entretenir et pour l'accroître; la concurrence des vendeurs servant de contre-poids à celle des acheteurs, entretient le bon marché, et réduit le taux des denrées au niveau des facultés d'un plus grand nombre de consommateurs. Sur la liberté des marchés et le prix des denrées, par ETIENNE DUMONT.

производитель въ произведенной цѣнности, и разчисливъ по ней шу долю пользы, которая по справедливости ему изъ сей цѣнности должна слѣдовать, если дѣло науки. По сему предмету она конечно часно всирь-нимъ производствѣ въ дѣйствительности: но иногда она дѣйствительность будетъ показывать или неуспавовившійся еще порядокъ въ вещахъ, или злоупотребленіе: но и другое сущъ обстоятельство случай-нымъ, кои не могутъ измѣнить правилъ, навлеченныхъ умомъ изъ опытности. Наука усмраняетъ шупъ всъ химерическія при-званія и опасастическія идеи равенства, легкомысленнымъ оспроуміемъ провозгла-шеннымъ: она предлагаетъ положенія неиз-блемныя, основанныя на вѣчныхъ законахъ права, на природѣ вещей и человека. Эко-номія Политическая побвдоносно низла-гаетъ шупъ всъ мѣлочныя блеспки ума, занятанные соемзы и парадоксы, коими праздно легкомысліе превозинтъ иногда общественное спокойствіе. Наука объясняетъ: почему одинъ человекъ часно имѣетъ право на бѣольшую долю изъ добы-той цѣнности, нежели тысяча другихъ, ра-ботающихъ надъ оною; почему одинъ можетъ вдавляться въ потребление безмѣрное, иногда,

какъ многократно другихъ едва достигнуть на удовлетвореніе первыхъ потребностей? Экономія Политическая показывается при этомъ: какое важное вліяніе на произведенія оказываетъ народное преслѣдваніе; даешь чувствовать всю необходимость онаго; изъясняетъ истинное его значеніе и характеръ а); показываетъ при какихъ обстоятельствахъ участіе въ произведеніяхъ многочисленнѣйшаго класса производителей, работниковъ, вознаграждается болѣе или менѣе, и какое производитъ вліяніе измѣненіе сіе на благо и судьбу гражданскаго общества; подкрѣпляетъ святыню правъ личности и собственности, изъясняетъ на какихъ условіяхъ могутъ переходить, законнымъ образомъ, изъ од-

-
- a) Appel à la prévoyance du gouvernement, des capitalistes et des rentiers, ou Considérations sur les moyens d'accroître dans leurs intérêts et par leur concours la prospérité agricole de la France, par M. de MAILLAVULT. Paris 1825. И другое его же сочиненіе: De l'instruction nécessaire aux cultivateurs et des établissemens qui peuvent le plus efficacement contribuer à la répandre. Paris 1828. — Авторъ думаетъ, что le gouvernement ne doit pas être plus agriculteur que négociant ou manufacturier; но должно быть особенное земледѣльческое образованіе: l'instruction agricole pour les enfans qui sont destinés à faire valoir les champs.

ноя не распоряженіе господствующее, но перах своей природы: а).

Производствѣ предисполагають: употребленіе, ; употребленіе: есть: сладостивіе: нужды: удовлетвореніе, производствѣм: иудѣ: въ: сразаврности: съ: иудѣ: нужды: Но: дѣйсствительность: какъ: показывають, что: для: приобрѣтенія: производеній: однихъ: нужды: не: достаточно: надобны: еще: сред-ства. Средства: сія: разнообразны, какъ: естество: производеній. Въ: општественномъ: же, философскомъ: смыслѣ: это: не: что: иное, какъ: извѣстное: количество: работы, при-нявше: форму: той: или: другой: цѣн-ности, на: которую: мы: можемъ: вынѣ-нить: предметъ: намъ: потребный: б).

а) Въ 1824 году во Франціи сдѣлано было предложеніе убавить проценты съ государственнаго долга. Это возбудило общее вниманіе. По сему случаю появилось множество небольшихъ и большихъ сочиненій, поясняющихъ предметъ въ разныхъ отношеніяхъ. Изъ нихъ важнѣйшее, исполненное общими идеями, было Сальерина: Du taux de l'interet de l'argent et de sa réduction, par EUGÈNE SALVETÉ. Paris. 1824. in 8. Мыслиа по сему предмету, по: it may be laid down as a maxim, that, wherever a great deal can be made by the use of money, a great deal will commonly be given for the use of it. Ch. 9. Of the profit of Stock.

б) On affirme qu'il n'est pas aussi facile de produire que de consommer; et dans la vérité il est encore plus

справе, сие будетъ мѣна, а произведеніа, пособіемъ коихъ мѣна совершилась, *средства мѣны*. Но какъ мѣна произведеніями чрезвычайно могла бытъ затруднительна по недоспапкѣ нужды въ оныхъ съ одной стороны и по не имѣнію другихъ предметовъ для промѣна съ противоположною: по необходимости было пріискашь опвлеченную цѣнность, копорая, не имѣя той или другой формы, той или другой полезной цѣнности, удобно попребляемой и, слѣдственно, получающей частное значеніе, заключала бы въ себѣ представителъную цѣнность всѣхъ возможныхъ видовъ работы, всѣхъ родовъ цѣнностей. Это образовало понятие о *деньгахъ*. Мѣна, производимая пособіемъ сихъ средствъ, получила названіе *торговли*. Наука излагаетъ теорію сей обширной операціи народнаго богатства а).

difficile de consommer que de produire. Car pour produire, il suffit de travailler, ce qui est au pouvoir de tout être valide; tandis que pour consommer, il faut avoir un équivalent à donner au producteur ce qui n'est pas toujours dans les moyens du consommateur. GANILE, Théorie de l'Économie Politique. II. p. 417.

а) Теорію продажи Канаръ изъясняетъ такъ образомъ. Требованіе покупателей и желаніе сбыть товаръ оны выражаетъ алгебраическою формулою. По его положенію, самая высокая цѣна, копорую хотять продавцы получить за товаръ свой, и самая

Никто изъ насъ въ оидальности не можетъ произвести всѣхъ ихъ произведе- ній, которыя потребны для удовлепворе-

нкая, какую только соглашаются дать покупщи- ки, соснавляютъ двѣ крайности, а промежутокъ между ними по пространству, на которомъ дви- жется цѣна. Выразить это алгебраически: положить x будетъ значить промежутокъ; x часть промежутка, которую продавцы желаютъ приложить къ са- мой низкой цѣнѣ; $n-x$ будетъ часть, которую по- купщики хотятъ выторговать; пусть будетъ че- неръ N нужда покупателей; C ихъ совѣспничество; n нужда продавцовъ; c ихъ совѣспничество: ясно, что часть x промежутка, плапная покупателями, возрастетъ по мѣрѣ ихъ нужды и совѣспничества: и потому x составится изъ N и C или возвысится какъ NC ; по той же самой причинѣ другая часть x возвысится какъ nc : такимъ образомъ состав- лится пропорція $x: NC = n-x: nc$; но, что дастъ слѣ- дующее уравненіе: $ncx = NC(n-x)$, *équation des dé- terminations*, какъ называютъ его Каваръ. Въ этомъ уравненіи количество nc представляющее нужду и совѣспничество продавцовъ составялетъ силу по- купщиковъ, n , на оборотъ, NC , представляющее нужду и совѣспничество покупателей, составялетъ силу продавцовъ. Очевидно, что сила покупателей, помноженная на часть промежутка, которую про- давцы заставляютъ плапнить себѣ, равняется силѣ продавцовъ, помноженной на другую часть, которую покупщики принимаютъ на себя. Теперь, если $nc=0$, то $x=n$, то есть, если между продавца- ми совѣспничества нѣтъ, или нужда продать са- мовольная, то покупщики плапняютъ весь проме- жутокъ. Если же напротивъ $NC=0$, то $x=0$, то есть если совѣспничество, или нужда покупщи- ковъ возможно мала, то они ничего не заплапняютъ

нѣя нашихъ нуждъ: отсюда производить раздѣленіе занятій: каждый производитъ особую какую-нибудь цѣнность. Но это произведеніе по необходимости было бы чрезвычайно ограничено, еслибы каждый производитель производилъ бы только для себя: и потому возможность сбытъ излишекъ своихъ произведеній другимъ, или *мѣна*, есть первая пружина въ экономіи общественной. Обеспеченный ею, каждый можетъ прослѣдовать фабрикацію какого-нибудь извѣснаго рода произведеній сколько далеко, какъ только могутъ позволить его способы: на произведенія сіи онъ приобретаетъ всѣ предметы, или по крайней мѣрѣ часть ихъ, кои ему нужны.

Понятія о мѣнѣ въ наукѣ установились, хотя ученые и не согласились еще, чѣмъ при этомъ служить основою расчета: количествомъ ли работы, какъ думаетъ Смитъ а); объемомъ ли производительныхъ услугъ,

за промежутокъ. Изъ сего явствуетъ, что зная промежутокъ есть пространство раздѣляющее монополию продавца отъ монополію покупателя.
Prin. p. 29.

а) In order to avoid the inconveniency of such situations, every prudent man in every period of society, after

какъ полагаешь Сей, а); издержки ли на произведеііе, какъ заключаешь Рикардо б); или отношеніе между числомъ истребованій и количествомъ произведеній, какъ утверждаетъ Лаудердаль и Бухманъ. Мнѣніе последнее отъдалось почти воспомывающимъ въ наше время. Та же неопредѣленность въ мнѣніяхъ и относительно вліянія на мѣну денегъ и кредита, касательно ихъ сущности, законовъ управляющихъ ихъ движеніями, учрежденій благоприятныхъ или неблагоприятныхъ онымъ и причинъ, имѣ-

the first establishment of the division of Labour, must naturally have endeavoured to manage his affairs in such a manner, as to have at all times by him, besides the peculiar produce of his own industry, a certain quantity of some one commodity or other, such as he imagined few people would be likely to refuse in exchange for the produce of their industry. Ch. IV. Of the origine and use of money. f. 4a.

- а) Въ примѣчаніи къ 294 стр. II части Рикардо. Тутъ же онъ объясняетъ что должно понимать подъ словомъ: *производительныя услуги*. *Par services productifs j'entends l'action, le concours des travaux, des capitaux, des terres, dont il résulte un produit. Ceux qui fournissent leur travail, qui prêtent leur capital ou leur terrain, reçoivent le prix de ce concours; et ce prix compose les frais de production.*
- б) *Ce sont les frais de production qui règlent en dernière analyse le prix des choses... Des principes de l'écon. pol. p. II. ch. XXX. p. 287.*

вопреки предное влѣніе на ихъ дѣйствіи. Ученые колеблются еще принявъ рѣшительное мнѣніе: какой видъ движенія сихъ средствъ болѣе полезенъ: внутреннее: ли кругообращеніе; или внѣшнее? Это различіе коснулось даже самыхъ способовъ движенія средствъ тѣны. Въ дѣйствительности, почти вездѣ, приняты, какъ мѣры поощрительныя: сообщества (корпорации), торговыя общества съ извѣстными привилегіями и торговыя пракпаты: а въ теоріи, почти всѣми писателями мѣры сии охуждающіяся, какъ препятствующія свободному движенію ередствъ.

Многіе смѣшиваютъ деньги и монету, хотя они предметы совершенно разные а). Деньги, говоритъ Гюмъ, собственно понимая, не есть предметъ торговли; оно

a) Dans l'usage commun, on la désigne par diverses dénominations. C'est quelquefois de l'argent, du numéraire, des especes. Toutes ces expressions ne sont pas également propres. SAY, Cours comp. II. 357... Lorsqu'il ne peut s'élever aucun doute, sur le sens des mes expressions, j'emploie comme le vulgaire les mots: argent, numéraire, especes, pour désigner les monnaies; mais lorsqu'il s'agit des les désigner regoureusement comme l'instrument propre à faciliter les échanges, je leur réserve exclusivement le nom des monnaies. II. 382.

только мѣра, которую люди согласятся принять для облегченія взаимной мѣны своихъ товаровъ; деньги по многимъ отношеніямъ можно уподобить корабельнымъ парусамъ, безъ помощи коихъ судно не можетъ переплывать пространства морей и достигать земель отдаленныхъ а). А Верри, самый знаменитый Италіанскій писатель, говоритъ б): деньги суть не что иное, какъ металл, коего цѣнность равномерно пред-

а) L'argent n'est pas à proprement parler un objet de commerce; il n'est que la mesure dont les hommes sont convenus pour faciliter l'échange réciproque de leurs marchandises, et il peut-être comparé à beaucoup d'égards aux voiles d'un vaisseau, sans le secours des quelles un bâtiment ne pourrait traverser l'espace des mers et naviger dans les pays les plus éloignés. Essai sur l'argent.

б) Della Econ. Polit. § 2. То же самое повторяется и въ своихъ Meditazioni sulla Economia Politica; Эпошь образъ возрѣнія чрезвычайно много изменилъ понятія объ употребленіи денегъ. Il faut que l'argent soit considéré comme une marchandise, et qu'on puisse en disposer comme de toutes les marchandises possibles; qu'il soit permis de l'acheter, de le vendre, de le louer sans aucune espèce d'empêchement. Ся превосходное твореніе: Défence de l'usure ou Lettres sur les inconvéniens des lois qui fixent le taux de l'intérêt de l'argent, par JEREMIE BENTHAM; traduit de l'Anglais sur la 4me ed., suivi d'un Mémoire sur les prêts d'argent, par TURGOT, et précédé d'une Introduction, contenant une Dissertation sur le prêt à intérêt. Paris 1829.

считаленся предметомъ, на который онъ обмѣнивается, и это свойство, представляя цѣнность, есть общее всѣмъ прочимъ товарамъ, въ которыхъ она размѣривается. Нѣкоторые полагаютъ, продолжаясь онъ, что деньги есть залогъ, средство получая товары: но въ этомъ смыслѣ товары тоже будутъ залогомъ, средствомъ имѣть деньги, и всякой товаръ есть равномерно залогъ, средство, чтобы получить другой товаръ. Другіе же считаютъ деньги общею мѣрою вещей, забывая, что деньги имѣютъ цѣнность и состоятъ изъ первоначальнаго вещества, употребляемаго при многихъ фабрикахъ, и что все, имѣющее общественную цѣнность равномерно измѣряется и можетъ быть измѣрено цѣнностію другихъ предметовъ. Деньги, по его мнѣнію, не что иное какъ только общій товаръ, который, будучи повсюду принимаемъ, по малому своему объему, дѣлающему перевозъ онаго легкимъ, по своей дѣлимости, по свойству не портиться, употребляется при промѣнѣ каждаго особаго товара; и мнѣ кажется, говоритъ онъ, что смотря на деньги съ сей точки зрѣнія, мы ихъ определяемъ свойственнымъ имъ понятіемъ, обозначаю-

дѣить все ихъ назначеніе. Смитъ почитаетъ деньги однимъ орудіемъ торговли а). Доспѣйный переводчикъ его Гарнье того же мнѣнія б). Сей деньгамъ счищаютъ поже поваромъ в). Это же мнѣніе разделяютъ и большая часть писателей Англійскихъ, Французскихъ и Испанскихъ. Нѣмецкіе ученые предметъ сей слишкомъ раздробляютъ г). Глубокомысленное изъясненіе де-

-
- а) Liv. I. Ch. IV. Of the origine and use of Money.
- б) Dans les coffres d'un particulier le numéraire est une vraie richesse, une partie intégrante des biens qu'il possède, et qu'il peut consacrer à ses jouissances; mais sous le rapport d'économie politique, ce numéraire n'est autre chose qu'un instrument d'échange, totalement distinct des richesses qu'il sert à faire circuler. Abrégé des principes d'économie politique. p. XII, XIII.
- в) L'argent qu'il soit monnoyé ou bien en lingots, subit la loi commune à toutes les autres marchandises; sa valeur échangeable ou son prix en denrées, dépend de la quantité qui est en circulation, comparée avec l'étendue de la demande qui en est faite. Traité. II, 16... L'abondance ou la rareté, ou de tout ce qui en tient lieu, n'influe pas du tout sur le taux de l'intérêt: pas plus que l'abondance ou la rareté de la canelle, du froment ou des étoffes de soie. Traité. II, p. 113.
- г) Théorie des Geldes und der Münze von D. KARL MURHARD. Мюнхенъ. 1817. Книга чрезвычайно много объясняющая ученіе Смита. Авторъ, рассматривая въ первой книгѣ основныя понятія объ имуществѣ, цѣнности, цѣнѣ и капиталѣхъ, въ двухъ послѣднихъ разсуждаетъ о деньгахъ во всей подробности:

негъ излагаетъ Графъ Готеривъ, въ своихъ *Основаніяхъ Экономіи Политической* а).

Деньги, разсмаприваемыя какъ шоварь, приводятъ совершенно къ другой теоріи, нежели какую сославили себѣ меркантилисты. Съ того времени, какъ начали деньги цѣнить какъ шоварь, мнѣнія о рудникахъ и о поргговомъ балансѣ совершенно измѣнились. Какъ произведенію работы, деньгамъ приписываютъ цѣнность въ мѣнѣ, опредѣляемую требованіями покупателей и изобиліемъ или недоспапкомъ омыхъ у продавцовъ; не боль-

объ идеальныхъ и общепородныхъ реальныхъ, и о шоваріи монеты.

- а) L'argent est le véritable langage de l'industrie. Par rapport à l'esprit, tout s'efface ou s'absente, tout est fugitif ou périssable, hors le langage qui exprime toutes ses opérations. Les idées sont passagères, les objets s'éloignent, les sensations s'oublient; mais le langage reste, pour représenter à l'esprit les idées et les relations qui n'ont pas laissé de trace après elles. Il en est de même de l'argent: il gradue les valeur des productions, il gradue le travail, et fixe toutes ces graduations. Les productions se dispersent, et le travail n'est plus; mais l'argent exprime les rapports qui les lient ensemble, et il exprime en même temps les justes rapports qui les lient à nos besoins. Un des plus beaux résultats du langage est celui de donner à l'esprit les moyens de généraliser ses idées. Un des plus beaux résultats de l'argent, est celui de généraliser le travail. p. 23.

шой же излишекъ въ цѣнности противъ другихъ предметовъ деньги имѣютъ только по естественнымъ свойствамъ вещества своего. Наука объясняетъ, что каймо, или знакъ, налагаемый различными правительствами на сіе произведеніе, ни чего не прибавляетъ ни къ металламъ, ихъ соспавляющимъ, ни къ продажной цѣнности, и, слѣдственно, не можетъ дать другой, какъ только ту, которую получаютъ металлы при всемирной торговлѣ. Понятія сіи начерпываютъ и неизмѣнные законы, по которымъ вездѣ должна быть усстроена монетная система. Монету Экономія Политическая расширяетъ иначе. По понятію, которое употребленіемъ въ Русскомъ языкѣ слову сему присвоено, мы разумѣемъ подъ именемъ монеты известное количество металла, въ признанной формѣ, удостоверенной знаками правительства въ определенномъ вѣсѣ и добротѣ, или иногда и просто безъ означенія качества, но всегда съ знакомъ правительства. Это у насъ тоже, что Французы называютъ : *monnaie réelle* с). Слѣдовательно у насъ по-

а) Сюда включаются и Русскіе пятаки, и Ормускіе оловянные Безорхи, и свинцовыя деньги Хинейскіе въ

иные о монетах будутъ понятию вида, родъ, котораго деньги. Принявши монету въ такомъ смыслѣ, наука изъясняетъ относительную цѣнность золота и серебра, металловъ исключительно на сей предметъ употребленныхъ, и нѣтъ причины, по коимъ правительства не могутъ произвольно изменять ни сего отношенія, ни вѣса монеты, оставляя прежнюю именно ихъ цѣнность.

Ежели цѣнность денегъ зависить отъ количества произведеній, то для науки

Кипаъ и желѣзные Лигурговы; но главныйишій вопросъ въ наукѣ отношеніе дорогихъ металловъ. Джіоіа въ III томѣ своего *Prospecto*, p. 102, сообщаетъ чрезвычайно любопытные результаты отношенія золота къ серебру въ различные времена; изъ сравненія оныхъ онъ заключаетъ: *rapporto tra l'oro e l'argento medio d'Europa = 1: 14 1/2*. Къ этому онъ приводитъ мнѣніе Монжа: *Si on se rappelle que la proportion entre les monnaies d'or et d'argent de Constantin a été trouvée par Romé de l'Isle (*) de 4 1/2, c'est-à-dire la même que Louis XV établit quatorze siècles à peu-près, en 1726; et si l'on considère ensuite que la découverte de l'Amérique semble avoir du rompre le rapport entre l'or et l'argent, par l'abondance avec laquelle elle a fait couler le dernier métal sur notre continent, on sera étonné de cette parité. Considérations générales sur les monnaies. p. 22—23.*

(*) *Métrologie ou table pour servir à l'intelligence des poids et des mesures des anciens. T. XIV. p. 143.*

весьма важно рѣшить: естьли какое либо постоянное и извѣстное содержаніе между количествомъ денегъ и количествомъ произведеній, приводимымъ ими въ движеніе? Вопросъ сей вѣдетъ къ другому: какъ велико должно быть количество денегъ въ государствѣ, и какое дѣйствіе на успѣхи народнаго благосостоянія производить объявіе какъ недостатка оныхъ? Вилліамъ Петти думаетъ, что сумма денегъ необходимая для Англіи должна равняться: 1) половинѣ годового земельнаго дохода, 2) четверти доходовъ съ недвижимостей, 3) однедѣльному расходу, испрачиваемому всѣмъ народомъ, и 4) цѣнности четвертой части всего вывоза. Давенанъ, приводя это мнѣніе Петти, находитъ оное весьма основательнымъ а). Канпильонъ вычисляетъ, что сумма обращающихся денегъ въ Европѣ, равняющійся по крайней мѣрѣ половинѣ произведеній земли или даже приближается къ двумъ третиамъ б). Кондильякъ полагаетъ, что количество денегъ, необходимое для торговыхъ оборотовъ, почини

a) Discours sur la protection et les soins dus au commerce. T. I. p. 440—441.

б) Essai sur la nature du commerce. L. II. Ch. 3.

равняется ценности произведений, потребляемых въ городахъ а). Шпорхъ, сообщая въ своемъ *Kурсъ* изчисленія извѣстнѣйшихъ снанисликовъ о количествѣ обращающихся въ Европейскихъ Государствахъ денегъ, находитъ, что самыя основанія сихъ вычисленій весьма недостоверны б). Сей, признавая также трудность узнать сумму обращающихся денегъ, думаетъ что это знаніе болѣе любопытно, чѣмъ важно: ибо главное дѣло въ томъ, чтобы вычислишь количество, пребуемое потребностями обращенія в). Джиоіа считаетъ вопросъ сей еще нерѣшеннымъ и едва ли рѣшимымъ г). Съ нимъ не трудно согласиться, убѣдившись, что кругооб-

а) *Le commerce et le gouvernement.* p. 140.

б) *Cours d'écon. polit.* t. VI. p. 23—255.

в) Ce qui rend plus difficile encore de connaître la somme des monnaies en circulation, ce sont les nombreux suppléments à la monnaie dont on fait usage, tels que billets de banques, les papiers-monnaie ayant un cours forcé, les lettres des changes, les viremens de parties, ou compensation de dettes par les créances. Heureusement que l'évaluation de la somme des monnaies de tel ou tel pays, tout en flattant la curiosité, n'a presque point d'utilité pratique. *Cours*, t. II. p. 396.

г) Da queste diverse opinioni si può con certezza concludere che il problema non è ancora risoluto, e forse debassi riguardare come insolubile. III. p. 140.

ращеніе произведеній въ государствѣ земледѣльческомъ существенно различествуетъ отъ обращенія въ государствѣ промышленномъ, и что тамъ, гдѣ существуетъ обширный кредитъ, оно совершенно другаго рода, нежели тамъ, гдѣ оно спѣснено или духомъ практическимъ или не совершенствомъ законоположеній, и что кругообращеніе, содѣйствуемое въ большей своей части банками, приобретенными общимъ довѣріемъ, не имѣетъ ничего схожаго съ тѣмъ, которое происходитъ безъ всякихъ пособій. Другую часть вопроса: какое вліаніе производитъ обиліе денегъ на благосостояніе народное, ученые рѣшаютъ различно. По духу ученія Смита, обиліе денегъ, или ихъ малое количество, само по себѣ совершенно не имѣетъ никакого вліанія на богатство новыхъ народовъ а). Сей слѣдуетъ семуже мнѣнію б), Рикардо же г).

а) Liv. II. Ch. 2. Liv. IV. Ch. I. Liv. I. Ch. II.

б) La quantité de la monnaie que l'on verserait en France ne changerait rien au besoin de monnaie qu'éprouve la nation. Elle n'aurait toujours à offrir contre de la monnaie que la même quantité de marchandises et demanderait à en acheter la même quantité. — Cours... II. p. 387.

в) Principes... II. ch. XXVII.

г) Essai sur l'argent.

Но Гюль, Торришонъ и Ганль а), принимающъ мнѣніе противоположное. Утвердительное или отрицательное рѣшеніе сего вопроса весьма важно въ практическомъ отношеніи: ибо по тому или другому мнѣнію принимаются и различныя торговыя мѣры. Мѣна не всегда пребуешь наличныхъ цѣнностей съ обѣихъ сторонъ. Утѣренность, что цѣнность существуетъ и можетъ быть доставлена въ наивысшее время по воспреобанію, дѣлаетъ осуществленіе оной не замѣняемымъ. Тутъ образуется идея *кредита*. Кредитъ по сему можно называть деньгами самыхъ денегъ: ибо онъ также замѣняетъ деньги, какъ деньги замѣняютъ произведеніе. Все различіе въ томъ, что одни предсказываютъ цѣнность въ *дѣйствительности*, а другой въ *возможности*: и пошому вліяніе кредита на благосостояніе народное споль же можетъ быть обширно,

a) Sur les effets du papier-monnaie, par ТЮВЯТОН, р. 264... Sous quelque qu'on considère de l'abondance ou de la rareté de l'or et de l'argent, l'abondance est indispensable aux progrès de la richesse et que les gouvernemens doivent accueillir et répandre de toute leur puissance tout ce que peut la porter au plus haut degré qu'elle puisse atteindre. Des Syst. II. p. 127.

какъ и вліяніе самихъ денегъ а). Нѣкопторые изъ писателей думаютъ даже, что при совершенно неограниченномъ кредитѣ, не было бы надобности въ деньгахъ б). Наука разсмаприваетъ сей способъ мѣны во всехъ его приложеніяхъ. По свойству цѣнности, изъ коихъ кредитъ производится, Экономія Политическая различаетъ кредитъ частный, коммерческій и общеспивенный. Первый имѣетъ видъ ссуды, принимаетъ форму займа и подлежитъ всемъ вычисленіямъ опдани капитала въ распоряже-

a) Mais qu'est ce qui a porté cette industrie et cette énergie nationales à agir avec une telle vigueur et au-delà de tout ce qui a été jamais connu. Les améliorations dans les exploitations des manufactures, la main-d'oeuvre épargnée par d'heureuses découvertes, ont contribué sans doute puissamment à produire ce résultat, mais le plus grand moteur de tout est le crédit; c'est par lui que le négociant, que le manufacturier, que l'artisan même, étendent leurs relations, doublent leurs affaires, et il leur fournit les moyens d'obtenir toujours la préférence dans tous les marchés de l'Europe. C'est cette cause qu'il est essentiel de reconnaître, qu'il faut maintenir, augmenter, comme la source de notre prospérité. PITT, Discours pron 1792 Fevr. 17.

б) Princ. d'écon. polit. CANARD. p. 67. Observations sur les annuités, sur les avantages qu'elles procurent aux emprunteurs et sur les rapports qui existent entre les opérations de la caisse hypothécaire et ces sortes de prêts, par S. G. GREMILLIET. Paris. 1821.

ніе другаго на извѣстныя условія. Другой основывается на обменѣ произведенія въ ожиданіи платежа за оное въ извѣстное время; иррецій, распространенный видъ перваго, есть знаменіе суда, но сколько дѣлаемая общесообщенному управленію и оплачивающаяся еще первой стѣпью, что она исключительно производилась съ цѣлью не расходованія, между тѣмъ, какъ частный кредитъ почини всюю своею массою одѣлывается производительною работою. Удостовереніе въ дѣйствительности суда и въ обязанности платежа есть *кредитная бумага*. а). По стодиску содержанию и по раз-

в) Самая почная надпись была на билетахъ, выданныхъ частнымъ Французскимъ Банкомъ, при началѣ его опкрытія Лау: „La banque promet de payer au porteur à vue... livres en monnaie de même poids et au même titre que la monnaie de ce jour, valeur reçue à Paris.“ Théorie du credit public, par Ch. Vissier. Paris 1816. — Многіе Англійскіе писатели національный Англійскій долгъ признають даже благодѣльнымъ государственнымъ. Гортъ думаетъ (Letters of Credit p. 19), что долгъ сей есть символъ же дѣйствительное имущество, какъ и собственности, состоящая изъ серебра и золота. Шампона (Reflections of the National Debt) утверждаетъ, что при уплатѣ народнаго долга, конкретнаго надобно будетъ воспользоваться сделавши оныя новыя для опаналенія торговли. Объ исторіи сего заемнаго долга можно прочесть въ Гвелькроу Исторіи Народ-

личію происхожденія, она въ наукѣ приняла различныя названія.

Успѣхи гражданственности, усовершенствованія теорію жѣны, породили многія, чрезвычайна оспроумныя учрежденія. Деньги иногда осмѣивались въ своемъ движеніи: расчеты и соображенія заставляють владельцев почему-нибудь ихъ удерживать у себя, *оберегать*. Коллечесива сѣм до срома, пока; накопляясь, дооспавяють сумму, которую бы владелец имелъ выгоднымъ употребить въ какомъ-нибудь оборотѣ, оспавяются безъ движенія. Нѣсколько сѣкъ коллечесивъ, такимъ образомъ сбереженныхъ, незначительныхъ опдѣльно, вмѣстѣ могутъ составить сумму уже безплодную, сообщающую жизнь и

наго Долга (History of National Debt); въ извлеченіи Когена изъ сочиненія Гамельтона: Compendium of finance, Lond. 1820; у Геншера: Von Staats-schuld deren Abhangigkeit und vom Handel mit Staatspapieren. Munchen 1826; у Нанкеруса: Ueber die Natur und die Ursachen des offentl. Credits. 2 Aufl. Karlsruhe, 1829. — О кредитахъ вообще можно: читать въ соч. Док. Гюнтера на вопросъ: Gesachten uber die Frage: ob die Befregebung den Lieferungs-handel mit Staatspapieren verbieten solle? Leipz. 1825. и Еtwas fur Vertheidigung des Handels mit Staatspapieren vorzhglich im Beziehung auf das Konigr. Sachsen. von D. AUGUSTIN. und D. AUGUST. Leipz. 1825.

каждому своему сославшему количеству. Тупь происхождение *кассы*. Кассы сии сдѣланы въ печеніи времени или обмѣнными, или судными, или сохраняющими, или респондентными. Имъ дали общее названіе *банкъ*, хотя слово сие не выражаетъ ни одного изъ сихъ назначеній а). Наука разсматриваетъ организацію банковъ во всей подробности, а съ сими вмѣстѣ и ихъ обязательствамъ, которымъ дали названіе *бухгалтерскихъ денегъ* б).

Изъ дѣйствій банковъ Экономія Политическая сославляетъ указателей народной

- а) Недавно только во Франціи одно изъ подобныхъ заведеній названо было основательно: *CAISSE DES COMPTES SOUVERAINS*. Это есть одно, можешь быть, названіе, которое выражаетъ точно цѣль банковъ. *Handbuch über das Staatsrechnungs- und Cassenwesen*, von I. G. H. FEDER. Stuttg. 1820. в X. Книга, писанная съ большимъ познаниемъ дѣла, но не довольно по ясная для тѣхъ, которымъ захотѣли бы учиться въ нее первымъ началомъ. *Grundzüge zur zweckmäßigen Einrichtung des Staatskassen und Rechnungswesens und seiner Controle*, von F. W. KIESCKE. Berlin. 1823. Особенно важна относительно банковъ книга; *Annals of Banks for Savings*. Lond. 1828.
- б) Теорія Банковъ весьма хорошо изложена въ *Busch's Sammlung Schrift über Bankensamtwesen*. Hamb. 1811. Подробное же, превосходно-изложенное описание устройства банковъ помѣщено въ шестомъ томѣ Шторхова *Cours d'Économie Politique*, 105—253.

добросовѣстности: упадокъ или возвышеніе банковъ свидѣльствуютъ о снотеніи общественнаго довѣрія.

Мына; разсматриваемая во всемъ ея настоящемъ объемѣ, получаетъ названіе *торговли* а). Экономія Политическая, оставляя другимъ наукамъ замѣчать всѣ благодѣтельные послѣдствія торговли, излагаетъ только механизмъ этого всемірнаго сопрیکосновенія потребностей челоука съ природою и теорію этой вѣчно-дѣйствительной, непрерывающейся связи между людьми. Предметъ ея особенно объяснить: какаѣя торговля, внутренняя или внѣшняя, выгоднѣе для богатства народнаго? При

а) По мнѣнію Сая, le comte Veri est le premier qui ait dit en quoi consistait le principe et le fondement du commerce; il a dit, en 1772, le commerce n'est réellement autre chose que le transport des marchandises d'un lieu à un autre. *Traité... I., 14.* Сая Верж: Come ogni contratto consiste nella traslazione della proprietà così il commercio fisicamente considerato ha inerente il trasporto della mercanzia da un luogo all'altro. *T. I., 32.* Дажоиа весьма справедливо на это замѣчаетъ: Allorchè i proprietari traggono le loro derrate grano, vino, olio, frutti... dalle campagne alle città per conservarle ad uso delle loro famiglie, nissuno dirà che facciamo commercio, benchè per loro ordine succeda traspetto da un luogo ad un altro. *T. II, p. 124.*

первомъ взглядѣ вопросъ сей, кажется, не представляеть особенной прудности. Торговля, какъ для государства вообще, такъ и для каждаго въ особености, по видимому, выгоднѣе ша; которая доставляеть бытъ своеземныхъ произведеній по самымъ высокимъ цѣнамъ, а приобретение произведеній иносанныхъ по возможно - низкимъ. Съ этой точки зрѣнiя рассматривали торговлю и меркантилисты. Давенантъ говоритъ: барышъ торговли не состоитъ въ томъ барышѣ, который получаетъ купецъ дома, но въ томъ, что народъ получаетъ числомъ прибыля отъ сбыта своихъ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ произведеній на произведенія другихъ народовъ а); и далѣе: внѣшняя торговля есть основа торговли внутренней; она возбуждаеть потребление и увеличиваетъ народонаселеніе во всѣхъ этихъ земляхъ, гдѣ процвѣтаеть; большая часть торговли внутренней зависитъ отъ торговли внѣшней, и упадокъ одной слѣдуетъ за упадкомъ другой б). Спюартъ замѣчаетъ: что при прекращеніи торговли внѣшней,

а) Tome I, p. 97.

б) Tome I, p. 385.

внутренняя масса богатства увеличивающъ уже не можетъ а). Пальміери думаетъ, что народъ для выгодности торговли долженъ болѣе опускаться, нежели ввозить б). Также, для почти тоже, принимается Дже-новези, Карли, Верри, Каріѧци и другіе, какъ Италіанскіе, такъ и Англійскіе писатели. Физиократы сближали мѣтвіе прошивное. При свободномъ совмѣщеніи высшей торговли, говоритъ Кеней, производяща продуктъ мѣна одной цѣнности на другую равную цѣнность, при чемъ нѣтъ ни прибыли, ни потерь ни съ той ни съ другой стороны, и народъ не можетъ имѣть торговли выгоднѣйшей, какъ торговлю внутреннюю в).

Тогда, но только по другимъ причинамъ, принимается и Смитъ. Капиталъ, говоритъ онъ, употребленный для покупки произведенія предшественности земельной въ одномъ округѣ съ тѣмъ, чтобы продать оное въ другомъ, дѣйствіемъ онымъ занимаетъ два различные капитала въ земледѣліи или въ фабричной промышленности, и следовательно онымъ спо-

а) Tome II, Ch. 25.

б) La nazione per avere un commercio utile deve procurare più di estrarre che d'immettere. I. 152.

в) Physiocratie, cinquième observation.

собомъ даешь возможность и продлишь ихъ въ этомъ употребленіи. Капиталь, употребленный на покушку товаровъ иностранныхъ для внутренняго потребленія, когда сіе приобрьшеніе сдѣлано на произведенія промышленности домашней, занимаетъ поже два различные капитала; но изъ нихъ одинъ только употребленъ на поддержаніе промышленности домашней, другой поддерживаетъ промышленность чужеземную. Капиталь, препровождающій Англійскіе товары въ Португаллію и доставляющій товары Португальскіе въ Англію, въ обоихъ сихъ дѣйствіяхъ, занимаетъ только одинъ капиталъ Англійскій, другой принадлежитъ Португалліи. И попому, если бы даже внѣшняя потребительная торговля и имѣла спольже быстрое обращеніе, какъ и торговля внутренняя, то капиталъ ею употребленный поддерживалъ бы только половину промышленности и работы производящей того государства. Но обороты потребительной внѣшней торговли рѣдко бывають столь часты, какъ обороты торговли внутренней. Обороты сей послѣдней совершаются обыкновенно къ концу года, а часно при или четьре раза въ годъ: обороты же торговли внѣшней едва - едва

приходящъ къ концу года, а по большой часши чрезъ два или три года, слѣдствен-но, капишалъ, употребленный въ торговль внутренней, будетъ употребленъ двенадцать разъ, тогда, какъ капишалъ употребленный въ торговль внѣшней, едва одинъ; и если капишалы, употребленные въ той или другой торговль были равны, то одинъ въ двадцать чепыре раза болѣе служивъ къ ободренію промышленности народной, нежели другой а). Сей спараешя доказать подобное же мнѣніе б). Но если изслѣдывашъ вопросъ въ другомъ отношеніи: что выгоднѣе для богатства частнаго и общественнаго, то ли, что въ произведеніи работы и промышленности какого нибудь

а) Livre II. Ch. V.

б) La création de valeur qui s'opère par les transports dans l'intérieur, j'entends la création véritable celle qui ne peut-êtré opérée à meilleur compte est, en général, plus grande qu'on ne croit. Сдѣлавши потомъ расчетъ барыша на произведеніи торговли иностранной и произведеніи торговли внутренней, Сей заключаетъ: Il n'est aucun commerce avec l'étranger' où l'on se partage un profit pareil. Cours, II., 249... On peut donc conclure qu'en tout pays c'est la consommation intérieure qui fait la prospérité de la production. II. 253. C'est l'industrie intérieure qui favorise le commerce extérieur plutôt qu'elle n'en est favorisée, ib. 254.

государства пошреблялись въ ономъ вну-
 прихъ, или чшобы пошреблялись внѣ оного :
 но предметъ разсужденія принимаешь дру-
 гой смыслъ и ведетъ къ заключеніямъ бо-
 лѣ важнымъ. Пошребленіе народа, заклю-
 ченнаго въ самомъ себѣ, довольствующаго-
 ся собственными своими произведеніями,
 не можеть сдѣлаться значительнымъ : ибо
 большаго изюгразличія въ предметахъ бытъ
 не можеть : если же произведенія народ-
 наго шруда вывозяшся для заграничнаго, по-
 шребленія, шо, въ возвращъ, доставляющія
 произведенія ивоземныя, копорыя, про-
 буждая нужды, увеличивающъ и разнообра-
 зяющъ пошребленіе, даюшъ новое движеніе ра-
 ботамъ и промышленности, чшобы создашь
 средшва для удовлетворенія новыхъ нуждъ,
 и, шакимъ образомъ, неизмовѣрно содѣй-
 ствуютъ общему и частному богатшствамъ а).

a) La ricchezza d'una nazione nasce dalla quantità delle
 produzioni. Queste nel commercio interno sono limitate
 dall'interno consumo. Il superfluo in questa ipotesi sa-
 rebbe senza valore. L'industria de' produttori, regolata
 pure dagli stessi limiti non potrebbe mai crescere.
 Che vorrebbe impiegarla a riprodurre ciò che è senza
 prezzo ad uso? Dunque il commercio interno non può
 accrescere la ricchezza, se crederi che consiste nella
 quantità delle der rate, e se si forma dal superfluo,
 la destrugge, l'impedisce ed esclude. PALMIERI. II. 207.

Примѣненіе правительственными нѣкогда или другаго мнѣнія, въ пользу той или другой изъ нихъ торговли, образовало многія мѣры, которыя болѣе или менѣе содѣйствовали ходу торговли внешней или внутренней въ разныхъ государствахъ Европы. Сюда относятся: тарифныя системы, установленіе пошлинъ, премій, таможенъ, бракованія, привиллегій, торговыхъ обществъ, и множеніе другихъ учрежденій, преимущественно полезныхъ и вредныхъ. Наука излагаетъ теорію оныхъ, извлекая основныя положенія свои изъ фактовъ историческихъ а).

а) Идея тарифа не суть новыя, какъ нѣкоторые думаютъ. Шарронъ, Французскій экономистъ, современникъ Сюлли, столь же остроумно объяснилъ теорію таможенъ, въ 1594 году, какъ въ наше время Смитъ и другіе экономисты. Онъ говорилъ: *Des entrées, sortis et passages des marchandises aux havres, ports et portes, tant sur les étrangers que sur les sujets, moyen ancien, général, juste, et légitime et très-utile, avec ces conditions: ne permettre la traite des choses nécessaires à la vie que les sujets n'en soient pourvus, ni des matières crues, afin que les sujets les mettent en oeuvre et gagnent le profit de la main; mais bien permettre l'apport des crues, et non des ouvrées; et, en toutes choses charger beaucoup plus l'étranger que le sujet; car l'imposition foraine grande accroît les finances et soulage le sujet; modérez toutes fois les impôts sur les choses nécessaires à la vie que l'on apporté. При всемъ измѣненіи цивилизаціи, не пришли идеи и до сихъ поръ еще управляютъ торговыми установленіями ???*

Мѣры правительственныя, въ настоящее время болѣе не знали, когда либо сближающіяся съ идеями ученыхъ, доснажили Политической Экономіи. многіе драгоценныя факты для повѣрки ея теорій относительно вышеизложенныхъ вопросовъ. Знашь сіи факты необходимо тому, кто хочеть имѣть удовлетворительное понятіе о современныхъ идеяхъ науки а).

a) *Du commerce extérieur et de la question d'un entrepôt à Paris, par M. D. L. RODET. Paris. 1825.* Авторъ совѣтуесть писателямъ Экономіи Политической, оставя теоріи, заняться разсмотрѣніемъ событий. Принявши основаніемъ, что начало и значеніе торговой политики нашего времени мы должны искать въ исторіи коммерціи новыхъ народовъ, Роде излагаетъ въ сей книгѣ всѣ переменныя, произшедшія въ торговлѣ со времени XV столѣтія. *Essai sur les entraves que le commerce éprouve en Europe, par L. F. de TOLLENARE. Paris. 1820. 1 vol. in 8°.* Авторъ, желая изслѣдовать причину затрудненій въ нынѣшней торговлѣ, нарочно вступилъ для сего въ торговые обороты и посѣщалъ важнѣйшія торговыя мѣста, собиралъ замѣчательнѣйшіе факты въ путешествіяхъ, въ сношеніяхъ съ негоціантами разныхъ государствъ и изъ чтенія извѣстнѣйшихъ публицистовъ. Изъ свѣдѣній собранныхъ Толленаръ заключаетъ, что внѣшняя торговля никогда не должна быть неограниченно-свободною: положеніе сіе онъ основываетъ преимущественно на выгодахъ торговли внутренней; разбираетъ строго, но справедливо всѣ торговыя поспановленія правительства, отъ простаго покровительства до совершеннаго запрещенія, и предлагаетъ мѣры, могущія смягчить оное. Основаніемъ всего сочиненія

ТЕЛЕСК. Ч. XVI.

нить къ либеральной системѣ: всѣ прочія учрежденія налагаются наъ развитіи оной. Общее мнѣніе въ наше время не допускаетъ

нія принятаго положеніе Монтескѣ (Esp. d. L. I. xx. ch. 12): *La liberté du commerce n'est pas une faculté accordée aux négocians de faire tout ce qu'ils veulent; c'en serait bien plutôt la servitude. Ce qui gêne le commerçant ne gêne pas pour cela le commerce.* Предметъ сей особенно былъ поясненъ въ наше время въ Англии. Усиливающаяся промышленность Европейскихъ государствъ возбудила въ Великобританіи различныя шолки. Многие почитали, что запрещающая система, принятая при другихъ, совершенно разныхъ обстоятельствахъ, при насущномъ сосояніи въ Англии бесполезна. Особенно возникъ вопросъ: должно ли продлинитъ съ прежнею строгостию законъ о вывозѣ машинъ изъ государства, а съ инымъ вытѣситъ и другой, естественный съ нимъ соединенный, о выгздѣ мастеровъ. И потому, прежде нежели былъ предложенъ въ Парламентѣ законъ объ этомъ, составленъ былъ предварительно особый Комитетъ, который вошелъ въ величайшія подробности по сему предмету. Были призваны не только ученые мужи, слѣдующіе въ Политической Экономіи, просвѣщеннѣйшіе негоціанты, мануфактуристы и инженеры, но и просные мастера и работники. Экономисты, просвѣщеннѣйшіе механики и инженеры настаивали объ отпугнѣ запрещенія, снѣспительнаго для промышленности и бесполезнаго для государства: фабриканты единогласно возражали противъ. Превія сіи, чрезвычайно важныя для Экономіи Политической, наваны въ Французскомъ переводѣ, въ книгѣ: *Enquêtes du Parlement d'Angleterre pour consulter les progrès de l'industrie en France et dans les autres pays du Continent.* Paris. 1821.

ни безусловно запрещительной, ни безгранично-свободной системы. Мѣры правительствъ сославляюшъ теперь средина, болѣе или менѣе направляемую къ той или другой изъ крайностей. Система сія получила названіе *покровительственной*. По образованію направленію, наука въ наше время преимущественнѣе занимается объясненіемъ сей системы, нежели тонкими теоретическими соображеніями о пользѣ или вредѣ системъ свободной и запрещительной. Покровительственную систему разсмаприваютъ теперь съ двухъ точекъ: во первыхъ, когда съ ввозимыхъ произведеній берутъ пошлину одинаковую съ тамою, какая платится и съ отечественныхъ тѣхъ же произведеній, чѣмбы не давъ ввозимымъ возможности дешевѣйнаго сбыта противъ отечественныхъ, или, во вторыхъ, когда при назначеніи пошлины за ввозъ имѣюшъ цѣлю оградишь свою промышленность отъ ненадежнаго соперничества съ иностранною. Въ точномъ значеніи, названіе: *покровительственная*, можетъ только присвоено быть системѣ послѣдней: ибо первая есть нечто иное, какъ торговая свобода, соображенная съ финансовыми постановленіями. Но въ какой мѣрѣ допусшшь покровитель-

сшвенную систему? Для всей ли промышленности, или для нѣкоторыхъ частей? Наука подобныхъ частныхъ вопросовъ догматически не рѣшаетъ: она даетъ общія указанія: приложеніи же зависятъ отъ цѣлостнаго соображенія статистическихъ фактовъ.

Гражданское общество имѣетъ извѣстныя потребности, собственно зависящія отъ того устройсва, въ формахъ коего оно проявляетъ политическое свое существованіе а). Потребности сіи удовлетво-

-
- a) Introduction à l'étude de la politique, des finances et du commerce, par de ВЕАУОВЕ. Berlin. 1771. 3 vol. in 12°. — Mémoires pour servir à l'histoire générale des finances, par d'Еou de ВЕАУМОНТ. London, 1758. 2 vol. in 12°. — Въ Германіи, собраніе, управленіе и назначеніе государственныхъ доходовъ составляетъ особый отдѣлъ знаній: Staatsfinanzwissenschaft, Finanzwirthschaft, Finanzkunst, Finanzkunde. Писатели извѣстнѣйшіе: Яковъ — Die Staatsfinanzwissenschaft. Halle, 2 Th. 1821. — БЕРЪ — Die Lehre von der Wirthschaft des Staates. Leipz. 1822. — ФУЛЬДА — Handbuch der Finanzwissenschaft. Tübingen. 1827. — РАУДЕРЪ — Das Britische Besteuerungssystem. Berlin. 1820. — КРЭНКЕ — Ausführliche Anleitung zur Regulirung des Steuern. Gießen. 1810. — КРОМЕ — Das Steuerwesen. Heidelb. 1817. 2 Th. — КРЕМЕРЪ — Darstellung des Steuerwesens. Wien. 1821. 2 Th. — ЕШЕМАІЕРЪ — Anleitung zu einer system. Einrichtung des Staatsrechnungswesens. Heidelb. 1817. 2 Th. — Essai politique sur le revenu public des peuples de l'antiquité

ряются частью доходами, доставляемыми пою долею общественныхъ имуществъ, какая находится въ непосредственномъ распоряженіи правительства; частью теми пожертвованіями, копорые обязанъ дѣлать каждый для поддержанія общественнаго порядка, охраняющаго его личную и имущественную свободу. Совокупность сихъ средствъ называется *государственными доходами*, а вшорой разрядъ оныхъ *налогами*. Политическая Экономика занимается только послѣдними и разсматриваетъ предметъ сей въ двухъ отношеніяхъ: *относительно къ мѣрѣ и распределенію*. Но какъ мѣра налоговъ необходимо управляетъ мѣрою потребности общественнаго устройсва, зависящихъ отъ его сущности, по наука и не

du moyen âge, des siècles modernes, et spécialement de la France et de l'Angleterre, depuis le milieu du XV siècle, jusqu'en 1823 par M. Ch. GARNIER. Paris, 2e ed. 1823. „C'est une grande et belle démonstration, говорить онъ въ введеніи, que celle qui établit que le revenu public est non seulement la sauve-garde de la civilisation moderne, mais la plus sûre garantie de sa marche progressive et de son amélioration infinie.“ — Книга НЕККЕРА: De l'administration des finances de la France, Paris, 1784. 3 vol. также многое поясняетъ относительно сего предмета.

моженъ имѣть общихъ по сему предмету заключеній: она разсмаприваетъ преимуще- ственно средства, какъ распределять на- логи такимъ образомъ, чтобы они, па- дая законно на частныя имущества, не раз- шивали общесвеннаго благосостоянiя. Средства сiхъ чрезвычайно многообразны а). Политическое состоянiе общесва, охра- няя производимость, какого бы рода она

- а) De quelque déguisement qu'on enveloppe une opération, quelque détour qu'on fasse prendre aux valeurs, quelque métamorphose qu'on leur fasse subir, on n'a une valeur qu'en la créant ou en la prenant. Le meilleur de tous les plans de finances est de dépenser peu et le meilleur de tous les impôts est le plus petit. *Traité d'écon. pol. 2 ed. liv. III. ch. — 8. Рикардо*, въ превосходномъ сочиненiи своемъ: *Des principes de l'écon. pol. et de l'impôt*, разсмаприваетъ налоги въ различныхъ отношенiяхъ: sur les produits agricoles, sur les fermages, de la dime, de l'impôt foncier, sur l'or, sur les profits, sur les salaires. — Опытъ Тео- рiи налоговъ, соч. Н. Тургенева, 2 изд. 1819, С. II. Б. содержитъ изчисленiе почти всѣхъ предме- товъ, подлежащихъ или подлежащихъ налогамъ, и нѣкiи разныя писателей о сему предметѣ. — Въ Германiи, въ 1820 году, вышли два сочиненiя Вейс- гаупта о налогахъ: *Ueber die Staats-Ausgaben und Auf- lagen. Ein philosophisch-statistischer Versuch* von Adam WEISHAUPT, mit *Gegenbemerkungen* von D. KONRAD FROMM. Neu aufg. Nürnberg. 1820. *Ueber das Be- steuerungssystem. Ein Nachtrag zur Abhandlung von Staats-Ausgaben und Auflagen*, von Adam WEISHAUPT. Mit *gegenbemerkungen* von D. KONRAD FROMM. Nürnberg. Сочиненiя сiхъ замѣчательны по тонкимъ софизмамъ

ни была, въ ея источникъ, орудствъ и въ послѣдствіяхъ, справедливо можетъ требованъ, чтобы и производимость съ своей стороны опредѣляла часть своихъ выгодъ на содержаніе силы ея охраняющей. Налогъ, въ семъ смыслѣ, есть только долгъ производимости, и долженъ быть уплачиваемъ каждою долею оной соразмѣрно своей величинѣ. Политическая Экономія рассчитываетъ эту мѣру участія, какую оказываетъ каждая изъ долей въ производимости, и по оной назначаетъ величину налога. Теорія налоговъ съ погрѣбленія представляетъ

и рѣзкой діалектикѣ. Принявши основныя мнѣніемъ что *Geld ist das Princip aller menschlichen Thätigkeit, aller Entwicklung, Vervollkommnung und höhern Cultur* (S. 14), онъ предлагаетъ не сокращать и убавлять наши потребности, но оошвыщенно онымъ увеличивать только наши средства мѣны (*unsere Tauschmittel*), и легчайшимъ средствомъ къ сему признаетъ увеличеніе налоговъ. *Nicht der Einschränkung, sondern einem größern und allgemeinem Aufwande im innern, einem ungestörten Umlaufe der Waaren und des Geldes, einer größern Consumption, folglich gerade dem Gegentheile dessen, was uns so sehr empfohlen wird, verdanken blühende Staaten ihre dauerhafte Größe und ihren Reichthum. Der Grund von dem Stillstande und Verfall der Staaten liegt nicht in der Menge der Ausgaben, sondern es muß darin gesucht werden, daß zu wenig oder zu unvernünftig ausgegeben wird; daß es Menschen giebt, welche mehr einnehmen, als ausgeben, welche die Liberalität Anderer zu derselben Nachtheile missbrauchen u. s. w. I. 85.*

другую сторону сего предмета. Но сей теоріи не производимось окладывается налогомъ, но возможность попребланиа плоды производимости. Очевидно, что, и при сей теоріи, налогъ разчисляется по мѣрѣ производимости, но только не прямо. Тутъ предполагается, что общественное устройство получаетъ уплату не за охраненіе производимости, но за охраненіе пользонаслажденія: и какъ мѣра пользонаслажденія всегда кажется почтѣйшею мѣрою богатства, по и налогъ, разчисляемый по степени попреблениа, признанъ многими болѣе соразмѣрнымъ и справедливымъ. Отсюда раздѣленіе налоговъ и ихъ различныя названія. Наука изслѣдуетъ въ какомъ состояннн общества и при какихъ обстоятельствахъ, съ меньшимъ распроеисвомъ частной пользы, должно приниматьъ пошь или другой видъ налога, чтобы необходимо шягосшь сію сдѣлать сколь возможно менѣе ощущительною, уравниавъ соопвѣственно силамъ каждаго.

Оспается изложитъ различныя мнѣнія писателей о народонаселенія, кошорое, по мнѣнію нѣкошорыхъ экономистовъ, есть вѣрнѣйшій признакъ общественнаго благосостояннн, единственно позволибельный

предметъ благородной жадности правителей, мѣрило производимости, дѣйствительный указатель политическаго успѣхства, богатства и могущества а). Предметъ сей, возбуждѣвъ въ наше время вниманіе всѣхъ мыслителей, развилъ много совершенно новыхъ идей, оснѣвавшихся отдаленную, чрезвычайную важную спашью въ наукѣ.

По общему признанію бѣльшаго числа писателей, народонаселеніе соразмѣряется съ средствами существованія. Первую мысль объ этомъ Деспию - Трасси приписываютъ

a) Il solo oggetto della virtuosa avidità de principe è l'uomo, perchè è vera ricchezza. L'uomo suolo dovunque abondi, fa prosperare uno stato. GALLIANI. T. I, 229. — Dall'accrescimento o diminuzione del popolo si conoscerà l'aumento o la diminuzione della riproduzione annua; anzi essendo questa moltiplicazione una prova degli agi e della securezza che trovano gli uomini in uno stato, essendo gli uni e l'altra sempre inseparabili nella società incivilete dall'industria animata, e dalla rapida circolazione, ne verrà che dall'accrescimento del popolo si conoscerà l'accrescimento dell'annua riproduzione. VERRI. I, p. 189 — Je volkreicher ein Land wird, desto reicher muß es werden, SCHMALZ, S. 103. — Vermehrung der Menschen ist Vermehrung der Arbeiter, weil die Natur unerschöpflich ist. Klagen über zu große Bevölkerung sind Zeichen einer blöden und einer höchst fehlerhaften Regierung, die den Werth der Menschen nicht zu benutzen weiß und ihrer Thätigkeit Hindernisse in den Weg legt, statt sie zu befördern. JAKOV.

Свою а): но мы находимъ онаго гораздо за долго прежде у писателей Италианскихъ Физіократовъ и Смита. Беккарія именно говоритъ , что количество народа всегда соразмѣряется съ количествомъ жизненныхъ потребностей б). Мысль Филанджіери также , что все затрудняющее средства существованія уменьшаетъ народонаселеніе в). По мнѣнію Кенеля , число людей умножается въ соразмѣрности съ поземельными доходами г). Смитъ принимаетъ общимъ закономъ , что всякаго рода животныя размножаются по мѣрѣ средствъ къ своему существованію , и сверхъ сей мѣры ни одинъ родъ оныхъ размножиться не можетъ д). Но существовавшее дѣло не въ помѣ , кто первый выразилъ эту мысль: мы ее найдемъ и у многихъ другихъ писа-

а) Say, je crois le premier qui ait dit nettement que rien ne peut accroître la population que ce qui favorise la production, et que rien ne la peut diminuer, au moins d'une manière permanente, que ce qui attaque les sources de la production. *Idéologie*, IV, 309.

б) La quantità del popolo è proporzionata sempre alla quantità dell'alimento. I, 46.

в) Tutto quello che tende a render difficile la sussistenza tende a diminuire la popolazione. 52.

г) Les hommes se multiplient á proportion des revenus des biens - fonds.

д) Every species of animals naturally multiplies in proportion to the means of their subsistence and no species can ever multiply beyond it. Ch. VIII. Of the

шелей а); важно то: какую систему со-
ставляли и принимаютъ новѣйшіе писате-
ли о семь предметъ. Увеличеніе народона-
селенія есpecially дѣйствительно благо для
государства? Если оно благо или зло, то
по какимъ законамъ направляется? И какія
мѣры суть удобно возможны для споспѣше-
ствованія одному, или чпобы воспрепят-
ствованія другому? Очевидно, что вопросъ
последній есpecially только извлеченіе изъ уш-
вердительнаго или отрицательнаго рѣшенія
двухъ первыхъ, касающихся самыхъ корен-
ныхъ основаній общественнаго устройсва.

Исследования сіи, чрезвычайно занима-
ющія въ последнее двадцати - пятилѣтіе
всѣхъ экономистовъ, возникли въ Англии.

wages of labors... it is in this manier? that the demand
for men, like that for any other commodity, necessarily
regulates the production of men... the liberal reward
of Labour, as it is the effect of increasing wealth, so
it is the cause of increasing population. p. 123.

- a) STEWART, De l'économie politique, liv. I. ch. 4. — BURTON,
t. IV. p. 266 ed. de Bernard. — HUME, Essais, p.
II. — CONDILLAC, Le commerce et le gouvernement, p.
I, ch. 24 — 25. MIRABEAU, Ami des hommes, I,
40. — RAYNAL, Histoire de l'établissement... b. XI, p.
23. — CONDORCET, Notes sur Voltaire, ed. de Kell, T.
XIV, p. 60. — CANNARD, Principes d'économie politique, p.
135. — GODWIN, De la justice politique. liv. VIII, ch.
3. — BROWNE DIGNAN, Essais sur les principes de l'écono-
mie politique, p. 97. — MENGOTTI, Saggio sulle acque
corenti, t. III. p. 156.

Джемсъ Спюарръ, Таунсендъ (Townsend), особенно Аршуръ Йонгъ а), первые указали на вредъ, произтекающій отъ излишества въ народонаселеніи. Мысли сихъ писателей, развишыя, подкрѣпленныя множествомъ статистическихъ фактовъ, приведенныхъ въ спройную систему, изложилъ Мальпусъ въ знаменитомъ своемъ *Опытѣ о Народонаселеніи* б). Онъ рѣшилъ вопросъ отрицательно, принявши общее мнѣніе, что чѣмъ болѣе число непробителѣй увеличивается, тѣмъ положеніе ихъ дѣлается хуже, и слѣдственно поспешное увеличеніе народонаселенія вредитъ какъ частному, такъ и общественному благосостоянію. Положеніе сіе Мальпусъ просперъ далѣе: онъ доказываетъ, что въ людяхъ, какъ какъ и въ прочихъ другихъ животныхъ, есть поспоянное спремленіе

а) Je prie ceux qui insistent sur les avantages d'une population nombreuse, quelle qu'elle soit, de jeter les yeux sur une certaine classe de notre peuple, et de nous apprendre à quoi elle est utile? Imaginent-ils que cette race de mendians, de fainéans, de vagabonds, de voleurs et de filoux, toute cette malheureuse population qui encombre nos prisons et fournit Tyburn soit de quelque utilité à l'Etat? C'est l'écumme de la classe non industrielle, des pauvres, chacun d'eux est un fardeau. Cult. Ang. 52.

б) Essay on population. 5 ed. London. 1820.

размножать свой родъ за предѣлы возможности имѣть нужное, требуемое содержаніе. Основанія его суть слѣдующія: 1. Народонаселеніе имѣетъ постоянное и естественное стремленіе возрастать выше средствъ содержанія. 2. Народонаселеніе возрастаетъ въ пропорціи геометрической, тогда какъ жизненные потребности умножаются только въ прогрессіи арифметической. 3. Состояніе народонаселенія усиливается по количеству пищи. 4. Чѣмъ изобильнѣе жизненные потребности, тѣмъ народонаселеніе возрастаетъ быстрѣе. 5. Постепенное возрастаніе народонаселенія, умножая слишкомъ число рабочихъ рукъ, уменьшаетъ съ каждымъ участкомъ работы, приходящійся на каждаго члена общества. 6. Возрастаніе народонаселенія влечетъ за собою умноженіе бѣдности. 7. Зло, произраждаемое возрастаніемъ народонаселенія, имѣетъ свое начало въ недостаткѣ жизненныхъ потребностей и бѣдности.

Сочиненіе Мальтуса произвело поразительное впечатлѣніе въ Англіи. Мальтусъ, какъ выражается *Quarterly Review*, усматривалъ въ нихъ бѣдствія, кои неминуемо должны воспослѣдовать отъ народонаселенія; въ маперяхъ видѣли бичей об-

ищсва; Дженнеръ почтенъ величайшемъ врагомъ рода человѣческаго, потому, что онъ испребилъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій, оспанаваивающихъ народонаселеніе; шолпа прекрасныхъ дѣтей успрашила экономисповъ, которые въ ихъ здоровъ видѣли причину будущей ихъ нищезы. Были дѣланы дѣйствительно не шупочныя предложенія, чтобы оспановили сѣлу рождашелейной способности человека.

Теорія Мальпуса была опровергаема многими писателями: но никто не нападалъ на нее во всей ея цѣлостн пакъ, какъ Грай въ сочиненіи своемъ: *О благосостояніи Государствъ*, изд. въ 1815. Онъ старается доказать, что быстрое и общее возрастаніе народонаселенія не только не можетъ произвесли вредныхъ дѣйствій, но умножаетъ средства существованія; увеличиваетъ общую массу работы, дохода и богатства народнаго; благоприятствуетъ успѣхамъ гражданственности и слѣдственно улучшаетъ состояніе каждаго. Основанія Граевой теоріи совершенно противоположны Мальпусовой: 1. Народонаселеніе всегда имѣетъ поспешенную наклонность возрастать, лишь бы не встрѣнилось ему какихъ либо чрезвычайныхъ препятствій;

съ народонаселеніемъ же въ иной же соразмѣрности возрастаютъ и средства, по потребности для удовлетворенія различныхъ нуждъ. 2. Обыкновенное возрастаніе народонаселенія, относительно ко времени, зависить отъ различныхъ обстоятельствъ и не можетъ быть подведено ни подъ какія общія правила. 3. По количеству народонаселенія уснаиваются и количество пищи, плочно шакъ какъ оно же опредѣляетъ мѣру и другихъ произведеній человеческой промышленности. 4. Излишество въ жизненныхъ потребностяхъ ослабляетъ число рожденій и усиливаетъ смертность. 5. Возрастаніе народонаселенія постоянно спремится къ умноженію массы поребной работы и слѣдственно раждаетъ новыхъ пребованія рабочихъ рукъ. 6. Возрастающее народонаселеніе постоянно спремится къ умноженію народнаго дохода и богатства въ прогрессіи всегда возрастающей. 7. Зло, происходящее отъ возрастанія народонаселенія, имѣетъ свое начало въ слишкомъ большомъ обиліи жизненныхъ потребностей и въ излишкѣ богатствъ. Первезъ (George Purves), противопоставивъ теорію Грая теоріи Мальюса, сосавилъ изъ сего сличенія: *Изслѣдованія Началь Народонасе-*

ленія а), въ коихъ излагаетъ основанія народонаселенія вообще, и рѣшаетъ слѣдующіе вопросы: 1) масса ли жизненныхъ потребностей успанавливается по народонаселенію, какъ утверждаетъ Грай, или народонаселеніе по количеству жизненныхъ потребностей, какъ думаетъ Мальтусъ? 2) можетъ ли народонаселеніе возрасти до такой степени, чтобы не было уже достаточнаго количества занятій для онаго? и 3) чѣмъ сопровождается возрастаніе народонаселенія: увеличеніемъ ли или уменьшеніемъ массы доходовъ и богатствъ народныхъ? Изъ опытовъ можно видѣть, что онъ принимаетъ теорію Грая. Въ 1825 году, Эвереттъ снова подвергнулъ спорому кристическому разбору *Опытъ* Мальтуса б) Онъ разсматриваетъ: 1) Способность размножаться въ человеческомъ родѣ; 2) Причины, ограничивающія эту способность; 3) дѣйствіе увеличенія народонаселенія на увеличеніе дохода не только вообще для государства, но и для каж-

- а) The principles of Population. London. 1818, I vol.
 б) New ideas on population. London. 1824. Во Французскомъ переводѣ: *Nouvelles idées sur la population avec des remarques sur les théories de Malthus et de Godwin*, par Al. H. EVERETT, ouvrage traduit sur l'édition anglaise par C. T. TERRY. Paris. 1825.

даго частно: Особенно Эвереттъ старается доказать; вопреки Мальтусу, что возрастание народонаселенія идетъ не въ геометрической пропорціи (1. 2. 4. 8.); но въ арифметической (1. 2. 3. 4.), и что увеличеніе массы произведеній не опспаетъ опгхода народонаселенія. Въ это же время Годуинъ въ *Эдмбургскомъ Обзорѣ* и Бушъ а) въ особенномъ *Письмѣ къ Мальтусу* весьма рѣзко напали на его теорію; особенно послѣдній любопытнѣйшими свидѣтельспвами обличаетъ всю непочность показаній Бартона и Сейберша о народонаселеніи Соединенныхъ Штатовъ, на коихъ Мальтусъ основалъ свои положенія. Бушъ; разрушая Мальтусовы основанія; показываетъ какъ они ввели автора въ ложныя заключенія. Споръ основанілся на слѣдующемъ положеніи: пока нельзя еще сказать, что свѣтъ слишкомъ населенъ и что всѣ земли; могуція бытъ плодородными, обрабатываются; до тѣхъ поръ надобно искать средствъ размѣщать; а не изкоренять; умножать массу потребляемыхъ предметовъ, а не убавлять количество по

в) A letter to the Rev. F. R. MALTHUS from DAVID BOU. London 1823.

шребителей. а) Природа щедро одарила наши колоніи плодородными землями : для нихъ только нужны рабочія руки , копорымъ здѣсь дѣлать нечего; поищемъ средствъ ихъ труда переселить : въ Европѣ не будетъ душно , а пустыни , орошенныя пошомъ ируда , зазеленѣють , зацвѣтутъ б). Правительсва внимають , кажутся , сему голосу опыта в) : поржесство науки и сладостная награда занимающимся оною!

— * * * * *

- а) Tant que l'on ne pourra pas dire que le monde est trop peuplé, et que tous ses terrains fertiles sont mis en culture, il faudra chercher à disperser et non à exterminer, à augmenter la masse des objets à consommer et non à reduire celle des consommateurs. REVUE BRITANNIQUE Nov. 1830. p. 31.
- б) La nature a abondamment pourvu nos colonies de terres fertiles; elles n'ont besoin pour être mise en valeur que de ces bras qui surabondent ici. Trouvons les moyens de les y transporter; nous n'étoufferons plus en Europe, et le desert fleurira sous les sueurs qui l'arrosent. p. 29.
- в) Colonies de repression de la mendicité. Mémoires sur les Colonies de Bienfaisance, de Fredericword et de Wortel, par le Chev. de КИРСКНОФФ, Bruxelles 1827. Colonie Anglaise dans la terre de Van Diemen. JOURNAL DES VOYAGES. Nov. 1829. p. 203. Europa's Gefahr der Ueberdflerung und Verarmung abgewendet durch Eroberung und Colonisirung der aufer-Europäischen Rüste des Mittelmeers. Leipz. 1830. 2 B.

II.

ЭГОИЗМЪ.

РУССКАЯ ВЬЛЪ.

(окончаніе)

Викторъ, видѣвшись съ братомъ во время быстрыхъ военныхъ движеній, хотя и зналъ любовь его къ Ольгѣ, но полагалъ что она не что иное, какъ слѣдствіе юношескаго воображенія, пребующаго предмета или ценпра, съ котораго бы могло черпипь окружность своихъ мечпаній. Возвращаясь къ роднымъ, нашелъ онъ отца своего больнымъ въ деревнѣ. Болѣзнь ослабляетъ ненависть и всѣ спрасши, кромѣ одной любви; и старый Гореминъ, почувствовавъ ничтожность ссоры съ добрымъ сосѣдомъ, искренно примирился съ нимъ, а шаковой миръ всегда сильнѣе стягиваетъ прежнія связи, почему семейства Горемина и Либавскаго были во все это время не разлучны. Сбылись надъ Викпоромъ слова романа: *привычка видѣть ежедневно*; и Софья пришла ему по сердцу. Она также не могла быть равнодушною къ молодому, хорошему, богатому искапелю, и они сами себя увѣрили, что влюблены другъ въ друга стра-

спно. Кто любилъ, тотъ знаетъ, что для влюбленныхъ нѣтъ препятствій, они смотрятъ на все иными глазами и если бы были разлучены другъ отъ друга пространствомъ, лежащимъ между луною и землею, не думайте, чтобы и это ихъ успрашило и измѣнило; напропивъ, они бы въ мысляхъ спали спрости лѣспницу, аероспашъ, посредствомъ коихъ все бы надѣялись соединиться. Софья болѣе было извѣстно отношеніе Ольги къ Леону; не сумнѣвалась она доподъ и во взаимномъ отношеніи Леона къ Ольгѣ; но сперва Викторъ и Софья увѣрили себя, что отецъ Гореминъ, сказавъ нѣкогда, что никогда не дозволилъ Леону жениться на Ольгѣ, не властенъ уже перемѣнить своего слова, потомъ, что не благоразумно жертвовашь своимъ счастьемъ для другаго, хопя и ближняго, наконецъ увѣрили себя, что любовь Леона и Ольги, было ребячество и — на совѣтѣ своемъ — заключили, что Леонъ не помышляетъ объ Ольгѣ, а Ольга чипаетъ много романовъ! „Quand on veut battre son chien, on trouve un baton“, говоритъ пословица. Ольгѣ начали нашептывать и то и сѣ, а она, если и не со всемъ вѣрила тому, но ясно видѣла, что рѣши-

мость Софьи и Виктора не будущъ видѣшь преграды въ ея любви; и одинъ разъ, со слезами на глазахъ, съ опчаяніемъ въ сердцѣ, въ испусленіи самоопроверженія, промолвила: „дѣлайте, что можете соспавиць ваще благополучіе, и не забошпшесь о несчастной!“ Умирающій опецъ благословилъ Виктора и Софью; и бѣдная Ольга сдѣлалась жертвою эгоизма! Съ тѣхъ поръ она не видала, какъ говорится, краснаго Божьяго дня, шосковала, шосковала, и пришла въ шакое положеніе, что ни опецъ, ни машь не принуждали ее болѣе казашься веселою и, опасаясь за жизнь ея, допустили бышь въ домъ зашворницею, живымъ мершвецомъ.

Во время возвращенія Леона въ Москву, семейство Либавскихъ было въ деревнѣ. При военныхъ дѣйствіяхъ почша не можетъ бышь исправною; въ болѣзнь Леона, онъ не въ сосшояніи былъ писашь, а шуть его уволили въ оппускъ; и онъ на крыльяхъ любви мечпалъ, вмѣсто посланія, повергнушь сердце и руку къ ногамъ своей красавицы. Внезапный приѣздъ его, опчаянное болѣзненное сосшояніе, привели въ запрудненіе счастливую чешу. Но и шуть эгоизмъ чешодъческой побилъ Софью оправдашь свой поступокъ! Кто шакая Фалима? Самоза-

бленіе ея во время болѣзни Леона доказываешь непомерную привязанность, спросишь! Леонъ въ самомъ безпамятствѣ своемъ слушаетъ одну ее, плачетъ при ней, съ нею только находишь развлеченіе! Нѣтъ сомнѣнія — это взаимная любовь! Такая мысль, одинъ разъ поселившись въ головѣ женщины, не оставишь ее никогда; а какъ къ тому же она была весьма полезна ей для очищенія прегрѣшеній, то естественный резульшатъ былъ схватишь перо и напишешь къ родителямъ: „Леонъ возвратился и привезъ съ собою прекрасную Турчанку, которую любишь безъ души!“

О люди! люди! знаете ли вы, что иногда слово убиваетъ человека мучительнѣе, чѣмъ острый кинжалъ, чѣмъ свинцовая пуля! Оно послѣднихъ переходъ къ смерти — одинъ мигъ! Но слово медленный ядъ! Оно мерзвитъ исподоволь; оно гложетъ, сосетъ сердце цѣлые годы! И въ скукъ, часы идутъ годами; судишь же, если есть въ васъ человѣчество, каковы часы сердечной горести? Это вѣчность!

Ольга, пожертвовавъ собою сестрѣ, или лучше сказать, необходимости, не могла изгребить въ спроси пылкой, испинной, спроси сославлявшей всю ея жизнь.

Мысль, что она любима еще Леономъ, что онъ будетъ не равнодушенъ къ ихъ положенію, мысль, по правдѣ сказать, неслишкомъ въ духѣ Христіанскаго ученія, улаждала ея горе; и въ одну минушу расплачься съ сею мыслию, съ симъ утѣшителемъ, было для ней тяжелѣе самой смерти! Изнурительная болѣзнь опіяла у ней послѣднія силы; и она съ тѣхъ поръ болѣе походила на тѣнь, чѣмъ на существо красившее нѣкогда собою миръ! Между тѣмъ Леонъ получалъ болѣе и болѣе тѣлесныхъ силъ, коихъ лишалась Ольга. Любовь и новое чувство негодованія его подкрѣпляли. Пришедши въ расстройство выдержавъ сорокапятиверстный путь, въ одно утро онъ сказалъ: „Я не могу здѣсь жить Фапима! Воздухъ Москвы меня давитъ, жжетъ, мнѣ надобно уѣхать на какое расстройство, что бы пространство между мною и Ольгою такъ раздробило мою любовь, что заглушило бы мои слухи и самое имя ея не могло бы доходить до моего слуха. Я не люблю ее болѣе; но хочу одинъ разъ, только одинъ разъ ее видѣть! Если бы она имѣла хотя искру моей любви, то отвратила бы злодѣйство моего брата и сестры своей . . .“

Она бы должна была распянувшись на поро-
гъ храма и допустить скорѣе распощанъ
себя, чѣмъ совершишь погубившему насъ
браку! — Такъ! и бы это одѣлалъ. — Я
нелюблю ее, Фашима: Оспавайся здѣсь, из-
гошовъ все къ нашему опъѣзду! Чрезъ сущ-
ки или двое я возвращусь — и тогда ѣдемъ,
если хочешь! — „Всюду съ побою!“ опъѣ-
чала она. И Леонъ уѣхалъ.

Чѣмъ далѣе опдалаяся Леонъ опъ
Москвы, тѣмъ болѣе измѣнялись его ощу-
щенія. Чѣмъ ближе подѣзжалъ къ мѣ-
стамъ, гдѣ прошекли лучшіе годы его
жизни, тѣмъ воспоминанія дѣлались жи-
вѣе, прошедшее изгоняло настоящее. Въ
дѣшописяхъ сердца, дѣсокъ, пригородъ,
сельская дорожка, даже какой нибудь ку-
спикъ — все событіе. . . Къ вечеру ко-
ляска вѣхала въ околицу селенія Ли-
бавскаго. Каждый изъ насъ знаетъ, что
попъ, что швердишь безпрещанно: я не
люблю ее, я не люблю тебя! обманываешь
и людей и себя, или просто сказашь —
дещь. Леону вдругъ шакъ спало жаль
Ольги, что грудь его спѣснилась; онъ хо-
пѣлъ ворождишь, не видавъ ее, вышелъ
изъ коляски, пошелъ въ прошивную опо-

рону и, невѣдомо какъ случилось, очутился на дворѣ, на крыльцѣ дома Либавскаго!

Либавскіе, мужъ и жена, встрѣтили его въ передней, какъ человека, кошораго всегда любили, кошораго нянчили на рукахъ, какъ ближняго родственника. „Ольга, Ольга! закричала мать: поди сюда скорѣе, посмотри, какой госпъ у насъ!“ Но Ольга, работавшая подлѣ окна въ другой комнашѣ, уже видѣла Леона, шедшаго по двору, уже успѣла разсмогрѣшь лицо его, нерѣшишельную походку. Сердце ея задрепешало; она вспала, колъна ея подгибались; опираясь, она шла кое-какъ, будто невольнo, прежде еще призыва матери. Съ послѣднимъ словомъ ея, расшворилась дверь, и Ольга, блѣдная, худая, представилась Леону! . . . Леонъ, съ обвязанною головою, впалыми глазами, мрачнымъ видомъ, стоялъ среди комнашы: и двойной заговоръ ума и самолюбія исчезъ въ одно время. . . „Ольга! Леонъ!“ — вырвалось противъ воли изъ устъ ихъ!

Тягосшно было первое свиданіе для обоихъ. Любовь боролась съ негодованіемъ; попеременно каждая изъ нихъ проявлялась наружу. Присутствіе родителей, приличія, принужденная холодность шерзали ихъ!

Послѣ многихъ распросовъ онѣ спариковѣ и воспоминаній о прежнихъ лѣшкахъ, Либавской спросилъ: гдѣ же коляска Леона? и когда сей послѣдній сказалъ, что въ околицѣ, ибо онѣ ѣдешъ въ свою деревню хозяйничашъ, то шакъ радушно выразилъ желаніе, чшобы Леонѣ не ѣздилъ въ пустой домѣ оспался у нихъ, какъ близкой родственникъ и распорядился бы дома, навзжая шуда временно, чшо сколь ни убійшвенно было для Леона слово: *близкій родственникъ*, онѣ безъ прошиворѣчій принялъ приглашеніе, надѣясь, можешъ бышъ, скорѣ имѣшъ свободную минушу для переговоровъ съ Ольгою, скорѣ ее осыпашъ укоризнами, шакъ сказашъ уничтожившъ въ глазахъ самой себя и оспавишъ на жершву угрызений сердца и совѣсти... — О! влюбленные!...

Въ деревнѣ обращеніе безъ чиновъ; съ роднымъ эшо было бы обидою, а съ шѣмъ, кошорый госцишъ, шо ешъ проводишъ дни и ночи въ нашемъ домѣ, эшо было бы признакомъ, чшо порѣ госшю во свояси! И шакъ весьма еспешвенно, чшо спарые Либавскіе скоро вышли хозяйничашъ; а Ольга и Леонѣ оспались одни. — Настала минуша желанная обоими, но шакая шягоспная, чшо оба обрадовались бы, еслибы

кто взошелъ и прекрашилъ мучительное бореніе каждаго изъ нихъ, бореніе съ сердцемъ и гордоспїю, досадою и приличіемъ. — Кто начнетъ говорить? — Съ чего начашъ разговоръ? — И однако, еслибъ кто взошелъ въ это время, то вѣрно бы проклятіе поразило нескромнаго!... Къ счастью, никто не входилъ. Ольга попушила взоры на работу; Леонъ успремилъ свои на Ольгу, и какъ спротивъ судїи, искалъ на чертахъ лица ея уличительнаго признака преступленія. Но Ольга была блѣдна; грудь ея ошъ каждаго дыханія тяжело поднималась, между глазъ и рѣсницъ что-то просвѣчивалось — это были еще не слезы! . . . Грозный уличитель, жаждавшій минувшаго мщенія, поколебался и съ нѣжнымъ упрямомъ прервалъ молчаніе: „Ольга! шакъ ли мы должны были свидѣться? Гдѣ швой кляшвы?“, — Онъ ждалъ оправдательнаго отвѣта. Тупъ слезы пробились сквозь рѣсницы; глухой вздохъ вырвался . . . она молчишь . . . еще вздохъ . . . и она едва внятно сказала: „Говорятъ ваша Турчанка прекрасна!“ Вспыхнулъ Леонъ: „Развѣ это отвѣтъ на мои слова!...“ — Сспрасши въ немъ забушевали, гнѣвъ его головъ былъ разразисься, но

небывалая мысль, какъ молнія блеснула. Онъ сдѣлался смиренъ, какъ виноватый! —

Леонъ въ цѣломъ мирѣ видѣлъ одну Ольгу; она и любовь ея соспавляли всю пошребность его жизни; оспальное было Никшайскія щѣни... Съ появленія Фашимы до сего свиданія, онъ совершенно забылъ, что Фашима женщина, молодая, прекрасная, и что живя вмѣстѣ съ нею, можно дасть поводъ къ какииъ-либо заключеніямъ. Теперь въ первый разъ представился ему рядъ событій прощекшихъ, поколебаль его увѣренность въ самомъ себѣ: сердце его сжалось, слезы показали на впалыхъ щекахъ, омочили черные усы и онъ съ чувствомъ сказалъ: „Фашима спасла мнѣ жизнь! Она мой ангелъ докреситель! Она сестра моя! Она возвратила мнѣ то, что я несъ въ даръ тебѣ, Ольга! Ты разрушила мои мечты! Ты оправдала мою жизнь!“ . . . Сколь ни кропокъ былъ въ сущности сей разговоръ, но какъ между словами проходили большіе промежутки, то и не мудрено, что времени прошло сподько, что хозяева успѣли кончить свои домашнія приказанія, возвратились, и объясненія прекрапились въ самомъ занимательномъ мѣстѣ.

Спѣранные эти люди, влюбленные! Чемъ болѣе въ нихъ дѣйствуетъ спѣрась, тѣмъ менѣе они дорожатъ временемъ! — Размолвки, недоумѣнія, негодованія и тому подобное, шакъ много опнимающъ у часовъ свиданія, что ихъ можно уподобить сейерверку: въ пригошовленія проходящъ дни, недѣли, мѣсяцы; въ наслажденія — одинъ мигъ! — Многіе объ этомъ полковали, разбирая по правиламъ эспешики. Одни говорили: испинная любовь робка, заспѣчива, опъ того что боится оскорбить предметъ своего идолослуженія; другіе: она молчалива опъ того, что не находить выраженій для своихъ ощущеній; шрешьи ушверждали даже, что вся прелесъ любви находить въ одномъ воображеніи и влюбленные наслаждаются болѣе въ мечпніяхъ, нежели въ сущности!.... Еслибы я осмѣлился сказать мое мнѣніе, я бы выразилъ его иначе; именно: по моему мнѣнію влюбленные выходятъ изъ ряду людей обыкновенныхъ, еспешвенныхъ; они находятъ какъ будто въ магнетическомъ снѣ, изолированы. Когда они въ опдаленіи другъ опъ друга, по дѣйствующъ ихъ желанія, а желанія связаны съ вещественностію; но когда бывающъ вмѣстѣ, вещественная оболочка

спадаетъ, онъ уже существва неземныя! . . . Но я люблю изящное по чувству, а не по уму. я не профессоръ, не шолковашель законовъ изящнаго; и для шого не выдаю моего мнѣнiя за аксіому!

Весь оспальной вечеръ прошелъ въ общей бесѣдѣ; но какъ Леону данъ уже былъ камер-шонъ, il a entendu où la cloche a sonné, шо онъ шакъ искусно повелъ свои рассказы, что ещесшвенно не одинъ разъ долженъ былъ коснушься до Фашины и съ овойспвеннымъ невинности жаромъ правопы рассказалъ, какъ безъ ней брешные есташки его были бы расклеваны хищными пшицами, прахъ развѣянъ Азіяшскимъ вѣпромъ; какъ въ самомъ временномъ лаваретъ, наскоро, безъ досташочныхъ пособій устроеномъ, попеченiя ея были ему необходимы; какъ въ дорогѣ до Москвы, она оберегала его опъ собспвеннаго его непершнiя и проч. и проч. заключивъ наконецъ шѣмъ, что считая ея своей избавительницей, онъ обшцалъ ея любить какъ сестру, и для шого, желая устроить ея счастье, знакомишь ея съ нашими обычаями, насшавляетъ посредшвомъ умнаго священника въ законъ истинной вѣры и надѣется сыскашь чешнаго человека,

кошораго бы она осчасшавила своею непорочною любовію.

Спарики слушали все это, какъ любопытный разсказъ, превознося Фашиму время опть времени похвалами и изъявляя благодарность; но Ольга молчала. Между пътемъ она не проронила ни одного слова, и когда чрезъ нѣсколько времени уронила плашокъ, Леонъ нагнулся поднять его, въ одно время съ Ольгою; руки ихъ какъ-то сполкнулись, и онъ почувшвовалъ, что пальцы ея сами слегка пожали сжимающую его руку. Леонъ спрашно взглянулъ на нее и ему показалось, что легкій румянецъ блеснулъ на щекахъ Ольги залогомъ ея расквашія... Если бы я писалъ романъ, я бы воспользовался этою картиною и съ сихъ поръ началъ бы развершывашъ, какъ постепенно все приходило между ними въ гармонию, какъ они снова поняли другъ друга, какъ возобновлялся румянецъ на щекахъ Ольги и огонь въ глазахъ Леона... Но я не романистъ, повѣшвую былое и спавлю одни малки; пускай шомъ, или ша, у конхъ не замерзло сердце, не заспыли спрашли, дополнишь промежушки и довершишь мой разсказъ!

Съ сихъ жоръ Ольга и Леонъ забыли прошедшее. Онъ забылъ даже предлогъ своего приѣзда, хозяйство, и жилъ въ домъ Либавскаго, какъ свой. Прошла недѣля, болѣе. Въ одинъ вечеръ, освѣщаемый луною, кошорой влюбленные жгушь еиміамы, не знаю почему, ибо она почти всегда бываетъ не скромною свидѣтельницаю сердечныхъ наслажденій, осуждаемыхъ приличіемъ или волею шѣхъ, онъ коихъ зависяшъ влюбленные, луною, кошорая болѣе по преданію, чѣмъ по испиннѣ покровишельница любви, Ольга и Леонъ прогуливались въ уединеніи, забывая и міръ и людей. Легкій шорохъ между кустами возбудилъ вниманіе Ольги; ей показалось, что-то блеснуло въ кустахъ; она вскрикнула; выдернула свою руку изъ руки Леона и невольно бросилась назадъ. Леонъ, занятый одною Ольгою, ничего не слыхалъ; ничего невидаль, но узнавъ причину испуга, бросился въ кусты, не внимая призыву Ольги. Въ рукъ его былъ уже кинжалъ, военная его добыча; съ нимъ успремился онъ на челоувѣческую, вооруженную фигуру; спокойно его ожидавшую; рука была занесена и — какъ будто очарованіемъ онуспилась въ одно мгновение. . . То была Фашима, въ мужскомъ

Черкесскомъ плащѣ. „За чѣмъ ты здѣсь!“ грозно сказалъ Леонъ. — „Еще разъ спаси себя!“ твердо она отвѣчала. Но теперь не время... Спущай за своею Ольгою... Завтра ранѣе прѣзжай въ свой домъ и тамъ узнаешь, печешься ли о тебѣ Фашима!“ — Съ какою-то робостию онъ повиновался. Мысль, что онъ скажетъ Ольгѣ, не возродитъ ли ей ревности, такъ обуяла имъ, что онъ шелъ какъ преслушникъ, тихо, задумчиво; едва замѣшилъ въ домѣ лишнее освѣщеніе, суешню, и уже взошелъ на крыльцо балкона, ошамановался, увидѣвъ сквозь окно Ольгу въ объятіяхъ ея сестры! Тушь все его несчастіе предсавилось живо воображенію; онъ убѣжалъ въ свою комнату, сказался больнымъ и написалъ къ Ольгѣ письмо, въ которомъ излилось все его сердце: окончивъ шѣмъ, что не можешь принудить себя къ свиданію съ Софьею, увидѣть рано къ себѣ и возвратишься только тогда, когда она ошавитъ ихъ домъ, онъ просилъ ее назначить ему часъ и мѣсто свиданія.

Ошъ Фашимы узналъ онъ первую новость, что онъ живетъ въ домѣ Либавскихъ уже чепыре недѣли; вторая новость для него была, что во все это время онъ пренебрегалъ своими ранами; шрешья и послѣ-

дующія были, что во все это время Фашима неоднократно приѣзжала узнавать объ немъ, каждый разъ его видала и не разрушала его очарованія; что изъ дома брата каждодневно были посланные справлялись объ немъ и, какъ ни скрывали это опусушсвiе, но въ такое долгое время сiе было не возможно, и Софья вчера только узнала всю истинну; что гнѣвъ ея измѣся слишкомъ явно, она собралась ѣхать къ оццу, испоргнувъ Ольгу, какъ она говорила, изъ рукъ злодѣя, и съ какимъ-то предложенiемъ касательно Ольги. Окончивъ кратко мною рассказанное донесенiе, Фашима склонилась на руку Леона, въ волненiи, съ чувствомъ ему сказала: „Ты вложилъ въ меня новую душу, ты развернулъ новыя для меня понятiя, можешь быть пагубныя; но я уже не та Фашима! — Не знаю всѣхъ вашихъ обычаевъ, но знаю, что я тебѣ не нужна болѣе... Будь счастливъ, опустши меня въ Грузiю! Если постигнешь тебя злополучiе, то призови меня!“ — И слезы горячихъ слезъ омочили руку Леона.

О Фашима! Какую минушу избрала ты говоришь языкомъ сердца съ человѣкомъ, обуреваемымъ не одною, многими спрашьями! Гдѣ любовь и ревность, тамъ прешья-

го собесѣдника не бываешь! Леонъ, ничего незначительными словами, спъшилъ условленна сколько нибудь Фашиму. Это было легко: уповающему каждая плывущая вѣлика каменна-ся одорою. Оспавивъ ее, Леонъ едва сошелъ съ крыльца, направляя шаги къ селенію Либавскихъ, какъ камердинеръ подалъ ему письмо отъ Ольги; бумага была сыра, почеркъ руки дрожащій, пакеть свернуть и запечатать никакъ, что съ перваго взгляда зѣбѣтна была поропливостіъ во всѣхъ дѣ-снаіахъ. Вотъ это письмо:

„Леонъ! ты меня погубилъ! Что сдѣлала тебѣ несчастная? За чѣмъ возвратилъ ты меня къ жизни? Я оканчивала ее съ радостію, жаловалась на судьбу и благословляла себя! Я преспунала въ вѣчностіъ съ любовью, теперь должна покинуть свѣтъ съ несправомію! Я все знаю, знаю даже, что ты воспрѣшилъ вчера, знаю для чего ты скрылся изъ нашего дома, знаю тво умиженіе, которое ты мнѣ гонимилъ! Соснира открьма глаза мнѣ и сѣвпономешу-щрмиъ моиъ родителамъ. Неблагодарный! Они обнимали тебѣ какъ сына, а ты — дѣдъ поминилъ о посрамленіи ихъ! Леонъ! я тебѣ не узнаю! ты не соповарица моего дѣтства, ты не другъ моего сердца! Умижен:

ный: кромѣ варварскою, ты сдѣлался Азіатцемъ! Богъ съ тобою! Не являйся болѣе въ домъ нашъ: онъ для тебя заповоренъ. Хоту въ послѣдній разъ доказать тебѣ мое участвіе, избавляи отъ уничтоженія, отъ упрековъ родичелей моихъ! — Прощай навсегда!» . . .

Есть такія ощущенія, такія минушы, въ которыхъ человекъ переспаивъ бытъ судеснвомъ! Члены его въ огъмъни, взоръ безъ жизненности, безъ дѣятельности! Пусть въ эту минушу грянетъ громъ, разлетится земля, пусть всѣ спихи разразятся надъ нимъ: онъ испуканъ! онъ струтъ! Въ такомъ состояніи былъ Леонъ, окончивъ письмо Ольги. Въ такомъ состояніи заширъ бы его можетъ бытъ ангелъ: смерти, еслибы Фанима и люди его не пришли дѣятельныхъ средствъ къ возвращенію его къ жизни! Сорванныя перевязки были снова наложены, докторъ привезенъ, и сіе безнадежно послужило въ этомъ случаѣ къ пользѣ. Много времени прошло, пока мерзави его спали укладывавшся въ порядокъ, пока жизненные силы возбуждали дѣятельность бытія. . . Фанима прочла второе письмо: она была въ связи съ произнесеніями!

Въ вѣщеніе сего времени Софья уѣхала въ Москву, скрывая отъ Виктора свое спольніе брата и увезла его въ дальнія деревни. Либавскіе знали все, что происходило въ домѣ Леона: въ деревняхъ обыкновенно сосѣди знаютъ болѣе, чѣмъ сами хозяева. Но они шакъ были раздражены внушеніями старшей своей дочери, что не только не принимали участія въ его положеніи, но къ спыду ихъ душевно бѣ были рады, если бѣ могли избавишься его соудспва. Одна Ольга онашь худая, онашь блѣдная, всегда съ заплаканными глазами, не имѣла ни покоя, ни занятій, и какъ привидѣніе, каждую ночь, въ сопровожденіи одной вѣрной горничной, ходила по дорогѣ къ селу Горемину на шакое разспольніе, съ коего между кустовъ открывалась часть господскаго дома и видно было окно, гдѣ мелькалъ слабый свѣтъ ночника. Тушь всегда сердце ея спѣснялось болѣе, взоры спремались проникнушь во внутренность комнашы, но, увы! все ограничивалось одними стѣнами, проходившими между окномъ и ночникомъ. По медленному или скорому, одиночному или разнообразному движенію сихъ стѣней, она угадывала спольніе, въ какомъ находился Леонъ;

и каждый раз, со вздохомъ, нисколько вырвавшимся изъ сжатенной груди, возвращалась къ прежнему горю!

Долго не было никакой перемены; наконецъ въ окнѣ signalъ показывался свѣтъ болѣе яркій, наконецъ мелькнулъ призракъ знакомый сердцу Ольги. Между стѣнъ законы природы идутъ своимъ путемъ: осень наспушила, листы началъ желтѣть... но прогулки Ольги не дѣлались отъ этого рѣже; чувства и положеніе двухъ несчастныхъ были одинаковы. Начинаясь было переписка отъ Леона, но каждое посланіе было возвращаемо не распечатанное.

Въ одинъ осенній вечеръ, когда небо было задернуто тучами, какъ занавѣсью, когда вѣтеръ бушевалъ между деревьями и осыпалъ пупника валившимся съ деревьевъ листьями, на знакомомъ намъ холмикѣ сидѣло какое-то существо, словно окаменѣлое; услащенные на окно взоры искали въ немъ обычнаго свѣта: его не было. Все было темно; не по чему замѣтишь движенія: все было темно и въ сердцѣ Ольги; напрасно вниманіе ея было обращено на завѣтную почку, поглощавшую въ себя всю душу дѣвы-спрадалицы... напрасно!... И вдругъ знакомый образъ у ногъ

Ольги! Слабый, дрожащій голосъ говорить ей: „Нтъ! ты не можешь опвергнуть меня! ты должна меня выслушать! Если ты будешь неумолима, клянусь, въ сію же минуту повергнешя шрупъ мой къ ногамъ твоимъ!“ — И гибельное орудіе блестѣло въ рукахъ несчастнаго!

Кто возьмется описывать разговоръ ихъ? Кто, съ перомъ въ рукахъ, сидя за письменнымъ столомъ, прибѣгая къ пособию воображенія, даже къ воспоминанію бывалаго, дерзнетъ изобразить лаконическое краснорѣчіе двухъ существъ, созданныхъ Провидѣніемъ другъ для друга! — Я молчу: кто умѣетъ любить, кто можетъ переноситься въ міръ воспорженный, шопъ сославитъ самъ въ умъ своемъ разговоръ ихъ... Я молчу! — Если бы я и надѣялся раскалишь рѣчь мою огнемъ, заимствованнымъ у спраши, то и тогда не дерзнулъ бы вымысломъ исказить испины!

Продолжительна была ихъ беседа; суровыя спихи не могли прервать шорженности ея; и далеко за полночь возвратились Ольга и Леонъ, каждый по своимъ домамъ, примиренные сами съ собою и, можетъ быть, съ жизнью! Если сонъ бѣжитъ опъ несчастнаго, бѣжитъ онъ и опъ

счастливаго ! Поздно вышелъ Леонъ изъ своей спальни ; но не сонъ удерживалъ его въ ней ; Леонъ сокрушился бы , если бы усиленіе оковало его думы и прервало видѣніе мечтаній ! Поздно вышла и Фашима ; и ее также не сонъ удерживалъ ; она приняла бы его какъ даръ небесъ ; онъ опуманилъ бы для ней. насроящее и , можетъ быть , утѣшительнымъ сновидѣніемъ освѣтилъ будущее ! Вся дѣйствія Леона и Фашимы были противоположны ! Онъ быстро ходилъ по комнатѣ , съ огнемъ во взорахъ ; улыбки, мелкавція на запахъ его, обнаруживали, что онъ существовалъ мечтами. Она, съ опухлыми отъ слезъ глазами, сидѣла уныло ; и капли слезъ какъ перлы капились по ея щекамъ ; и она мечтала , но мечта ея была : *я лишняя въ мірѣ !*

Какое странное швореніе человѣкъ! — Самый сострадательный, когда занявъ своими чувствами, дѣлаешься равнодушнымъ къ шерзаніямъ близкихъ, тогда какъ въ другое время готовъ былъ бы искупить свою кровію малѣйшее шпрданіе ! Долго можетъ быть дѣйствовало бы они оба безъ рвчей , если бы скачущій отъ Либавскаго внезапно не обратилъ вниманія обоихъ. Торопливо спросилъ онъ: нѣтъ ли здѣсь док-

двора; шоропливо разсказаль, что Ольга проснулась въ жесткой горячкѣ, находишся въ безпамятствѣ, и поскакаль въ городъ!

Давно ли видѣли мы Леона пораженнаго, какъ громомъ, однимъ письмомъ опъ Ольги, копорое, намъ, равнодушнымъ, казалось, не могло еще пугашь такими послѣдствіямъ. Опъ чего же шеперь онъ не шеряль способности дѣйствовать? Не ужели?.. Нѣтъ! тогда предметъ, на копоромъ разразился громовой ударъ, былъ онъ самъ; шеперь — это она, это Ольга! — Роковая вѣсть сія подавила его шакъ, какъ бы всѣ свѣтила небесныя обрушилась на него; кровь въ жилахъ застыла, онъ сдѣлался глухъ, онъ сдѣлался нѣмъ, но дѣятельность его удвоилась. Спретглавъ бросился онъ къ дому Либавскихъ, ворвался въ комнату Ольга; никто не могъ, никто не былъ въ соспояніи, ни кто не помыслиль ошановишь его! — Ольга лежала въ постели безъ движенія, глаза закрышы, румянецъ въ щекахъ. Опець, мать и близкіе въ домъ наполняли комнату; у всѣхъ лились слезы; но гробовое молчаніе царствовало вокругъ! Леонъ бросился на шабурепъ, споявшій у ногъ ея; голова его нечаянно упала на руку, облокопившуюся на кровашь, взоръ устремился на

Ольгу! . . . Тридцать шесть часовъ она была безъ памяти, безъ языка, и въ продолженіи сего времени, всего два раза прошептала: Леонъ! Тридцать шесть часовъ и онъ былъ въ одномъ положеніи. Эпо былъ живой надгробный памятникъ!

Наспала минуша. Она открыла глаза, увидѣла Леона, просянула къ нему руку; съ умиленіемъ и долгими промежутками сказала: ты здѣсь! просни! живи, что бы помнишь и любишь Ольгу! . . . Пошомъ обернулась къ родителемъ: благословіте дочь вашу! промолвила она шакъ слабо, шакъ слабо, что одни близко стояшіе могли ее слышать: не жалѣйте объ ней, она счастлива! . . . И — угасла — угасла не шакъ, какъ гаснетъ догорѣвшая свѣча, но какъ лампада, полная еще огня, жизни, гаснетъ отъ злошворнаго дуновенія!

.
Она похоронена подъ папершью приходской церкви въ Б* * *; и каждый вечеръ, лѣшомъ ли, зимою ли, Леонъ оmyваетъ следами прахъ ея!

.
Миръ праху швоему, несчастная Ольга!

М.

III.

КАВКАЗСКІЯ КАРТИНЫ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОЧЕВИДЦА.

(окомъ *аніе.*)

Часа за два до захожденія солнца, голова узкой колонны отряда поворошила внизъ на позицію къ Шеени, въ право отъ дороги; самая же дорога пролетала черезъ хребетъ, ближняя вершина коего спускалась въ глубокое чернѣвшееся ущелье пыльно-песчью огромными, почти опивъсными уступами, подобными исполинскимъ перерасамъ. Опшуда открывалась вокругъ лежащая система Кавказа и весь пейзажъ наслоящихся военныхъ дѣйснвій; желтѣвшая дорога, пройденная нами въ прошлый день, обобначалась на зелени лѣса, какъ уякіа черныя кармина свѣжихъ губъ на нѣжномъ млейномъ лицѣ. Долго оспавался я на сей вершинѣ и смолрълъ, какъ кучки артилерійской цѣпи, систематически сбѣгали внизъ, пуская бѣглый огонь, какъ слились онѣ наконецъ съ посшами отряда. Минуть черезъ пасть, на желтѣвшей полосѣ дороги, показались украдкой, изъ подъ зеленого свода, два бурыхъ плашья, двѣ бѣлыя шапки, и прошъ часъ ускользнули въ

лѣсъ. Человѣкъ двадцать пробиралось за ними, они перебѣгали дорогу, оглядывались, какъ плопоядный звѣрь, и, разъ ошпановившись пропадали опть взора, превращаясь въ древесные пни; шакимъ образомъ они подползли ближе къ цѣпи опряда. Съ верхней исполинской шеррассы можно было лишь замѣтить изъ за рва едва бывшіяся шапки; въ близи опть послповъ надали слабыя пули, но солданы, не жалѣя пашроновъ, опшвѣчали на каждый выспрѣлъ десяпью. Не видя поживы, Чеченцы вскорѣ опрешировались по своему. Но я, какъ зритель, былъ жестюко раздосадованъ, ибо цюшь часъ послѣ ухода ихъ изъ засады, наша прапаша, будпо мячикъ, брошенный зврной рукой, прямо попала въ ровъ, думя-шремя веселыми рикошетами скользнула въ доль дороги и лопнула въ гуцѣ лѣса. Спокойно релпировавшіеся герои вспрешенулись, какъ куча испуганныхъ шницъ, пронали опть взора и, очутивъ на дальнихъ вершинахъ, шолько что ругались опшлуда. Мы ночевали при кровавомъ овѣшѣ внизу мылавшаго Шеени.

Первую половину послѣдняго дня пребыванія нашего въ Нахчимахъ, спрѣлки безпреспанно дрались на какомъ-либо изъ

пунктовъ прощяженія отряда, ибо при малѣйшей мѣсшной удобности, жилили прощяжали щѣпь ружейнымъ огнемъ; раза при някже испрѣшили они авангардъ въ зава- лахъ, пригошвенныхъ изъ сваленныхъ де- рещевъ, кои были очищены безъ выстрѣла шпыками. Но версты черезъ чешыре, по- слѣ привала, сдѣланнаго въ полдень, насъ оставили въ покоѣ; вѣрно союзникамъ драпсья спало въ пятгоспѣ; вѣрояпно, опдалившись опг жилищѣ и не видя пожа- ны, кромѣ солдатской пули, они пошорони- лись домой.

Авангардъ былъ въ лѣсу захваченъ но- чью. Мы шли по покашоспи, болѣе и болѣе склонявшейся; лишь по прямой линіи про- сьня доходилъ слабый сомнишельный свѣтъ, едва освѣщавшій двѣ совершенно черныя слѣсны исполнскихъ деревщевъ, сопровожда- нныхъ дорогу; узкая колонна, шедшая шоро- нливо, шерялась во шмѣ и была подобна по- шоку, обгавшему въ бездну. Лѣсъ кончался, половина неба, усыпаннаго звѣздами, открыв- лась взгладу, кошорый могъ окинушь пак- же огоньши, свѣщившіеси въ мирныхъ лу- гахъ Нячкальковъ и небольшую линейку бивачныхъ огней отряда, расположеннаго на шлоскости. Дорога начала сбгтань шущѣ

круто; лошадь должно было держать на поводьях коротко, чтобы она не сползнула, чтобы не напикнуться на какой либо шипикъ. Три вершины мнѣ показалось цѣлою вѣтностью; ибо гостепріимные огни, мелькая въ самомъ будно близкомъ разстояніи, безпрестанно оцѣлывали насъ.

Палатки разбили у с. Хошь - Гелды; сія два шапарскіе слова значатъ по русски: добро пожаловать; и шочно всякой изъ насъ говорилъ сему мѣситу: добро пожаловать; всякой радовался, что оставилъ спорону, гдѣ каждая, видимая глазу рышвина, была измѣна, каждый кусокъ — предашель - убійца.

На другой день мы окидывали дружескимъ взглядомъ голую неизмѣримую равнину, развернутую передъ нами; она сливалась съ синевой горизонта и теченіе Терека обозначалось легкой полосой тумана въ залонѣвшейся лѣнѣ лѣса; прикрывающія лѣнію укрѣпленія и нѣкоторые изъ казачьихъ станицъ видѣлись, какъ неясная картина. Сія безконечная степь была окучена, единообразна, но взглядъ привѣтствовалъ ее дружески; ибо шѣскими хребтомъ, все смотря на свою милость, все было

щемицей для взора, кошорый, спряхнувъ будпо шяжкіе узы, гуляль шецерь на про- шпоръ, скользилъ по степи, лаская ее съ улыбкой, находя въ ней приятность и предесшь, кошорыхъ не могъ бы найши разочарованный глазъ; и наконецъ взглядъ сей, уныло оспановившись, перялся, шомулъ въ прошаженіи безконечномъ, какъ опкры- шое море; онъ искалъ границъ шамъ, гдъ былъ предъломъ воздухъ; спроилъ воз- душные замки въ семъ неопредѣленномъ проспранспшвъ, шворилъ идеалы, коихъ не могло бышь на дѣлѣ. Ибо подобная без- предѣльность наспрояваетъ воображеніе, погружаетъ въ шихую задумчивосшь, по- раждаетъ ощущенія, въ коихъ не можемъ дашъ себѣ опчеша, возбуждаетъ чувшва, подобныя сну, послѣ коего пробужденіе не- приятно.

Спранно было видѣшь оборванныхъ мирныхъ Азіяшовъ и ихъ женщинъ — кра- савицъ восшока — обернурыхъ въ опрешя, кои, мѣшаясь съ солдашами, продавали жиз- ненные припасы и домашнія рукодѣля: сіа взаимная довѣренность была какъ будпо не въ порядкъ вещей, она какъ будпо насъ удивляла.

Другой опрядъ былъ видѣнь вершины за чешыре; мы упромъ пронулись въ семь направленіи. На половинѣ начальникъ онаго встрѣпилъ В. въ мундирѣ и ленгѣ и за нимъ огромная свипа линейцевъ, шуземныхъ владѣшелей, князей и князькогъ, въ народныхъ коспюмахъ выложеныхъ галунами; на коихъ блестяли, горѣли эполешы, папрѣны, оружіе, оправленные серебромъ; сія пышность, сей блескъ издѣвались надъ нашей простой и небрежной одеждой, на коей были видны слѣды похода и пияжкѣ прудовъ.

Азіяпы а) спали скакашья, перегожашъ другъ друга; въ эпу минулѣ, соскутившіеся въ горахъ Грузинскіе Князья и Тапарскіе Беки, ожили вдругъ на равнинѣ и приняли вызовъ, будпо предложенный линейскимъ коспюмомъ. Они всѣ вмѣстѣ смѣшались, рисовались, поржали по сему ровному мѣсту; рѣзвились какъ шалунъ, убѣжавшій изъ класса, какъ женщина, на коропкое время ускользнувшая изъ подъ надзора ревнивца. Князь, красавецъ Грузинъ, уходилъ ошъ линейца, кошорый до

а) Общее названіе, подъ коимъ Русскіе солданы разумюшъ всѣхъ шуземцевъ.

ведать шлыкку, по цыгань сушкым ша-
гаспъ небремено въ шеренгъ, не заболкъсь,
гдъ будеть почлетъ и есмь ли мосты на
горнакъ обрдынкъсъ нешокахъ? Кмо моментъ
поверать, чмо вношь соданъ въ аформан-
ной шапкъ, нафшкъсъ нукъ какарузы на сумку
(къ край шапраны мвгда вомыщены у него
на груди, мкъ у лавейца); дъласпъ цылой
перехода, будмо по башой дорогъ, въ сырл-
новой дщи, по рашкъ и обрагамъ, по кру-
чмъ и дремучему мьсу, подъ градомъ нуль
неопылаемъкъ Чеченцевъ? Одыть только Рус-
ской! солдаты мвдмъ олю способность:
къ похода въ парадъ весель, бодръ, кра-
сивъ и блестящъ, а въ походъ — зама-
ранъ; въ дъль — блестящъ одно ружье,
сверкаешъ одинъ мвспрвъ; крикнувъ ура —
онъ не спрлаетъ болте.

Першедъ хребетъ Качкальмовъ, мнъ вспрѣ-
щамъ на Чеченской плоскости вагенбургъ,
двинушійся на встрѣчу. Безъ насъ явмась
шамъ мальчикъ Чеченецъ, бѣжавшій отъ ушъ-
сненій мачики, покинушій роднаго отца,
который не мотъ защищатъ его отъ злобной же-
щины. Въ нѣскольо дней онъ привыкъ совер-
шенно и вспрѣщамъ насъ какъ давиненныхъ
знакомыхъ. Сей двенадцатилѣтній мальчикъ

былъ удивительно боекъ и развязенъ; не морщась пилъ водку и дрожалъ отъ восхищенія при видѣ оружія; по всему было замѣтно, что въ немъ созрѣвалъ разбойникъ лихой, отважный и хищный.

Въ вагенбургѣ очутились мы какъ дома; нашли возможныя удобства неудобной походной жизни.

Смѣшанный звукъ голосовъ, хохотъ и вопли разбудили меня послѣ обѣда. Вышедши изъ палатки, я последовалъ за общими назначеніемъ къ мусульманскимъ помѣямъ, рдѣ въ среднѣ огромнаго круга; начиналась борьба между Грузиномъ и Карабахомъ; оплывавшимся только по выбритой головѣ; ибо оба; раздѣтые до нага по самыя чресла; имѣли смуглое шло, загорѣлыя лица. Средній ростъ, но плечныя широкія плеча, массивныя жилистые руки говорили о силѣ бойцѣ, ружались, что оба противника достойны другъ друга. Изадали изъ подлбья, равнявшисѣ взглядами, они всерьвпились и какъ будто два приващеля, важно положили огромныя ладони на плеча другъ другу. Хотя сіе возложеніе длавей было не чистоное, какъ чепыре сильные удара, звукъ коихъ разнесся по всему кругу, но неподвижныя мрачныя ихъ лица не замѣнялись ни

мало; они прямо смотрѣли другъ другу въ глаза и по рѣдкой только пересыпановкѣ ногъ можно было угадать, что начинали пробовать взаимную силу и что одинъ другого хотѣлъ сдвинуть съ мѣста. Но движеніе ногъ стало дѣлать, злоба отразилась испешенно ихъ неподвижныхъ лица, одинъ другого хотѣлъ попросить, какъ мы иногда хотимъ перекинуть развѣсившее дерево. Наконецъ, оба остановились, схватились, сплелись, дѣлать, душили другъ друга — но безъ вопля, безъ стоновъ, безъ восклицаній; одна продолжая жить (конъ, надувшись, лежала подъ кожей, какъ бичевки) давали знать о великомъ ихъ напряженіи; зрители, бывшіе съ начала въ недоумѣніи, очнулись съ самою борьбою. Съ одной стороны Грузины, съ другой Талары ободрили борца въ дикимъ смѣненными воплемъ.

Первое свиданіе, ибо Карабахъ, за свою ловкость Грузина, прыгнулъ къ землѣ, но не спорокнулъ на спину, что побѣдивъ непреклонно объявить о побѣдѣ. Онъ прыгнулъ его къ землѣ и оба осидваюсь въ самъ положеніи минуемы съ двѣ, являя неподвижную групу, которая мгновенно обращенная въ мраморъ, могла обесмертвить рѣзецъ, ее породившій. Подуморжескинуемій, ко-

ли они послѣднія исподлинскія силы; съ водемь схватились они еще крѣпче, еще крѣпче, ирракнули другъ друга, и раздался звукъ сильно упавшаго пѣла, и просяжный стонъ Карабаха всѣмъ послышался. Тапшаринъ лежалъ на спинѣ, а надъ его шей Грузинъ, съ шержесивующимъ звѣрскимъ голосомъ; въ злобѣ, не имѣя кинжала изъ пероспиника (какъ древній боець), онъ кошлялъ руки докончишь побѣжденнаго. Но кругъ зрительей на нихъ нахлынулъ съ радостнымъ крикомъ, съ горестнымъ воплемъ; изъ опорвали другъ оиъ друга. Тогда Грузинъ, поднявъ побѣдищеля, понесла съ шержесивомъ; куча Тапшаръ повлекла Карабаха, поманила въ палашку, желая скрыть свое уничиженіе и легкимъ полопномъ прикрывъ приспѣженную національную гордость.

Мы вечеромъ увидѣли по прежнему передъ палашкой В. два хора музыкантовъ и хоръ пѣсельниковъ къ нимъ въ добавокъ. Поелъ громкой спаринной музыки, заѣвало началъ заливаясь, авонное жем покрывало его гласомъ, и кривляясь, бѣснующь, ходятъ гренадерь съ парой дошекъ, въ пѣсномъ кругу; онъ плясалъ въ присядку съ пронапшальнымъ фидшомъ. Вдругъ оборвалась пѣ-

сня, прекращалась как шаг бандальона, ко-
нпорый оспановленъ въ ногу во командѣ: смѣй!
и линина превалась пономугъ спономъ
дѣсия дяшарской, поломешной на конты.

Огромной почищельный полукругъ былъ
около славки и въ немъ представлялись
эволюсы различныхъ спещеней и сорисовъ,
гражданскій спорникъ съ мамалой круглой
шляпой, и Ханъ съ синной нукероль а),
и Грузанъ въ песнрой чухъ, и Бель въ яр-
комъ кашанѣ, и въ меннообразномъ носило-
мъ Курцинъ, и въ концѣ живой перспешни-
ны, вогнуцый рядъ немалыныхъ князьковъ
и сшаршинъ Осоевникъ, Кабардинцевъ, Ингу-
шей, въ бурныхъ чернессахъ лавлиныхъ длин-
ное пронаженіе опкряцкъ головъ.

Послѣ захожденія солнца ракетны, при-
спыженными въ горахъ, оная возгорди-
лись, держо и смѣло повесило въверхъ,
покидая земную поверхность, назадъ не
хотѣли возвращаться и лоннувъ съ блес-
комъ и шрескомъ въ горникъ предѣлахъ,
лишь бросали, изъ презрѣнія къ намъ и
земному, обломокъ хвоста, мизадавапаго
какъ легкая искра, соображался съ закономъ
Ньютона. За грохотомъ заравой пуцки слѣ-

а) Слуга.

додали октябрьные несогласные звуки зари, заглушаемые музыкой.

Между ягикъ сомнительный, шрепетный сайша ошъ, косигра боролся съ крошкымъ, но проснопольнымъ синиенъ лунимъ, которая съ безоблачной яверди сибирья на яноз съ кырамененъ болыиимъ голубымъ ошей.

И бѣгавше звука обстарившейся французкой надрили (якъ Соройнъ Боромъ) нащивалавше время и рйсоиалъ волшебную залу; прелестное, свѣтлое, роскошное созданіе чарошма янозъ легкимъ приносновеніемъ яшмаго ильчана блѣдой и швердой руки, кокусно обшоченной, небрежно полузакрывной благовоинной перчаламой.

Но иянозъ звуки пробуждаютъ васъ; эподегичка — ягриваше спиритные звуки, быспрая сѣзлыя ношы, кои будно жохочатѣ, ошвакныя шивы, кои скичунѣ, играюйтѣ, развапса въ воздушномъ пространствѣ! Мальчишка Чеченецъ Шихъ-Али-Ханъ очушился въ кругу прошивъ князька-юноши Набардинца; прѣ мѣрныхъ ударахъ въ ладони, они оба пустился въ пляску разныхъ племень, соспизалсъ другъ съ другомъ. Подбоченясъ, гордо озирался князекъ; его мужскія, но спройныя, женскія — ножки, легко скользили по землѣ, онъ плавно под-

ничаль, округлялъ руки, наклонялъ пьело, не просилъ, но претребовалъ похвалы. И живописно и спиранно, подъ мѣру рѣзвился Шихъ-Али-Ханъ; быспро прыгалъ скакалъ и вертѣлся, какъ игривые звуки лезгинки. Оба вмѣстѣ остановились. На бардинецъ поклонился на всѣ спороны съ гордымъ лицомъ и сошелъ со сцены тихо; съ хохотомъ кувырнулся Шихъ-Али-Ханъ и выскочилъ изъ общаго круга.

Умолкли хоры, всѣ разошлись, всякой; продрогнувъ, съ улыбкой выпилъ добрую рюмку водки, шиптъ-лыкъ залилъ спаканомъ вина и уснулъ покойно на болѣе мягкой постелѣ, подъ шеплымъ шулуномъ.

Огни погасли поспешенно въ полу-прозрачныхъ палаткахъ; коспры попухали и изрѣдко полько вдали дребезжала тапарская пѣсня. Все наконецъ умолкло и раздавалось уныло лишь пропянное *слушай* часовыхъ.

Въ слѣдъ за симъ покинули мы преле-спную, но вѣроломную Чечню, и перешли обратно живописный хребетъ Начкалыковъ. Очупясь на голой плоскости, опрядъ опбро-силъ спирѣлковую цѣпь, шупъ ненужную, и все чпо было верхомъ, разбрелось во время похода, на равнинѣ, покрышой кое-гдѣ по-

досой, низкихъ колодчекъ или пашномъ аула Нумыковъ. Тамъ безопасно паслись стада пучныхъ барановъ, съ пасеухомъ, оборван-нымъ мальчишкой, вооруженнымъ однако.

Кучка жирныхъ фазановъ подымалась иногда лѣниво и послушный яспиребъ, вы-биралъ одного изъ нихъ, приносилъ на сѣдло Бека.

Какой-либо бапальонъ, съ права по опщдленіямъ, кричалъ, бѣсновался, когда шру-сливый заяцъ опромелчиво хопталъ перерѣ-зашъ ему дорогу; и съ громкимъ хохо-шомъ на время мѣшалась колонна, и нео-спорожный бѣглець, придушенный тяже-лымъ спшоломъ, висѣлъ за какой-нибудь пор-шущей.

Русакъ подымался опять, куча верхо-выхъ неслась за нимъ во весь духъ съ кри-комъ и воплемъ; щцелно онъ уходилъ, по-ложивъ уши на спину: рѣзвой жеребець На-рабаха или неушомимый конь Набардинецъ доспигалъ его, при запушанныхъ изворо-нахъ давалъ новую угонку послѣ круша-го вольпа; щцелно раздавался выспрѣлъ виншовки или пшшолеша, ибо испуганный заяцъ, усколзнувъ изъ подъ лошадиныхъ ногъ, мепался во всѣ шпороны, какъ сума-шедшій, издѣваясь надъ изспушленною шол-

пою. Но онъ изчезъ къ оспроукъ; вдругъ
всѣ съ сѣдель долой; на пространствѣ
нѣсколькихъ сажень, человекъ тридцать
сперегуть одного зайца, не жалѣя ис-
пачканныхъ, но разноцвѣтныхъ шелко-
выхъ панталонъ, усердно шарить . . .
Одинъ выпашлялъ за уши бѣглеца изъ но-
ры, подымаетъ его вверхъ; блеснулъ кин-
жалъ съ шексомъ изъ Корана; несчастное
животное, отчаянно озираясь, испускаетъ
крикъ — спонъ, подобный спенанію чело-
вѣка; и на сей вопль опивъчаетъ юноша
прекрасный и пѣломъ и душой. . . Онъ желаетъ
сохранить жизнь несчастному — но ще-
дно просилъ пощадь для ничтожнаго зай-
ца — сверкнулъ кинжалъ еще скорого по-
ворота — быстро скользнула мѣшь крови;
и черныя очи подернулись тонкой влагой,
опвернулись съ негодованіемъ еще прошив-
наго пешкеша 1).

Черезъ два дня завидѣли мы вышку укрѣ-
пленія Ташкичу, около коего разбили ла-
герь. Не было ни близьки справки на сей
обожженной степи, но она нравилась намъ,
ибо мыг находилась дома, у себя. Пыль выгда-
ла глаза, пошоянный бѣшеный въперъ

1) Подарокъ.

рвѣль палашки, но мы были какъ будто на покойномъ ночлегѣ, во время прудной дороги. Ибо часть экспедиціи, въ общемъ предложеніи похода, была кончена, какъ отдѣльная пепрада періодическаго журнала; послѣ которой отддыхаетъ издатель... съ тѣмъ чпобы послѣ отддыха взяпьяся за новую часть.

Николлай Пауль.

15 Октябрия

1833.

— * * * * *

IV.

НАСТОЯЩЕЕ СОСТОЯНІЕ И БУДУЩНОСТЬ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.

Что будешь съ Востокомъ? Въ какомъ соотношеніи находишься онъ теперь? Какая судьба ожидаетъ сію вешую Азію, образовательницу Запада? Имперія Оттоманская, споль долго ругавшаяся надъ нами съ такою гордостію; пресполь Мугаммеда, кошорый досель не могла разрушить Христіанская Европа; сія варварская орда, разбиная между нами свое спановище, тогда какъ никто и не мыслить оспаривать у ней сіе незаконное завладѣніе чуждымъ достояніемъ; Конспанцинополь, шакъ насильственно испоргнутый Исламизмомъ у Христіанства; кошоршко сказашь, вси сія восточная система, под-

держиваемая фанатизмомъ и храбростию, должна ли наконецъ вдругъ обрушиться и негребшись невозвратно подъ своими развалинами?

Сии вопросы достойны вниманія философа, изучающагося съ судьбахъ міра, особенно въ настоящее время. На одномъ берегу Босфора, Имперія Оттоманская уничтожается предъ небываемымъ оружіемъ мущезишка; на другомъ, се спасаетъ дивное валькюдуніе Монарха, коего мачовеніе могло бы испровергнуть въ прахъ дитропъ Падшаха. И шакъ Высшая Порча наконецъ достигла до тогоже состоянія униженія, въ коемъ нѣкогда заснула Византійскую Имперію. Подобно Комсепамнивополу Греческихъ Императоровъ, предъ надыханіемъ своимъ, окруженному со всѣхъ сторонъ и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опѣселемому своими ужасными врагами, она сохранила шенерь только имя и воспоминаніе минувшаго величія. Имперія Мутаммеда II и Сулеймана Великолѣннаго десь рухна, коей существованіе допускатся, какъ смыхжденіа, но которая должна разлетѣться въ прахъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Власнѣ Суднада по имени, конечно, просицрается еще на безмѣрно обширное пространство: но его дѣйствительное могущество съ года на годъ сжимается въ шѣстидесять предѣловъ. Эка Оттоманская держава едва было не вдвинулась въ Азію при Адрианопольскомъ трагидіахъ; и столица Османлицовъ область продолженіемъ своего существованія единственно расчешамъ полицики. Опширъ судьба ея рѣшается въ кабинетахъ могущественнѣйшихъ державъ Европы. Воля и характеръ повелителе-

да приволярымъ уже ничего не значить на всахъ судьбъ ея. Внутренняя сила Имперіи навсегда исчезла.

Сіе печальное состояніе еще болѣе увеличилось занимаемостью, кою всегда были окружены сираны Востока, и преимущественно Турціи. Какова должна быть сія монархія, заключающая въ ядрахъ своихъ всю Малую Азію и часть Европы; которая служитъ точкой соприкосновенія и посредствующимъ звеномъ между Азіей и Европой! Она обладаетъ важнѣйшими матеріалами, источниками жизни и силы, воспоминаніями славы и величія. Но съ самой смерти Сулеймана Великолепнаго; случившейся въ 1566 году, Турецкая Имперія непрестанно склонялась болѣе и болѣе къ своему паденію. Вальде Кандіа было послѣднимъ замѣчательнымъ торжествомъ Отоманскаго оружія; съ тѣхъ поръ Венеціане, Венгерціи, Поляки, Русскіе, безпрестанно колебали и громили сію державу. Владѣнія и могущество каждаго Султана прогрессивно уменьшались: политическій ракъ, вѣдравшись во внутренности государственнаго тѣла, безпрестанно распространялъ пожирющій свой адъ и приближался къ сердцу. Теперь наступилъ, какъ мы видимъ, послѣдній минутокъ шемлеца для Турціи; и ей нѣтъ другой надежды спасенія, кромѣ взаимной недовѣрчивости другъ къ другу Европейскихъ кабинетовъ.

Турокъ можетъ быть сиротенъ, только какъ Турокъ, какъ сынъ Азіи, какъ дитя Татарскихъ безбрежныхъ пустынь; сдѣлайте изъ него Европейца: первобытный характеръ его изгладится; онъ потеряетъ свое могущество;

свою энергію, свое природное величіе, не приобрихши въ замѣну живости, искусства, лбко-сти въ движеніяхъ, чуждыхъ его натурѣ. Махмудъ безъ сомнѣнія человекъ великій: но улучшения, которыми онъ хотѣлъ внести въ военную систему, его Европейскія нововведенія, исцрѣбленіе мичаръ, перенесеніе въ кошикомъ и обычаяхъ народа; суть доказательство не нравственнаго возрожденія, а упадка, который не можетъ быть опаратенъ уже никакими усиліями. Безъ чести; безъ достоинства, безъ широкаго волнеспасаго одѣанія, украшеннаго перлами, Оттоманъ есть ничто! Обученіе его, напр., дисциплина въ Французской, Прусской: движенія его, прежде снѣлы свободныя, величественныя, могущія, будущъ пеловки и принужденны. Отпавъ у него сію величавую (сановитость и дивую быстроту); конит онъ никогда бшлчался, что вы дадите ему въ замѣну? "Принуждашь Турковъ къ правильнымъ эволюціямъ западныхъ солдатъ еспь позже, что застнакншь огромную Дарданельскую пушку учѣ сплзовать въ першванскихъ набѣгахъ!"

При немъ Турокъ не еспь ли фаталистъ? Это усмьленіе въ роказіе; этошь нравствен-ный окулъ, который никогда упоевалъ его во-инственныя выходы и маждою завоеваній, нѣтъ дѣлантъ его вѣжно безопаснымъ и величественно-бесомсленнымъ. Убѣжденный въ неоправданномъ предопредѣленій, бывало онъ презиралъ смерть и, зажмуривъ глаза, кидался спремглавъ въ она-опаснѣ. Теперь предметъ его презрѣній уже не смерть, а жизнь: онъ соглашается бее-молже и безприсловно на свое уничтоженіе.

„*Маца-лаахъ!* да будешь вода Божія!“ это было, прежде его побѣднымъ крикомъ; теперь выражаетъ опшущіе всякаго мужества и слѣдую, безнадежную предавность судьбъ. Глубокая аданія имъ владыцъ. Тогда какъ Кароля, увлекаемая пощоконъ дивидальности, виднеть жизнию, Мусульманннхъ спокойно дремають, предаваясь волѣ Пророка, Вакъ укрѣпилъ его въ сей депаргической безчувственности. Отъ ошастся, погруженннхъ въ ней. Вся созданіе народы перегонннхъ его; и скоро воды ихъ, безпрестанно приливающія и накинннхъ, вознущають надъ главою его и кончають шнмъ; что соперннхъ его захлещушь д конннхъ.

Динннхъ и улннхъ, конъ прежде оснннхъ силу Оппннхъ Имперіи, теперь сдѣлалнхъ ея бнхнхъ и пагубой. Военное могущестно, предстннхъ первымъ, и могущестно духовное, внображаемое послѣдннхъ, снннхъ другъ съ другомъ на гибель государстну. Съ шнхъ ннхъ какъ произошло сіе снннхъ, шронъ Оппннхъ должнхъ былъ зависнхъ отъ всемогущей воли сей днннхъ ннннхъ. Сила днннхъ, оснннхъ съ улннхъ закона, не шнхъ предннхъ; шнхъ мнннхъ днннхъ безпрестанно допрннхъ государстну. Днннхъ, конкъ оснннхъ было бы мннхъ опасно, еслнхъ они были одннхъ, прнннхъ ли себя шннхъ опору въ духовномъ осннхъ, коего мннхъ нннхъ, подобно днннхъ шнхъ, обхвннхъ всю Имперію.

Уднннхъ осннхъ ордена, оснннхъ было оснннхъ, прнннхъ лннхъ оснннхъ Исламннхъ. Въ Керннхъ оснннхъ, чтобы нннхъ

дый гражданинъ исполнялъ должностъ священно-служителя въ своемъ семействѣ и изъяснялъ божественную книгу. Не прежде, какъ когда слава Оштомановъ затмилась Лелантскимъ пораженіемъ, улемы, долго державшіе себя въ состояніи смиренной, уничижительной покорности, подняли голову и начали проповѣдывать, что судьбы Имперіи зависящъ отъ нихъ однихъ. Древнее сіяніе луны пошускло; и улемы, пользуясь сими обстоятельствомъ, открыли наконецъ тайну, которая дошолъ была имъ неизвѣстна: именно, что они одни были истинные пошомки Пророка, единственные истолкователи закона. Цари-воины Ташарскаго племени, долгое время пренебрегавшіе духовнымъ патріаршествомъ и его обязанностями, разслабли въ нѣгахъ серала и занимались только одними наслажденіями. Визирь и паши сдѣлались единственными предводителями войскъ. Побѣда перешла быть вѣрною знаменамъ Османа: и крамолы, дошолъ задупаемы, дерзко подняли голову. Не спало дисциплины у лычаръ, покорности между улемами: шъ и другіе забирали въ руки свои власть, похищаемую у Монарха. Они чувствовали очень хорошо, что для успѣха ихъ намѣреній необходимо было взаимное покровительство другъ другу и шъ-ское соединеніе между собою: и тогда какъ фешы мушьевъ освящали буйство солдатъ, въ свою очередь сабли лычаръ ободрили и поддерживали хищническія прихвѣнія улемъ. Такъ мало по малу распадалось въ прахъ самое основаніе Турецкаго могущества. Въ времена царствованія Селима II, исторія Оштоманской Имперіи

на каждой страницѣ носить печать сей роковой борьбы съ двуглавымъ чудовищемъ, съ непокорною арміею и ненасытною еокрашіею. Османъ I, Мурадъ IV и Селимъ III, погибли въ сей борьбѣ: и Турція, обезсиленная, изможденная, сдѣлалась посмѣшищемъ Европы.

Но прежде она была ея ужасомъ. Европейскій материкъ шрепепалъ, когда, на истощенной его почвѣ, Мусульманинъ заложилъ основанія своего владычества. По особенному случаю, по добопытному спеченію обстоятельствъ, кошорого испорія не можешъ не замѣнить, ужасныя конвульсія раздирали въ то время внутренности земли. Всѣ города Фракійскіе, по свидѣтельству Каншакузена, были разрушены внезапнымъ землятресеніемъ: и посреди сихъ низпровергнутыхъ зубцовъ, сихъ опрокинутыхъ башенъ, Турки думали чинишь верховную волю Аллаха, повѣсавшую имъ овладѣшь христіанскими церквами и превратишь въ мечети сіи развалины. „Таково, говорятъ испоріики Турецкіе, было исполкованіе, данное мудрецами сему явленію, поразившему шрепешомъ народы!“ Послѣдователи Мугаммеда спали владыками древнихъ градовъ Фракіи. Луна засверкала на стѣнахъ Галлиполи, ключа Геллеспонша; и такимъ образомъ Европейскія и Азіяшкія владѣнія Османлисовъ связались между собой узами, кои съ тѣхъ поръ сстались неразрывны. Скоро Византійская Имперія спеснѣна была со всѣхъ сторонъ врагомъ честолобивымъ, бдишельнымъ, воинственнымъ, кошорый въ одно и тоже время владѣшвовалъ въ Бурсѣ и въ Адрианополѣ. Мугам.

медь I, борясь вдругъ съ четырьмя соперниками, воспоржесшвовалъ надъ всѣми, силою искусства и постолншва; а Мутаммедъ II, исполняя славное вѣдѣніе Опмана, овладѣлъ наконецъ вѣпхимъ Констаншшинополемъ, выродившимся, но не совсѣмъ лишеннымъ славы, наслѣдія Рима и Греціи. Съ того времени, до царшшвованія Сулеймана Великолѣпнаго, сія новая держава возрастала съ неслыхаемою быспрошою, врывалась въ Европейскія владѣнія, поглотила Египешъ и даже не признавала Евфраша границей своего владычешшва. Побѣды Салима надъ Шахомъ Персидскимъ и завоеваніе всего Египша упрочили обширную Оттоманскую Имперію.

Покоривъ Востокъ, опустошшштели міра ушшремилнсь къ Западу, болѣе грозные, чѣмъ когда-либо. Тогда воссадалъ на престолѣ Людовикъ XIV сей монархн, Сулейманъ Великолѣпный, или, какъ говорятъ Турки, Сулейманъ Законодатель, достошнный своего вѣка. Въ одно и шожее время жили самыя замѣчательнѣшшіе монархи новой исторіи: Карлъ V, Левъ X, Генрихъ VIII, Фридрихъ I, Андрей Гришши Дождь Венеціанскій, Василій Іоанновичъ первый Царь Московскій, Сигисмундъ I Король Польскій, Шахъ Исмаилъ основатель Персидской династіи Софіевъ, наконецъ величайшій изъ Индійскихъ Моголовъ, мудрый, блестящелый Акбаръ. Какая величешшвенная группа! Какое сборище коронованныхъ великановъ! Какія достославнѣшшія имена можно указать въ лѣтописяхъ человѣческихъ!

Но всѣ Европейскіе соперники Сулеймана зашшмѣваются блестящелыми побѣдами, безштр-

ными завоеваніями Опшонанскаго Императора. Самъ Карлъ-Пятый, во владѣніяхъ коего солнце не заходило, не можетъ равняться съ сизъ гигантомъ Турецкой Имперіи. Предъ его прономъ, утвержденнымъ на уличженіи Персіи, завоеваніяхъ Родоса, Вѣлграда и всего сѣвернаго Африканскаго берега, великой битвѣ Могачской и морскихъ побѣдахъ Барберуссы, трепетала вся Европа; только чудо могло спасти Вѣну отъ его ига; и наконецъ, когда Карлъ-Пятый, сдѣлавшись монахомъ, завѣщалъ сыну своему одинъ только лоскушокъ своихъ обширныхъ владѣній, расщербанныхъ гражданскими и религіозными междоусобіями, Сулейманъ упирая оставиваетъ царство прочное, славное, опершее на швердыкъ основаніяхъ, которое одно только время, своимъ разрушительнымъ полѣтомъ, могло поколебать и ослабить. Прочтите письма Бузбека: вы увидите, какое участіе принимаетъ Сулейманъ въ искусствахъ мира на равнѣ съ искусствами войны, какія сооружаетъ зданія, какъ покровительствуетъ ученымъ и поэтамъ, улучшаетъ кодексъ національныхъ законовъ и является достойнымъ соперникомъ не только Франциска I, кошорый уже слишкомъ расхваленъ въ сѣмъ отношеніи, но даже самаго Льва X! Мусульмане называютъ его понынѣ законодателемъ: пипло достопочтенное, заслуженное имъ во всѣхъ отношеніяхъ! „Сей монархъ, говоритъ тошъ же Турецкій писатель, на котораго мы есылались, сей монархъ имѣлъ три желанія, наиболѣе драгоценныя его сердцу: окончить Константинопольскіе водопроводы, соорудить боль-

зную мечеть и вздшь Вьну.“ Сіе послѣднее желаніе его не сбылось. „Вьна — мой позоръ и несчастіе!“ восклицалъ онъ, когда заходила рѣчь о семь городѣ, предъ которыми оружіе его испытало неудачу. Винавашъ ли Сулейманъ, что воинственный народъ, коимъ онъ повелѣвалъ, едва вышедшій изъ пещеръ Кавказа, былъ еще новичкомъ въ некусокнвахъ и цивилизаци; что нарѣчіе, коимъ выражались его поэмы, было такъ мало извѣстно, даже въ самой Азіи; что матеріалы, изъ коихъ онъ строилъ свои мечети, были роскошны, но ознаменованы печатію варварства; что Мусульманская религія своими суевѣріями прецѣпщивовала всякому успѣху скульптуры, живописи и музыки? Онъ сдѣлалъ для своей имперіи все, что могъ сдѣлать государь самый лучшій, самый величайшій.

Не дая сказать, чтобы онъ, подобно Франциску I, подрывалъ нравственность своего народа, превращалъ свой дворъ въ домъ разврата, замѣнилъ славу, не зналъ мѣры въ наслажденіяхъ, властвовалъ съ необузданными и суешными шираниствомъ, утреждалъ гаремъ въ спранны, гдѣ религія воспрещаетъ многоженство, какъ преступленіе; или, подобно Генриху VIII, не щадившему никакого мужчины въ своемъ гнѣвѣ и не отказывавшему ни въ какой женщинѣ своему сладострастію, возводилъ поочередно съ царственнымъ ложа на эшафотъ предметы или лучше скажешь жертвы своихъ буйныхъ страстей и уничтожалъ подданныхъ. Недостатокъ Сулеймана происшествіи изъ прощаннаго источника: днѣ докорень быть влдію женщины, днѣ знаменитой

Рокселаны, которая совѣтъ была не Французска, какъ писалъ Мармонтель, а Русская по роду и происхожденію. Сей страшный капризъ супружеской вѣрности и привязанности къ одной женщинѣ не содѣйствовалъ ни счастью, ни добродѣтелямъ Султана. Рокселана, владычествующая надъ симъ страшнымъ завоевателемъ столькихъ государствъ и самодержавно господствующая въ его сералѣ, была виновницей ужаснѣйшихъ, кончи запятана оія эпоха: по ея велѣніямъ, болѣе Десяти принцевъ крови погибло оныхъ князья или оныхъ пещи.

Одно изъ страшныхъ своевольствъ, дозволяемыхъ себѣ людьми пишущими; состоятъ въ произвольномъ и прихотливомъ искаженіи исторіи, которую Тацитъ называлъ совѣстью рода человѣческаго. Вадернуппъ носилъ Рокселани сдѣлающа предметомъ шутокъ и надрегаловъ большей части Европейскихъ писателей: но исторія показываетъ намъ ее совершенно подъ другими красками. Сія злобная женщина, ревнивая ко всему, что окружало ее повелѣвала, ко всему, что могло повредить ея кредитъ и власти, изъ глубины серала повелѣвала болѣе убійствъ и оправъ, чѣмъ сколько могли придумать Юлія Неаполитанская и Екатерина Медичи. Благодаря ей и ея интригамъ, большая часть дѣтей Сулеймана оныхъ другихъ женъ погибли насильственной смерщью и нѣкоторые оныхъ руки самого отца ихъ.

Акбаръ, славный соперникъ Сулеймана, идетъ въ линіи почти параллельной сему великому монарху. Въ одномъ отношеніи, онъ даже выше Сулеймана; ибо равне происходившій въ дѣ-

лахъ религіи, не покорялся внушеніямъ женщины, не опустошалъ своего серала по мановенію какой-нибудь Рокселаны. Онъ былъ вмѣстѣ великій законодатель и просвѣщенный покровитель искусствъ, философъ и человекъ со вкусомъ. Подданные, видя въ немъ сколько человѣколюбія и терпимости, обвиняли его въ идолопоклонствѣ: самая лестная похвала въ такое варварское время, въ такой странѣ и при такихъ нравахъ, гдѣ жизнь человѣческая цѣнилась такъ дешево, гдѣ покровительство, оказываемое вѣрѣ саблею, считается такъ естественнымъ! По гласу Акбара, Индія Масульманская и Индія Браминская слились вмѣстѣ и составили одинъ народъ; прекраснѣйшіе памятники архитектурныя воспрянули изъ нѣдръ земныхъ, Дели сдѣлалась столицею Воспока. Въ Сулейманѣ не лзя также не дивиться подобной терпимости: ибо, при всей строгости догматовъ, имъ самимъ исповѣдуемыхъ, никакое фанатическое инквизиціонное убійство не осквернило его царствованія.

Два преемника Сулеймана ни въ чемъ на него не походили. Селимъ - Пяница имѣлъ конецъ, достойный своего прозванія; пьяный, входя въ баню, онъ поскользнулся, упалъ на мраморный помостъ и раздробилъ себѣ черепъ. Въ сего царствованіе Порша овладѣла островомъ Кипромъ, съ вѣроломствомъ самымъ безчестнымъ. Турція была въ мирѣ съ Венеціей, когда Османскія войска напали на сей островъ, завоевали почти безъ выстѣла, предали неисповому грабежу, и дозволили себѣ тысячи лютошей,

пошоками лили кровь, человѣческую и такимъ образомъ упрочили за собой одно изъ прекраснѣйшихъ достояній Леванша. Уже кончивъ сіе завоеваніе, Порша задумала посовѣтоваться съ мучшимами о его законности: іезуитскій отвѣтъ, данный на сіе исполковашелами закона, счонитъ бытъ сохраненнымъ и преданнымъ суду исторіи на вѣчное заклеименіе. Предлагаемъ здѣсь буквальныи переводъ:

вопросъ.

„Если древнее достояніе Опшоманской Поршмы опшоргнушо опъ владѣній Ислама и мечети обращены въ Христіанскія церкви, символы испинной вѣры въ символы нечестія и невѣрія; если послѣдователи Ислама въ предѣлахъ сей спраны шерпятъ ужасныя угнѣшенія опъ новыхъ властелиновъ: шо позволено ли верховному повелителю Ислама, подвигнувшись ревностію къ вѣрѣ Мугаммеда, исторгнуть землю сію у невѣрныхъ для присоединенія къ владѣніямъ Ислама и такимъ образомъ нарушить, для блага испинной вѣры, формальное условіе договоровъ, оспаваясь въ глубомъ мирѣ съ другими христіанскими народами?“

отвѣтъ.

„Несомнѣнно. Верховный повелитель Ислама одинъ имѣетъ право дѣлать и уничожать, вѣщать и рѣшать, для блага всѣхъ правовѣрныхъ. Если какой-либо мирный договоръ заключенъ съ оскорбленіемъ пользы Опшоманскихъ, шо договоръ сей ничпоженъ. Какъ скоро предспавишя временная или прочная выгода, пове-

лишелъ правоѣрныяъ властннѣ разорваннѣ оный. Такъ Пророкъ (да будешъ благословенно его имя!), въ шестнй годъ Егирь, заключивъ съ ивѣрныи договоръ, которнй должнѣ былъ вродолжашься до девашаго года и котораго сославашедемъ былъ Али (да будешъ прославлена памашъ его!), нашелъ благимъ и полезнымъ разорваннѣ оный въ слѣдующнй годъ, напавъ на невѣрныхъ внезапно и овладѣвшн Межкою. Халифъ, намѣстникъ Бога на землѣ, по своему державному изволенію восхотѣлъ поревновашъ сей высокой Сунѣ Пророка. Да будешъ благословенно имя его и дѣлнн! Писано смиреннымъ Эбу-Сундомъ.“

Обещанное симъ позорнымъ оскорбленіемъ народнаго права, коему мало примѣровъ въ испоріи, завоеваніе Кипра было еще обогрено немннною кровію, запншнаю мучншельною казнію Брагадино, героя защитника Фамагусты, съ котораго Турки съ живаго содрали кожу. Дѣйствіе сіе было согласно съ нравами вѣка: Селимъ II былъ современникъ Карла IX и Іоанна, Грознаго. Не прошло еще года, какъ Французскій Король, съ вышины своего балкона, любовался кровопролитіемъ Варсоломеевской ножи; и только шринадцащ мѣсяцовъ минуло, какъ при вшатн замка Вишневншпейна въ Ливоніи гарнизонъ былъ весь взрубленъ въ куски, а коммандантъ посаженъ на колъ и изжаренъ живой. Самыя гнусныя оргн совершались на островахъ Кипръ; главный судія и мучнши пльнствовали на шрупахъ; по среди нихъ вахкавалн душили пѣднниковъ и насилывали женщннъ. Это было что-ишо нехужее на гнусныя обряды, совершаскыя въ честь Шивы

въ Индіи: обряды, гдѣ развращъ и душегубство подають другъ другу руку, гдѣ браминъ, предавался всѣмъ распущенствамъ, закаляютъ на алтаряхъ своего ужаснаго божества человѣческія жертвы.

При Сулейманѣ и Селимѣ, государственныя люди и полководцы, поддерживавшіе славу Оштоманскую и распространившіе завоеванія Порты, были ренегаты. Албанцы, Босняки, Калабрійцы, Венгерцы, Русскіе (?), Греки, ешавали христіанство и прильпаясь къ грозному колесу Оштоманской Имперіи, которій, по милости ихъ, влада и хитрости Еллива и ловкостию Славона, и безспраіемъ Далманца и упорствомъ Кроаша, шягошълъ надъ всѣми Европейскими народами. Но всего удивительнѣе было то, что самыя нервы и мускулы сего исполнскаго шѣда, лычары, были также Европейскаго происхожденія. Со времянъ Хали-Чендерли, дѣши христіанъ, ошторгаемыя епшъ своихъ родителей и семействъ, возобновляли собой сіе гревное полчище. „Наши дрые Туркоманы“ — говорилъ Хали — „слишкомъ неукротимы: шрудно полагаешься на нихъ. Но дѣши побѣжденныхъ суть наши невольники: мы обезпечимъ ихъ судьбу: а принудивъ принять Исламъ, ошоремъ на всегда епшъ сношенія съ Христіанами.“ И въ самомъ дѣлѣ, сіе полчище невольныхъ ренегатовъ, увеличившееся послѣ толнами добровольныхъ ошсидупниковъ, сдѣлалось ужасомъ Европы, но кончало шѣмъ, что обратилось въ спрашманше для самыхъ Султановъ. И шакъ, ужаснѣйшій врагъ Христіанства, Турецкая

Имперія, нѣтъ вождями своими Европейцевъ и возобновила силы свои дѣлами Европы.

Безъ сего прилива западной крови въ жилы Османской Имперіи, можетъ быть энергія Мусульманская погрузилась бы въ усыпленіе гораздо ранѣе. Величественная безпечность и нѣга, сливкомъ благопріисшествуемая упоительнымъ дѣйствіемъ опиума, начали мало по малу овладѣвать національнымъ характеромъ; онѣ производили ладменности, жаждѣ владычества и иной высокомирной самоудѣльности Османлисовъ, но кошторой они были швердо увѣрены, что весь свѣтъ принадлежитъ имъ, что воѣ цари ихъ данники и что чада Мугаммеда слишкомъ милосердны; дозволя имъ жить и царствовать. Ничто не могло быть противнѣе ихъ прежнему духу отважности и предприимчивости, какъ сей новый духъ апатіи и личнаго самодовольства. Турокъ засыпалъ, какъ пресыщенный левъ засыпаетъ на шкурахъ. Такимъ образомъ бурные, непреодолимые порывы Мусульманъ укротились: но на границахъ Османскихъ владѣній находились цѣлыя племена народовъ, въ одно и тоже время христіанскихъ и варварскихъ, кои въ нѣдра Исламизма извергали посполно изъ нѣдръ своихъ дѣвъ пришлецовъ и опшупниковъ. Сопредѣльные Турціи области, христіанскія только по имени, были населены разбойничьими нагагами. Самъ Мугаммедъ II содрогнулся, вспрѣвшись съ ними исполненными злодѣяніемъ лицомъ къ лицу: походы Молдавіи и Валахіи наумилъ его свирѣпую душу. И что значило для Владовъ и Дракуловъ названіе христіанина или мусульманина? Жечь, грабить, рвать, во чѣбъ по

ни было имя: вонъ въ чемъ сошлася жизнь ихъ! Какъ скоро чувствовъ гнѣва возбуждало ихъ прогнать христіанъ, какъ скоро они должны были чего-нибудь бояться отъ своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, то бросались немедленно въ Исламизмъ, разрушали преграду, отдѣлявшую ихъ отъ мусульманъ, и спланировались Турками. Это были настоящіе пираты или кондошъеры, коимъ однако не смѣрили на гнусность ихъ поступковъ, но льзя ешкавать въ нѣкоторомъ величіи. Самое ошспулнитическое ихъ шребовало необыкновенной дерзости, въ шо время какъ христіанинъ стѣснать мусульманина воплощенныиъ демономъ и самъ, въ главахъ его, былъ нешто иное, какъ кафиръ, нечистое животное. Ренегатъ, повязывая свою голову шюрбаномъ и опоясывая Турецкой саблей, ошпрекался вдругъ отъ всего: отъ рода и племени, отъ воспитанія, отъ всѣхъ христіанскихъ связей, отъ всѣхъ Европейскихъ воспоминаній. Ему надлежало перепрыгнуть бездну, въ кошорую заглянуть безъ содроганія уже значило имѣть много энергии и силы. За шо люди сіи и дѣлались лютейшими врагами прежней своей вѣры и шѣхъ, кои ее исповѣдывали. *Odimus, quem lesimus*: ненавидимъ, кого оскорбили!

Если законъ Мутаммедовъ, воспрепятствующій употребленію вина, былъ мало уважаемъ Селимомъ-Пяницей, шо преемникъ его, Мурадъ III, нарушалъ оный въ другомъ отношеніи, съ равнымъ нешповснствомъ и бессмысленностью. Число женъ ~~его~~ превосходило не только шо, кошорое Коранъ назначаетъ восточнымъ супругамъ, но да-

же всякую вѣроятность, въ хитры сѣтѣго раз-
спроеннаго воображенія. Мы принуждены набро-
сать здѣсь покровъ на ешранныя таинственнаго
гарема: довольно скажешь, что цѣна женщинъ
на Константинопольскихъ базарахъ почти удвои-
лась отъ его чрезмѣрнаго потребленія. Мурадъ III
идѣлъ сно двухъ дѣшей. Изъ двадцати сыновей, пе-
режившихъ его; девятнадцать были преданы смер-
ти, въ самый день его похоронъ. „Они были всѣ
невѣнны. На другой день послѣ ихъ умерщвленія,
достопочтенный муфти совершилъ при ихъ тру-
пахъ обычные священныя обряды, и повелѣлъ по-
гребсти девятнадцать жертвъ близъ гроба ихъ
отца.“ Это собственныя слова Турецкаго исто-
рика. Семь невѣнницъ, оставшихся послѣ Сул-
тана беременными, были брошены въ море.

Мугаммедъ III, коего тронъ вoadвигнутъ
былъ на трупахъ братьевъ, жилъ, царствовалъ
и умеръ въ мирѣ. Его преемникъ Ахмедъ, безъ
сомнѣнія обезпеченный крайней безсмысленностью
брата своего Мустафы, сдѣлался невѣрнымъ за-
кону брашоубійства, освященнаго въ фамиліи
Султановъ всею Оштоманскою исторіею. Сіе
неожиданное милосердіе дорога стоило его по-
колѣнію. Мустафа, совершенный идіотъ, былъ
провозглашенъ Султаномъ, ко вреду сыновей
Ахмеда. Вся Имперія смутилась. Головы визирей
и муфшівъ падали, какъ колосья подъ серпомъ.
Въ первый разъ янычары присвоили себѣ право
низлагать Султановъ и пворить имъ преем-
никовъ. Не иначе, какъ силою мужества, со-
единеннаго съ свирѣпостью, Мурадъ IV успѣлъ
возстановить миръ и тишину: и никогда ширанъ

болѣе кровожадный не занималъ, Ошшоманскаго престола. Какъ Неронъ, любилъ онъ поэзію, что однако не препятствовало ему ошшгощать свою желѣзную руку надъ подданными и задушашъ матежи губительспвами. Ошшоманскіе испорки сохранили любопытную поэтическую депешу, ошшправленную къ нему Великимъ Визиремъ Гафизомъ (котораго не должно смѣшивать съ Персидскимъ поэтомъ тогоже имени), ошшшая нѣсколько времени по взятіи Багдада Персидскими ерешиками. Мы переведемъ здѣсь начало сей оффициальной газели:

„Гафизъ окруженъ непріятелемъ: не ужели не долженъ онъ ошшждать ни какой помощи! На шахматной доскѣ бипшы сломы подвигаются впередъ: пусть идушь наши кони! Или нѣтъ *vizir*я, который бы могъ ими командовать?“ (и пр. а).

— „Если вражескіе сломы двигаются впередъ, ошшвчалъ своему Визирю Султанъ-поэтъ,

а) Извѣстно, что въ шахматной игрѣ главную роль играешъ называемая у насъ *ферзь*. Это испорченное Персидское слово: *ферзана*, которое значитъ пошѣ, что *емзиръ*, перемъ въ войокъ (*Zürst* по Нѣмецки, *first* по Англійски). Французы превращали сіе слово прежде въ *vièrge*, а пошомъ въ *dame* и *reine*. По штому же искаженію, изъ Нидійскаго слова *si*, которое значитъ *слома*, они сдѣлали прежде *fol*, а пошомъ *foin*; тогда какъ Англичане, Богъ вѣсть уже почему, превращали имя сломы въ *эльсклопа*. У насъ эту шашку зовушь *обшицеромъ*, гораздо приличнѣе. *Башилами* или *лодками* называемыи шашки въ оригинальной Нидійской игрѣ зовушотъ *гоб*, что значитъ собственно *всемную* *колескицу*; а Персіане сдѣлали ошшведъ *гесъ*, или *геск*, что значитъ одну баснословную шашку, называшую въ швахъ *Воснока*.

спихопворнымъ рескриптомъ шойже гъры и по-гоже рѣма, швое бѣ дѣло дашь *шахъ и матѣ* Перондскому *Шаху*; но ты не имѣлъ довѣренности къ своимъ войскамъ и не двигалъ *пльавѣ*, когда было нужно. Чшо касаешся до меня, шоеслим Богъ, даровавшій мнѣ шполь обширное царство, безъ всякаго со стороны моей прошенія, не хотеть дашь мнѣ владычества надъ Багдадомъ, чшожь спану я дѣлашь? Ужели ты думаешь, чшо мѣръ, который мнѣ принадлежитъ, не довольно проспоренъ?"

Сіе сѣвшеніе самыхъ важныхъ политическихъ и интересовъ съ прихотливыми игрушками поэзіи не въ первый разъ встрѣчаешся въ дѣшописалѣ Ошшоманскихъ. Сынъ Мугамеда II Джемъ, во время своей неволи при Дворѣ Карла VIII написалъ много лирическихъ спихопвореній, кои собрамы послѣ его смерти и соперничаютъ въ прелести и изящности обработки со стихами брата его Балзеша (II), впрочемъ болѣе, чѣмъ Джемовы, замѣчательными по меланхолической возвышенности мыслей. Знаменитый Гаммеръ перевелъ на Нѣмецкій языкъ сіи любовныя памятники Турецкой поэзіи, съ прою вѣрностью, коей отличаютъ вообще Нѣмецкіе переводы. Подобно Карлу Орлеанскому и Шонардскому Якову I, Джемъ былъ поэтъ элегическій, плашоникъ въ любви, хоша и Турокъ, услаждавшій печальныя досуги своей неволи прекрасными картинными, мелодическими аккордами. У Балзеша болѣе глубины и силы: его послѣдняя пѣснь, пѣснь смерти, особенно кажется намъ превосходною:

„Ещель все будешь ты обольщать меня, надежда жизни? Ещель ли вьдыхашь мнѣ о часахъ, у меня похищаемыхъ? Нѣтъ! Любовь

къ бышю изсякла въ моемъ сердцѣ! Въ дорогу, Вяземъ! Идѣ на обратную стезю, открывающуюся подъ шивыми шюнами; слышишь ли колокольчики каравана, которые звоняшь и зовушь тебѣ? Въ дорогу, пушникъ!“

„Пшичка души моей, прежде чѣмъ развернешь свои крылышки, помедли хопя минушку на запорахъ шюрыи своей! Еще минушку — и потомъ отправишься! . . . Теперь спулай! . . . Оковы швои рухнули, можешь парить свободно: лоно друга-Бога ошверацио предъ шобою!“

Смерть Вяземъ была прагическая, шакже какъ и омеръ Визиря повша Гафиза. Сей эпоха Ошломанской исторіи залиша вся кровью; каждый день царствованія Мурада IV знаменовалъ новыми убійствами; духъ мятежа съ шрудомъ преклонялся предъ его кровожадною волею. Но, всего не мѣя уже никакъ проспать Мураду, ешь умерщвление шридцати тысячъ Персіанъ въ массу: никакая крайность не оправдывала сей ужасной штры; Султанъ дѣйствовалъ только по внушенію Фанашизма и люшосли. Какъ скоро онъ умеръ, возшанія слѣдовали за возшаніями. Въ царствованія Ибрагима и Мугаммеда IV, поочередно, шо янычары, шо кувнецы, шо даже (что можешъ показаться очень уже страннымъ) эвнухи, ополчались поголовно и угрожали престолу. Эвнухи возшавали противъ Султанши Валиде, Гречанки, коей красота равнялась уму и которая въ продолженіе чешырехъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ царствованій сохранила могущешвенное вліаніе на Султановъ.

Уже народъ Опшоманскій сваясь съ воспомина-
ніями; можешь бышь онъ раздражался, чувствую
уменьшеніе своей власпи и возраспаніе Европей-
скаго вліянія; какъ Визирь Копроли, Ришельё Опш-
шоманской Поршы, схващилъ бразды государства.
Онъ управлалъ прежде многими провинціями и очень
нравдиво, даже челоуколюбиво: но какъ скоро
сдѣлался Визиремъ, сколькось его положенія и
буйная непокорность шѣхъ, конни должно было пра-
вишь, приучили его къ убійствамъ. . . Тридцать
шестъ тысячъ головъ вало въ пяшь лѣшь его визир-
ства: и, если вѣрять Турецкимъ историкамъ, это
была жершва, сберегшая гораздо большее на-
ліяніе челоуческой крови.

Къ ссей эпохѣ относихся самый важнѣйшій
переворотъ въ судьбѣ Поршы. Она переспала
счипашъ себя самодержицей міра. Вмѣсто того
чшобы все рѣшашъ открышою силою, какъ
дѣлалось прежде, она прибѣгла къ хитросшямъ и
дипломатіи. Такъ посшупаюшь всѣ державы, кои
падаюшь и желаюшь смягчишь свое паденіе. Пор-
ша промѣнила роль льва на роль лисицы и мало
по малу привыкла лавировашъ; она спала упо-
шребляшь сшурокъ и ядъ для своихъ мяшежныхъ
вассаловъ, вмѣсто того чшобы посылашь противъ
нихъ, какъ прежде, грозныхъ арміи. Наконецъ она
досшигла до крайней спшеня внушрешняго раз-
слабленія, до маразма, кошорый съ шрудомъ мо-
жешь бышь разсвѣтъ всею энергіею Султана
Махмуда. Побѣды и завоеванія имѣюшь въ себѣ
волшебство, усугубляющее силу народовъ: горе,
когда они разочаруюшь и потеряюшь увѣрен-
ность въ своей непобѣдимости!

Нельзя довольно надивиться Султану Махмуду: шронъ, на который онъ вступилъ, окруженъ былъ опасностями и бѣдствіями, въ минуту какъ онъ возлагалъ вѣнецъ на главу свою. Обыкновенная душа не выдержала бы такого снѣженія крайностей! Здѣсь Вихабиты, завоеватели Сиріи, Аравіи, Святаго Гроба; шамъ озмушнвшійся Багдадъ; на Сѣверъ, Россія покрывающая своими войсками Дунай и Кубань; на Западъ, Австрія раздувающая пламя мятежа въ Босніи и Сербіи; наконецъ старый Янинскій пиръ, општоргающій опъ владычества Општоманскаго Албанію и Юническіе ошрова. Все сіе не успрашило Махмуда: онъ защищался какъ левъ, окруженный ловцами, прорывающійся сквозь струны, имъ самимъ взгроможденные. Внутри, сосшоаніе Турціи не болѣе представлало надежды; общеошвенная довѣренность была пошрясена, *кавна пуста; нивамъ - джезидъ*, новая армія, уничтожена; корпусъ яничаръ буйшвовалъ; улемы ождали только благоприятной минуты, чтобы опшмстить Султану за уменьшеніе правъ духовенства; наконецъ Георгій Черный возмушалъ провинціи Падшаха цѣлыя провинціи, провинціи конхъ принужденъ онъ былъ собрать всѣ свои силы и послать всѣ свои войска. Такое положеніе было ужасно: но Махмудъ показалъ себя достойнымъ борющагося съ нимъ; всѣ преняшшвія были уничтожены; мятежные сапраны исчезли, какъ прахъ предъ лицомъ вѣтра; ихъ сокровища наполнили казну, общеошвенная довѣренность возродилась; большая часть внутреннихъ крамоль, раздиравшихъ государштво, укронилась

подъ грозной рукой Султана; наконецъ самыя дымчары были ею раздавлены.

Права, въкоторыя обшюишельскиа благопришшисшвовали Махмуду. До него, Ошманъ II, Мусшафа IV, Селимъ III и многіе другіе, дѣлали напрасно шже самыя покушенія: ихъ примѣръ былъ для него полевенъ. Онъ набѣжалъ камней, о кошорые сокрушились ихъ замыслы. Главныя Европейскія державы были слишкомъ заняты великою борбюю Наполеона съ Англіею и пошомъ съ Россіею, шакъ что не могли мѣшати Султану въ исполненіи его намѣреній. Онъ не упустилъ изъ рукъ такую благоприятнаго шченія обшюишельскиа и, воспользовавшись счащливою минушкою, сокрушилъ однимъ ударомъ шпанокрашю, поды шгомъ коей принужденны были склониться воъ его предшешвенники. Можешъ бышь онъ не успѣлъ бы къ шому, еслибъ фанатизмъ Мусульманъ сохранилъ прежнюю свою силу. Но Медина и Мекка, священныя города, были осквернены побѣдоноснымъ присутеніемъ Вахабишювъ; Мусульманская Индіа принадлежала Англіи; самая Персія признавала власшь невѣрныхъ; надобно было, чтообъ и Османлисы сознали наконецъ свое паденіе и возможность бышь побѣжденными. Ихъ религіозный энтузіазмъ, превращаясь въ привычку, потерялъ свою силу. Между шѣмъ, посреди сихъ смущъ, народное суевѣріе отраждало дни Махмуда. По древнему преданію, смерть послѣдняго Халифа должна бышь предвѣштемъ совершеннаго паденія Ошшманской Имперіи. Будучи вмѣстѣ Халифомъ и Султаномъ, Махмудъ послѣдній изъ своего поколѣнія, могъ

безопасно опивавашься на все: магическая броня, въ кошорую облакала его суевѣрїе подданныхъ, охраняла оиъ всѣхъ покущенїй его жизнь. Посему-шо, на другой день послѣ истребленїя Янычаръ, когда всѣ сердца Мусульманъ шрелешали оиъ яросни и дышали свирѣною мещью, оиъ одинъ, безъ страха, вѣдаль по улицамъ Конштантиннополя. Самъ муфти, духовный глава Османлисовъ, не смѣль ошказашь ему въ фешѣ, кошорая, благословляя истребленїе янычаръ, шѣмъ самымъ оконывала навсегда власшь духовенства.

Какъ бы шо ни было, явно, что личный характеръ Мугаммеда ешь важнѣйшая и едва ли не единственная опора его шрона. Окруженный врагами и измѣнниками, оиъ споншлъ еще бодро и мужественно. Оиъ спарасешя привншь прощѣненїе къ ушлomu шию Исламизма: и эшо ешь важное ручательство для будущности Оттоманской Имперїи. Если опасности разрушенїя угрожають ей со всѣхъ споронъ, если только снисходительность Европейскихъ Государей дозволяетъ ей продолжитъ свое дряхлое существованїе, шо философъ не слишкомъ долженъ ошомъ въздыхашь и сѣновашь. Сн руины могутъ възсоздаться силою прощѣненїя для новаго, кыснаго существованїя. Можешъ бышь Греческїй крестъ, снющїй на башняхъ Кремля, засверкаетъ на минаретахъ Царя-Града . . . И кто знаетъ, не суждено ли древней Византїи сдѣлаться новымъ средоточїемъ цивилизаціи; не возродншь ли къ новой жизни Восшокъ, споль долго дремавшїй въ шоржешвенномъ бездѣйствїи Исламизма; не возгордадшь ли берега Нила въ другой разъ сво-

побужденіяхъ оныхъ я не хочу отдаватьъ опчета предъ читающей вашъ журналъ публикой! Да будетъ! шакъ я сказалъ самому себѣ — и исполняю...

Философія, о которой столько говорено и писано отъ начала общественнаго образованія въ подлунномъ мірѣ, естъ по видимому предметъ испертый; но если размыслишь, шо не спашешь силъ, разумнѣй, скажешь о немъ удовлетворительно, опчепливо. Мы раждаемся съ любовью къ философіи; зародышъ любви сей отъ первыхъ дней опрочеснва прозабаешь въ лонѣ души нашей, развиваешь съ лѣтами и наконецъ спановишься произрасненіемъ, приносящимъ цвѣшны и плоды. Счастливы шѣ способности, въ коихъ зерно сіе развиваешь свѣшъ ученія я шеплоша чувшва, поддерживаемая правилами религіи и нравшвенности!

Умъ, какъ высшая способность въ человекѣ, говорили и шеперь говорятъ, долженъ занимашься философіею, или лучше скажешь философія естъ наука ума. Такое положеніе, при первомъ обзорѣ его, спановишься ложнымъ. Чшо шакое умъ, чшо шакое философія — спросимъ самихъ себя. На первое будемъ опшвчашь: умъ естъ субъектъ — способность подлежащельная, обнимающая связи и опношенія предметовъ къ намъ и къ природѣ, споль разнообразной въ своихъ явленіяхъ; на вшорое — философія естъ наука, вѣшъ — не наука, скажемъ — а знаніе, любви къ мудрости. Теперь разрѣшились наши сомнѣнія — приписывашь исключишельное занятіе философіею разсудку; шеперь видимъ, съ какой шочкой дол-

жны смолити на науку природы, и чѣмъ она спстановилась для человека, если ею занимаешься одинъ умъ. Знаніе, знаніе — ешь альфа и омега всей проблемы философіи. Чшо же ешь знаніе? . . . Знаніе ешь живое присвоеніе истины, спалцихся въ природѣ, человекомъ снимающимъ покровъ съ ея лица. Жизнь ея возбуждается не умомъ, не чувствомъ; а чувство находишься въ истинной связи съ жизнью — съ духомъ. Теперь можно ли ограничить предметъ занятій философіи однимъ дѣйствіемъ ума — знаніемъ вѣшнимъ, которое въ немъ, какъ мершвое плѣло, лежишь до времени воскрешенія, какъ бездѣшная плѣнь, ждешъ жизненнаго свѣща — чувство, воодушевления? . . . Какую великую картину предспавляешь намъ мѣръ древней Греціи, спраны мудрости и свѣтлосной истины! Чшо жъ мы видишь въ трудахъ великихъ сполповъ ея философіи, избранныхъ чщцовъ книги природы? Одну живую любовь къ знанію, истинѣ, которая спещилась, какъ неспгараемый пламень на жершвенникѣ всемирнаго просвѣщенія человечества, коему принесла ея спрана споль удивительную дань. Но замолчу, не спану смолити на ея уклоненія отъ любви, отъ убѣжденія, отъ сего фараеса, который свѣщель споль удивительнымъ свѣтомъ Пинеаграмъ, Платонамъ, когда истину свою проводили они сквозь лабиринтъ заблуждений, скрѣплал союзъ ея съ жизнью, вышесказаннымъ убѣжденіемъ. Не скажу ничего о Платонѣ; кто не знаешъ, чему въ немъ должно удивляться? . . .

Теперь философія предспавляется намъ, какъ наука. Признавъ все, чшо въ ней ешь свѣ-

шаго, опшвергаемъ унижающее ее названіе науки, кошорое ей приписывали споль долгое время, разрушая снмъ великое и спройное ея бышіе въ чловѣчествѣ. Гдѣ и какъ научаемся мы философіи?.. Не ужели изъ шѣхъ школьныхъ выводовъ и раздробленія условныхъ формъ мышленія, кои запечаташлнмъ опшврашишельною фнзноміею схоластики, шпемъ окодоуміа, въ кошоромъ находили люди любимое свое занятіе? Не ужели въ шѣхъ оекшахъ и направленіяхъ ума, коими чловѣкъ бредилъ, предавался крайностямъ идеализма, или нисходилъ къ униженію духа, ругаясь безсовѣстно свяшннею души, чувствомъ, коего не умѣлъ пробудить въ самомъ себѣ, чшобъ вѣрнѣ оцѣнншь униженную нмъ до шакой спелени природу? Нѣшть, не шамъ мы научаемся философіи. Мы раскрываемъ книгу природы, книгу чловѣчества; и чпшаемъ письма нхъ съ пламеннымъ желаніемъ научншся, познашь себя и угадашь опшошеніе свое къ міру. Но свашокъ природы довольно ясно опскрытъ, обьясненъ предъ нами, лежншь, какъ солнечный лучъ на свѣшломъ облакѣ, коего чпшая капля дожда разложила на семь радужныхъ цвѣшновъ. Призма наукъ, кошорую споль шерѣшливо вооружалось чловѣчество, разложила природу въ нашей подлешашельной способности на семь радужныхъ цвѣшновъ, на семь шайнѣ бышіа, кои были заповѣднымъ плодомъ для временъ древности, и шпоть шполько не видишь оныхъ, чѣе духовное око ославлено мракомъ невѣжества, или прищуплено болѣзненнымъ оостояніемъ души. Родъ чловѣчскій опшь первыхъ пошынокъ, чшо дѣлается внѣ насъ,

до высокихъ сближеній опыта съ умозрѣніемъ, которое шагъ счастливо совершилъ философствующій въкъ нашъ, шрудился надъ разрѣшеніемъ великой задачи бытія. Естественное познѣйшихъ временъ помогло ему выпустаться изъ сѣней заблужденія, крайностей, которыми онъ зашрудялъ себя съ холоднымъ напряженіемъ, обращая науку жизни въ искусство, свѣтлымъ предшавленіямъ истиннымъ въ темные доводы разума; вопреки своей природѣ не желая покориться опыту, не желая сознаться въ слабости, ограниченности силъ своихъ. Теперь назовише философію наукой; дайше ей въ удѣлъ нѣ жалкія формы, коими шагъ безщадно издѣвались надъ высокою природою ума; по лжеумствование, которое находило удовольствіе вооружаться орудіемъ сапирь и діалектики; шу безцвѣтную схоластику, которая, какъ яркая заплаша, блестящъ на царской порфирѣ философіи, убранной многими въками! Чѣмъ вамъ предшавишя философія?.. Сухую коркою, которой едвали достанешъ для дневнаго пропитанія ума, алчущаго знанія! Божественная дщерь неба, свящости которой и цѣломудрію сооружались въ древности алшари, будешъ жалкою дщерію искусства, которой изъ сожалѣнія вы принесете дань безплоднаго удивленія. Вошъ вамъ наука философія!..

Теперь посмотришъ на философію, какъ на занятіе, основанное на знаніи живомъ, чувственномъ природы и человѣка. Удовлешворишъ ли сіе знаніе строгому требованію нашему о познѣи философіи?... Безъ сомнѣнія. — Знаніе, какъ мы сказали выше, ешъ живое открытіе, пере-

воду шайнѣ природы въ умъ нашъ. Гдѣжь, скажушъ намъ здѣсь чувствіе, гдѣ любовь, гдѣ убѣжденіе?.. Оно заперто, заключено въ силахъ познавательной способности нашей, раздражающейся отъ малѣйшаго впечатлѣнія предметовъ на ея внутренней сторонѣ, огнемъ любознания, въ которомъ есть любовь, убѣжденіе, теплошя чувства, коего духовную жизнь, подобно жизни спихійной, земной, можно разложить на шѣже элементш бышя, на кои разлагаемъ жизнь шѣлесную, земную. Вотъ великой процессъ любознания, камень коего мы положили въ основаніе философіи! Выводы ясны и очевидны!

Теперь попробуйте объединить, обобщить великую массу знаній о природѣ и челошкѣ единою связью, полною и стройною системою, которая бы развилась во всѣхъ ея частностяхъ, во всѣхъ дѣленіяхъ подробно, удовлетворительно для времени, для вѣка, въ коемъ живете вы, шрудитесь? Трудъ бесполезный, ненужный, ушрашающій при первомъ приступѣ къ оному невозможности исполненія, великимъ начинаніемъ, поселяющимъ въ души неоправданную безнадежность выполнить, привести къ окончанію предпріятія, которое казалось вначалѣ столь обольстительнымъ и сладкимъ. Ариадниной нити не будетъ для васъ въ сихъ бесплодныхъ исканіяхъ, въ приведеніяхъ частностей къ единству, шерляющемуся въ недостижимомъ единствѣ идеи философіи, какъ шерляется малый и едва прижженный лучъ неподвижной звѣзды, въ океанѣ звѣздномъ! Гдѣжь науки, системы философскія? Чшо делаемъ съ шрудами великихъ мыслишелей, кои грудью

пробивали дорогу въ темной области знаній?.. Труды сія суть живыя доказательства бесплодныхъ усилій ума создать для философіи систему, представивъ ее въ видѣ науки. Не шамъ ли черпали они свѣтъ для своихъ изысканій, гдѣ мудрошь человѣческая сознается въ своей слабости? Не изъ источника ли жизни вѣчной, хотѣли они извести живительную струю знаній, для коего нѣтъ видимыхъ облеченій, ни формъ, кошорый самъ для себя форма и образецъ?...

Ипакъ нѣтъ системы для философіи! Скажемъ болѣе, бытъ не можешь. Сооруженный, многими вѣками, многими вѣрованіями храмъ ея, представляешь, съ перваго взгляда на оный, странное, безформное созданіе, неимѣющее цѣлости. Только въ частяхъ его, носящихъ образъ духа народнаго, гдѣ оныя созидались, мы видимъ шу высокую и удивляющую стройность, коей приносимъ невольныя дани удивленія. Тамъ, на граничныхъ, современныхъ вѣчности капшеляхъ, чинаемъ высокое выраженіе миеовъ Индіи и Египша; шамъ въ поршикахъ, периспилахъ, украшенныхъ чудною рѣзбкою ума искусническаго, видимъ шипшвенную иронию и софизмъ Греціи, удивляемъ легкому, игривому вымыслу вѣрелигіи. Теперь посмотрише на испещренную различными символами и гіероглифами мысли наружность его?.. Чудное многообразіе! и во всемъ сіяетъ мысль высокая, поэшическая, какъ блискаетъ ранняя звѣзда на утреннемъ небѣ! Это молодость, зашѣйливость воображенія, любившаго играть легко-вѣріемъ современниковъ, запушывашъ, завлекашъ

пыпливось ихъ ума въ тайны созданія, коихъ не умѣли они разгадать, удивляясь имъ въ простотѣ сердца. Таковъ характеръ этой первосозданной философіи, которая въ образахъ, въ олицетвореніяхъ своей родотворной силы ума, умѣла обаявать современное человѣчество чудною перспективою удивительныхъ созданій. Спонсиръ ли теперь иронія почитаніе въ Египтѣ живописныхъ и расписныхъ?.. Удивленіе наше безъ границъ, когда намъ открываютъ тайный смыслъ сихъ чудныхъ поклоненій умнаго народа! Но, мы слишкомъ удалились отъ систематическаго созданія философіи. Еще слово о невозможности называть ее наукою.

Слѣдуя за постепеннымъ развитіемъ ея идеи у просвѣщенныхъ народовъ, сравнивши массу ихъ поэтическихъ вѣрованій и созданій съ храмомъ, не ясноли видимъ, что сіи грезы безъ основанія, какъ ихъ называли долгое время, суть созданія поэтическія, высокія помыслы души, сливавшейся въ жару своихъ ясновиднѣйшій съ мыслию природы, ея живыхъ оплечашленій, сохранившихся въ словѣ и символѣ, коихъ бышіе споль свѣже, споль цвѣтуще, какъ создававшая ихъ природа! Теперь прослѣдите мыслию сію цвѣточную вазъ помысловъ несозрѣвшаго человѣчества отъ начала невѣстности историческихъ памятниковъ до позднѣйшаго времени, вы увидите, чѣмъ замыкается эта великая цѣпь умствованій человѣческихъ и гдѣ должно искать ключа къ ея возвышеннымъ тайнствамъ. Рѣшительнаго единства не найдется: есть единство въ разнообразіи — есть одно только знаніе — то, о которомъ мы вы-

ше говорили, и которе не можеть быть удѣломъ философіи - науки. Спруи жизни, кашившія ся такъ шихо, такъ сладосшно по рѣкѣ забвенія, за которую Греки провожали усопшихъ своихъ опшельниковъ изъ міра, не возвращающа къ испоку ихъ; но сольютъ живишельныя воды свои съ океаномъ время, гдѣ сіяніе ихъ обозначиша опшличною физиогномією народности. Таковы философскія системы древнихъ, коимъ давашь систему науки безразсудно.

Мы сходимъ по лѣствицѣ любомудрія къ истинному значенію онаго въ наше время, къ смыслу таинственныхъ словъ, кои разгадываешь ушомился родъ человѣческой еще въ колыбельныя лѣта его возраста, когда не было положительныхъ знаній о природѣ и человѣкѣ, когда они устлановлялись на вѣсахъ разсудка сомнѣвающагося, блуждающаго по темнымъ путямъ къ свѣтлому знанію. Смысль сего слова, сего Тримурши Индійскихъ мудрецовъ, чистаго повѣщческаго шворенія, мы освятили другимъ словомъ, другою шройственностью жизни, которая безъ шайнъ умошлвія объясняешся очень понятно для нашего времени. Чшожь эша за шройственность жизни! Эшо знанія о природѣ и человѣчествѣ! — Швишокъ первой развиваешъ предъ глазами нашими Ешестшвознаніе: послѣдній — Кришика и Ишорія. Съ помощью сихъ свѣшилъ, мы не заблудимся въ лабириншѣ умшшвованій, коимъ скоро - скоро дадушъ смѣшную спорону шривіальности. Тогда прощайше Кришики Чистаго Разума, Идеологіи, Метафизики, шщепныя шловопренія, гдѣ бѣдный ушомленный умъ человѣче-

скій испощался безъ поддержки, безъ оживленія какъ заведенная машина работавшихъ безплодно для холодно дѣйствующаго шруды ея времени. Чшо жт это?.. Жалкая и достойная плача участь швод, свѣсило неиспощимое!.. Ты должно было уклониться отъ свѣшлыхъ созданий швоей родошворной силы въ мрачную беанадежную юдоль жизни, гдѣ не кому было оплакивать порожденій швоихъ, сихъ сиротъ безпріюшныхъ, коихъ человечество не приняло въ семейство свое!.. Создайте, народы современные, шрімѣе нашему поколѣнію за искупленіе васъ отъ нечистоты грѣховной заблужденія, отъ споровъ безплодныхъ и неиспощимыхъ, въ коихъ можете быть и до сихъ поръ шупился бы умъ вашъ. Преклоните колѣна предъ первымъ, положившимъ камень въ основаніи храма естествознанія! Давноли вы спорили о пользѣ и вредѣ наукъ, о началѣ и происхожденіи зла, давно ли геній вашъ испощался на то, чшобъ сославить изъ двухъ единицъ шри, спавилъ легковѣрныхъ задомъ къ востоку и указывалъ на восходящее солнце!.. Безмысленные! вы оросили побшомъ своимъ громады фоліаншотъ, надъ сославленіемъ коихъ шрудились многіе годы: и какоежъ возмездіе получаетъ шрудъ вашъ, оцѣненный достойно вашимъ поколѣніемъ? — Самое ничшожное: одну лепшу удивленія не дарованію вашему, но шрудолюбію, заспавливавшему двигатся печашные спанки на пагубу и вредъ ихъ производителей!.. Довольно о шрудахъ вашихъ.

Обратимся къ вашему естеству: сдѣлаемъ его любимымъ предметомъ нашихъ изысканій; будемъ лучше говорить о шомъ, чшо два и одинъ

соотвѣствуетъ при, нежели утверждать прошивное. Надобноже пищи философіи; она, говорящъ намъ, живетъ сомнѣніемъ; если поддержи-ваете оное внутренняя сила жизни, тогда сомнѣніе сіе становится не гипотезою, но свѣдѣ- дою истиною, которую красить не трудъ, а дарованіе. Но мы такъ смѣшаемъ поэзію и философію, скажутъ намъ. Нѣтъ, смѣшенія сего нѣтъ въ идеѣ; пусть наружная форма, которую шеперь ошвоевали себѣ въ удѣлъ жалкіа на- ши науки, различаетъ ихъ; мы шу и дру- гую выводимъ изъ одного источника жизни; не называя ихъ науками, проспираемъ ихъ влі- діе на жизнь человѣческую, на общество и многоплодную его дѣятельность. Мы готовы да- же находить ихъ въ станкѣ ремесленномъ, если въ ономъ дѣлается нѣжная шкань для украше- нія нѣгой дышущей красоты жемской, убран- ной въ угожденіе нашему вкусу и времени! Вѣкъ нашъ не безумно изыщной формѣ жертвуетъ всѣмъ избыткомъ внутренней своей жизни, чшобъ умощить наслажденіе ею, чшобъ приготошить, шакъ сказашъ, насъ къ приващію яда, усыпля- ющаго на нѣкоторое время чувства наши! Вотъ ключъ къ шаннствамъ нашего романшическаго направленія!..

Теперь, мы узнали нашу любовь, нашу склонность къ дѣйствительности, къ веществен- ности, къ сему естеству, движущему общество, къ живому капиталу, которой пушаетъ въ обо- ротъ умъ, разчиывая вѣрную прибыль и вы- игрышъ ошъ времени. Такая спекуляція погубитъ, скажутъ мнѣ, философію, испребитъ сѣмена ея

въ душѣ, рожденной высоко мыслишь и чувствовашь. Нѣтъ, она ошкроешъ такому дарованію большій кругъ дѣятельности; она укажетъ ему на насипящую почку его возвышенности надъ посредственностію, и, подчинивъ средства, удачу временную оригинальности, упрочитъ за нимъ безсмертіе. Въ самомъ дѣлѣ, посмотришь на два вѣка, сполціе одинъ подлѣ другаго, на два вѣка, говорю: на нашъ и ему предшествовавшій, сравнимъ успѣхи людей съ дарованіями того и другаго, мы найдемъ удивительную разность въ правахъ ихъ на безсмертіе, на память пошопства. Великій двигатель умовъ современныхъ, Вольперъ, покажетъ намъ менѣе обыкновеннаго дарованія въ наше время! Причина очевидная!... Чшо замечашъ эти гигантскія предпріятія, многообъемлющія знанія, наводнявшія ученость прошедшаго столѣтія, безъ свѣта кришника, безъ духа общности, безъ относительной важности къ общественному развитію? Пустыя мѣлочныя занятія, коимъ не будутъ удивляться въ наше время и дѣши; пошребности общеспвенная даешъ сама себя чувствовашь. Возвыситъ ученость безъ надобности до мелкихъ раздробленій, значитъ шожь, чшо подыитъ малорослаго челоуѣка на ходули и называшъ его великаномъ. Педантамъ смѣются и въ обществѣ и въ мірѣ наукъ; они смѣшны шѣмъ болѣе, чшо желаютъ заславашъ удивляться поддѣльнымъ ихъ дарованіямъ.

Вошъ преимущество вѣка нашего! Чшоуж скажемъ о его философіи? О ней можно сказать весьма много и весьма мало. Теперь итъшъ ея школы; не существующъ ея секшаторы, оными сдѣ-

лались всё мы, покорившись духу времени. Выигрываютъ ли чрезъ сіе искусства и науки? О, весьма много. Безпрестанные примѣры доказываютъ, что значить теперь современный нашъ міръ искусствъ и наукъ. Мы дошли до Иракловыхъ сполбовъ и не знаемъ, чѣмъ будемъ удивлять, занимаемъ пошомки современниковъ! Развѣ воспламенился новая искра жизни въ пустыняхъ, куда не проникъ свѣтъ обществянаго образованія; развѣ на пеплѣ великихъ нашихъ памятниковъ, разрушенныхъ временемъ, вырослетъ новое древо жизни и упишаетъ плодами родъ человѣческій!..

Здѣсь невольно должно сознаться въ слабости нашего времени: раздробляешь, дѣлишь частности въ наукахъ и искусствахъ. Зло неизбежное, но сего надобно было ожидать отъ жадности умовъ, принявшихъ подъ свой покровъ такой образъ понятій. Онъ неживъ въ своей сущности; но вреденъ, пагубенъ для цѣлости, единства, формы изящнаго, для усобности наукъ въ небольшомъ кругѣ ихъ дѣятельности! Мы съ жалостию смотрѣли на сіе смѣшеніе родовъ съ видами, частей съ цѣлымъ въ знаніяхъ нашихъ; пугаемся простѣйшей формы, системы, не желая задавить ими малую пеплошу чувства въ душѣ своевольной. Кто не видитъ, чѣмъ грозитъ сіе раздробленіе понятій эмпирическихъ? Частности, въ коихъ перелетя полноша и идея каждой отдѣльной системы знанія, разорвутъ, уничтожатъ границы ея, поставленные долговременнымъ опытомъ. Школы наши представлятъ тогда запустѣнія. Частное образованіе пошерлетъ отъ чего значительность свою, но за шо, сколько вы-

играетъ общественное! Сколько идей новыхъ, разнообразныхъ обогатишь умъ, созрѣвающій подъ вліяніемъ жизни общественной. Полноша знаній превзойдешь по потребности его. Ниже ли сподобишь наука сія науки школьной, коей съ шрудомъ и плачемъ научаемся мы, убивая силу души, не угадавъ истиннаго ея направленія! Таково слѣдствіе раздробленіе знаній, выходящихъ изъ границъ нашихъ наукъ и академическихъ курсовъ!

Заклучимъ теперъ съпованіемъ о недоспашкѣ жизненнаго одушевленія во всемъ кругѣ общественнаго развитія. Это не зло, но неизбежное слѣдствіе водворенія новыхъ понашій, новыхъ идей элеккшической, философіи нашей, коей очеркъ спарался я предспавишь въ письмѣ моемъ.

Я знаю, М. Г., рѣдкіе изъ любителей мудрости согласяшсь приняшь положенія мои и выгоды о философіи; имъ предспавишсь спранность заключеній моихъ о послѣдовашельномъ ея измѣненіи въ умахъ новаго поколѣнія. Но это такъ! Я скажу это смѣло, и вызываю на соспзаніе защипниковъ ея неповрежденныхъ исплинъ. Пусть являшсь они въ извѣспное время и мѣсто: па родемъ нашимъ будешъ *VERITAS!*...

В. Пирцовъ.

Черниговъ.

1853.

Ноября 15.

VI.

С М Ъ С Ъ .

НОВАЯ ДРАМА ВИКТОРА - ГЮГО,

Извѣстно, что неушомимый В. Гюго обогатилъ Французскую сцену новымъ созданіемъ, называющимся по имени своей главной героини: *Марія-Тюдоръ*. Выписываемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ кришики Гусшава Планша на сіе произведение, кришики помѣщенной въ одномъ изъ лучшихъ Французскихъ журналовъ :

„*Марія-Тюдоръ* есть уже шестой драматической опытъ Гюго. И мы теперь также, упорно, какъ за шесть лѣтъ предъ симъ, стоимъ въ увѣренности, что театръ для него не годится. Нашему повѣшу мало нужды до того, что онъ изображаетъ: Францію, Испанію, Англію или Италію, въ XVI или въ XVII вѣкѣ. Онъ выбираетъ въ прошедшемъ какое-нибудь звучное и яркое имя, точно такъ какъ женщина выбираетъ себѣ матерію для плашня, смотря по оштивамъ и складкамъ, къ коимъ она способна: и симъ ограничивается все, что заимствуеетъ онъ у исторіи. Ему нѣтъ заботы, полны ли изображаемыя имъ событія, развернушы ли въ нихъ характеры. Лица, находящіяся у лѣшописцевъ, онъ замѣняетъ, по своимъ прихотлямъ, актерами, совершенно неожиданными, кои не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о шѣхъ, чье имя носятъ.“

„Сіе добровольно оказываемое пренебреженіе къ исторіи моглобы быть еще названо кришикой, еслибы поэтъ, не уважая истины относи-

шельной, мѣсиной, преходящей, возвышался мыслию до той вѣчной, непреложной, всеобщей истины, кошорая господствуетъ надъ всеми географіями и всеми исторіями; еслибъ, вмѣсто дочери Александра VI или соперника Франциска I, предсказавилъ намъ по крайней мѣрѣ идеалъ распушмой Герцогини или развращаюаго Короля XVI вѣка. Совсѣмъ напрошивъ: пренебреженіе истины опносительной, кажется, замиѣаешь для него и вѣчную истину. По мѣрѣ шого, какъ онъ пренебрегаешь изученіемъ народовъ, умъ его какъ будто спановишся неспособиѣ понимать людей. Ему кажется, что превосходныя способности, полученныя имъ отъ природы, богатство остѣпительныхъ картинъ, яркая игра аншисезъ, забавляющъ его отъ всякой другой работы“..

„Во время *Лажныхъ Довѣренности* (*Fausser Confidences*) можно было сказать, что искусство манерншя; на другой день послѣ предсказавленія *Маріи-Тюдоръ* должно признашся, что искусство гибнешъ. Ибо комедія Мариво сушь образцы истины въ сравненіи съ драмами Викшора Гюго. Маркнзы XVII вѣка, съ своими мушкани и фижманн, имѣли по крайней мѣрѣ сердце, способное къ горячей любви и къ искренней ненавнши. *Марія Тюдоръ* и *Лукреція Борджіа* не принадлежишъ ни къ какому роду.“

Разумѣешя, должно подождать самой пѣсы, чтобы рѣшишъ, справедливъ ли споль жестокой приговоръ корнфею современной Французской драматургн.

О ЛЕЖДОЛАХЪ УСЛАДЪ И ЗИМЦЕРЛЪ.

У Нестора сказано : „ И нача книжиши Володиміръ въ Кіевѣ единѣ , и посшави кумирь на холмѣ внѣ двора шеремнаго, Перуна древана , а глава ему серебряна , а усѣ золотѣ (или усѣ златѣ) и Корса и Дажбу Бога и Спсрибу Бога и *Семарела* и Мокошѣ “

Въ Мавроурбинѣ , на стр. 74 , слова Нестора являюся уже переобразованными , въ слѣдующемъ видѣ : „Владиміръ . . . ввелъ пакѣ въ Кіевѣ идолослуженіе и болванопочщеніе , ихъ же имяа , Перунъ съ главою серебряною , *Усладѣ* , Корса , Давна , Спсребра , *Зимцерла* , Макошѣ “

Кшо не узнаешъ въ Усладѣ — Усѣ-Златѣ , а въ Зимцерлѣ — Семаргла ?

Такимъ образомъ *Усѣ-Златѣ* Перуновъ и *Семарела* , побывши , по милоспи изступленнаго Славянофила Мавроурбина , въ Италіи , возвращаюся прямо съ карнавала въ свое отечество подъ именами *Услава* и *Зимцерлы* , въ личинахъ Славянскихъ Боговъ , въ маскерадномъ плашѣ . *Усладѣ* , какъ юный богъ пировъ , *услаждающій людей* , веселый и опьянѣлый , въ хмѣлевомъ вѣнѣ , съ ковшемъ въ рукѣ , приплясываетъ ; а *Зимцерла* , во всей красотѣ Майскаго ушра и весны , въ легкобѣломъ Русскомъ

плащъ, съ шиповымъ вѣнкомъ на головѣ, всѣ въ цѣвѣхъ и цѣвѣхами переполсана а).

Добрый Русскій народъ радъ имъ, принимаетъ ихъ съ распрощершими объятіями, и, при крикахъ ура! вводитъ въ свою божницу, и приноситъ имъ жертвы, и молится имъ, и воспѣваетъ ихъ, и очень счастливъ; что наконецъ обшылся богъ Русскаго разливаннаго моря.

Добрые Русскіе люди! дѣло чистое и ясно: нечего больше доказывать. Тащите же окаймленныхъ лже-боговъ вонъ изъ божницы своей, привязывайте къ конскому хвосту, размыкайте по полю! — или — каменъ на шею, да въ воду ихъ! Кричите: *много пыли и ли, плывите уже проге!* Вальтманъ.

а) Смѣтри: *Абессу Русскихъ Суеврій, Опытъ о Славянской Мифологіи Кайсера, Предметы для Художниковъ* А. Писарева, *Храмъ Славы Россіи*мъ Львова, и пр. и пр. „Осладъ, Усладъ — отъ слова „усладить“, былъ богомъ пировація. Идолъ его, гово-
рящъ Кайсеровъ, принадлежалъ къ числу идоловъ, конкъ „Владиміръ I поставилъ въ Кіевѣ и потомъ уничтожилъ.“ — Slavin Добровскаго.

— * * * * *

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 9 го для 1833 года.

Ценсоръ Алексій Болдыревъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ИЗЫЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

	Страж.
Оборошень. Беррійское Предяніе. (<i>М.</i> <i>Вибліофіла</i>) - - - - -	67
Эгонизмъ. Русская Быль (<i>М.</i>) - -	169,487
Ошрывокъ изъ Романа: Аскольдова Мо- гила. (<i>М. Н. Загоскина</i>). - - -	169
Кавказскія Каршины. Изъ Записокъ Очевидца. (<i>Н. Пауля</i>) - -	321,511

НАУКИ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ.

О вліяніи Коменъ на землю и ея жи- телей. (<i>Сшапья I</i>) - - - - -	354
--	-----

ПОЛІТИЧЕСКІЯ.

О предметахъ и Наспоющемъ Состоя- ніи Полишической Экономіи. (<i>В.</i> <i>П. Андросова</i>). - - -	1,129,269,421.
---	----------------

ИСТОРИЯ.

Обозрѣніе Поршугальской Ліперату- ры. - - - - -	67,187-
Взглядъ на наспоющее состояніе и бу- дущность Ошпоманской Имперіи. -	528

СОВРЕМЕННЫЯ ЛЬТОПИСИ.

О нынѣшнемъ состояніи Италіанской Музыки. (Письмо Энпузіасша) -	80,212
--	--------

II

	Стр
Секша Фанзегаровъ въ Индіи - - -	111
Графъ и Альдерманъ. Англійскіе Права	249
Біографія Герцога Рейхшпадскаго. - -	397

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОИКИ :

Гофманъ. (<i>Кс. Марье</i>) - - - -	93
Гегель. (<i>Ам. Пресо</i>), - - - -	381

КРИТИКА.

Сказанія Князя Курбскаго. Часть I и II. (<i>М. П.</i>) - - - -	115
--	-----

СМѢСЬ.

Письмо къ Издателю Телескопа о Философiи. (<i>В. Перцева</i>). - - - -	
Географическое Раздѣленіе Животныхъ	120
Абботсфордъ, жилище В. Скотта. -	122
Черепословіе въ отношеніи къ Уголовному Судопроизводству. - - - -	367
Бальзакъ, Сю и Жакобъ-Библіопиль -	266
Движеніе промышленности въ Австраліи	415
Снапшопика Сумашествіа въ Англіи и Италіи. - - - -	416
Новая драма Виктора Гюго - - -	567
Олжецдолахъ Усладь и Зимцерль (<i>Велтмана</i>) - - - -	569

2. 13, 14, 15, 16
30 -

XIII-171

AP

50

T4

1833

no. 13-

16

